

Московский государственный университет  
имени М.В. Ломоносова  
Высшая школа перевода

**IV Международный научно-  
практический форум  
«Языки. Культуры. Перевод»**

03 –10 июля 2016 г.  
Материалы

Издательство «ФОРУМ»

2016

**УДК 81:001.32. 81:005.745**

**ББК 81; 71**

**IV Международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод».** 03–10 июля 2016 г. материалы: электронное издание. - М.: ООО «Издательство ФОРУМ». 2016. – 282 с.

**ISBN 978-5-00091-216-4**

В сборник включены материалы докладов, представленных на IV международном научно-практическом форуме молодых исследователей «Языки. Культуры. Перевод».

В опубликованных докладах освещаются различные аспекты общей теории, истории, методологии и дидактики перевода, а также теории художественного перевода. Ряд выступлений посвящен творчеству М.А. Булгакова и критическому анализу переводов его произведений на разные языки мира (к 125-летию со дня рождения). Традиционно в докладах рассматриваются также вопросы преподавания русского языка как иностранного и сравнительной культурологии. Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут, несомненно, полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-00091-216-4© ООО «Издательство ФОРУМ» - 2016 г.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ахмедова С.С.</i> Реалии в поэме Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате».....	5
<i>Багирли Э.</i> О роли принципа коммуникативной направленности.....	11
<i>Басова М.В.</i> Применение методологической концепции курса «История русской культуры» при работе с иностранными студентами высшей школы перевода.....	17
<i>Богоявленская Е. Д.</i> Лингвистические особенности перевода японских числительных.....	26
<i>Брызгалина Е.Д.</i> Использование информационных, телекоммуникационных и аудиовизуальных технологий в обучении русскому языку как иностранному на примере проекта «Устная история».....	37
<i>Волкова А.А.</i> Проблемы речевого планирования в современном радиодискурсе: от слов к культуре.....	43
<i>Воложанин И.Н.</i> Китайский язык в глобальной системе межязыковой коммуникации: новые тенденции и перспективы.....	51
<i>Волотова М. Г.</i> «Домострой» в контексте научных исследований: эволюция изучения памятника.....	62
<i>Голубева-Монаткина Н.И.</i> Об особенностях перевода фольклорных текстов.....	71
<i>Гончарова О.В.</i> Феномен творчества М.А. Булгакова - писателя-универсума: лингвориторический подход к возможностям интерпритаций русских реалий и образной системы героев в романе «Мастер и Маргарита».....	80
<i>Даниелянц - Дайляни С.Д.</i> Новые возможные подходы к преподаванию русского языка как иностранного.....	92
<i>Дашинимаева П.П., Балданова Б.А.</i> Авторская переводческая метатеория восприятия исходного текста.....	98
<i>Дун Юнчунь</i> Особенность китайской лексики, используемой молодежью в сети интернет.....	106
<i>Есенова Т.С., Есенова Г.Б.</i> Образ мужчины в русском и калмыцком языковом сознании (на материале пословиц).....	113
<i>Карданова Н.Б.</i> О некоторых особенностях дипломатической коммуникации между Петром Первым и Светлейшей республикой в 1716-20-х гг. через российского посланника в Венеции Петра Беклемишева.....	120
<i>Леоненкова Е. Д.</i> Прагматический аспект перевода эмоционально окрашенной лексики семантического поля «еда» (на материале повести «Собачье сердце» и романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова и их переводов на английский язык).....	139

<i>Мартынова М.А., Николенко Е.Ю.</i> Система работы с текстом М.А. Булгакова на первом сертификационном уровне РКИ с использованием фрагментов текста и экранизации романа.....	148
<i>Островская Н.В.</i> Морфологическая вариантность в современном русском языке как формальный показатель изменения грамматической системы .....	158
<i>Садыгова А. А.</i> Русская фразеология на уроках РКИ.....	166
<i>Семенов П.А.</i> К проблеме изучения залога в аспекте РКИ.....	173
<i>Сосницкая С.А.</i> Вклад российских просветителей в историю перевода.....	180
<i>Строковская Т.Е.</i> Обучение русскому языку для специальных целей в контексте межкультурных коммуникаций.....	188
<i>Суси М., Ангграени П.</i> Картин мира: русские и индонезийские антропонимы и их употребления .....	199
<i>Томашева И.В., Ковалева Е.П.</i> Цветовые мотивы в переводах рассказа М.А. Булгакова «Полотенце с петухом» на английский и испанский языки.....	208
<i>Фащанова С.В.</i> Языковая игра в радиодискурсе как инструмент эффективного речевого общения.....	216
<i>Федюнина И.Э.</i> Английские и русские идиомы, используемые в деловой коммуникации: лингвокультурная специфика и проблема межъязыковой эквивалентности.....	223
<i>Цай Х.</i> К вопросу о типологии китайских словарей.....	232
<i>Цхведиани И.Р., Ломтадзе Т.Р.</i> Художественный перевод как средство диалога культур...241	
<i>Цю Ш.</i> Теория и практика художественного перевода в Китае: новые тенденции в развитии научных дискуссий.....	248
<i>Чжан Чуньмяо</i> Переводческое сопровождение российского – китайского проекта ВСМ (высокоскоростной железнодорожной магистрали) .....	256
<i>Чуреева О.А., Абу Жад Анас Али Касем</i> Актуальные речеповеденческие этикетные формулы приветствия в русской и арабской культурах: герменевтический аспект.....	264

*Ахмедова С.С.*  
Азербайджанский государственный университет культуры и искусств  
г. Баку (Азербайджан)

*Akhmedova Sevinj Sabir*  
Azerbaijan State University of Culture and Art  
Baku (Azerbaijan)

## РЕАЛИИ В ПОЭМЕ Г. ЛОНГФЕЛЛО «ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ»

### THE REALIA IN THE POEM OF H. LONGFELLOW *SONG OF HIAWATH*

В статье говорится о реалиях в поэме Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате». Реалии - это предметы или явления материальной культуры, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках. Так же в статье говорится о болгарских переводчиках С. Влахове и С. Флорине, которые были первыми, кто проводил углубленное исследование реалий.

This article tells about the realia in the poem of H. Longfellow *Song of Hiawatha*. Realia are words and expressions of material culture, which usually haven't got lexical equivalents in other languages. Also in this article it is told about the Bulgarian translators S. Vlahov and S. Florin, who were the first to carry out detail study of realia.

**Ключевые слова:** реалии, семантика, поэма, культура, фольклор, обычай, обряд.

**Key words:** realities, semantics, poem, culture, folklore, custom, ceremony.

Слово «реалия» латинского происхождения, которым чаще всего обозначают материально существующие или существовавшие «предметы, вещи», хотя содержание, вкладываемое разными авторами в данное понятие, полностью в «материальность» и не укладывается. Правильнее будет понимать под данным понятием слова, словосочетания, носители колорита, конкретные, зримые элементы национального своеобразия [Томахин Г.Д., 1988, с.16].

О реалиях чаще всего речь заходит в работах, посвященных теории и практике перевода. И это вполне понятно, ибо именно они чаще всего ставят перед переводчиками трудные, а иногда и неразрешимые задачи. Если под реалиями понимать названия, присущих определенным нациям и народам предметов материальной культуры – от названий конкретных явлений и предметов до фольклорных героев, мифологических существ, - то они, не имея аналогов, соответствий в другом языке, относятся к безэквивалентной лексике и вынуждают переводчика в каждом конкретном случае искать пути донесения данного понятия до читателя переводящего языка. Реалии всегда соотносимы с конкретным народом, страной или исторической эпохой, что позволяет говорить о национальном или историческом колорите. Исходя из сказанного, можно утверждать, что реалии – это слова и

словосочетания, называющие явления и предметы, наличествующие у одного народа и отсутствующие у другого (других), вследствие чего неподдающиеся прямому переводу и требующие особого подхода.

Основной чертой реалии является ее национальная специфика, то, что она несет на себе приметы национального бытия, колорит. Именно реалии большей частью образуют национальный колорит, который можно считать «совокупностью характерных особенностей какой-либо нации, национальности, ее своеобразие, отраженное в произведениях искусства. В этом плане местный колорит – это характерные особенности данной местности; колорит эпохи, или исторический колорит – характерные особенности того или иного периода в истории народа. Следовательно, местный колорит и колорит эпохи являются компонентами национального колорита.

Некоторые исследователи относят реалии к разряду безэквивалентной лексики, утверждая, что они не подлежат переводу [Федоров А.В., 1958, с.18]. Однако реалия является частью исходного текста, поэтому ее передача в текст перевода является одним из условий адекватности перевода. Итак, вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести реалии, а к тому, как их переводить.

Вопрос о подаче и осмыслении реалий в тексте важен для переводчика, так как сохранение их в переводе в значительной мере обусловлено, с одной стороны, местом их в подлиннике и, соответственно, осмыслением автором, а с другой, — средствами, которые можно привлечь для сохранения реалии в переводе.

Болгарские исследователи С.Влахов и С.Флорин отмечают, что «Основных трудностей передачи реалий при переводе две: отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией.

Возможности перевода реалий, фактически встречающиеся в переводах, сводятся к четырем основным случаям: транслитерация или транскрипция, создание нового слова или словосочетания на основе уже существующих в переводящем языке элементов, уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, и гипонимический перевод (замена видового понятия на родовое).

Решение вопроса о выборе определенного приема при переводе реалии напрямую зависит от задачи, которая стоит перед переводчиком: сохранить колорит языковой единицы с возможным ущербом для семантики или передать значение реалии (если оно не известно), утратив при этом колорит.

Весьма примечательным по разнообразию и способам составления и подачи реалий является поэма крупнейшего американского поэта XIX века Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

50-е годы XIX века в истории американской литературы во многом примечательны. Именно в эти годы появляются произведения, знаменующие собой вершину американского романтизма и позволившие полностью данной литературе утвердиться как национально своеобразной, независимой, имеющей свое лицо – поэтику. Не только тематику и проблематику, но и ритмику, интонацию, поэтический язык и т.п. Наиболее известным американским поэтом того периода, и не только в самой Америке, но и за ее пределами, был Г. Лонгфелло. Именно в эти годы им было создано его по сей день наиболее известное произведение – «Песнь о Гайавате» - поэма оригинальная не только по тематике и жанру, но и по ритмической организации стиха. Это первый и наиболее успешный опыт создания крупного эпического произведения хореем на английском языке.

Поэма «Песнь о Гайавате» стала первым эпическим сказанием в американской литературе. Она создана на основе сказаний коренного населения Североамериканских Штатов. К созданию данного произведения Лонгфелло шел довольно долго. Если учесть, что первым напечатанным произведением поэта стало стихотворение об индейцах, то можно с полным правом утверждать, что к данной поэме поэт шел почти четверть века, собирая, изучая и обрабатывая отдельные, разрозненные, порой не связанные друг с другом сказания. В итоге получилось величественное и гуманистическое сказание об индейцах, об их материальном и духовном мире, в котором красной нитью проходит идея всеобщего мира. Герой поэмы – натура цельная, наделенная многими прекрасными чертами. Именно он является носителем идеи преодоления всяческой розни, отказа от распрей, войн. И естественно, автор для придания достоверности своему повествованию в поэме использовал довольно многочисленные и разнообразные реалии, которые по-своему уникальны: они с одной стороны конкретные реалии, использованные в конкретном произведении, а с другой даже в языке оригинала они требуют объяснений. И не случайно автор снабжает их пояснениями. Используя в своей поэме индейские реалии в изобилии поэт, проявив большое мастерство и применив почти все приемы перевода реалий, делает их доступными для англоязычного читателя. Тут и транскрибирование, и описательный перевод, то есть пояснения в самом тексте поэмы, что позволяет избегать дополнительных пояснений в сносках и другие приемы.

«Транскрибирование» – запись средствами данного национального алфавита непередаваемых иноязычных слов. Проблема транскрибирования возникает при передаче на письме иностранных личных имен, фамилий, географических названий и т.п.

Каждый язык имеет свой собственный фонетический состав. В произведении «Песнь о Гайавате» Лонгфелло употребляет большое количество транскрибированных индейских слов-реалий. Произношение и написание этих слов не характерно для носителей

английского языка. Написание слов с заглавной буквы и их непривычный для английского слуха звуковой состав в отдельных случаях дает понять читателю, что перед ним реалия.

Сначала приведем примеры чистого транскрибирования, так как автор не считает нужным давать объяснение или эквивалент в силу того, что эти реалии были объяснены в ранее написанных главах поэмы:

*Yenadizee; Oweenee; Mudjekeewis; Mohawks; Nawadaha; Hiawatha; Iagoo.*

Обратим внимание: такие звуки и буквосочетания как *-dji-*, *-ee-*, *-ai-*, *-awk-*, *-aha-*, *-ah-*, *-ia-*, *-djoo-* не характерны для английского языка, но близки по звучанию к исконным индейским названиям.

Приведем несколько примеров транскрибирования, которое сопровождается эквивалентом:

*Subbekashe, the spider*

*Kagh, hedgehog*

*Kayoshk, sea-gull*

*Keneu, eagle*

*Adjidaumo, the squirrel*

*Pishnekuh, the brant*

Буквосочетания *-ashe-*, *-agh-*, *-ashk-*, *-eu-*, *-umo-*, *-uh-* также не характерны для английского языка и не встречаются в словах английского происхождения.

Таким образом, мы видим, что многие индейские реалии в поэме воспроизводятся Лонгфелло в их исконном звучании, соответствующем ему английскому написанию, и непривычный фонетический состав слова помогает читателю определить, что перед ним реалия. Почти всегда транскрибированные реалии сопровождаются переводом с помощью эквивалентов или аналогов.

Благодаря описательному переводу Лонгфелло удается дать точную характеристику героев, воссоздать всю полноту и реальность обычаев и обрядов. К примеру, по следующим строкам читатель узнает, что Gitche Manito был Верховным Божеством, спустившимся на землю:

*Gitche Manito, the mighty*

*He the Master of Life, descending*

*(Там стоял Владыка Жизни,*

*Гитчи Манито могучий)*

*Gitche Manito, the mighty*

*The creator of the nations*

*(Гитчи Манито всесильный,*



*Сотворивший все народы)*

Лонгфелло с помощью описательного перевода раскрывает значение индейской реалии the Keneu, показывая читателю, что он был боевым орлом могучим, предводителем пернатых:

*And the noble Hiawatha  
Sang his war-song wild and woful  
And above him the war-eagle  
The Keneu, the great war-eagle,  
Master of all fowls with feathers,  
Screamed and hurtled through the heavens.*

*(Грозно песню боевую  
Пел отважный Гайавата;  
А над ним Киню могучий,  
Боевой орел могучий,  
Вождь пернатых, с диким криком  
В небесах кругами плавал)*

В этом отрывке автор описывает злобного волшебника, Духа Богатства, того, кого Пером Жемчужным называли все народы:

*Yonder dwells the great Pearl-Feather,  
Megissogwon, the Magician,  
Manito of Wealth and Wampum  
(Там живет волшебник злобный  
Меджисогвон, Дух Богатства,  
Тот, кого Пером Жемчужным  
Называют все народы...)* [Лонгфелло Г. 1976, с.39], [ Longfellow H.W., 1967, с.97]

Во всех вышеприведенных примерах Лонгфелло использует описательный перевод, раскрывая читателю значение реалии, в точности поясняя ее.

В рассмотренных нами отрывках автор сочетает реалии двух типов: транскрибированные реалии и английские слова, которые мы также вправе считать описательными индейскими реалиями, так как они описывают обычаи, свойственные только индейскому народу.

Список индейских реалий в их индейской звуковой форме, приведенный в конце поэмы, включает свыше двухсот слов, но в действительности их значительно больше, потому что многие реалии из области флоры и фауны, климата, явлений природы, обобщающих названий ландшафта выражены автором английскими словами. От этого они не перестают

быть реалиями, потому что, например, названия времен года, данные в их индейской звуковой форме, как правило, снабжены английским переводом.

Из рассмотренных примеров можно сделать вывод о том, что Лонгфелло выбрал, на наш взгляд, самые оптимальные способы представления индейских реалий: транскрибирование, транскрибирование и эквивалент, описание, и практически ни одна из реалий не осталась необъясненной, что говорит о том, что мастерское использование реалий позволяет поэту добиться поставленной цели и воссоздать картину далекого прошлого из жизни коренного населения Америки, дать полное представление о культуре, верованиях народа. Именно благодаря этому поэма по сей день с таким интересом воспринимается во всем мире, а в самих США является первым национальным эпическим сказанием.

### ***Список литературы:***

- Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. - М.: Высшая школа, 1986.
- Лонгфелло Г.* Песнь о Гайавате / Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате. Уитмен У. Стихотворения и поэмы. Дикинсон Э. Стихотворения. - М.: Худож. лит-ра, 1976.
- Томахин Г. Д.* Реалии американизмы. - М.: Высшая школа, 1988.
- Федоров А.В.* Введение в теорию перевода. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
- Longfellow H.W.* The song of Hiawatha an epic poem. - М., Progress, 1967

## **О РОЛИ ПРИНЦИПА КОММУНИКАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

### **ABOUT A ROLE OF THE PRINCIPLE OF A COMMUNICATIVE ORIENTATION**

Коммуникация - одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности. Различаются языковая и неязыковая коммуникации. В процессе обучения русскому языку как иностранному, обе разновидности речевой коммуникации устная и письменная речь должны рассматриваться в учебном процессе как единый взаимозаменяемый и взаимодополняющий акт коммуникации. Коммуникативная направленность обучения предусматривает в качестве объекта усвоения целостные языковые комплексы, из которых состоит высказывание, объединение этих комплексов и использование их в различных условиях при выполнении определенных речевых задач

Communication - one of the parties of interaction of people in the course of their activity. Language and not language communications differ. In the course of training in Russian as foreign, both kinds of speech communication oral and written language have to be considered in educational process as the uniform interchangeable and complementary act of communication. The communicative orientation of training provides in quality of object of assimilation complete language complexes of which the statement, association of these complexes and their use in various conditions consists when performing certain speech tasks.

**Ключевые слова:** коммуникация, языковые комплексы, коммуникативная направленность, иностранный язык.

**Keywords:** communication, language complexes, communicative orientation, foreign language.

Для построения эффективной системы обучения языковой компетенции необходим учет и применение в практике преподавания иностранных языков широкого диапазона дидактических, обще- и частно-методических принципов, а также принципов, лежащих в основе современных подходов методики обучения иностранным языкам.

Определим, что понимается под принципом обучения, и какие принципы следует использовать в практике обучения иноязычной языковой компетенции. Традиционно под принципами обучения иностранному языку понимаются основные – базовые научно обоснованные положения, на которых строится процесс обучения иностранному языку в заданных условиях. На современном этапе развития методики обучения иностранным языкам главным подходом по праву является коммуникативный метод, приоритетом которого – обучение в условиях, приближающихся к естественной коммуникации во всех или нескольких видах речевой деятельности и разных сферах общения (бытовой, учебной,

профессиональной, социально-культурной). Принцип коммуникативной направленности предполагает обучение иностранному языку как средству социального взаимодействия и формированию готовности к осуществлению общения с носителями других языков и культур. Важным условием реализации данного принципа является обучение через общение, в котором находят отражение такие параметры, как мотивированность, целенаправленность, информативность, ситуативность, функциональность, партнерский характер взаимодействия вступающих в общение и система используемых для этого речевых средств. При таком обучении создаются условия общения, адекватные реальным, что обеспечивает успешное формирование речевых умений и их использование в соответствующих социально детерминированных ситуациях. Для реализации этого принципа используются ролевые игры, проекты и т.д. Принцип коммуникативной направленности определяет содержание обучения, какие коммуникативные умения необходимо формировать, чтобы обучающийся мог осуществлять общение в устной и письменной формах речи. Например: *поздороваться, дать совет, посоветоваться с кем-то*. Для формирования коммуникативных умений у обучающихся, необходимо, прежде всего, формировать грамматические и лексические навыки, чтобы предложения были грамматически и лексически правильно построены и понятны собеседнику. Принцип коммуникативной направленности определяет средства обучения, с помощью которых можно обеспечить овладение коммуникативной функцией изучаемого языка на основе звукового и печатного материала (схемы, таблицы, рисунки), стимулирующего общение.

Коммуникация - одна из сторон взаимодействия людей в процессе их деятельности. Коммуникация – сообщение или передача при помощи языка некоторого мысленного содержания. Коммуникативная функция – основная функция языка как важнейшего средства человеческого общения. Данный принцип определяет отбор и организацию учебного материала: тематику, сферы общения, ситуации общения, возможные в заданных условиях. Тема регулирует и минимизирует речевое поведение собеседников. Она обеспечивает им взаимодействие в содержательном плане (о чём можно научиться говорить, читать, писать), иначе невозможно осуществить минимизацию объёма языкового материала и в то же время сохранить коммуникативный характер обучения и её направленность на достижение практически значимых целей.

Не случайно, в основе современных программ по русскому языку лежит коммуникативный метод обучения, предусматривающий, практическое овладение русским языком, переход от сознательного усвоения единиц языка к употреблению их в речевых ситуациях. Обучающиеся должны научиться не только грамотно, в соответствии с языковыми нормами, говорить, но и приобрести умения задавать вопросы собеседнику,

выражать согласие или несогласие с услышанным, высказывать пожелание, просьбу, оценивать высказывание и т.д.

Различаются языковая и неязыковая коммуникации. Языковую коммуникацию принято определять как комплекс явлений, связанных с обменом информацией между людьми через посредство универсальной системы звуковых или графических знаков, именуемой языком. Но среди людей бытует и неязыковая коммуникация, осуществляемая с помощью жестов, мимики, любых условных знаков (*например, звонок, гудок и др.*). Все виды неязыковой коммуникации между людьми являются второстепенными по сравнению с коммуникацией языковой. Языковая коммуникация универсальна, поскольку она обслуживает все сферы умственной и физической деятельности людей, неязыковая же коммуникация используется либо в специальных ситуациях, либо как вспомогательная по отношению к языковой.

В современных языковых коллективах функционируют две разновидности языковой коммуникации – звуковая, или устная, и графическая, или письменная. Как устная, так и письменная коммуникация представляет собой «фактический процесс общения людей друг с другом, с помощью которого люди выражают свои конкретные мысли и передают их друг другу». [Беляев, 1964, с. 7].

Устная речь – это звучащая речь, средствами её проявления являются звуки. Устная речь воспринимается одновременно с процессом говорения. Устной коммуникации присущи экстралингвистические (или внеязыковые) характеристики: она ситуативна; обстановка, в которой протекает устная коммуникация, обуславливает её языковые приметы; в ней естественны паралингвистические компоненты неязыковой коммуникации (*мимика, жест*). Письменная коммуникация отличается от устной прежде всего физической стабильностью своих элементов и знаков. Обладая существенной автономностью в функциональном плане, она, однако, не может рассматриваться как вторичный код устной коммуникации. В письменной коммуникации используются гораздо более сложные и пространственные сообщения, нежели в устной коммуникации. Как известно, многие сообщения предварительно составляются в письменном виде и лишь потом проговариваются, как бы «переводятся» в устную форму. В процессе обучения русскому языку в неязыковой аудитории обе разновидности речевой коммуникации (устная и письменная) должны быть представлены как одинаково важные для индивидуальных и общественных потребностей. Такое мнение подтверждается многими исследователями: «Вопрос об удельном весе устной и письменной коммуникации и о взаимодействии между ними в процессе обучения языку должен решаться без предвзятого мнения об абсолютном приоритете той или иной системы,... исходя из конкретных коммуникативных задач обучения языкам, а также условий обучения. При

обучении устной и письменной коммуникации необходимо полностью учитывать специфику этих двух форм обмена информацией, их взаимосвязь и взаимодействие». [Шубин, 1972, с. 187].

Мы пришли к выводу о том, что устная и письменная речь равноценны и равнозначны в процессе обучения русскому языку иностранцев. Поэтому считаем: устная и письменная речь должны рассматриваться в учебном процессе как единый взаимозаменяемый и взаимодополняющий акт коммуникации. Однако, принимая во внимание то, что студенты в большинстве случаев связаны именно с письменными текстами (чтение, письменное выполнение упражнений, подготовка письменных сообщений, оформление деловых бумаг, личная переписка и т.д.), можно смело говорить даже о некотором приоритете письменной формы речевой коммуникации в процессе обучения русскому речевому общению во взрослой аудитории.

Речевое общение происходит на базе реальных коммуникативных потребностей людей.

Говорящий задаётся целью спросить, выяснить, сообщить и т.д. что-то, планирует своё речевое общение, выбирает адресата. Общение в психологическом смысле есть процесс решения коммуникативной задачи. Процесс порождения речевого высказывания начинается с определения темы сообщения и стратегии её представления, находящихся в зависимости от замысла высказывания и условий его реализаций.

Принцип коммуникативной направленности предполагает организацию процесса обучения иностранной речи как модели процесса коммуникации. Поэтому и возникает необходимость в максимальном приближении условий обучения к условиям реального жизненного общения, хотя по понятным причинам полной адекватности невозможно добиться. Коммуникативность и есть установление преимущественно прямых связей между системой изучаемого языка и действительностью.

Коммуникативная направленность обучения предусматривает в качестве объекта усвоения целостные языковые комплексы, из которых состоит высказывание, объединение этих комплексов и использование их в различных условиях при выполнении определенных речевых задач.

Для достижения цели обучения необходимо, чтобы обучающиеся с первых же занятий по русскому языку принимали посильное участие в коммуникации, так как единицы изучаемого языка прочнее запоминаются и легко воспроизводятся в случае практического осознания обучающимися функциональной роли этих единиц в общении.

Следовательно, необходимо соблюдать принцип постоянной коммуникации или имитации действительной коммуникации на интеллектуальном уровне обучающихся.

Способность использовать язык творчески, целенаправленно, нормативно во взаимодействии с собеседниками принято считать коммуникативной компетенцией. Для выработки у обучающихся в конечном итоге коммуникативной компетенции необходимо, чтобы они овладели «правилами» общения для передачи коммуникативных целей в постоянно меняющихся обстоятельствах. А этого можно добиться в том случае, если обучающиеся: а) научатся представлять себе мысленно ситуации речевых действий в динамике; б) будут испытывать необходимость общения с воображаемым собеседником в незнакомой обстановке; в) научатся перевоплощаться в роли актера, режиссёра, гида, туриста и т.д.; г) научатся выбирать программу речевого поведения для решения коммуникативной задачи, изменять её в случае неудовлетворенности выполнением коммуникативной задачи.

С точки зрения речевых действий, принципы грамматической организации материала на синтаксической основе и приёмы ситуативного введения грамматики сводятся к тому, что отобранные для усвоения средства выражения смысловых отношений включают в себя системно связанный грамматический минимум (синтаксис, морфологию, фонетику). При этом последовательность презентации грамматического материала устанавливается не столько в зависимости от определения оптимальной коммуникативной очередности введения речевых действий.

Коммуникативность отвергает поэтапное или изолированное изучение разных аспектов языка – фонетики, лексики, морфологии. Она предполагает так называемое функциональное расположение и представление материала, отражающее роль разных факторов языка в реальном общении, то есть с точки зрения их естественного места в речи, их важности для передачи и понимания сообщения.

Итак, принцип коммуникативной (речевой) направленности обучения означает, что учебно-воспитательный процесс должен быть так организован, целенаправлен и реализован, чтобы в результате обучения обучающиеся овладели необходимым минимумом умений и навыков для пользования иностранным (русским) языком как средством общения в рамках тематики.

Для достижения цели не требуется сосредоточения всех усилий на овладении формами различных аспектов системы изучаемого языка, а необходима в первую очередь, на практическая деятельность на изучаемом языке как в устной иноязычной речи, так и при чтении иностранного текста. Это же делает необходимым выполнять в достаточно большом объёме речевые (коммуникативные) упражнения. А многократное решение коммуникативных речевых задач приводит к формированию практических умений и навыков в сфере основных видов речевой деятельности. Поэтому на каждой стадии обучения

иностранному языку процесс должен быть насыщен коммуникативными речевыми задачами. Игнорирование же этого принципа ставит непреодолимые преграды на пути к практическому овладению иностранным языком.

Коммуникативная направленность означает ещё и то, что даже в случаях работы по овладению языковым материалом (фонетикой, лексикой, грамматикой) она обязательно должна завершаться показом, как изучаемый языковой материал используется для достижения актуального общения на изучаемом иностранном языке. Иначе говоря, языковой материал не может стать основным объектом и главной целью учебного процесса по иностранному языку: его овладение лишь этап, который завершается использованием данного материала в иноязычной речи.

И наконец, коммуникативная направленность обучения иностранному языку должна в равной мере проявляться как при работе над устной, так и при работе над письменной речью, т.е. в процессе чтения и письма. Это означает на практике извлечение и передачу новой полезной информации при осуществлении указанных видов речевой деятельности на иностранном языке.

#### ***Список литературы:***

- Беляев В.Б.* Психологические основы усвоения лексики иностранного языка. - М.: «Просвещение», 1964.
- Шубин Э.Б.* Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. - М.: «Просвещение», 1972.



**Басова М.В.**  
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
(г Москва, Россия)

**Basova Maria**  
Russia, Lomonosow Moscow State University  
Moscow (Russia)

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КУРСА «ИСТОРИЯ  
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» ПРИ РАБОТЕ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ  
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПЕРЕВОДА**

**APPLICATION OF THE METHODOLOGICAL CONCEPTION OF THE COURSE  
"HISTORY OF RUSSIAN CULTURE" IN WORKING WITH FOREIGN STUDENTS OF  
THE HIGHER SCHOOL OF TRANSLATION**

Статья посвящена осмыслению опыта преподавания культурологической дисциплины «История русской культуры». В статье рассматриваются принципы, положенные в основу разработки методологической концепции преподавания курса «Русская культура для иностранных учащихся». Особое внимание уделяется не только возможности перевода национальных смыслов с языка на язык, но и анализ сходства и различия культур в целом. Описываются некоторые структурные компоненты занятий, базирующихся на учебном пособии «Русская культура. Учебное пособие для иностранных учащихся», апробированном на нескольких потоках иностранных студентов.

The article deals with to understanding the experience of teaching cultural disciplines "History of Russian Culture". This article discusses the principles underlying the development of methodological concepts of teaching the course "Russian culture to foreign students." Particular attention is paid not only to the possibility of transferring national meanings from language to language, but also the analysis of the similarities and differences of cultures as a whole. It describes some of the structural components of the training based on the textbook "Russian culture. Textbook for foreign students" have been tested on several streams of foreign students.

**Ключевые слова:** русский язык как иностранный, русская культура, учебное пособие, методология.

**Key words:** Russian as a foreign language, Russian culture, text-book, methodology.

Сегодня мы наблюдаем заметный всплеск интереса к России, русскому языку, русской культуре у иностранцев. Всё больше и больше иностранных студентов обучается в российских вузах. Чаще всего для получения образования к нам приезжают студенты из Китая, Южной Кореи, Таиланда, Японии; вторая группа – это представители Египта, Турции, Сирии, Ирана, т.е. стран Ближнего Востока. Третьей по численности группой являются представители ближнего зарубежья (Киргизия, Таджикистан, Армения и т.д.) и студенты Западной Европы.

На сегодняшний день основными «потребителями» отечественного образования являются студенты из стран первой группы. В связи с этим мы хотим осветить некоторые особенности, выявленные в процессе обучения студентов стран Юго-Восточной Азии.

Первое, о чём хотелось бы сказать, – это содержание и характер школьного (базового) образования указанного контингента иностранных учащихся. Оно отличается от российского или европейского, поскольку построено на несколько иной парадигме: отсутствие в его модели европоцентризма влечет за собой посредственные знания о культуре и истории России и Европы (аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в нашей стране, ведь у российских школьников фактически отсутствует представление о культурно-исторических событиях Азии и Африки, если только они не связаны непосредственно с историей нашей страны). По словам Г.В. Гребеньковой, «многие [иностранцы] студенты, в силу особенностей гуманитарной подготовки в своих странах, не всегда хорошо знают даже историю своей страны, не говоря уже об истории и культуре России» [Гребенькова, 2008, с.130].

Следовательно, целями преподавателя становится не только обучение зарубежных студентов русскому языку, их погружение в языковую среду, знакомство с современными российскими социально-культурными и политическими реалиями, формирование коммуникативной компетенции – знаний, навыков, умений, которые развиваются в процессе использования языка и позволяют преодолевать языковые и культурные барьеры, но также и формирование информативной компетенции в сфере истории русской культуры.

Перечислим некоторые задачи, которые ставит перед собой преподаватель: сформировать у иностранных учащихся представление о русской картине мира, выбрать методологию и дать необходимый инструментарий для оптимального усвоения материала, провести сравнительный анализ русских концептов и подобных им в языке и культуре страны студента.

Соответственно, неизбежно возникает вопрос о содержании учебного курса, а именно: на какие особенности культуры необходимо обратить внимание, под каким углом зрения осветить важные исторические события, какие параллели провести с историей страны иностранных учащихся, как преподнести и разъяснить своеобразные культурные аспекты и т.д.

При разработке курса мы должны учитывать, что временное восприятие русской истории у иностранных студентов несколько отличается от нашего. Поэтому, отбирая историко-культурные события для представления иностранной аудитории, не стоит заикливаться на их последовательном перечислении, а следует грамотно определить и

передать причинно-следственные связи между ними, рисующие целостную картину общественной жизни на данном историческом этапе.

Конечно, при решении данной задачи мы, как и во многих других случаях, неизбежно сталкиваемся с проблемой выбора методологии изложения материала, которая определяется не только материалом изучаемого курса, но и напрямую зависит от уровня владения русским языком целевой аудитории, а также от её уровня знания истории и культуры – как мировой, так и собственно российской.

На первый взгляд может показаться, что первоочередной задачей преподавателя является изложение материала в целях информирования иностранных студентов о культурном прошлом России. Однако вскоре становится очевидным, что усвоение информации самой по себе, без развития коммуникативной компетенции, происходит неэффективно. Чтобы достичь цели информирования, необходимо вырабатывать у учащихся способности к концентрации внимания, лексическому прогнозированию, владению определенным лексическим запасом, необходимыми грамматическими формами и синтаксическими структурами, а также мотивацию ко всем видам учебной деятельности, в том числе и к получению информации.

Один из источников получения информации – это прочтение текстов. Объективная трудность, ожидающая преподавателя, заключается в отборе текстового материала, на котором впоследствии основываются разнообразные задания. При отборе и составлении текстов особое внимание стоит уделять «их содержательной и формальной целостности, последовательности изложения материала, строгой логической взаимосвязи частей, методически обоснованному соотношению терминов и использованию значимых для истории русской культуры имен» [Кольовска, Кульгавчук, 2015, с.296].

Мы считаем целесообразной модель построения курса «История русской культуры», изложенную в учебном пособии для иностранных учащихся «Русская культура», которое представлено в двух частях: «Русская культура X – XV веков» и «Русская культура XV – XVII веков» [Есакова М.Н. Русская культура XV – XVII веков: учебное пособие для иностранных учащихся, 2014].

Данное пособие представляет собой сборник текстов и упражнений по истории русской культуры, который, с одной стороны, дает достаточно емкое представление о русской культуре, а с другой – формирует и совершенствует навыки чтения, говорения и письма. Немаловажно и то, что учебное пособие снабжено большим количеством иллюстраций. Пособие адресовано студентам гуманитарного профиля, владеющим русским языком в объеме не ниже первого сертификационного уровня.

Пособие включает в себя следующие разделы: «Архитектура», «Живопись», «Просвещение и развитие науки», «Литература», «Театр». Каждый раздел имеет определенную структуру: предтекстовые задания для освоения лексики, текст и различные послетекстовые задания: лексико-грамматические, речевые и коммуникативные.

Как уже говорилось выше, преподаватель часто сталкивается с тем, что иностранные студенты не обладают необходимым историческим и культурологическим минимумом. Исходя из этого мы считаем, что каждый изучаемый раздел необходимо предварять подробной вводной лекцией, задача которой – подвести студентов к принятию и пониманию последующей информации. Особое внимание рекомендуется уделить топонимике, проговариванию и объяснению топографических терминов. Кроме того, надо учитывать знание и специфической «культурно-исторической» лексики: слов-историзмов (*князь, царь, бояре, кокошник, крепостной, купец* и т.п.), литературных терминов (*четверостишие, троп, проза, поэма, рифма, строфа* и т.п.), терминов для описания архитектурных деталей, стилей (*орнамент, изразцы, пилястры, готика, купол* и т.п.), паремиологического ряда (фразеологические обороты, пословицы, поговорки, загадки, клише, былички и т.п.). Учащимся необходимо вести свой персональный словарь, куда следует вносить все востребованные лексические единицы. Однако важно понять, что объем лексических единиц может быть слишком велик и сложен для восприятия учащимися, поэтому его нужно тщательно контролировать и отбирать; в данном случае стоит руководствоваться принципом минимизации словаря и обращаться к строго определенному лексическому минимуму данного сертификационного уровня.

Помимо представленных в пособии «Русская культура» иллюстраций преподаватель может использовать небольшие красочные презентации. Также рекомендуется при изложении материала выводить на экран отдельные лексические единицы и сопровождать их вербальное объяснение иллюстративным рядом для более быстрого и надежного усвоения материала.

В каждый раздел включено несколько подтем, которые, в свою очередь, сопровождаются учебными адаптированными текстами.

Материал предтекстовых заданий направлен на снятие языковых трудностей при чтении текста. Учащиеся могут работать над лексикой как с помощью преподавателя, так и самостоятельно. Лексика предьявляется в алфавитном порядке, с вопросами падежного управления (при необходимости) и примерами форм словоупотребления (например: *выполненный (причастие от глагола «выполнить»); гениальный; государь = царь; удлинять / удлинить (кого? что?) = делать длиннее*).

Семантизация лексики проводится и в заданиях, показывающих системные связи лексических единиц: например, подбор антонимов (*образованный – невежественный; быть против – быть за; прибытие – отъезд*), синонимов (*противоречие – разногласие, живописец – художник, действительность – реальность*), словообразовательных цепочек (*портрет – портретист, враждебный – враждебность, изобретать – изобретатель, писать – писатель*).

После предтекстовых заданий начинается непосредственно работа с текстом. Студентам предлагается найти в тексте слова из предыдущего задания и обратить внимание на их употребление. После каждого текста мы находим культурологические комментарии (например, после текста об иконописце Дионисии мы встречаем следующую сноску: *Ферапонтов монастырь — памятник истории и культуры в Вологодской области. Особую значимость для русской и мировой культуры имеет собор Рождества Богородицы, расположенный на территории монастыря. Согласно тексту летописи, он расписан Дионисием и его сыновьями в 1502 г. Это единственная сохранившаяся роспись выдающегося представителя московской иконописной школы, главного художника рубежа XV–XVI веков*).

Далее в комментариях к тексту мы можем встретить небольшие вставки, в которых коротко освещаются различные особенности употребления слов (например: *серьёзный заказ — серьёзный человек; светлая комната — светлое будущее*).

Также в каждой подтеме учебника даются грамматические комментарии (например: *Суффикс -ист- образует имена существительные мужского пола с общим значением лица, которое характеризуется отношением к определённой сфере занятий. Например: портретист (человек, который пишет портреты)*).

После каждого текста предложен список вопросов, ответы на которые можно найти в самом тексте, например:

1. В чём заключаются противоречия в русской живописи XVII века?
2. Кто из мастеров начала XVII века добился больших успехов в иконописи?
3. Что свойственно творческой манере Прокопия Чирина?
4. Что характерно для творческой манеры Назария Савина?
5. Когда вновь появляется интерес к настенной росписи?
6. Какие тенденции появляются в русской живописи в XVII веке?
7. Почему в русском искусстве XVII века значительную роль играла школа ярославских мастеров?
8. Что такое «парсунное» письмо?

9. Чем «парсуны» первой половины XVII века отличаются от «парсун» второй половины XVII века?

10. Кто оказал большое влияние на развитие русской живописи? Что было свойственно творческой манере этого художника?

Благодаря таким заданиям студенты учатся работать с «телом» текста, отсекают все лишнее, сокращают предложения, концентрируют необходимую информацию в минимуме слов.

Заметной проблемой для учащихся является составление предложений без заданного набора слов, но с одним необходимым. В учебном пособии достаточно часто встречаются подобные задания, и стоит отметить, что после определенного количества тренировок студенты уже с легкостью справляются с ними (например: *От каких слов и каким образом образованы данные сложные слова? Составьте с этими сложными словами предложения: узкоплечий; длиннородый; стенопись; живопись; полководец; иконописец*).

Простым, но необходимым являются также упражнения на управление. Студенты должны раскрыть скобки, используя правильный падеж и число, например: *противоречия (русская живопись XVII века, изображение характеров героев), следование (национальные традиции, государственные законы, строгие правила), интерес (многогранные рисунки, древняя живопись, рукописные книги, творчество писателя), руководит (строительные работы, университет), под руководством (Иван Паисеин, мудрый педагог, талантливый режиссёр), изображать / изобразить (цари, полководцы, бояре, Иван IV, М. Скопин-Шуйский), отразить интерес (личность, история, национальные традиции), распространение («парсунное» письмо, портретные изображение, книгопечатание), оказать влияние (развитие русской живописи, становление древнерусской архитектуры).*

Еще один вид заданий – упражнение на грамматическую трансформацию. Студентам предлагается изменить предложения по заданному условию, например, используя причастный оборот (*Большое влияние на развитие русской живописи оказал Симон Ушаков, который в течение 30 лет возглавлял живописное дело. – Большое влияние на развитие русской живописи оказал Симон Ушаков, возглавлявший живописное дело в течение 30 лет*).

Так как учебное пособие предназначено в первую очередь для студентов-переводчиков, большое внимание уделяется прогнозированию текста, например: *Заполните пропуски в данных ниже фразах, составьте из данных фраз связный текст.*

1. Ещё одним замечательным русским \_\_\_\_\_ XVII века был Назарий Савин.

2. В середине XVII века снова \_\_\_\_\_ интерес к настенной \_\_\_\_\_.

3. В XVII веке в русской живописи наблюдается \_\_\_\_\_ художников к реалистичному \_\_\_\_\_ человека.

4. Большое влияние на развитие русской живописи \_\_\_\_\_ Симон Ушаков, который в течение 30 лет \_\_\_\_\_ живописное дело.

В России начинает распространяться светская \_\_\_\_\_.

5. В иконах ярославских мастеров чудеса святых \_\_\_\_\_ на второй план. В центре внимания \_\_\_\_\_ становится обычная \_\_\_\_\_.

6. Назарий Савин \_\_\_\_\_ фигуры людей в удлинённых пропорциях, узкоплечими и длиннобородыми.

7. Парсунное письмо второй половины XVII века стало принимать реалистический \_\_\_\_\_.

8. В начале XVII века больших \_\_\_\_\_ в иконописи \_\_\_\_\_ Прокопий Чирин.

Также большое внимание уделяется общей работе с текстом. Авторы предлагают применять грамматическую трансформацию, вычленять основные мысли текста (важно, что подобные задания сопровождаются образцами клишированных фраз, например: *Сформулируйте основную идею текста, используя следующие выражения:*

*В данном тексте речь идёт о...*

*В тексте автор затрагивает следующие проблемы: во-первых, ... во-вторых, ...*

*Центральная проблема текста — ...)*

Заключительные задания каждой подтемы направлены на развитие коммуникативной компетенции. Студентам предлагается перечень возможных действий по пройденному материалу, как-то: написать эссе на одну из предложенных тем, поразмышлять над пословицами и поговорками по изученной тематике, провести сравнительный анализ культурно-исторических явлений в России и в своей родной стране, подготовить доклад или презентацию по особенно понравившейся теме и т.д.

Также по завершении подтемы следует провести итоговое занятие или прочитать лекцию. Возможно, будет уместно составить небольшой тест, включающий вопросы, касающиеся непосредственно культурно-исторических фактов и дат.

Составители учебника также разнообразили пособие текстами для дополнительного чтения. Они носят обобщающий характер, в них раскрываются характеристики определенного исторического периода, которые дают представление о феноменах русской культуры разных исторических эпох. Они могут быть использованы как материалы для домашнего ознакомительного чтения (занятия во внеаудиторные часы). Каждый дополнительный текст по теме снабжен заданиями, направленными на развитие коммуникативных навыков у учащихся.

Работа по данной схеме представляется нам наиболее эффективной и плодотворной. Последовательная проработка лексического материала способствует его усвоению, иллюстративный материал используется, в том числе и для объяснения «материальных» терминов, что облегчает понимание и усвоение новых слов. В качестве домашней подготовки учащиеся могут использовать презентации преподавателя и тексты для дополнительного чтения. Также студенты с удовольствием вовлекаются в дискуссии на разные темы, особый интерес для них представляет сравнение развития культуры и науки в России и в их родной стране. И с большим интересом студенты сами составляют презентации и выступают с ними перед аудиторией.

Помимо всего прочего, когда мы говорим об усвоении историко-культурного материала, мы имеем в виду, что такой культурологический подход должен способствовать более быстрой и комфортной адаптации иностранного гражданина в России. Иностранцам необходимо привыкнуть к новым условиям, к новой образовательной системе, к новому языку общения. «Студенту, изучающему язык, практически невозможно самостоятельно отличить элементы литературного языка от нелитературного, поэтому первостепенная задача преподавателя русского языка как иностранного – научить студента уже на начальном этапе обучения разделять эти пласты лексики, формировать критическое отношение не только к своей речевой деятельности, но и к чужой. Необходимо объяснять разницу в употреблении тех или иных единиц языка, особенности речевого этикета, разницу в использовании невербальных средств общения, необходимо также знакомить студента с особенностями стилистической дифференциации лексики» [Штейникова, 2013, с. 90].

Поэтому курс «Русская культура для иностранных учащихся» помогает иностранным учащимся, во-первых, четко разграничивать новые для них лексические пласты, во-вторых, побуждает студентов говорить о культуре России по-русски с использованием необходимой лексики, разбираться в ее историко-культурной хронологии, и, в-третьих, открывает настоящую Россию, формирует ее реальный образ как страны с великим, удивительным, непростым прошлым.

### **Список литературы:**

*Гребенькова Г.В.* Методические аспекты проведения практических занятий по страноведению для иностранных студентов подготовительного отделения // Методология обучения и повышения эффективности академической, социально-культурной и психологической адаптации иностранных студентов в российском вузе: теоретические и прикладные аспекты: материалы всероссийского семинара. Томск, 2008. Т.1. С. 130.

*Есакова М.Н.* Русская культура XV – XVII веков: учебное пособие для иностранных учащихся / Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Харацидис Э.К. СПб.: Изд-во Златоуст, 2014, 198 с.

*Кольовска Е.Г., Кульгавчук М.В.* Принципы отбора материала при составлении текстов к пособию «Я шагаю по Москве» // Слово. Грамматика. Речь: Материалы VI Международной научно-практической



конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного»: М.: МАКС Пресс, 2015. Вып. XVI. С. 295 – 297.

*Штейникова Н.В.* Лингвокультурологический аспект обучения иностранных студентов русскому языку в период довузовской подготовки // Вестник Астраханского государственного технического университета №1(55), И.: АГТУ, 2013, С. 88 – 91.

*Богоявленская Е.Д.*  
Российский государственный гуманитарный университет  
г. Москва (Россия)

*Bogoyavlenskaya Elena*  
Russian State University for the Humanities  
Moscow (Russia)

## ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯПОНСКИХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

### LINGUISTIC PECULIARITIES OF TRANSLATION OF JAPANESE NUMERALS

Проблемы числительных в ЯЯ с лингвистической точки зрения, а также с точки зрения их перевода на РЯ не исследовались в комплексе и в целом ни в одном учебнике, пособии и даже в отдельных статьях советских/ российских японоведов. Отсюда задача автора данной работы - собрать воедино весь материал, вытекающий из опыта переводчика и практики преподавателя. Классификации и обобщению лингвистических правил перевода числительных с японского языка на РЯ и с русского на ЯЯ помогли также японские источники. Для анализа трудностей перевода числительных ЯЯ здесь отобраны четыре аспекта:

1. Влияние иероглифической терминологии на перевод японских числительных и особенности их чтений;
2. Перевод календарных месяцев и дат;
3. Трудности перевода счетных слов ЯЯ.
4. Перевод многозначных чисел.

The problems of numerals in JL with respect to the linguistics, as well as with respect to their translation into RL have not been studied in totality and in general in any textbook, manual, and even in the articles of the Soviet/Russian Japanologists. Hence the task of the author of this work is to bring together all material arising out of the experience of an interpreter and practice of a teacher. The Japanese sources also helped to classify and generalize linguistic rules of translating numerals from the Japanese language into RL and from the Russian language into JL. Four aspects have been chosen for the analysis of translation difficulties of Japanese numerals: 1. Influence of hieroglyphic terminology on the translation of Japanese numerals and peculiarities of their reading; 2. Translation of calendar months and dates; 3. Translation difficulties of Japanese classifiers. 4. Translation of multidigit numbers.

**Ключевые слова:** японское числительное, счетное слово, лингвистические особенности, перевод, иероглифическая терминология, многозначное число, японская хронология.

**Keywords:** Japanese numeral, classifier, linguistic peculiarities, translation, hieroglyphic terminology, multidigit number, Japanese chronology.

## Введение

Проблемы числительных в ЯЯ с лингвистической точки зрения, а также с точки зрения их перевода на РЯ не исследовались в комплексе и в целом ни в одном учебнике, пособии и даже в отдельных статьях советских/ российских японоведов. Хотя при переводе на РЯ японских числительных, чисел и даже цифр (1-9), особенно устно, трудности они доставляют как начинающим изучать ЯЯ, так и опытным переводчикам, работающим в паре ЯЯ/РЯ. Здесь автор постарается собрать воедино весь материал, вытекающий из опыта переводчика и практики преподавателя, с целью классифицировать и обобщить лингвистические правила перевода числительных с японского языка на РЯ и с русского на ЯЯ.

К проблемам, создающим особые трудности и требующим при переводе лингвистического анализа числительных, автор относит разнообразие графических изображений и чтений всех цифр и чисел в ЯЯ. То есть, речь идет:

- об иероглифическом письме для японских чисел,
- о двух японских азбуках (катакана /хирагана) ,
- о выборе способов перевода и написания числительных на ЯЯ в зависимости от одного из многочисленных чтений каждого иероглифа (он и кун),
- о правилах перевода с РЯ на ЯЯ в зависимости от чтения изображенных иероглифами цифр,
- о формах образования японской лексики, обозначающей количественные числительные и счетные слова ЯЯ.

Для начинающих переводчиков трудности представляет перевод с ЯЯ названий календарных месяцев, т.к. в них используется счёт месяцев с помощью японских чисел от 1 до 12.

Особо тщательного подхода к изучению требуют классификаторы или «счетные слова» при счете предметов различной формы.

При рассмотрении темы перевода японских числительных, подразумевается, что, как и в РЯ, числительным называется часть речи, передающая счет предметов, лиц и прочих разных понятий. Если этот счет в РЯ написан буквами, например, девять человек, слово девять и есть числительное. А если этот счет написан цифрой: 9 человек, мы говорим, что 9 означает не числительное, а цифру 9.

А когда речь идет о переводе на ЯЯ, то о переводе какой категории языка мы говорим? Числительного? Цифры? Числа? Если мы пишем перевод на ЯЯ азбукой хирагана, то речь пойдет о переводе числительного. Если написать перевод счета в цифрах и числах японскими иероглифами, это будет «математический перевод числа на число». А если

написать перевод на ЯЯ, используя арабские цифры и числа, как написано и на РЯ, будет ли это переводом с русского языка на японский?

Для анализа трудностей перевода числительных ЯЯ здесь отобраны четыре аспекта: 1. Влияние иероглифической терминологии на перевод японских числительных и особенности их чтений. 2. Перевод календарных месяцев и дат. 3. Классификация перевода счетных слов ЯЯ. 4. Трудности перевода многозначных чисел.

1. Влияние на перевод японских числительных терминологии и особенностей их чтений на ЯЯ.

В ЯЯ цифры от 1 до 10 пишутся иероглифами, при этом НУЛЬ в счете отсутствует. Каждая цифра имеет 2-3 чтения, которые используются в соответствии с определенными правилами. Прежде чем охарактеризовать эти правила перевода японского счета, требуется сформулировать их терминологические определения и значения в ЯЯ.

Числительное 数詞 су:си – часть речи 品詞 хинси, которая обозначает счет или порядок счета предметов, явлений. В РЯ их изображение арабскими цифрами предполагает их переименование в понятие «цифра (1-9) или число (с 10 и до бесконечности)», а изображение буквами кириллицы переводит их в категорию части речи «числительное». В ЯЯ написание иероглифами слова, обозначающего «цифру или число» 数字 су:дзи, и слова «числительное» 数詞 су:си отличается вторым иероглифом. Их значения и в графике 字 дзи, 詞 си, а также ещё добавление близкого по смыслу иероглифа 辞 си, объясняются в исследовании Токиэда Макотоки «Японская грамматика. Устная речь». 1 Отличия между иероглифами, (1) 詞 си (2) 辞 дзи, (3) 字 дзи заключаются в следующем. Первый (1) иероглиф 詞 си, означая в переводе «слово», присоединяется к понятиям, написанным иероглифами, и превращает их в сочетание, представляющее «самостоятельное понятие 自立語 дзирицуго».

К ним автор указанной грамматики ЯЯ относит части речи: существительное 名詞 мэйси, глагол 動詞 до:си, предикативное прилагательное 形容詞 кэйё:си, полупредикативное прилагательное 形容動詞 кэйё: до:си, наречие 副詞 фукуси, определительная форма глаголов (ару хито, тайсайта) 連体詞 рэнтайси перед 体 тайгэн именными понятиями<sup>2</sup>; междометия, частицы 感動詞 кандо:си, союзы 接続詞 сэцудзокуси. Второй (2) показатель 辞 дзи переводится как «речь, слово» и присоединяется к понятиям, употребляемым как

<sup>1</sup>時枝誠記、日本文法・語篇、岩波全書1 1 4、東京、1959年。Токиэда Макотоки. *Нихон бумпо*: - ко:го-хэн, *Иванами дзэнсё* 114, Токио. 1959. 306 с.

<sup>2</sup>К именованным понятиям 体言 тайгэн в ЯЯ относятся существительные, числительные, местоимения, наречия. - прим. автора.

служебные слова 助詞 дзёси и служебные глаголы 助動詞 дзёдо:си, в частности к союзам, междометиям и частицам.

Третий (3) вид окончания 字 дзи означает просто «письменный знак, буква» и используется для передачи на ЯЯ любой графики любого языка. Например, кириллица キリル文字 кириру модзи.

Японские иероглифы, обозначающие цифры и числа от 1 до 10 со всеми чтениями и переводом на РЯ в виде графики «арабских» цифр можно посмотреть ниже.

1	一イチ、一つ	ひとつ	ити/хитоцу <sup>3</sup>
2	二ニ、二つ	ふたつ	ни/футацу
3	三サン、三つ	みつ	сан/мицу, мицу
4	四シ、ヨン、四つ	よつ	си/ён, ёцу, ёцу
5	五ゴ、五つ	いつつ	го/ицуцу
6	六ロク、六つ	むつ	року/муцу, муцу
7	シチ、七つ	ななつ	сйти/нана, нанацу, нанацу
8	八ハチ、	八つ やつ	хати/яцу, яцу
9	九ク、キュウ、	九つ このつ	ку, кю:/коконоцу
10	十ジュウ、ジュッ、	十とお	дзю:, дзюцу/то:

Правила перевода чисел от 1 до 10 и чтения иероглифов, которыми они написаны, можно обобщить следующим образом:

1. Чтение он используется при простом перечислении цифр от 1 до 10.

2. С помощью чтения кун для цифр от 1 до 10 перевод с РЯ на ЯЯ осуществляется при: (1) исчислении возраста детей от года до 10 лет; (2) счете предметов неопределенной формы (например, 3 стола 三つのつくえ мицу но цукуэ), (3) перечислении абстрактных явлений и обстоятельств. (Например, 2 стихийных бедствия - ежегодно 毎年二つの災害がある。 Майтоси ни, футацу но сайгай га ару).

3. Чтение по он-у цифры 4 си используется при простом перечислении счета от 1 до 20, в названии месяца «апрель» 四月 сигацу или в отдельных фразеологизмах и поговорках (二四六九十一/士/Ни си му ку самурай). В остальных случаях при счете произношение си заменяется чтением ён, поскольку фонетическое звучание си ассоциируется с произношением иероглифа 死 си, означающего смерть.

<sup>3</sup> В фонетическом чтении на первом месте -чтение он, после наклонной черты – чтение кун.

4. У цифры 9 два чтения он, которые условно можно назвать «коротким - ку» и «длинным- кю:». Короткое чтение используется, когда счет заканчивается на 9. Например, 19 дзю:ку . Если цифра 9 стоит в середине словосочетания, например 90, то - длинное чтение кю:дзю:. Соответственно 99 переводится как кю:дзю: ку.

5. При переводе сотен (100 百 хяку) к одной сотне не присоединяется чтение единицы ити, а при переводе 1000 千 сэн единица, хотя на письме и не пишется, но устно произносится как иссэн (досл. «одна тысяча»). Причина - в наличии еще одного подобного слова (звукового омонима) в денежном обращении «одна сэн (1 иена=100 сэн)». В практическом денежном обращении в жизни японцев такой монеты уже нет, но в биржевых операциях с акциями её использование необходимо и продолжает существовать.

6. Четырехразрядная система счета в ЯЯ опирается на следующие разряды: 万 итиман 10 000, 億 итиоку 100 000 000, 兆 иттё: 1 трлн.<sup>4</sup> Когда в письменном тексте написаны эти числа-иероглифы, при устном чтении их произносят с добавлением слова «один ити».

7. Хотя нуля в японском математическом счете нет, но как число он употребляется при написании: (1) дат арабскими цифрами: 1905 год いっせんきゅうひゃくご・ねん иссэн кю:хяку го нэн; (2) десятичных дробей: 0,2 перевод письменный арабскими цифрами 0.2 с заменой запятой на точку, читается как れい・てん・に рэй тэн ни; 3,004 перевод письменный как 3.004, при чтении сан тэн рэй рэй ён さん・てん・れい・れい・よん; (3) показателей температуры: 0 градусов, перевод на ЯЯ: 0 度 れいど рэйдо.

## 2. Перевод календарных месяцев и дат.

Названия месяцев календаря с РЯ переводятся на ЯЯ числами от 1 до 12 , с чтением он, к которым присоединяется иероглиф 月 в чтении гацу, означая слово месяц<sup>5</sup>.

Но следует добавить, что в японском языке существуют и другие, так называемые, исторические названия месяцев. Они используются в традиционном лунном календаре. Для японцев в современной жизни они имеют символично-праздничный характер. Времена года в лунном календаре не всегда совпадают с сезонами обычного календаря.

---

<sup>4</sup>См. Таблица 2.

<sup>5</sup> См. Таблица 1.

**Таблица 1. Перевод современных(1) и традиционно-исторических(2) 6 названий месяцев календаря в Японии.**

	(1)	(2)
Январь	一月 итигацу	睦月 муцуки (зимний месяц)
Февраль	二月 нигацу	如月 кисараги (весенний месяц)
Март	三月 сангацу	弥生 яёй (весенний месяц)
Апрель	四月 сигацу	卯月 удзуки (летний месяц)
Май	五月 гогацу	皐月 сацуки (летний месяц)
Июнь	六月 рокугацу	水無月 минадзуки (летний месяц)
Июль	七月 ситигацу	文月 фумидзуки (осенний месяц)
Август	八月 хатигацу	葉月 хадзуки (осенний месяц)
Сентябрь	九月 кугацу	長月 нагадзуки (осенний месяц)
Октябрь	十月 дзю:гацу	神無月 каннадзуки (зимний месяц.)
Ноябрь	十一月 дзю:итигацу	霜月 симодзуки (зимний месяц)
Декабрь	十二月 дзюнигацу	師走 сивасу (зимний месяц)

Перевод числовых дат в ЯЯ вызывает при обучении проблемы, т.к. почти половина дат имеет «нестандартные» чтения.<sup>7</sup>

Самый простой способ заставить студентов заучить эти даты до автоматизма, это на каждом занятии задавать на ЯЯ один и тот же вопрос о том: Какое сегодня число? Какое было вчера? Какое будет завтра?

В начальной школе Японии на уроках математики обычно используется система записи календарных дат не иероглифами, а «арабскими» цифрами.

В частности, если на ЯЯ дата записывается иероглифами как 二千十六年四月十二日 при чтении にせんじゅうろくねんしがつじゅうにち нисэн дзю:року нэн сигацу дзю:ни нити, то обычно в Японии даже первоклассники пишут её, как: 2016.12/04 либо 2016.12.04. При переводе на РЯ необходимо записывать такую дату в соответствии со стандартами РЯ:12.04.2016.

<sup>6</sup> 数え方の辞典、東京、小学館、©Ayako Iida 2004.(*Кадзоэката но дзитэн, То:кё:, Сё:гаккан*). Электронный словарь «Счет на ЯЯ». Токио: Сёгаккан, 2004, ©Аяко Иида.

<sup>7</sup> См. Приложение 1.

Однако поскольку в официальных японских документах используется не европейский календарь, а традиционная японская хронология нэнго: 年号, то перевод должен выполняться с пересчетом в традиционную российскую систему календаря.

Например, в цитате из отчета с заседания преподавателей частных вузов Японии<sup>8</sup> можно встретить все виды записи и дат, и больших чисел.

18歳の人口は、平成4年の205万人をピークに減少する傾向で、近年は120万人前後とほぼ横ばいで推移していますが、平成33年ごろからは再び減少すると予想され、15年後には100万人を切るとみられています。

Перевод на РЯ:

Население в возрасте 18 лет имеет тенденцию к сокращению с 1992 г. (4-й год эпохи Хэйсэй), когда оно достигло своего пика - 2,05 млн чел. За последние годы оно сползает всё ниже и ниже, приближаясь к величине 1,2 млн чел. Но можно предполагать, что тенденция вновь пойдет вниз с 2021 г. (33-й год эпохи Хэйсэй), и можно предвидеть, что через 15 лет скатится к рубежу менее, чем один миллион.

В этой цитате видно традиционное использование официальной хронологии Японии, и «нетрадиционное», а современное написание многозначных чисел с применением «арабских» цифр. Рекомендуется при переводе японской хронологии в европейский календарь в скобках записывать адекватный перевод японского варианта.

### 3. Классификация перевода счетных слов ЯЯ.

Счетные слова в ЯЯ распространены гораздо больше и употребляются в бытовой речи чаще, чем в РЯ. В Википедии на ЯЯ сообщается, что в ЯЯ существует около 500 разновидностей числительных, которые можно назвать счетными словами 助数字 дзёсудзи. Есть весьма «экзотические» слова, которые используются для счета в довольно уникальных обстоятельствах. Например, если японцы считают креветки エビ эби, плавающие в море, они используют слово касира 頭, а если те же живые существа попадают на стол в виде морепродуктов в еде – то их считают словом би尾. Кальмары イカ ика и осьминоги タコ тако, плавая в море, считаются как мелкие животные с помощью слова хики 匹, а на столе в виде еды - хай 杯.

Японские исследователи посвящали этому вопросу не столь много аналитических работ. В частности, в научно-исследовательском журнале «Японская лингвистика» государственного НИИ по проблемам родного языка указывалось, что первые исследования «особенностей числительных и счетных слов» были изложены в 1936 г. в работе Ямада 山田,

---

<sup>8</sup> Японская теле- радиовещательная корпорация NHK 13.04.2016, 20.28 час.



позже уже только в работах Мори Ацуси 森重(1958 г.), Садзи 佐治 (1969), Кавабаси 川端 (1964), которые пытались проанализировать способы использования японских числительных. С тех пор и по настоящее время центральное место занимал анализ числительных на основе формальной грамматики 生成文法 сэйсэй бумпо:, например в исследовании Окудзу 奥津 (1986).<sup>9</sup>

Сама автор Като Мики в «отчете об исследовании: К вопросу о применении счетных слов как числительных» рассматривает синтаксические особенности употребления счетных слов и их сочетаемость в ЯЯ со словами, которые «они считают». <sup>10</sup>

Кратко суммируя результаты ее исследования, можно сказать, что она рассматривает принципы синтаксического расположения счетных слов в японском предложении по отношению к тому понятию, которое считается: до или после него, с падежным показателем или без него.

Для переводчиков, работающих в нашей стране в паре ЯЯ/РЯ, здесь собраны наиболее употребительные счетные слова ЯЯ, о которых часто забывают при устном переводе.

#### Список счетных слов ЯЯ.<sup>11</sup>

1. 人 нин                    счет людей (студентов, мужчин, женщин, детей, сказочных русалок).
2. 個 ко                    счет мелких штучных изделий.
3. 本 хон                    счет круглых цилиндрических предметов.
4. 枚 май                    счет плоских предметов, включая письма без конвертов, а также упакованной в (плоские) пакеты одежды, чулок, носков.
5. 冊 сацу                    счет книг, толстых тетрадей, блокнотов.
6. 台 дай                    счет машин, станков и предметов на подставке.
7. 俣 соку                    счет пар обуви, чулок, носков.
8. 匹 хики                    счет насекомых (без крыльев), мелких и среднего размера животных.
9. 頭 то:                    счет крупных животных (по головам).

<sup>9</sup> Japanese Linguistics, № 13, April 2003. Tokyo, Japan. The National Institute for Japanese Language. Журнал 日本語科学・2003年・4月、国立国語研究所 *кокуруцу кокуго кэнкю:дзё*. Государственный НИИ родного языка, статья: 加藤美紀, 調査報告・もののかずをあらわす数詞の用法について. (*Тё:са хо:коку: моно но кадзу о аравасу су:си но ё:хо: ни цуйтэ*). Като Мики. К вопросу о применении счётных слов (отчет об исследовании), с.33-57.

<sup>10</sup> Цит. соч. с.34.

<sup>11</sup> 日本語初歩、国際交流基金・日本語国際センター、東京、凡人社、1992年、92ページ. *Нихонго сёхо, Кокусай ко:рю: кикин・нихонго кокусай сэнта:, То:кё:, Бондзин-ся, 1990 нэн, 92 пэ:дзи*; Начальный курс ЯЯ, издатель и составитель Международный фонд Японии- международный фонд ЯЯ. Токио: компания Бондзин-ся, 1990. С.31-35

10.羽 ва	счет крылатых (птиц и насекомых) и кроликов (зайцев).
11.軒 кэн	счет зданий, домов.
12.脚 кяку	счет мебели на ножках, опор.
13.杯 хай	счет чашек, рюмок, бокалов,
14.着 тяку	счет одежды, платьев (в гардеробе).
15.通 цу:	счет конвертов, писем и в конвертах.
16.部 бу	счет экземпляров документов, тираж публикаций.
17.善 дзэн	счет порций риса в пиалах.
18.石 сэки	счет (радио) полупроводников, транзисторов, сим-карт(?).
19.隻 сэки	счет небольших лодок.
20.艘 со:	счет больших кораблей и судов.

#### 4. Трудности перевода многозначных чисел с РЯ на ЯЯ.

Трудности для начинающего переводчика, прежде всего, возникают, если вспомнить о разных способах записи многозначных чисел на РЯ. Например:

(1)2,5 млн (2) 2 500 000 (3)два с половиной миллиона (4)2 с половиной млн и т.д.

В японском варианте это будет всего лишь один вариант перевода 二百五十万 при чтении нияку годзю: ман. Правда, следует отметить, что в японских СМИ всё чаще появляются иные способы написания математических символов с использованием «арабских» цифр. В частности, по этой схеме указанное число может быть записано как 250 万 при сохранении того же чтения.

**Таблица 2. Перевод счета чисел в паре ЯЯ/РЯ.**

13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
<b>1</b> трлн	100 млрд	10 млрд	<b>1</b> млрд	100 млн	10 млн	<b>Млн.</b>	100 тыс	10 тыс	<b>1000</b>	100	10	1- 9
兆	千億	百億	十億	億	千万	百万	十万	万	千	百	十	一 ~ 九
い っ	い っ	ひ ゃ	じ ゅ	い ち	い っ	ひ ゃ	じ ゅ	い ち	い っ	ひ ゃ	じ ゅ	い ち

ち	せ	く	う	お	せ	く	う	ま	せ	く	う	～
よ	ん	お	お	く	ん	ま	ま	ん	ん		・	き
う	お	く	く		ま	ん	ん				と	ゆ
	く				ん						お	う

Для «плавного» перевода чисел, начиная с 10 тысяч и до триллиона, необходимо запомнить на ЯЯ наименование «одного миллиона» хякуман 百万 и «одного миллиарда» дзю:оку 十億. Последующее увеличение разрядов для счета потребует короткой тренировки на умение умножать на 10 каждый последующий разряд.

С этой целью в Таблице 2 выделены 4,7,10 и 13-й столбцы, где записаны трехразрядные числа (тысяча, миллион, миллиард, триллион) и ниже приводится японский эквивалент этого же числа.

### Приложение 1. Даты японского календаря.

1 число	一日	ついたち.	цуйтати
2 число	二日	ふつか	фуцука
3 число	三日	みっか	микка
4 число	四日	よっか	ёкка
5 число	五日	いつか	ицука
6 число	六日	むいか	муика
7 число	七日	なのか、なぬか	нанока, нанука
8 число	八日	ようか	ё:ка
9 число	九日	ここのか	коконока
10 число	十日	とおか	то:ка
11 число	十一日	じゅういちにち	дзю: ити нити
12 число	十二日	じゅうににち	дзю: ни нити
13 число	十三日	じゅうさんにち	дзю: сан нити
14 число	十四日	じゅうよっか	дзю: ёкка
15 число	十五日	じゅうごにち	дзю: го нити
17 число	十七日	じゅうしちにち	дзю: сити нити
18 число	十八日	じゅうはちにち	дзю: хати нити

19 число	十九日	じゅうくにち	дзю: ку нити
20 число	二十日	はつか	хацука
21 число	二十一日	にじゅういちにち	ни дзю: ити нити
22 число	二十二日	にじゅうににち	ни дзю: ни нити
23 число	二十三日	にじゅうさんにち	ни дзю: сан нити
24 число	二十四日	にじゅうよつか	ни дзю: ёкка
25 число	二十五日	にじゅうごにち	ни дзю: го нити
26 число	二十六日	にじゅうろくにち	ни дзю: року нити
27 число	二十七日	にじゅうしちにち	ни дзю: сити нити
28 число	二十八日	にじゅうはちにち	ни дзю: хати нити
29 число	二十九日	にじゅうくにち	ни дзю: ку нити
30 число	三十日	さんじゅうにち	сан дзю: нити
31 число	三十一日	さんじゅういちに	сан дзю: ити нити

#### **Список литературы:**

時枝誠記、日本文法・口語篇、岩波全書(*Нихон бумпо: - ко:го-хэн, Иванами дзэнсё*)114、東京、1959年。Токиэда Макотоки. Японская грамматика – устная речь. Токио: Иванами дзэнсё 114, 1959. 306 с.

Japanese Linguistics, № 13, April 2003. Tokyo, Japan. The National Institute for Japanese Language. Журнал 日本語科学・2003年・4月、国立国語研究所 *кокуруцу кокуго кэнкю:дзё*. Государственный НИИ родного языка, статья: 加藤美紀, 調査報告・もののかずをあらわす数詞の用法について. (*Тё:са хо:коку: моно но кадзу о аравасу су:си но ё:хо: ни цуйтэ*). Като Мики. К вопросу о применении счётных слов (отчет об исследовании), с.33-57.

数え方の辞典、東京、小学館、©Ayako Iida 2004. (*Кадзоэката но дзитэн, То:кё:, Сё:гаккан*). Электронный словарь «Счет на ЯЯ». Токио: Сёгаккан, 2004, ©Аяко Иида.

日本語初歩、国際交流基金・日本語国際センター、東京、凡人社、1992年、92ページ. (*Нихонго сёхо, Кокусай ко:рю: кикин ・нихонго кокусай сэнта:, То:кё:, Бондзин-ся, 1990 нэн, 92 пэ:дзи*); Начальный курс ЯЯ, издатель и составитель Международный фонд Японии- международный фонд ЯЯ. Токио: компания Бондзин-ся, 1990.420 с.

Японская теле-радиовещательная корпорация NHK 13.04.2016, 20.28 час. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ja/>

**Брызгалина Е.Д.**  
МГУ имени М.В. Ломоносова  
г. Москва (Россия)

**Bryzgalina Elena**  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ, ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ И АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА «УСТНАЯ ИСТОРИЯ»**

### **APPLICATION OF INFORMATION, TELECOMMUNICATIONS AND AUDIOVISUAL TECHNOLOGIES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE CASE OF THE PROJECT *ORAL HISTORY***

Распространение Интернета и связанных с ним коммуникационных технологий привело к появлению новых подходов к организации обучения русского языка как иностранного. Инновации в информационной среде рассматриваются методистами в лингводидактическом аспекте. Данная работа посвящена исследованию возможностей использования медиаресурсов в обучении русскому языку как иностранному на примере проекта «Устная история». Для данного ресурса характерна простота использования, открытость и доступность информации, возможность создания собственного учебного контента, ориентация не только на текстовые сообщения, но и видеоинформацию.

The spread of the Internet and communication technologies has led to new approaches to teaching Russian as a foreign language. Innovations in the information environment are considered methodists in linguodidactic aspect. This work is devoted to research the possibilities of using media resources in teaching Russian as a foreign language in the case of the project *Oral History*. This resource is characterized by ease of use, openness and accessibility of information, the ability to create town educational content, use text messaging and video information.

**Ключевые слова:** «устная история», русский язык как иностранный, информационно-коммуникационные технологии, медиаресурсы, аудирование.

**Keywords:** Oral history, Russian as a foreign language, information and communication technology, media resources, listening.

Информационно-коммуникационные технологии меняют форму и содержание современного образовательного процесса. Все больше внимания уделяется открытым формам работы, самостоятельной работе, проектной методике. «Приоритет личностно-ориентированной парадигмы образовательной системы ставит в центр обучения не деятельность преподавания, а учения, т.е. познавательную деятельность учащегося, учитывающую и развивающую его индивидуальные возможности, креативные и рефлексивные способности... Это, в свою очередь, требует «включения» процесса изучения иностранного языка в аутентичную продуктивную деятельность на иностранном языке, связанную с освоением обучающимся реального социокультурного пространства. Здесь

главным становится процесс познания/учения (а не процесс преподавания, как это было при традиционном обучении), трактуемый как индивидуализированный и автономный процесс, требующий от учащегося высокой степени самостоятельности и активности, а также умения грамотно работать с информацией. Особую роль в реализации указанных концептуальных положений призваны сыграть новые технологии обучения, все более интенсивно внедряемые в систему языкового образования» [Гальскова 2009, с. 9].

Сочетание и взаимодействие традиционных форм обучения и форм обучения, построенных на основе информационно-коммуникационных технологий, образуют интерактивное обучение – Blended Learning<sup>12</sup>. Исследователь Роджер Шанк определяет смешанное обучение, как использование, в той или иной мере, электронного и аудиторного обучения. С появлением Интернета информационные и компьютерные технологии еще больше расширили возможности преподавателей – доступ к аутентичным иноязычным текстам, использование обучающих программ на языке и многое другое. Такие элементы смешанного обучения как аудио- и видеолекции делают процесс обучения более насыщенным.

Проект «Устная история<sup>13</sup>» - это архив бесед с деятелями науки и культуры. Архив разработан и создается Фондом развития гуманитарных исследований «Устная история». Фонд основан в 2010 году сотрудниками отдела устной истории Научной библиотеки МГУ Дмитрием Споровым и Михаилом Найдёнкиным. Фонд — некоммерческая организация, видящая свою миссию в просветительской и исследовательской деятельности средствами и методом устной истории. Поддержку Фонду оказывают образовательные и исследовательские подразделения Московского университета. В свою очередь, история Университета является приоритетной темой бесед.

В 2014 году Фонд «Устная история» начал сотрудничество со специальными проектами НП «Викимедиа РУ», став третьим в России партнером проекта «ВикиГолоса» и второй организацией в России, присоединившейся к программе «Вики-резидент». В рамках этого сотрудничества, по согласованию с Научной библиотекой МГУ, Фонд размещает на

---

<sup>12</sup> **Blended Learning**, или смешанное обучение – это образовательная концепция, в рамках которой студент/школьник получает знания и самостоятельно онлайн, и очно с преподавателем.

<sup>13</sup> **Устная история** — социальная технология исследования истории общества и конкретного человека (собеседника) сквозь призму биографического рассказа (беседу), сознательно зафиксированного заинтересованным и профессиональным слушателем (ведущим) с помощью технических средств. Устная история дисциплинарно оформилась, получила известность и область применения во второй половине XX века. Источник: <http://oralhistory.ru/about>

Викискладе материалы, публикуемые на сайте [www.oralhistory.ru](http://www.oralhistory.ru) и хранящиеся в отделе устной истории Научной библиотеки МГУ — фотографии, аудио- и видео бесед.

Работа по записи бесед с деятелями науки и культуры была начата филологом и архивистом Виктором Дмитриевичем Дувакиным (1909—1982) в 1967 году на межфакультетской кафедре научной информации МГУ. Виктор Дмитриевич Дувакин создал самостоятельное направление аудиодокументалистики, фиксирующей воспоминания интеллигенции, ему удалось создать живую школу устной истории в России.

В настоящий момент в архиве хранятся воспоминания около 700 респондентов, это 1800 оригинальных единиц хранения с беседами по истории русской науки и культуры. По материалам отдела подготовлено более 80 публикаций (в том числе восемь книг).

В «Новом сокращенном оксфордском словаре английского языка» предлагается следующее определение термина «устная история» (Oral History): «Это записанная на магнитофон историческая информация, полученная из личных знаний говорящего; ее использование или интерпретация является предметом научного исследования». Устная история использует рассказы очевидцев и их воспоминания о событиях, которые произошли в течение жизни человека, дающего интервью. Таким образом, устная история сохраняет для будущих поколений духовный мир человека, его ценности, традиции, стереотипы.

Уникальные материалы данного архива могут быть успешно использованы в процессе обучения русскому языку как иностранному. На сайте проекта [www.oralhistory.ru](http://www.oralhistory.ru) представлена коллекция записей в аудио-, -видео и текстовом формате т.е. опубликованы источник, видео и/или аудио и расшифровка записи, которая дает возможность пользователю быстрого ознакомления с материалом и делает более удобной работу преподавателя.

Все записи подразделены на следующие разделы: искусство, химия, философия, геология, социальные науки, экономика, физика, биология, география, медицина, математика, литература, история науки, филология. Данное разделение позволяет преподавателю легко сориентироваться в записях бесед и выбрать подходящую тематику.

Таким образом, использование материалов проекта «Устная история» имеет следующие преимущества:

- сочетание разнообразной текстовой и аудио-, видеонаглядности;
- усиление мотивации и эффективности восприятия на основе использования различных каналов информации;
- эффективное сочетание аудиторной и внеаудиторной работы.

Рассмотрим типы дидактических задач, которые можно решить с помощью данного проекта:

- формирование навыков и умения чтения;

- совершенствование умения аудирования на основе аутентичных звуковых текстов;
- совершенствование умения монологического и диалогического высказывания на основе проблемного обсуждения данных Интернета (найденных самостоятельно или подготовленных преподавателем);
- пополнение словарного запаса лексикой, встречающейся в аутентичных текстах;
- знакомство с социокультурными аспектами языка, особенностям речевого поведения, в том числе с речевым этикетом;
- формирование устойчивой мотивации на основе систематического изучения «живых» материалов;
- обсуждения актуальных для данной культуры проблем.

Современные интернет-технологии дают не только возможность использовать готовые ресурсы Интернета, но и создавать новые учебные материалы, которые можно использовать в учебном процессе. Ниже представлены типы упражнений, которые могут быть использованы при работе с материалами проекта:

- реконструкция текста (восстановление пропущенных слов, фрагментов текста);
- восстановление первоначального текста;
- модификация, трансформация исходного текста по определенным параметрам (перемещение абзацев, удаление лишней информации, разбиение на смысловые фрагменты, составление плана текста);
- комбинирование различных фрагментов текста с целью создания нового текста;
- замена, поиск и выделение слов, конструкций, предложений на основе семантических показателей;
- определение значения слова по контексту;
- заполнение пробелов в тексте;
- выбор ключевых слов к тексту;
- синонимические замены выделенных слов и конструкций.

Видеоматериалы проекта могут быть встроены в специальные программы (например, ESLvideo.com), которые позволяют создавать учебные материалы, дополнять видео заданиями и упражнениями, связывать видеотекст и печатный текст.

Аудирование как рецептивный вид речевой деятельности наиболее трудный для овладения. Это обусловлено многими факторами. Одними из основных трудностей при обучении аудированию являются: необратимость однократного предъявления, темп речи, необходимость удерживать в памяти линейно поступающую информацию, отсутствие навыков восприятия речи на иностранном языке. Грамотная работа преподавателя с данным



проектом позволит улучшить навыки аудирования учащихся. В процессе занятий преподаватель должен развивать у учащихся навыки:

- интонационного и фонетического слуха;
- слуховой памяти;
- прогнозирования.

Учащийся должен научиться:

- распознавать и воспринимать языковые формы;
- извлекать содержание из звучащего текста;
- перекодировать полученное содержание.

Лексико-грамматические трудности, связанные с особенностями аутентичных текстов, следует снять на стадии предтекстовой работы. Невозможно заинтересовать учащихся текстом, содержащим большое количество незнакомой лексики. Однако разные типы упражнений позволяют сделать аутентичный текст доступным для понимания.

Рассмотрим более подробно преимущества использования медиаресурсов на занятиях по русскому языку как иностранному. Во-первых, все материалы проекта представляют собой аутентичные тексты, позволяющих составить впечатление о современном состоянии языка, используемого в повседневной жизни его носителями. Во-вторых, медиаресурсы содействуют развитию критического мышления, совершенствованию умения интерпретации, анализа и сравнения различных источников информации. Очевидно, что вне зависимости от возраста и уровня знания русского языка, работа с материалами проекта на занятиях по иностранному языку позволяет развивать у обучающихся различные компетенции.

К тому же, такого рода материал отличается разнообразием, поскольку обращен к различной публике (каждый учащийся может найти то, что ему интересно). Это позволяет использовать материалы раздела определенной тематики в обучении специальной профессиональной лексики.

Особое внимание следует уделить вопросам организации самостоятельной работы студентов, что, в свою очередь, ставит перед преподавателем задачу определить виды учебных заданий, которые необходимы для освоения материала, но предназначенных для внеаудиторного выполнения. Так, в спектр заданий, требующих выполнения вне учебных занятий, могут быть включены и задания, выполняемые на основе видеоматериалов проекта.

Обучающие аудио и –видеодокументы способствуют развитию социолингвистической компетенции, так как именно такого рода материал создает чувство близости далекого, способствует возникновению желания войти в контакт с представителем другой культуры.

Следует отметить, что один лишь учебно-методический комплекс не способен погрузить студентов в языковую среду. Просмотр видеоматериалов на изучаемом языке оказывается гораздо эффективнее. Нельзя не подчеркнуть очень важную роль просмотра и обсуждения видеоматериалов на иностранном языке для повышения мотивации студентов к его изучению.

***Список литературы:***

*Азимов Э.Г.* Информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка как инотстранного. – М.: Русский язык. Курсы, 2012.

*Гальскова Н.Д.* Новые технологии обучения в контексте современной концепции образования в области иностранных языков // Иностранные языки в школе. 2009. №7. С. 9-15

*Dudney G., Hockly N.* How to...Teach English with Technology // Pearson Education Limited Edinburgh Gate Harlow Essex CM20 2JE England and Associated Companies throughout the world. 2007.

Fundamentals of Oral History. Texas Preservation Guidelines. – Austin: Texas Historical Commission, 2004.

*Волкова А.А.*  
Томский государственный университет  
г. Томск (Россия)

*Volkova Anastasiya*  
National Research Tomsk State University  
Tomsk (Russian)

## **ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РАДИОДИСКУРСЕ: ОТ СЛОВ К КУЛЬТУРЕ**

### **SPEECH-PLANNING PROBLEMS IN MODERN RADIO DISCOURSE: FROM WORDS TO CULTURE**

Создание и потребление массовой информации непосредственно связано с психологическими процессами восприятия и усвоения. Изучение радиодискурса позволяет оценить современное состояние русского языка с точки зрения наличия в нем потенциально «опасных» единиц и конструкций, которые могут привести к коммуникативной неудаче из-за пробела между языковыми компетенциями коммуникантов. Одной из приоритетных обозначена проблема речевого планирования в массовой коммуникации. Понимание текста, содержащего иноязычное вкрапление, объективно затруднено, поэтому перед автором стоит весьма сложная задача – предусмотреть шаги, которые будут способствовать пониманию текста в соответствии с авторским замыслом.

Приоритетное место в радиокommunikации занимает коммуникативная стратегия обеспечения понимания. Использование коммуникативных тактик, реализующих стратегию обеспечения понимания, позволяет сделать речь радиоведущих более понятной. В ходе анализа радиотекстов были выявлены шесть тактик (тактики дефиниции, перевода, описания, дискуссии, обращения к авторитетному мнению и контекстуальная тактика). Их употребление дает возможность не только адекватно передать информацию, но и сформировать у слушателя позитивное отношение к новой иноязычной лексике, ознакомить радиослушателей с новыми реалиями культурной жизни, расширить их кругозор, и шире, сформировать новую культурную личность.

Creation and consumption of mass media is directly related to psychological processes of perception and learning. Radio discourse investigation allows evaluating the current state of the Russian language in terms of presence of a potentially "dangerous" items and structures, which can lead to communicative failure because of the gap between the linguistic competence of communicants. As one of the priorities, the speech-planning problem in mass communication is indicated. Understanding the text containing foreign language inclusion, is objectively difficult, therefore, there is a very difficult task for the author - to provide steps that will contribute to the understanding of the text according to the author's intention.

Priority in radio communication takes communicative strategy for understanding. Use of communicative tactics, implementing the strategy, allows making the speech of radio presenters more understandable. In the course of radio text analysis six tactics (tactics of definition, translation, description, discussion, reference to an authoritative opinion and contextual tactics) have been identified. Their use makes it possible not only to convey information adequately, but also to create a positive attitude to the new foreign language vocabulary in the listener, acquaint listeners with the new realities of cultural life, expand their horizons, and wider, to form a new cultural identity.

**Ключевые слова:** радиодискурс, иноязычное вкрапление, речевое планирование, стратегия обеспечения понимания, коммуникативная тактика.

**Key words:** radio discourse, foreign-language inclusion, speech planning, strategy for understanding, communicative tactics.

Значительные преобразования 21-го века затронули все сферы деятельности человека, от социально-бытовой до внешнеполитической. Новый век ознаменовался масштабными изменениями коммуникативного пространства, такими как глобализация, расширение границ и традиций, как культурных, так и языковых. В частности, 2016 год объявлен перекрёстным годом России и Греции. В рамках этой глобальной межгосударственной акции современные ученые-лингвисты получили возможность обсудить актуальные вопросы современного русского языка, проблемы интеграции языков и культур на международных площадках. Коммуникативное пространство становится общемировым, и русский язык по праву занимает в нем важнейшее место. В связи с чем исследование обновленной «модели» русского языка, включающей новые реалии, понятия, лексику становится чрезвычайно актуальным в рамках новой современной действительности.

Обращение к сфере медиакоммуникации обусловлено тем, что язык СМИ презентует все типы общения благодаря тематической неограниченности, жанровому своеобразию, а главное, нацеленности на освещение самых последних мировых тенденций.

Научные исследования последних десятилетий в качестве одной из приоритетных обозначили проблему речевого поведения в публичной и массовой коммуникации. Это определило востребованность исследований, в которых собственно лингвистический анализ сочетается с коммуникативно-прагматическим, базирующимся на рассмотрении особенностей ситуации общения, статуса коммуникантов, уровня их фоновых знаний, взаимодействия вербальных и невербальных способов передачи информации.

Создание и потребление массовой информации непосредственно связано с психологическими процессами восприятия и усвоения. Главную роль в процессе потребления массовой информации играют аудитории – непосредственные потребители той или иной информации. Важнейшей характеристикой медиакоммуникации является ее публичность. Неограниченность числа реципиентов, а также качественная разнородность аудитории обуславливают социально-культурную направленность данного типа коммуникации.

Успешность речевой коммуникации связана с такими психическими процессами, как *восприятие* и *понимание*, а также с *коммуникативными качествами речи*. «Коммуникативный успех – реализация цели коммуникативного (речевого) акта, когда успешное сообщение без существенных помех передается адресантом и адекватно *воспринимается, понимается, усваивается, оценивается* адресатом. Коммуникативным успехом называют *восприятие* получателем селективного содержания коммуникации (информации) как предпосылки своего поведения и присоединение к этому селективному содержанию последующих» [Иванов, 2003, с.261-262].

Авторский личностный смысл непременно ориентирован на потенциального реципиента, а именно на способность реципиента интерпретировать этот смысл в тексте. В процессе создания текста автор предполагает восприятие текста реципиентом. «Таким образом, необходимо выявить при восприятии и понимании ту когнитивную базу, которая позволит понять содержательную сторону текста. Текст, как явление разноплановое и многогранное, содержит ряд языковых формальных средств, которые имеют языковую семантическую интерпретацию. В то же время понимание любого текста не ограничивается интерпретацией его на основе анализа языковых значений и структур. Структура текста определяется соотношением авторских личностных смыслов» [Черкашина, 2001, с.210].

Так, по словам В.В. Ильина, «границы языка, который субъект понимает, есть граница его мира», в этом постулате кроются корни проблемы понимания. Так как не существует «универсальных предметных кодов восприятия», представители разных языковых сообществ, как национальных, так и социокультурных, не имеют возможности избежать «содержательных разрывов» между понятиями, явлениями и т.п. [Ильин, 2001, с.271-272].

Такой подход к решению проблемы взаимодействия автора и реципиента особенно распространен в исследованиях, направленных на изучение массовой коммуникации, которая многими расценивается не только как «трансляция информации и манифестация намерения», но, в первую очередь, «как демонстрация смыслов» [Макаров, 2003, 38-39]. В интерпретации текстов (и в частности, текстов СМИ) ведущая роль отводится адресату. Мы солидарны с Н.Д. Арутюновой, которая отмечает, что коммуникация успешна, если при интерпретации текста приоритетна точка зрения реципиента, а также если удовлетворяются пресуппозиции адресата [Арутюнова, 1981, с.357-359].

Культура понимания обуславливает деятельность автора по формированию текстов массовой коммуникации. Чтобы добиться успеха у широкой аудитории, необходимо «хорошо представлять себе культуру понимания адресатов», развитие которой видится «в расширении свободы выбора восприятия речи человеком в данный период жизни» [Демьянков, 2001, с.318-319].

В настоящем исследовании основное внимание сосредоточено не столько на проблеме мыслительной деятельности адресата, связанной с процессом понимания, сколько на обеспечении автором ее (мыслительной деятельности слушателя) организации.

В контексте обсуждаемой языковой ситуации актуально и своевременно звучит проблема понимания реципиентом нового формата коммуникации, и, в частности, лексического наполнения живой речи. Изучение радиодискурса позволяет оценить современное состояние русского языка с точки зрения наличия в нем потенциально «опасных» единиц и конструкций, которые могут привести к коммуникативной неудаче из-за

пробела между языковыми компетенциями коммуникантов. В этой связи в качестве одной из приоритетных обозначена проблема речевого планирования в публичной и массовой коммуникации.

Приоритетное место в реализации генеральной стратегии воздействия, как представляется, занимает коммуникативная *стратегия обеспечения понимания*. Данная стратегия направлена на обеспечение автором адекватного восприятия и понимания текста. Она коррелирует со всеми вспомогательными стратегиями, так как без понимания текста невозможна реализация ни одной стратегии, в том числе и стратегии воздействия. Стратегия обеспечения понимания является обязательным фактором в достижении авторской цели. Изучение приемов, реализующих стратегию обеспечения понимания, особенно актуально в рамках исследования медиатекста с иноязычными словами.

С точки зрения речевого планирования особый интерес представляют современные радиотексты, содержащие слова и выражения иностранного происхождения. Основной корпус заимствованной из других языков лексики составляют так называемые иноязычные вкрапления – заимствованные из других языков единицы, которые еще не стали, а возможно, и не станут полноценными единицами лексического фонда русского языка; чужеродность таких слов, как правило, осознается и адресатом, и адресантом.

Современная тяга к заимствованиям, как отмечает Н.С. Валгина, «воспроизводит две исторические линии: с одной стороны, это действительно потребности в корне изменившейся жизни (смена политических, экономических, идеологических ориентиров), с другой – американомания, когда привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения, вкусы» [Валгина, 2001, с.108]. Многими исследователями отмечалось, что заимствования часто не оправданны. Иностранное слово в речи стало престижным, и поэтому желание быть модным, быть «на волне», приводит к появлению чрезмерного количества иностранных слов в лексиконе россиян. Основным источником заимствований не только в русский язык, но и в другие языки мира, является американская разновидность английского языка. Сегодня английский язык называют «современной латынью».

По словам Л.Г. Копревой, иноязычные вкрапления, «выполняя информативные и текстообразующие функции, в основном прагматически маркированы: служат декоративным, аттрактивным, побудительным, стилеобразующим, компрессирующим средством. Некоторые из них являются потенциальным источником полноценных заимствованных слов, так как постепенно включаются в процессы русского словообразования и грамматики» [Копрева, 2006].

Понимание текста, содержащего иноязычное вкрапление, объективно затруднено, поэтому перед автором стоит весьма сложная задача – предусмотреть шаги, которые будут способствовать пониманию текста в соответствии с авторским замыслом.

В контексте анализа радиокommunikации актуальным представляется изучение радиопередач / радио ток-шоу, знакомящих слушателей с традициями других стран, культурой, обсуждающих нюансы туризма, путешествий (радиостанция «Эхо Москвы», передача «Галопом по Европам», «Путешествие. Инструкция по сборке»).

В ходе анализа радиотекстов, содержащих иноязычные вкрапления, были выявлены шесть языковых тактик (тактики дефиниции, перевода, описания, обращения к авторитетному мнению и контекстуальная тактика, а также тактика дискуссии).

Наиболее активно в радио текстах используется коммуникативная тактика **дефиниции**, которая реализуется посредством введения в текст краткого определения к понятию, выраженному иноязычным вкраплением.

Например, радиопередача «Южный Тироль – самая высокая Италия» (радиостанция «Эхо Москвы». 27.11.2015г.):

*«Я. Розова: Обратите внимание и на то, что здесь Вы сможете покататься и на **тоббганах** – это **бесполозные сани**».*

Коммуникативная **тактика перевода** направлена на раскрытие смысла понятия, выраженного иноязычным вкраплением, посредством одного из возможных видов перевода.

Например, радиопередача «Галопом по Европам. Гамбург и острова Восточной Фризии Ваттового моря. Остров Нордернай – североморский курорт талассотерапии с белоснежными пляжами» (радиостанция «Эхо Москвы», 24.04.2016г.):

Ср.: «Роман Плюсов: Ну что ж! шлепать по воде или грязи, кто не боится сегодня и хочет, отправляется с нами к **Ваттовому морю**, немецкий глагол – **«watten»**, переводится как «переходить вброд», или более вольно – «шлепать по воде», не путать – «по лужам», это немножечко не то».

Еще один пример, касающийся перевода имен собственных, – радиопередача «Зарубежный калейдоскоп», «Новогоднее Путешествие» (Радио России, 03.01.16):

Ср.: «Юрий Зайцев: Во Франции Дед Мороз носит имя **Пер Ноеля**, который дословно переводится как **отец Рождества**. По-фински Деда Мороза зовут **Елу Пукке**».

Коммуникативная тактика **описания** квалифицируется как способ достижения адекватного понимания радиотекста посредством подробного, детального объяснения сути понятия, выраженного иноязычным вкраплением. Тактику описания отличает от тактики дефиниции более пространное раскрытие смысла иноязычного вкрапления, которое может

включать и определение данного понятия, и авторские пояснения относительно данного понятия.

Например, радиопередача «Галопом по Европам. Отдых в Израиле и Иордании. 27.09.2013г.)

Ср.: «Борис Туманов: Это был *галантин* – это французское блюдо, своего рода желе из белого мяса, то ли курица, телятина, может быть дичь. И, в общем, это очень вкусная вещь. Во всяком случае, у одного из знаменитейших французских писателей прошлого – ну, 20-го и даже 21-го века Сан-Антонио (Фредерик Дар) есть тоже роман, который так и называется *Galantinedevolaille*, то есть, «Галанин из курицы», из птицы».

**Контекстуальная** тактика реализуется в рамках вербального контекста, т.е. языкового окружения иноязычного вкрапления. Понимание иноязычного вкрапления, включенного в текст, возможно после ознакомления или только с ближайшим языковым окружением слова, или со всем текстом.

Например, радиопередача «Галопом по Европам. Гамбург и острова Восточной Фризии Ваттового моря. Остров Нордернай – североморский курорт талассотерапии с белоснежными пляжами» (радиостанция «Эхо Москвы», 24.04.2016г.):

Ср.: «Алла Беликова: Это как раз тот остров, на котором старейший центр *талассотерапии*...

Мария Гореславская: ...Самый большой в Германии, оказывается. А в Германии много SPA. Вот этот баде-хаус.

Алла Беликова: И такой знаменитый «шлик», это называется «шлик» - это грязи этого Ваттового моря. ... Это очень насыщенная различными минералами грязь, как на Мертвом море. На основе этой грязи много различных SPA процедур».

Коммуникативная тактика **обращения к авторитетному мнению** в реализации стратегии обеспечения понимания квалифицируется как вспомогательная, так как она является способом ввода в текст дефиниций, описаний, разъяснений и т.п., относящихся к иноязычным вкраплениям. Суть тактики заключается в том, что инициатива создания текста, а нередко и интерпретирования иноязычного вкрапления, частично или полностью передается автором эксперту (авторитетному лицу). Наличие двух или более точек зрения по поводу понятия, выраженного иноязычным вкраплением, позволяет шире раскрыть смысл этого понятия. Более того, автор может повлиять на степень доверия к информации, используя авторитет «эксперта». Можно предполагать, что интерпретации, предложенные «экспертом» (известным специалистом, популярным человеком), будут восприниматься слушателями как более убедительные.



Например, радиопередача «Галопом по Европам. Гамбург и острова Восточной Фризии ваттового моря. Остров Нордернай – североморский курорт талассотерапии с белоснежными пляжами» (радиостанция «Эхо Москвы», 24.04.2016г.):

Ср.: «Роман Плюсов: Сегодня мы отправляемся на Север Германии, мы – это я Роман Плюсов, Борис Туманов, и вместе с нами Алла Беликова – директор национального туристического офиса Германии в России... Алла Беликова: Там все с такой приставкой *кур-*, от курорт – это немецкое слово. Основные достопримечательности с приставкой *кур-*: *курхаус, курхотел*».

Коммуникативная **тактика дискуссии** близка по способу реализации к тактике обращения к авторитетному мнению, но в отличие от последней, тактика дискуссии направлена на раскрытие значения иноязычного вкрапления в ходе коммуникации, в которой могут принимать участие, как ведущие радиопрограммы, гости студии, так и слушатели, она подразумевает двух и более участников коммуникации. Смысл иноязычного слова раскрывается в ходе диалога / полилога.

Например, радиопередача «Галопом по Европам. Гамбург и острова Восточной Фризии ваттового моря. Остров Нордернай – североморский курорт талассотерапии с белоснежными пляжами» (радиостанция «Эхо Москвы», 24.04.2016г.):

Ср.: «Алла Беликова: «**Штранткербе** – это такой специальный дизайн для этого побережья, это шезлонг, который выглядит как короб, можно и от солнца скрыться, спрятаться...

Мария Гореславская: Это своеобразный символ морского отдыха в Германии. Там же это было придумано, вот эти коробки.

Роман Плюсов: «Беседочка» ...

Алла Беликова: Они очень живописные, и очень уютно в них».

Все охарактеризованные тактики относятся к языковым, так как они эксплицитно выражены с помощью языковых средств. Способы их языковой репрезентации носят универсальный характер, они свойственны любой из шести языковых тактик, реализующих стратегию обеспечения понимания. Языковое воплощение выявленных тактик реализуется благодаря единицам всех уровней языка.

При всем структурно-текстовом разнообразии языковых репрезентаций коммуникативных тактик можно усмотреть определенную (но не жесткую) структуру. Так, для тактики дефиниции характерны емкие в смысловом отношении лексические единицы, лаконичные конструкции; для тактики описания и контекстуальной тактики типичны конструкции с синонимическими рядами, обилие усложненных синтаксических

конструкций; для тактик обращения к авторитетному мнению и дискуссии характерны разговорная лексика и т.д.

Современная языковая тенденция к увеличению числа единиц иноязычной лексики в текстах СМИ не может не отражаться на характере коммуникативного планирования. Новая лексика требует особого внимания со стороны участников коммуникации, ее употребляющих. Как показало исследование, активное включение иноязычной лексики, неквалифицированная подача журналистами новых иноязычных слов в радиокommunikации могут стать причиной коммуникативной неудачи.

В ходе анализа стало очевидным, что использование коммуникативных тактик, реализующих стратегию понимания, позволяют сделать речь радиоведущих более понятной. Их употребление позволяет не только адекватно передать информацию, но и сформировать у слушателя позитивное отношение к новой иноязычной лексике, ознакомить радиослушателей с новыми реалиями культурной жизни, расширить их кругозор, и шире, сформировать новую культурную личность.

### ***Список литературы:***

- Арутюнова Н.Д.* Фактор адресата // Известия АН ССР. Серия литературы и языка. – 1981. – №4. – С.57.
- Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2001. – 304с.
- Демьянков В.З.* Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические стратегии) // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С.309-323.
- Иванов Л.Ю.* Коммуникативный успех// Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта, Наука, 2003. – С.261-262.
- Ильин В.В.* Язык-Понимание-Культура // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С.267-272.
- Корнева Л.Г.* Иноязычные вкрапления в региональной пресс-рекламе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ej.kubargo.ru/2006/06/pdf/25.pdf>, свободный.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М., 2003. – 284с.
- Черкашина Ю.В.* Семантика текста: адекватное восприятие понимание текста // Квантитативная лингвистика и семантика. Сб. науч. тр. Новосибирского госпедуниверситета. – Новосибирск, 2001. – Вып.3. – С.207-210.

*Воложанин И.Н.*  
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
г. Москва (Россия)

*Volozhanin Igor*  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

## **КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ МЕЖЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

### **CHINESE LANGUAGE IN THE GLOBAL SYSTEM OF INTERLANGUAGE COMMUNICATION: NEW TRENDS AND PERSPECTIVES**

Китайский язык активно осваивает международное коммуникативное пространство, усиливает свои позиции и влияние в области межкультурного обмена. Этот процесс подкрепляется логикой развития Китая: успешная модернизация народного хозяйства при опоре на политику открытости внешнему миру способствовала превращению этого государства в «экономический мотор» глобализации.

Китай еще на первом этапе проведения экономических реформ признал особую роль английского языка в глобальной коммуникации и его значение как инструмента заимствования передового опыта развитых стран, ускорения научно-технического прогресса страны и успешного строительства эффективной рыночной экономики. Это воплотилось в целенаправленной политике по подготовке соответствующих переводческих кадров. Английский язык как второй занял приоритетное место в системе образования КНР.

Были приняты меры для более активного распространения общенационального китайского языка (путунхуа) в мире. В отечественной и западной социолингвистике повысился интерес к исследованию проблемы коммуникативного потенциала этого языка. Дискуссия по данной теме оживилась после выдвигания гипотезы о том, что английский язык может уступить путунхуа свое место главного игрока межкультурной коммуникации.

Chinese Language is vigorously aimed at mastering of international communication space, strengthening its position and influence as an instrument of intercultural exchanges. The process is underlined by logic of China's development: successful modernization of the economy, reliance on external openness policy – all this contributed to its emergence as an “engine” of globalization.

China has recognized a special role of English in global communication and its importance as an instrument to introduce advanced experience of developed countries, facilitate scientific and technological advances and successful building of market economy. That was embodied in goal-seeking policy of education of qualified interpreters. English as a second language got a priority place in China education system.

Some measures were taken to promote speedy spread of national language (Putonghua) in the world. Russian and western social linguistic pundits raised their attention to researching of communicative potential of the language in global dimension. The discussion was heated by proposition of the idea that English could be substituted by Putonghua as a main player in intercultural communication.

**Ключевые слова:** глобальная система межкультурной коммуникации, китайский и английский языки, коммуникативный потенциал, лингвистическая конкурентноспособность.

**Key words:** global system of interlanguage communication, Chinese and English, communicative potential, linguistic capacity.

Вопрос о месте и роли китайского языка в глобальной системе коммуникации уже несколько лет является предметом оживленной лингвистической дискуссии. Фоном для нее,

несомненно, служат успехи, достигнутые в последние два десятилетия Китаем в экономическом, научно-техническом и военном развитии и его попытки усилить свое влияние в различных сферах международной жизни, включая область межкультурной коммуникации. С одной стороны, Пекин, накопивший в пореформенное время необходимые финансовые ресурсы, заметно активизировал государственную политику в области развития и укрепления позиций общенационального языка (китайское название – путунхуа, язык общего пользования) как внутри страны, так и за ее пределами. С другой, в западных и других странах мира резко возрос интерес к изучению китайского языка и китайского опыта в целом

Усиление позиций китайского языка и его распространение в мире привлекло внимание многих известных исследователей в области социолингвистики и смежных дисциплин. Дискуссия о меняющейся коммуникативной роли путунхуа оживилась после того, как британский ученый П. Грэдл выдвинул гипотезу о возможной смене языкового лидерства в 21 веке и выходе на передовые позиции других крупных языков мира, в числе которых он выделил китайский [Грэдл, 2004, с. 25]. Вопрос, сможет ли китайский язык вслед за выходом Китая на передовые экономические и политические позиции в мире утвердиться в качестве одного из ведущих языков глобальной межкультурной коммуникации, потеснить или даже заменить в этой роли английский язык, доминирование которого многим представлялось чуть ли не вечным и неоспоримым, вызвал серьезные разногласия и вылился в спор, который вышел за академические рамки и был подхвачен интернет-сообществом.

Оговоримся сразу: поднятая проблема весьма многоаспектна и в различных своих измерениях выходит за рамки социолингвистики. Многие из этих аспектов безусловно заслуживают отдельного серьезного изучения. С учетом ограниченных рамок статьи мы остановили свой выбор на тех из них, которые с той или иной степенью наглядности иллюстрируют *возможности и ограничения*, связанные с освоением китайским языком глобального коммуникативного пространства.

Коммуникативный статус языка традиционно определяется исходя из объема и структуры коммуникации. Известный специалист в области социолингвистики Дэвид Кристалл, которому принадлежит заслуга введения в научный оборот концепции английского языка как *глобального*, обозначил следующие признаки мирового статуса языка: 1) Большое количество людей считает этот язык родным. 2) Среди тех, для кого этот язык не является родным, есть большое количество людей, владеющих им как иностранным или вторым языком. 3) На этом языке говорят во многих странах, на нескольких континентах и в разных культурных сферах. 4) Во многих странах этот язык изучается в школе как

иностранный Главным инструментом в идентификации языка мирового значения в ряде исследований называют статистические данные о численности носителей и пользователей

Основываясь на этих положениях, многие исследователи соглашаются с тем, что *китайский язык является самым распространенным языком планеты*. В совокупности всех своих диалектов, он в настоящее время используется примерно 1 млрд. 300 млн. человек, что составляет чуть меньше одной пятой человечества<sup>14</sup>. Хотя это цивилизационное пространство в той или иной степени разобщено политически и географически, оно тем не менее связано общими духовными традициями, земляческими и кровными узами и, не в последнюю очередь, иероглифической письменностью [Завьялова, 2014, с. 32].

О возросших коммуникативных возможностях китайского языка также свидетельствует его заметно *усилившаяся во многих странах мира востребованность как второго*. Как показывают исследования, на рубеже третьего тысячелетия по мере развития транснациональных корпораций и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), а также усиления миграционных потоков сложилась новая социолингвистическая ситуация, характеризующаяся такими важными явлениями, как массовый билингвизм и функциональный мультилингвизм [Марусенко, 2013, с. 8-9]. В результате стремительного возвышения Китая и обретения им статуса «двигателя» экономической глобализации китайский язык действительно стал одним из главных «бенефициаров» новой ситуации, превратился в активного участника глобального коммуникационного процесса, индуцировал интерес и внимание мирового сообщества к «собственной персоне». Как результат, его ставки как языка международного общения существенно поднялись.

Это можно проследить на следующих фактах. Благодаря беспрецедентному по масштабу переносу развитыми странами своих производственных мощностей в Китай, последний в конце прошлого столетия превратился в «мировую фабрику», а после накопления капиталов в крупного инвестора в экономики других стран. Сегодня он занимает верхние позиции по таким показателям, как экономический рост (1 место в мире)<sup>15</sup> и число научных публикаций (2 место в мире),<sup>16</sup> а также стремительно приближается к верхней планке по таким показателям, как «конкурентоспособность» (26 место из 142 стран). Особый интерес для исследователей с точки зрения презентации коммуникативной функции китайского языка представляют успехи Китая в «инновациях и развитии экономики знаний».

---

<sup>14</sup> Цифры могут различаться в зависимости от методики и оснований расчетов.

<sup>15</sup> Сухаревская А. Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире // РБК. 08.10.2014, 16:04. [www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a](http://www.rbc.ru/economics/08/10/2014/5434f48dcbb20faeeafe2a0a) (дата обращения: 23.06.2026)

<sup>16</sup> Борисова А. Китай вышел на второе место по числу научных публикаций в мире // Газета.ру. 29.03.2011, 14:42. URL: [http://www.gazeta.ru/science/2011/03/29\\_a\\_3568693.shtml](http://www.gazeta.ru/science/2011/03/29_a_3568693.shtml) (дата обращения: 23.06.16)

По этому показателю КНР вышла на 31 место в рейтинге из 142 стран.<sup>17</sup> О восприятии китайцами своих свершений в пореформенный период свидетельствует такое высказывание известного писателя Юй Хуа о том, что Китай за 40 лет прошел путь, на который Европа затратила 400 лет.<sup>18</sup>

Китайское «экономическое чудо» вызвало настоящий синологический бум на Западе и в других районах мира. В ответ на стремительное «возвышение» Китая правительствами многих стран были предприняты серьезные усилия для обучения и подготовки переводчиков и специалистов, владеющих китайским языком и способных решать задачи по обеспечению переговорных процессов, деловой переписки, маркетинговой, рекламной и другой деятельности. Более того, изучение китайского языка вошло в список важных задач силовых ведомств ряда стран. Так, в январе 2006 года президент США Дж. Бушем одобрил т.н. «Программу лингвистического обеспечения национальной безопасности», в соответствии с которой китайский язык был включен в перечень «критически важных» иностранных языков, изучение которых должно получать поддержку со стороны государства.<sup>19</sup>

Другим заслуживающим внимания моментом является заметное *укрепление позиций китайского языка на международном интеллектуальном рынке*. Еще совсем недавно выступавший в роли одного из самых «ненасытных» импортеров новейших научных, технических и гуманитарных знаний и информации, Китай стал и производителем собственного интеллектуального продукта, и его поставщиком на мировой рынок. Он не только вошел в число мировых лидеров по производству и экспорту продукции ИКТ, развитию и накоплению цифровых баз данных, но и задействовал эти ресурсы для укрепления своей политики «мягкой силы» на международной арене. Эта страна сегодня располагает одним из самых мощных и хорошо оснащенных аппаратов внешнеполитической информации и пропаганды, который обслуживается большим штатом высококвалифицированных специалистов различного профиля, включая лингвистов и переводчиков.

Выдвижение этой работы на приоритетное место в государственной политике Китая нашло свое отражение в примечательной смене ориентиров в деятельности переводческой индустрии страны. Как констатируют китайские исследователи, если раньше здесь в основном переводили с иностранных языков на китайский язык, то сегодня вектор

---

<sup>17</sup> Место Китая в международных инновационных рейтингах. URL: <http://www.gmucountries.ru/asia/china/nis-rating.html> (дата обращения : 23.06.2015).

<sup>18</sup> Юй Хуа, «Десять слов про Китай», сборник эссе, М., изд-во Астраль, 2012 г., с. 3, [www.e-reading.club/book.php?book=1031346](http://www.e-reading.club/book.php?book=1031346) (дата обращения: 23.06.160)

<sup>19</sup> NSEP, <http://www.nsep.gov>.

переводческой деятельности изменился в обратную сторону. Такой поворот объясняется необходимостью шире знакомить мир с экономическими, научно-техническими достижениями и культурой Китая. Что же касается такого важного направления перевода, как литературный, то он смещается на периферию.

Напористым характером отличается и политика Пекина, *направленная на глобальное распространение путунхуа*. В целях дальнейшего освоения мирового коммуникативного пространства была создана и активно развивается система обучения китайскому языку иностранных граждан *внутри страны*. В 2014 году в вузах Китая проходили обучение и стажировались 390 тыс. иностранных студентов (из них примерно 15 тыс. из России). По прогнозам Министерства образования КНР, их численность должна возрасти до полумиллиона в 2020 году.<sup>20</sup>

Достижения в области распространения китайского языка *за рубежом* также впечатляют. В этих целях в 120 странах на всех шести континентах мира к 2015 году было создано 480 Институтов Конфуция. В виде эксперимента первый такой институт был открыт в июне 2004 года в Ташкенте. Ожидается, что к 2020 году в мире будет функционировать примерно 1000 таких институтов.<sup>21</sup> По образцу британской программы распространения английского языка TOEFL институты Конфуция с 2010 года проводят специальное государственное тестирование на уровень знания китайского языка иностранными студентами и школьниками (сокращенное название экзамена HSK). О широком масштабе этой программы свидетельствует тот факт, что только в первый год ее осуществления за рубежом в экзаменах приняли участие 750 тыс. человек.<sup>22</sup> Помимо правительственных структур преподавание китайского языка осуществляется на многочисленных курсах, созданных при университетах, колледжах, частных компаниях и в индивидуальном порядке. К примеру, только в США в 2014 году китайский язык учили 52 тыс. американских студентов и 24 тыс. школьников. Часть вузов, осуществляющих преподавание китайского языка, равно как и студенты, избравшие для изучения китайский язык по линии министерства обороны, пользуются финансовой поддержкой со стороны правительства.<sup>23</sup>

Достаточен ли вышеприведенный «послужной список» достижений китайского языка, чтобы он мог рассматриваться в качестве реального претендента на роль ведущего мирового языка межкультурного обмена в обозримой перспективе? На наш взгляд, несмотря на

---

<sup>20</sup> «Независимая газета», 28.10.2015, [http://www.ng.ru/nauka/2015-10-28/11\\_china.html](http://www.ng.ru/nauka/2015-10-28/11_china.html) (дата обращения: 23.06.16)

<sup>21</sup> ПолитАнализ, 15.04.16. [politanaliz.org/2016/04/15/кнр-дипломатия-в-мягких-тапочках](http://politanaliz.org/2016/04/15/кнр-дипломатия-в-мягких-тапочках) (дата обращения: 23.06.16)

<sup>22</sup> CCTV, America, 03.03.2015 <http://www.cctv-america.com/2015/03/03/chinese-as-a-second-language-growing-in-popularity> (дата обращения: 23.06.16)

<sup>23</sup> См. сноску 7.

очевидные успехи Китая в продвижении вверх по иерархической лестнице языков мира, имеется немало обстоятельств, чтобы не торопиться с категорическим ответом.

Во-первых, взаимодействие законов экономического развития стран и развития мировой языковой иерархии отличается сложным характером. Эти процессы протекают не синхронно, и не автоматически. Анализируя вопросы влияния разных факторов на изменение глобальной значимости языка, многие исследователи обращают внимание на причины, которые снижают научную ценность прямолинейных исторических аналогий, которые используются для сравнения судеб различных языков в истории цивилизации. Они, в частности, указывают на то обстоятельство, что после вступления человечества в ядерную эпоху, сделавшей невозможными или самоубийственными крупные военные конфликты между мировыми державами, значительно возросла роль т.н. «мягкой силы» - морального авторитета и влияния государств, их способность генерировать и осуществлять конструктивные идеи толерантности, укрепления мира, стабильности и сплочения человечества. «Мягкая сила» реализуется в культурном дискурсе через коммуникативную функцию языка. От способности последнего наилучшим образом аккумулировать, синтезировать и превратить в свою лингвистическую функцию интеллектуальные, мировоззренческие и этические ценности человечества во многом зависит его коммуникативная ценность. Пока, как считают многие, на роль такого языка история выдвинула английский.

И здесь возникает проблема. Китай будучи мотором экономической глобализации завоевал на Западе репутацию ответственного делового партнера, но это еще не репутация доверительного партнера в более широком смысле. Поскольку полная «декультуризация» глобального языка, на которой сегодня настаивает доминирующая в Китае социолингвистическая идеология, не укладывается в логику главной функции этого языка: реализовывать свою роль в межкультурной коммуникации. Как считают многие западные исследователи, проблема «декультуризации» глобального языка не имеет своего решения. И неудача с эсперанто и другими искусственными языками служит одним из доказательств это.

Сможет ли в этих условиях китайский язык стать желанным или хотя бы приемлемым для западных стран инструментальным лидером глобального диалога? Подходит ли этот язык для осуществления не конфликтующего с либеральным мировоззрением культурного дискурса? Это, конечно, гипотетические и риторические вопросы. В действительности они в силу своего деликатного политического характера не могут стать актуальной повесткой дня глобальных социолингвистических дискуссий. Вместе с тем обсуждение таких вопросов в кругу специалистов представляется важным для внесения



некоторой ясности в понимание тенденций и перспектив развития глобального коммуникативного потенциала тех или иных языков.

Уместно в этой связи сказать о том, что Китай не только внимательно следит за общим ходом дискуссии о роли и функциях глобального языка, но и пытается учесть ключевые ее моменты в своей политической практике. Достаточно вспомнить, что еще недавно Пекин выступил инициатором и активным пропагандистом концепции «гармоничного развития мира». Наряду с тезисом о стремлении Китая внести свой вклад в мирное развитие и процветание человечества эта концепция составляла философское ядро китайского культурного дискурса первого десятилетия этого века. Он в значительной мере представлял собой интеллектуальный продукт, в котором большой удельный вес занимают традиционные конфуцианские ценности. Сейчас этот дискурс утратил свою динамику. Возможно, «педалирование» этих идей сегодня, в мире, раздираемом конфликтами и политическими разногласиями, было сочтено не совсем уместным, но, как представляется, именно ценности, подобные концепции «гармонии мира», могли бы в более спокойном будущем составить подходящую основу для межкультурного диалога Востока и Запада, сыграть свою роль в решении задачи предотвращения т.н. межцивилизационных конфликтов, а заодно повысить интерес к китайскому языку в мире.

Исследования свидетельствуют, что в самом Китае и власти и научное сообщество к гипотезе превращения китайского языка в глобальный язык межкультурной коммуникации относятся достаточно нейтрально. С одной стороны, доминирующей здесь позицией по этому вопросу остается признание, что на данном историческом этапе английский язык очень важен для интересов самого Китая. С другой, английский язык в функции носителя «культурной глобализации», как было упомянуто выше, воспринимается главным образом негативно.

Отсюда комбинированная политика Пекина: «и поощрения, и сдерживания» английского языка. Исследовавшая эту проблему А.Джонсон, описывая такой дуализм китайских властей, отмечала, что они «разрываются» между энтузиазмом, когда поощряют изучение английского языка и страхом перед «заразными идеями», которые он может занести в КНР, неприятием т.н. «культурного империализма», с которым связывается доминирование английского языка в мире (Johnson, 2009, с.16 ). В китайских СМИ и научных публикациях наряду с часто встречающимся клише о пользе изучения английского языка как о практике, отвечающей интересам Китая, можно также встретить рассуждения о том, что «чрезмерное» распространение английского языка может иметь своим побочным эффектом различного рода идеологические опасности, в том числе таить «угрозу национальному единству страны» .

Однако, как представляется, в целом на данном этапе прагматический подход берет верх над идеологическим. Об этом свидетельствует, например, такое высказывание заместителя премьера Госсовета Китая Ли Ланьцина: «Английский язык – это не только вопрос образования, это вопрос модернизации страны». Оценивая ситуацию в целом, можно сказать, что компромисс найден на пересечении патриотических («использовать все ценное иностранное на пользу Китая») и утилитарных идей и целей (использовать английский исключительно как инструмент «полезной» коммуникации, игнорируя его «неполезную культурную нагрузку»). Такой избирательный подход к английскому языку затрудняет и даже делает невозможным его восприятие большинством китайцев как языка, обладающего «наркотической» притягательной силой для людей различной национальности.

Как уже было отмечено, большинство китайских лингвистов признает, что английский язык по всей вероятности будет оставаться главным языком международной коммуникации на обозримую перспективу. Такое «примирение» с английским языком по-видимому будет действовать до тех пор, пока оно не мешает китайскому языку вести с ним конкурентную борьбу. В русле такой «примиренческой» позиции продвигается, например идея коммуникативного сотрудничества китайского и английского языков в качестве двух «равноправных» языков мира (Чжан Шэньюн, 2011, с. 12).

Пока конструкция такого сотрудничества не имеет четких очертаний. Китай пока не может представлять на своем национальном языке тот объем и то качество информации, которые представляет английский язык. Не только по лингвистическим характеристикам, но и в плане содержательного наполнения виртуального сетевого пространства китайский язык в силу известных политических, идеологических и технических причин проигрывает в конкуренции с английским. На сегодняшний день 56% всей размещенной в сети технической информации хранится на английском языке. Кроме того английский язык идет впереди китайского и по таким параметрам, как доступность информации, отсутствие или «незаметность» политической цензуры, разработка содержания глобального дискурса и коммуникативных практик. «Английский везде, - писал английский журнал «Экономист».- На нем говорят 380 миллионов как на родном, еще 2/3 от этого числа используют его как второй язык. 1 миллиард изучает его. Около трети всего человечества знакомы с ним в той или иной степени. Ожидается, что в 2050 году полмира будет представлено более-менее опытными пользователями английского языка. Английский, а не китайский является и останется языком инноваций».<sup>24</sup>

Насколько обосновано такое суждение и как долго сможет английский язык удерживать свое превосходство пока не ясно. Одни факты говорят о значительных

---

<sup>24</sup> The Economist, 22.12.2001

преимуществах, которые английский язык еще не потерял, другие показывают, что разрыв между английским и китайским языками сокращается. Причем по некоторым параметрам - очень высокими темпами. Так, за последнее десятилетие объем информации на китайском языке увеличился на 1478 процентов, а на английском – только на 301 процент. Поскольку в выборе второго языка, по мнению многих исследователей, преобладают экономические факторы, т.е. утилитарная его полезность для карьерного роста, а превосходство английского в обладании и распространении полезной информации с каждым годом уменьшается, соперничество двух языков за лидерство на глобальном коммуникационном пространстве может в определенный момент обостриться. Тем более, что Китаю с его пятитысячелетней историей есть, что предъявить миру в смысле достижений духовной культуры. Он, похоже, морально готов и к соревнованию, и к сотрудничеству с Западом на культурном поприще.

Сравнительный анализ коммуникативных потенциалов китайского и английского языков был бы неполным, если бы мы не сказали несколько слов об еще одном важном факторе - лингвистическом. Известно, что в опросах по критерию трудности изучения китайский язык, как правило, занимает верхние строчки. Большие, принципиально важные с точки зрения равноценности освоения лингвистические отличия китайского и английского языков нередко становятся причиной отказа выбора китайского языка как второго. Такая проблема, разумеется, касается не только представителей индоевропейских языков. Но для простых европейцев, привыкших находить какие-то сходства в родном языке и языке собеседника - географического соседа, китайский язык был и остается загадкой. "Китайская грамота" - так обычно называют все непонятное, в том числе и китайскую письменность, тем самым подчеркивая, как сложно ею овладеть. Для такого опасения есть достаточные основания: общее количество иероглифов в китайском языке достигает 50-80 тысяч. Правда считается, что знание всего нескольких тысяч дает возможность чтения и понимания газетных текстов.

Трудности, однако, не ограничиваются иероглифической письменностью. Хотя нередко утверждается, что китайская грамматика относительно проста, грамматический строй китайского языка существенно отличается от такового европейских языков. Чтобы хорошо разбираться в нем, неплохо сначала овладеть способом выражения китайцами своих мыслей, структурными особенностями их речи. Самый простой пример коммуникативной трудности: если переводчик с европейского языка может синхронно переводить речь говорящего по частям, то переводчик с китайского языка обязательно должен выслушать мысль до конца, так как все определения предшествуют определяемым словам.

Автор теоретической грамматики китайского языка Чжао Юньпин высказал интересное замечание о том, что «грамматика русского языка и грамматика китайского языка, возможно, являются одними из самых трудных в мире грамматик. Первая трудна своей сложностью, а вторая трудна своей ложной простотой. Сравнительно легче одолеть сложную и строгую русскую грамматику, чем освоить простую, но гибкую китайскую». Хотя в китайском языке с его иероглифической письменностью практически отсутствует словоизменительная практика, нет аффиксов со значением падежа, лица, времени и рода, а форма множественного числа присуща только существительным, обозначающим лиц, и личным местоимениям, связность речи обеспечивается множеством служебных слов, в тонкостях использования которых не так-то просто разобраться.

Еще большую сложность, чем иероглифы, по мнению некоторых специалистов, представляет фонетика китайского языка. Очень сложны, например отношения между письменным знаком и его произношением. Увидев незнакомый иероглиф, вы не сможете с известной долей уверенности воспроизвести звучание этой слогоморфемы, поскольку т.н. ключи-фонетики есть далеко не во всяком иероглифе, а какого-либо обозначения его тональности (в китайском языке четыре базовых тона) вообще нет. Наличие тысяч омофонов и постоянные столкновения с ними в звучащей речи, не говоря уж о диалектальных и индивидуальных особенностях произношения, могут для неискушенного слушателя превратить эту речь в сплошной хаотический поток трудноразличимых в смысловом отношении звуков. Не случайна известная притча о китайце-южанине и китайце-северянине, которые после неудачных попыток понять друг друга перешли на английский язык.

Эти и другие трудности, конечно, могут кого-то разочаровать и оттолкнуть от самой идеи обратиться к изучению китайского языка, а кого-то, напротив, воодушевить на это весьма экзотическое предприятие. Как человек, имеющий некоторый опыт в освоении китайского языка, могу сказать об этом эксперименте как о фантастическом – трудном, но интересном - путешествии в другой мир. Но для такого путешествия нужна сильная мотивация. А это уже серьезная проблема в плане разговора о коммуникативном потенциале и привлекательности языков. И тем более серьезная, когда речь идет о притягательной силе глобального языка.

#### ***Список литературы:***

*Бахтин М.М.* Слово о романе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.etextlib.ru/Book/Details/7466](http://www.etextlib.ru/Book/Details/7466)

- Киктенко В.А.* Историко-философская концепция Джозефа Нидэма: Китайская наука и цивилизация (Философский анализ теоретических подходов) / В.А. Киктенко. - Киев: НАН Украины, Ин-т Востоковедения им. А. Крымского, 2008. - 530 с.
- Кристал Д.* Английский как глобальный. Пер. с англ. English as a Global Language David Cristal, 2001, М: Изд-во «Весь мир», 240 с.
- Марусенко М.А.* Глобализация и национальные языки. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. №4, 2013, с. 8
- Павленко Ю.В.* Культурно-языковые противоречия глобализации. Зеркало недели. 2004. №32(305).
- Палажченко П.Р.* Диалог культур в языковом пространстве мира. 2004. № 6
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. - М.: Слово/Slovo, 2000. - 624 с.
- Blommaert, J.* Sociolinguistics and discourse analysis. Journal of Multicultural Discourses 2007. 2(2): 115-130. <https://www.researchgate.net/.../269356452>
- Cameron D.* Globalising “communication”// New Media Language/ ed. by Jean Atchison and Lewis D. -L.:Routledge, 2008, p.27-35 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.iling-ran.ru/library/sociolingva/2014\\_language\\_policy.pdf](http://www.iling-ran.ru/library/sociolingva/2014_language_policy.pdf)
- Graddal D.* English Next: Why Global English May Mean The End of English as Foreign Language. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [englishagenda.britishcouncil.org/.../books-english-next.pdf](http://englishagenda.britishcouncil.org/.../books-english-next.pdf)
- Fisher B.* Why English, Not Mandarin, Is the Language of Innovation Macalester College Harvard Business Review, January 12, 2015
- Johnson A.* The Rise of English: The Language of Globalization in China and the European Union Macalester International Volume 22 The Macalester/Maastricht Essays Article 12 Winter 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://digitalcommons.macalester.edu/macintl>
- Kumaravadivelu B.* Promoting Chinese Language and Culture in an Age of Globalization San Hose State University, California. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bkumaravadivelu.com/articles%20in%20pdfs/2012%20Global%20Mandarin.pdf>
- Sjaak Kroon, Jan Blommaert & Dong Jie* Chinese and globalization. Tilburg Papers. Cultural Studies Paper 111, October 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://benjamins.com/catalog/hslld.2.17kro>
- Zhang Shengyong* English as a Global Language in Chinese Context. Theory and Practice in Language Studies, Vol. 1, No. 2, pp. 167-176, February 2011

**Волотова М. Г.**  
Военная академия Генерального штаба  
Вооружённых Сил Российской Федерации  
г. Москва (Россия)

**Volotova Margarita**  
Military Academy of General Staff of  
Russian Federation Armed forces  
Moscow (Russia)

## **«ДОМОСТРОЙ» В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ЭВОЛЮЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА**

### **«DOMOSTROY (HOUSEHOLD ORDER)» IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC RESEARCH: EVOLUTION OF «DOMOSTROY» RESEARCH**

В данной статье рассмотрены этапы, связанные с изучением литературного памятника древней Руси «Домостроя». В качестве информационной базы был использован труд учёных, занимавшихся исследованием «Домостроя». В ходе проведения анализа автором широко использованы материалы монографических и диссертационных исследований отечественных авторов дореволюционного и современного периода.

На основе исторических материалов «Домостроя» проанализированы подходы изучения литературного памятника в области его происхождения, ритуально-регламентирующих бытовых сторон жизни Руси и исследования языковых особенностей, отражавших основу становления русского национального языка.

The article touches upon stages of the research of the ancient Russia's literature heritage *Domostroy*. The article is based on the scientific research works and close and detailed examination of *Domostroy*. When carrying out the research the author widely referred to monographs, theses and dissertations by both modern Russian authors and those of the XIX century.

Basing on *Domostroy* the author analyzed possible research approaches to studying historical literature heritage as to its origin, habits, customs and traditions of the ancient Russia, the author also analyzed research works of linguistic particulars, which reflect genesis of the Russian folk language.

**Ключевые слова:** «Домострой», памятник литературы, филологическое исследование, редакция, этапы, историческая действительность.

**Key words:** *Domostroy*, literature heritage, philology research, edition, stages, historic realities.

«Домострой» считается одним из наиболее интересных памятников литературы Руси в средние века. Созданный в первой половине царствования Ивана Грозного «Домострой», авторство окончательного текста которого связывают с именем благовещенского иерея Сильвестра, сподвижника и наставника царя Иоанна, есть не просто сборник советов.

В настоящее время обращение к этому произведению актуально, прежде всего потому, что бережно накопленный и сохраненный им пласт вековых традиций русского народа может стать интегрирующим и стабилизирующим началом возрождения национальной культуры новой России.

«Домострой» был открыт в первой половине XIX века, первый опыт его издания относится к 1849 году. Этот год ознаменовался появлением сразу двух публикаций памятника, одна из которых была осуществлена Д.П. Голохвастовым (полная версия), другая – И.П. Сахаровым (в отдельных извлечениях).

Исследуя эту рукопись, Д.П. Голохвастов делает такое открытие: духовник Ивана Грозного и упомянутый в последней главе Домостроя благовещенский поп Сильвестр есть одно и то же лицо: «Тождество его с автором Домостроя, перешедшим в Москву из Новгорода и имевшим единородного сына по имени Анфим, несомненно доказывается: а) словами Курбского в первой главе Истории Иоанна “...прииде к нему един муж, презвитер чином, именем Селивестр, приишец от нова города великаго”; б) Словами самого Иоанна в ответ Князю Курбскому: “...того ради и чаду его (Сильвестра) сотворих и по се время во благоденствии пребывати; точиюубо лица нашего не зря”; в) надписью, открытою Г. Строевым, на рукописи Кирилло-Белозерского монастыря, хранящейся в новгородской Софийской библиотеке: “Сия книга Зерцало, государьскоеданье, попа Силиверстаблаговещенскаго, во иноцех Спиридона, и сына его Анфима”» [Голохвастов, 1849, с. 4].

Дальнейшее исследование сильвестровского списка «Домостроя» было продолжено непосредственно Н.М. Коншиным, о чем его очень просил Д.П. Голохвастов: «Не имея сам возможности заняться изданием Домостроя, я просил Н.М. Коншина принять на себя этот труд <... > Г. Коншин, как опытный знаток и любитель отечественной словесности, истории и древностей, посвятил все время летней вакации на точнейшее списывание подлинника, сводку вариантов по прочим спискам и на просмотр корректур. Снимки разных почерков и клейм бумаги тщательно и верно сделаны рисовальным учителем Тверского уездного училища Пашкиным» [Голохвастов, 1849, с. 5].

В Предисловии к первому печатному изданию «Домостроя» Д.П. Голохвастов объявляет о намерении издать свои комментарии отдельным изданием, хотя вначале предполагал поместить их в предисловии к публикации памятника. Однако, поняв, «что все это слишком увеличит объем его», «решился издать вслед за сим, или по крайней мере «особой статьею» [Голохвастов, 1849, с. 5]. Но замыслу его не удалось осуществиться, тому помешала внезапная смерть исследователя.

В том же 1849 году И.П. Сахаровым во втором томе «Сказаний русского народа» И.П. Сахаровым были опубликованы отдельные извлечения из Домостроя. По содержанию отрывков, опубликованных Сахаровым, видно, что Домострой интересовал его только как памятник, открывающий ритуально-регламентирующую бытовую сторону жизни Руси XVI столетия. Испытавший влияние со стороны многочисленных монастырских «обиходников»,

которые определяли порядок и чин монастырской жизни, Домострой, по мысли И.П. Сахарова, был лишь «обрядником всего, что делать и как жить» [Колесов, 2007, с. 315].

Однако, при всех своих недостатках, публикация И.П. Сахарова, тем не менее, произвела определенный положительный эффект. Приведенные в «Сказаниях...» фрагменты текста Домостроя существенно расширяли то представление о памятнике, которое давало издание Д.П. Голохвастова. В выстроенном по плану Коншинского списка издании Домостроя, осуществленном Голохвастовым, отсутствовали и «Чин свадебный», и «Книги еств». Д.П. Голохвастов лишь указал на наличие этих сюжетов в нескольких списках. Фрагменты Домостроя, изданные И.П. Сахаровым, отчасти восполнили этот пробел.

По мнению В.В. Хорихина, «первые публикации текстов Домостроя как нельзя более удачно вписались в интеллектуальную жизнь русского общества Николаевской поры <...> появление этого памятника отвечало все возраставшему в обществе интересу к традиционной русской культуре. Яркие картинки «туземного» быта «старой России», нашедшие отражение в Домострое, просто не могли остаться незамеченными на фоне активного собирания фольклора и стремительного развития русской этнографии» [Хорихин, 2003, с. 50].

В 1850 году в печати появляется первая исследовательская работа, посвященная Домострою, – статья А.Н. Афанасьева «Об археологическом значении «Домостроя». Используя материал памятника, автор попытался представить «в одной общей картине, домашний быт русского человека XVI и XVII века». Освободившись от свойственных древнему тексту многочисленных «повторений и отступлений, скучных для читателя-неспециалиста», Афанасьев по-своему систематизировал информацию источника, выделив ряд наиболее важных, с его точки зрения, тем [Хорихин, 2003, с. 51].

А.Н. Афанасьева, прежде всего, занимала проблема соответствия отраженной в тексте памятника информации реальной исторической действительности. По его мнению, Домострой «представляет сборник наставлений и правил, извлеченных из действительного быта и данных для жизни практической, как последнее слово современной мудрости» [Афанасьев, 1850, с. 34]. При этом он не отрицает и определенную идеализацию обобщенных образов («*доброго мужа, доброй жены, добрых детей и добрых слуг*») с одним существенным уточнением: «идеалы эти не только не чужды действительному быту, напротив, тесно с ним связаны...» [Афанасьев, 1850, с. 34].

Следует отметить, что данный исследователь в своем труде совершенно не касается вопроса авторства «Домостроя». Он считает, что этот вопрос не имеет принципиального значения: «Решительно все равно, кто бы ни написал «Домострой»; личных воззрений в нем



не найдете: здесь записаны и переданы житейские правила благоразумия, общие целой эпохе. Последнее ясно доказывается характером самого памятника» [Афанасьев, 1850, с. 34].

Во второй половине XIX века некоторых исследователей волнует проблема источников, повлиявших на происхождение русского «Домостроя». К примеру, этим вопросом занимался русский лингвист Ф. Буслаев. По мнению Буслаева, автор «Послания и наказания...» объединил в одно целое «древнейшие поучения, религиозного характера и византийского происхождения, с правилами житейской мудрости, выработанными русским здравым смыслом и опытностью» [Буслаев, 1856, с. 32]. Основанием для такого рода заключения послужили наблюдения многочисленных параллельных тексту силвестровского «Послания и наказания...» фрагментов из популярных в Древней Руси переводных сочинений, написанных в форме отеческого предания. На одном из подобных сочинений, а именно на «Почении Ксенофонта», входящем в состав «Изборника Святослава» 1076 г., Буслаев остановился более подробно. Внимание ученого привлекли существенные совпадения наставлений Сильвестра и Ксенофонта, проявляющиеся не только в общей тематике («мыслях»), но и, что особенно важно, «в самом порядке изложения».

Качественно новый этап изучения Домостроя связан с выходом в свет фундаментальной монографии И.С. Некрасова «Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя». В этом труде ученый открыто высказывает свое неудовлетворение уровнем изученности памятника, который, по его мнению, «не получил еще почти никакой критической разработки». Это и побудило Некрасова приступить к всестороннему анализу Домостроя.

И. С. Некрасов первый из всех исследователей выделил два типа русского Домостроя («два извода», «два рода»), установив различия между ними по изданиям – первого варианта (по списку Общества истории и древностей российских при Московском университете) и второго (Коншинский список). Он доказал, что основные части Домостроя сложились из первоначально самостоятельных текстов в Новгороде в конце XV в., причем древнейшей частью является последняя, третья, которая начинается с 30 главы, которая называется «Как человеку жить по средствам своим» (т. наз. «прадомострой», по определению Некрасова). Эта часть не имеет никаких связей с современными ей западноевропейскими «домостроями» и составлялась постепенно, очень длительное время, первоначально, может быть, в устной форме. Часть вторая, «о мирском строении», могла существовать раньше в законченном виде и была составлена на основе различных источников сразу как текст письменный: здесь нет многочисленных повторений, как в третьей части, изложение сжатое, она написана на русском, а не на церковнославянском языке, «оборотами речи, близкими к народным» [Некрасов, 1873, с. 159]. В.В. Колесов так комментирует исследования И.С. Некрасова: «В

этой части, как и в первой, много элементов, совпадающих по смыслу или по содержанию с западноевропейскими «домостроями». Первая часть книги подверстана под две остальные в момент окончательного составления свода, получившего название Домострой. Сделал это несомненно священник, как человек, имевший для этого и знания, и досуг. Предисловие к списку Общества (первой редакции) не принадлежит ни авторам, ни составителю, оно создано позже и завершило организацию начальной части текста, тогда как завершающие его главы постоянно пополнялись и в сущности, могли пополняться бесконечно. Эта неопределенность мешает выявлению древнейшего состава Домостроя, вызывает даже сомнения в первичности первой редакции» [Колесов, 2007, с. 309].

Сделанные Некрасовым выводы являются очень ценными. В «Опыте...», по сути, впервые была представлена целостная концепция формирования текста памятника, хотя, как считает В.В. Хорихин, «предложенная автором аргументация, большей частью опирающаяся на конкретные палеографические и текстологические наблюдения, нередко переходила на чисто интуитивный уровень исследовательского предположения, что, в свою очередь, не могло остаться незамеченным» [Хорихин, 2003, с. 81].

В 90-х годах XIX века был открыт еще один список Домостроя – Щукинский список, названный так по имени собирателя коллекции древних рукописей П.И. Щукина. Сведения об этом списке Домостроя были опубликованы А.И. Яцимирским в 1897 г. Важнейшей особенностью данной рукописи являлось наличие любопытной записи, предваряющей оглавление: «В лета 7060 году при державе государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Руси и преосвященномъ Макарии митрополите всея Руси. Составлено сие писание на Москве некоимъ мудрецомъ Нестеромъ Селиверстовымъ Ноугородцемъ» [Яцимирский, 1897, с. 273].

Поскольку ни один из известных науке текстов Домостроя не содержал прямых указаний на автора, время и место его создания, открытие Щукинского списка, впервые представившего такую информацию, воспринималось как поистине сенсационное событие.

Открытие Щукинского списка явилось еще одним подтверждением необходимости качественно нового всеобъемлющего исследования всех сохранившихся рукописей Домостроя. Начало столь грандиозной по своим масштабам работы приходится на первое десятилетие XX века и связано с именем академика А.С. Орлова, согласно исследованиям которого существуют две основные и одна «смешанная» редакции «Домостроя», представленные многими списками.

Изучая процесс трансформации заглавия памятника в различных редакциях и списках, Орлов пришел к выводу, что собственно термин «Домострой» появился в качестве названия рассматриваемого произведения не при его создании, а в процессе последующего

редактирования уже существовавшего текста. При этом исследователь высказал такое предположение, что заглавие с термином «Домострой» было внесено в протограф II редакции Благовещенским попом Сильвестром, снабдившим отредактированный памятник своим «Посланием и наказанием» к Анфиму» [Хорхин, 2003, с. 106].

В первой половине XX века исследования «Домостроя» как выдающегося историко-культурного и литературного памятника России продолжились. В 1929 г. в свет выходит работа А.И. Соболевского «Поп Сильвестр и Домострой», в которой на основе сопоставления словарного состава Домостроя с терминологией признанных сочинений Сильвестра исследователь сделал заключение о принадлежности всего памятника перу Сильвестра. Помимо этого автор вновь обратил внимание на упоминание в начале одного из Погодинских списков Домостроя имени жены Анфима – Пелагеи (этот факт послужил серьезным аргументом в пользу авторства Сильвестра), а также на присутствие в первой главе термина «единочадный», именующего единственного сына домохозяина, каковым, собственно, и был у Сильвестра Анфим [Соболевский, 1929, с. 187].

В 30-х – 40-х годах XX в., несмотря на явно наметившийся спад исследовательского интереса, к Домострою продолжают обращаться ученые самых разнообразных направлений. И прежде всего, следует особо отметить филологическое направление исследования этого выдающегося памятника средневековой литературы.

По мысли В.В. Колесова, «средневековый памятник не понять, не вникая в его язык, в те информационно насыщенные его формы, которые и создают символически зрительный ряд формул. Такой текст напоминает древнерусскую икону. Те же, по-видимому, независимые друг от друга самодостаточные фрагменты текста, повествующие о самых различных вещах – предметах, объектах, не связанных внутренней связью ни генетически, ни причинно, ни логически. Только что говорили о похлебках, и тут же – речь о «рабах и слугах». «Вещи» существуют сами по себе, включаясь в мир себе подобных вещей, они поэтому всегда предстают в целостном виде – не в разъятии через впечатление автора или ощущение читателя по дробным их признакам, признакам сходства или различия, но органически цельно как полное отражение жизни. «Реальный реализм» средневекового текста определялся символическими установками сознания, согласно которым всякое материальное в его единственной ценности отражает нечто отвлеченно высокое, символизирует возвышенные ипостаси духа, дает понятие о недоступно и сокровенно божественном <...> В средневековой литературе нет низких жанров; уж на что «низкой» является басня или притча, но ведь из притч сложено Евангелие. Все, что записано, символически значимо, потому что каждая буква – символ; записанное обладает своей индивидуальной ценностью, воплощает иным образом не выразимые сущностные

характеристики бытия <...> Чтобы понять этот текст, перевести в режим *понятия*, его необходимо читать с его собственной точки зрения – “раскрыть” его» [Колесов, 1998, с. 7].

Поэтому уже в первой половине XX века начались исследования «Домостроя» с позиций его языка и стиля, что позволило углубить представление о происхождении, составе, содержании, художественных особенностях Домостроя как литературного памятника (во всех его вариантах и редакциях). Стало ясно, например, значение Домостроя в развитии национального литературного языка.

Изучение языковых особенностей рукописного материала потенциально могло предоставить в распоряжение исследователей памятника ценнейшие данные, способные пролить свет на целый комплекс связанных с его источниковедческим анализом проблем, в числе которых, конечно же, предполагался и вопрос об авторе и происхождении Домостроя.

Блестящим итогом научных изысканий в этой сфере стали труды М.А. Соколовой и, прежде всего, ее объемное филологическое исследование «Очерки по языку деловых памятников XVI века».

Соколова ставила своей целью исследование языковых особенностей памятников «деловой письменности» XVI века, живее всего и ближе всего отражавших «общенародную основу, в процессе становления национального языка». В своем исследовании делового языка XVI столетия она сконцентрировала внимание на трех текстах: Судебнике 1550 г., Стоглаве и Домострое. Домострою было уделено особое внимание в силу наибольшей близости языка этого произведения и, прежде всего, его «основной и центральной части» (главы 26 – 63) к разговорной речи.

Работа М.А. Соколовой включала в себя три главы (I глава – Синтаксис памятника с соответствующими разделами; II – Морфология и III – Фонетика), а также заключение, касающиеся истории создания Домостроя.

М.А. Соколова показала, что текст Домостроя является литературным памятником своей эпохи. Ее исследование можно расценивать как возражение литературоведам того времени, утверждавшим, будто «Домострой» – «внелитературное предприятие середины XVI века» [Гудзий, 1938, с. 309]. По мнению М.А. Соколовой, «домострой» имеют свою длительную традицию, оказавшую влияние и на последующую русскую литературу.

Вторая половина десятилетия оказалась плодотворной в плане изучения Домостроя. В этот период отечественная наука обогатилась фундаментальными исследованиями таких ученых, как А.А. Зимин, который представил наиболее полный очерк истории изучения памятника с момента выхода в свет его первого издания, Н.Н. Масленникова, рассматривавшая на основе домостроительных сюжетов проблемы внутрисемейного быта

Древней Руси, И.И. Смирнов, анализировавший условия формирования содержательного облика «Домостроя» и некоторые другие.

В 80-е годы XX века «Домострой» как памятник далекой эпохи также мало интересовал исследователей. Исключение, пожалуй, составляют труды В.В. Колесова. Одной из первых публикаций ученого в рамках домостроевского цикла стало издание текста Коншинской версии в очередном выпуске серии «Памятники литературы Древней Руси». В приведенных Колесовым комментариях было отмечено, что текст Домостроя публикуется «по древнейшей (XVI в.) рукописи полной («силвестровской») редакции. Основу данной публикации, которая стала первой после более чем 70-летнего перерыва (до этого издавались лишь отдельные фрагменты памятника), по-видимому, составило современное переложение наиболее полного издания Домостроя по Коншинскому списку и подобным, подготовленного А.С. Орловым еще в 1908 г.

Итак, на основе характеристики научных исследований, касающихся изучения выдающегося историко-литературного памятника средневековой Руси «Домостроя», можно выделить четыре этапа:

I этап (конец 40-х – 60-е годы XIX в.) – период становления отечественной историографии Домостроя, начало которого ознаменовалось появлением первых публикаций памятника, характеризуется повышенным интересом исследователей к содержательной стороне источника.

II этап (70-е – 90-е годы XIX в.) связан с выходом в свет фундаментального «историко-литературного» исследования И.С. Некрасова.

III этап (начало XX века) – переход научных изысканий в области изучения Домостроя на качественно новый уровень, связанный с открытием новых рукописей памятника.

IV этап (20-е – 70-е годы XX в.) – принципиальное изменение общего отношения к исследуемому материалу, процесс формирования текста источника, но и в то же время чисто формальное восприятие хрестоматийных фрагментов текста источника, не всегда отражавших его подлинное историческое лицо.

V этап (80-е – 90-е годы XX в.) – работы В.В. Колесова, обратившегося к практике издания наиболее известных текстов источника.

В настоящее время наблюдается заметное снижение общего интереса к памятнику. Все реже появляются новые издания его текстов. Практически не предпринимается каких-либо попыток исследования рукописной традиции Домостроя. Между тем, многие вопросы изучения источника продолжают оставаться нерешенными. В полной мере сохраняет свою

актуальность проблема происхождения Домостроя и последующей трансформации его литературного облика.

**Список литературы:**

- Афанасьев А.Н.* Об археологическом значении «Домостроя» // Отечественные записки. – СПб., 1850. – Т. 71. Отд. 2. – С. 33 – 46.
- Буслаев Ф.И.* Древняя русская словесность. Повесть о Горе-Злосчасти, как горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин. Древнее стихотворение // Русский Вестник. – 1856. – Кн. 1. – Т. 4. – С. 32 – 33.
- Гудзий Н.К.* История древнерусской литературы. – М., 1938.
- Домострой благовещенского попа Сильвестра. Сообщено действительным членом императорского общества истории и древностей Российских при Московском университете, Д.П. Голохвастовым. – М.: Университетская типография, 1849. – 114 с.
- Колесов В.В.* Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. – СПб: 2007. – С. 301 – 356.
- Колесов В.В.* «Домострой»: язык и текст // Язык и текст. – СПб., 1998. – С. 5 – 16.
- Некрасов И. С.* Опыт историко-литературного исследования о происхождении Домостроя. – М.: Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете, 1873. – 397 с.
- Соболевский А.И.* Поп Сильвестр и Домострой // Известия отдела русского языка и словесности Академии Наук. – Л., 1929. – Т. 2. Кн. 1. – С. 187 – 202.
- Хорихин В.В.* Списки Домостроя XVI – XVIII веков: история издания и изучения: Дисс. ... к. ист. наук. – М., 2003. – 202 с.
- Яцимирский А.И.* Вновь найденный список Домостроя // Археологические известия и заметки. – 1897. № 9. – С. 273 – 285.

*Голубева-Монаткина Н.И.*  
МГУ имени М.В. Ломоносова  
г. Москва (Россия)

*Golubeva-Monatkina Natalia*  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

## ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

### FOLKLORE TEXTS: TRANSLATION PECULIARITIES

Фольклор – это традиционные искусство, литература, элементы духовной и материальной культуры, которые передаются главным образом путем устной коммуникации и через образцы от одного поколения к другому; фольклор нередко бытует во множестве вариантов. Передаваемая таким образом информация отражает общие для определенной группы людей идеи и ценности, и именно передачу этих ценностей и изучают фольклористы. Термин «фольклор» был изобретен англичанином Уильямом Томсом в 1846 году для обозначения народной культуры, и с тех пор значение этого термина продолжает обсуждаться специалистами.

Многочисленные трудности, возникающие при переводе фольклорного текста, вызваны необходимостью передать разнообразные важные элементы этого текста. Текстовые трудности обуславливают создание научных комментариев, появление различных переводческих решений, а также издательские проблемы. В данной статье рассматриваются история и современные методологические проблемы перевода фольклора в исторически многонациональной Российской Федерации, где фольклористический перевод на русский язык (особенно с других языков нашей страны) считается важной научной проблемой.

Folklore is traditional art, literature, knowledge, and practices that are passed on in large part through oral communication and example from one generation to another; folklore often occurs in multiple variants. The information thus transmitted expresses the shared ideas and values of a particular group, and what the folklorists study is the transmission of cultural values. The term “Folk-Lore” was coined by William Thoms in 1846, and ever since then the meaning of the term is debated among folklorists.

The transfer of important elements of folklore texts causes many difficulties in translation, generates different translational solutions and edition problems, conditions the addition of substantial comments. This article describes the history and modern methodological problems of folklore translation in the historically multinational Russian Federation, where the folkloristic translation into Russian language (especially from other languages) is regarded as an important scientific problem.

**Ключевые слова:** перевод, фольклор, фольклористический перевод, фольклорный текст.

**Key words:** translation, folklore, folklore translation, folklore text.

Современные исследователи полагают, что «фольклор обладает своим местом в системе культуры: фольклор включен в народную (иначе традиционную, крестьянскую, устную) разновидность культуры и смежен (или соседствует, соположен) с ее элитарной (книжной, высокой, городской, кодифицированной) разновидностью»; фольклор – это «вся область традиционной народной духовной культуры во всех ее разделах и видах (словесный фольклор, музыкальный фольклор, верования, обрядность, народное искусство)», он

является «словесной формой (жанром) народной традиции» (с такими «конституирующими признаками», как устность, анонимность, вариативность) [Толстая, 2015, с. 9-10].

Разное понимание соотношения фольклора и этнографических явлений обуславливает разное понимание того, что такое фольклорный текст: «В современной фольклористике различаются два основных направления – одно из них считает своим предметом фольклорный текст как таковой (текст в его статическом аспекте, текст как «объект»), другое – текст в его динамическом аспекте, текст как акт поведения (исполнения), включенный в прагматический (этнографический) контекст <...>. Именно прагматика фольклорного текста делает его этнографическим и приближает к собственно этнографическим обрядовым формам» [Толстая, 2015, с. 11].

Особенности перевода традиционного фольклора<sup>25</sup> обусловлены особенностями самого фольклора, фольклорных текстов<sup>26</sup>. Специалисты отмечают, например, «особые фольклорные речевые приемы», «своеобразие традиции в фольклоре» (она «предполагает заимствование, следование готовому образцу»), «безличность», бытование каждого фольклорного произведения во множестве вариантов, но в пределах своего жанра: («изменения фольклорных произведений регулируются динамикой и статикой, допускаемых жанром»), циклизацию (образование «образно-тематических типов»), импровизацию (она затрагивает все компоненты произведения, но «у каждого жанра – в разной степени, в разном

---

<sup>25</sup> «Современная ситуация в фольклористике, оцениваемая некоторыми исследователями как «кризисная», во многом обусловлена тем, что кардинально изменилось само представление о фольклоре, о его концептуальной сущности, границах, функциональности, формах бытования. Теорией чего (?) должна стать формируемая наука: традиционного фольклора («голоса прошлого», «живой старины») или современного культурного феномена, именуемого «постфольклором», фольклорной «повседневностью», либо того и другого одновременно» [Бралина, 2009]. «<...> сегодняшнее представление о фольклоре ушло далеко от его традиционного «классического» понимания. Действительно, традиционно фольклором считалось народное поэтическое творчество обрядового и необрядового характера, т. е. многочисленные заговоры, причитания, сказки, песни, загадки, анекдоты и т. д., устно бытующие в народе. Фольклорист, изучая фольклор, по существу, имел дело с записями вариантов и версий фольклорных произведений. Но подобные «записи» лишь фиксировали текст, не делая его «письменным». В противовес сказанному сегодня особую продуктивность приобрели заявления о новой форме народного поэтического творчества — «письменном фольклоре», к которому относятся: нательные обереги, граффити (надписи на партах, стенах, заборах и т.д.), армейские и девичьи альбомы, анкеты, вопросники, ребусы, надписи к фотографиям, открыткам, конвертам, словники, псевдообъяснения аббревиатур, компьютерный смайлик, «SMS-ки» и т.п. Названные жанры кардинально изменили представления как о фольклорном тексте, так и в целом о фольклоре. В результате этого в науке прочно утвердился термин «postfolklore» <...> [Бралина, 2009].

<sup>26</sup> «В 50-60-х годах XX в. термин «текст» был введен в исследовательскую фольклористику из фольклорной текстологии — вспомогательной науки, занимающейся подготовкой устно-поэтических текстов к изданию. <...> в 50-х годах ответы на вопросы, связанные с понятием фольклорного текста, не могли быть даны по объективным причинам. В то время перед наукой стояли другие задачи: важно было сохранить памятники устной культуры, познакомить широкую общественность с сокровищницей эпического творчества народов СССР. С этой целью проводилась серьезная, кропотливая работа над записями фольклора, представляющими тот или иной вариант, версию конкретного эпоса. Плодотворность этого периода в истории фольклористики не вызывает сомнения: эдичонная практика тех лет обогатилась новыми изданиями фольклора, не утратившими своей научной значимости до сегодняшнего дня» [Бралина, 2009].



объеме и на разных уровнях)), «свои отличающиеся от литературных хронотопы» [Аникин, 2004]. В фольклоре «создан особенный мир сюжетных положений, появилась специфичность в изображении людей, задействованы клишированные формы стиля. Они образуют особенную художественную систему – с помощью ее и в ее пределах, в согласии с ее свойствами и принципами только и изображается реальность» [Аникин, 2004, с. 365].

В нашей многонациональной стране существует длительная традиция издания произведений устного народного творчества с русским переводом. Так, «в дореволюционных изданиях широко практиковался «двукратный» перевод: вначале под строкой оригинала писалось переведенное на русский язык прямое значение каждой лексической единицы, затем отдельно за публикуемым текстом помещался более свободный смысловой, подчас литературно обработанный перевод. Этот принцип, в частности, лежит в основе двуязычных публикаций фольклора кавказских народов в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа», выходивших в Тифлисе в 1881-1914 гг. Впоследствии подобная практика нашла наибольшее применение в публикациях, осуществляемых лингвистами» [Гутов, Паштова].

Постепенно пришло понимание того, что «перевод фольклорных текстов в силу их отличий от текстов литературных (в аспектах композиции, поэтики, стилистики и функционального назначения) отличается от литературного перевода. На раннем этапе истории публикации фольклорных произведений с переводом основное внимание переводчики (они же зачастую и собиратели) уделяли как можно более полной передаче смысла произведения (иногда это приводило к публикации перевода-пересказа), позднее – точной фиксации языковых особенностей оригинала. Так, большинство переводов произведений сибирского фольклора в XIX – первой половине XX вв. ориентированы главным образом на лингвистическую точность, передачу оригинальных конструкций и словосочетаний языков народов Сибири средствами русского языка» (первое двуязычное научное издание – «Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», 1936 г.) [Лиморенко, 2007].

В 1970-х гг. были выработаны основы перевода фольклора: «Впервые специально вопрос о принципах перевода поэтических произведений фольклора был поставлен в связи с изданием академической серии «Эпос народов СССР» (ныне «Эпос народов Европы и Азии»), в которой эпические произведения предполагалось публиковать как на языке оригинала, так и в переводе на русский. Фольклористы ИМЛИ РАН уделяли большое внимание соотносительности оригинального текста и его перевода, считая обязательным как можно более полно представить фольклорные памятники, прежде всего путем максимально точного воспроизведения текста в переводе. В связи с этим возникла и необходимость

подробного научного комментирования перевода, ставшего составной частью томов этой серии. Первые принципы научного перевода эпических памятников были разработаны такими исследователями и переводчиками, как А.А. Петросян, А.С. Мирбадалева, Н.В. Кидайш-Покровская, И.В. Пухов. Большое достоинство томов этого издания состоит в том, что в них, наряду с научными комментариями, помещались и небольшие статьи, посвященные проблемам и принципам перевода того или иного памятника на русский язык. В них переводчики характеризовали основные трудности адекватной передачи эпического текста в переводе, а также избранные ими методы преодоления этих трудностей. На основе работы над томами серии «Эпос народов СССР» фольклористы вели и теоретическую разработку принципов перевода фольклорных текстов» [Лиморенко, 2007]<sup>27</sup>.

Важно отметить, что в названной серии было представлено то, что именно должно включаться в академическую, т.е. научную, публикацию фольклорного (в данном случае эпического) произведения: «текст на языке оригинала и его перевод, выполненный с максимально возможной адекватностью (сохраняются поэтические особенности оригинала, образная система, ритмические особенности стиха в русском звучании и т.п.); краткое исследование (историческая оценка и художественная характеристика); комментарии, подтекстовые примечания и терминологический словарь (разъяснение имен, географических названий, терминов, оставленных в тексте без перевода) <...>. Издание в Академической серии отличает <...> обширный научный аппарат, состоящий из комментариев, глоссария, научной информации о сказителях с приложением их фотографий и нотных записей исполняемых ими песен» [Фольклор, 1977, с. 75-76].

Основные принципы издания переводов на русский язык фольклора народов СССР были сформулированы в донинее актуальных научных статьях, собранных в книге [Фольклор, 1977] Института мировой литературы им. А.М. Горького Академии наук СССР. Здесь, в частности, говорится о важности применения в академических изданиях научно-литературного (научно-адекватного) перевода (его цель – «передача специфической национальной эстетики переводимого текста» [Фольклор, 1977, с. 53]), о необходимости избежать «излишней «русификации» (попытки обеспечить верность фольклорному оригиналу, архаики его языка с помощью сугубо устных или архаических форм русского языка, вплоть до использования «былинного стиля») [Фольклор, 1977, с. 129].

Именно в этой книге В.М. Гацак, отвергая применимость для эпоса переводов как «литературно-поэтического», так и «лингвистического, буквального, апоэтического», предложил создавать «фольклористический перевод» [Гацак, 1977, с. 182, 195]. Он написал о необходимости строго соблюдать уже известные правила такого перевода: «I. <...>. Не

---

<sup>27</sup> Сейчас серия «Эпос народов СССР» называется «Эпос народов Европы и Азии».

ограничивать передачу содержания чисто аморфным инвентарным перенесением, как при лингвистическом и этнографическом переводе, а соблюдать еще и художественную структуру изложения в ее передаваемых элементах <...>. Все перечисленные особенности и компоненты (художественной структуры изложения – Н. Г.-М.) содержательно-существенны. II. Разомкнуть сочетание *переводчик – письменный текст* как несостоятельное при работе с произведениями, которые сохранились в живом бытовании. Переводить не «глухой» письменный текст, а *звучащее* произведение, т.е. работать с фонограммой <...>. Пользуясь только записью на бумаге, мы не получаем представления о подлинной интонации и темпе произнесения, а следовательно – о важных оттенках содержания <...>. Живое звучание<sup>28</sup> определяет деление на стихи и сам ритм перевода <...>. III. Считать обязательным максимальное раскрытие смысла, «извлечение» его, т.е. не оставлять в тексте непонятных, хотя и буквально переданных мест (буквальные переводы некоторых фразеологизмов с соответствующими пояснениями переносятся в примечания); при необходимости включать в текст перевода дополнительные слова в квадратных скобках» [Гацак, 1977, с. 191]. В конце статьи ученый определил (правда, применительно лишь к эпосу) общекультурное значение фольклористического перевода и его место в переводоведении: «Достоверный перевод народного эпоса, отвечающий новому уровню знаний о нем и современной подготовленности читателя, – задача общекультурной значимости. Поэтому фольклористический перевод эпоса должен, вероятно, стать *особым* разделом теории и практики перевода» [Гацак, 1977, с. 196]

В настоящее время «фольклористический перевод выполняет, прежде всего, задачу представить иноязычный и инокультурный текст как художественное целое, сохраняя признаки его национального своеобразия в языке, стиле и семантике, но делая его доступным для понимания представителями другой культуры» [Лиморенко, 2011, с.17].

Современные исследователи фольклора пишут о том, что «проблемам перевода фольклорных текстов посвящено не столь уж большое количество работ» [Лиморенко, 2007], в них, в частности, приводится описание традиций публикации фольклора народов России с переводом на русский язык. Существуют работы и другой направленности, среди которых –

---

<sup>28</sup> «Небезынтересно отметить <...> то внимание, которое уделяет сегодня французская фольклористика практике устного рассказа (*la pratique du conte*) как вида творчества, <...> сказовой манере, жестикюляции, способам установления контакта со слушающими» [Фененко, 2001, с. 74]

«Методические указания по принципам научного издания серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»»<sup>29</sup>.

Исследователи считают возможным говорить, по крайней мере, о трех основных типах перевода фольклора – лингвистическом, художественном, фольклористическом, упоминаются также «научный смысловой перевод (нехудожественный, в необходимых случаях буквальный), передающий по возможности все фразеологические и идиоматические особенности» [Гутов, Паштова], а также другие типы перевода<sup>30</sup>.

В научной литературе подчеркиваются обусловленные, в частности, этнографическими лакунами [Осипова, 2014; Palchevska] трудности лингвокультурной адаптации фольклорных произведений, неизбежность потерь при переводе: «Фольклористы предпочитают ограничиваться «однократным» переводом, который объединил бы точность буквального и эстетичность литературного перевода. И в том, и в другом случае создание адекватного текста на языке перевода не представляется возможным. Фольклорный текст – это продукт совокупного, взаимодействующего творчества коллектива и личности, причем творчества и художественного, и языкового. Органическое единство в нем плана выражения и плана содержания обусловлено в значительной степени культурно-национальным контекстом, который включает в себя национальную фольклорную традицию (со всей ее сложной синкретической системой художественной условности, своеобразием исторической памяти народа, традициями исполнительской школы и т.п.), выразительные средства языка, жанровую специфику произведения и т.д. Перевести такой текст без каких-либо потерь на язык иного народа – значит перевести на этот язык весь культурно-национальный контекст

---

<sup>29</sup> Речь идет о томах академической серии Института филологии СО РАН «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»; «требования к переводу в томах Серии были разработаны в регламентирующих документах Главной редколлегии Серии в 1982 г. и существенно дополнены в 2003 г.» [Лиморенко, 2007].

<sup>30</sup> Указывается, что, например, «за всю историю публикаций алтайского эпоса в переводе на другие языки – в основном на русский – принципы перевода были неоднотипными. Условно можно выделить четыре типа переводов. Пересказы содержания оригинала на русском языке <...>. Начиная с 30-40-х годов широкую известность получили поэтические переводы алтайского эпоса <...>. Несмотря на то, что переводчики придерживались ритмизации и рифмовки русского стихосложения и недостаточно учитывали особенности алтайского эпического языка, их переводы для своего времени сыграли положительную роль: они приоткрыли для русского читателя богатейшее эпическое наследие алтайцев. Более того, продолжили плодотворное сотрудничество русских ученых и писателей с представителями коренных народов Сибири <...>. **Лингвистический перевод**, т.е. дословный, буквальный, нередко со стремлением отразить синтаксическую конструкцию алтайского языка <...>. Перевод в значительной степени приближен к подстрочному, изобилует буквализмами типа спина-народ, хребет-народ – так переведено словосочетание арка-юн. И хотя перевод представил содержание сказаний в прозаической форме, но при его чтении легко проступает стихотворно-ритмизированный эпический язык оригинала <...>. Начало **научно-фольклористического перевода** алтайского эпоса положено изданием книги С.С. Суразакова "Героические сказания о богатыре Алтай-Буучае" <...>» [Казагачева].

оригинала, приспособить переводимое произведение к иноструктурному плану выражения без ущерба для содержания, что практически неосуществимо. Это, однако, не означает нигилистического отношения к идее переводов вообще» [Гутов, Паштова].

Авторы современных работ пишут о том, что «немаловажную роль в двуязычном издании фольклорных произведений играет научное комментирование перевода; без полноценного комментария перевод не может функционировать как самостоятельный текст. В зависимости от того, какую сторону формы и содержания памятника поясняет комментарий, можно выделить четыре типа комментариев: историко-этнографический, филологический, фольклористический и текстологический. В некоторых случаях требуется и комплексный комментарий, касающийся одновременно нескольких аспектов трудного для понимания места» [Лиморенко, 2007]. В частности, филологический комментарий – это «обоснование перевода, объяснение вынужденных отступлений от оригинала», «объяснение логических связей, неявно выраженных или просто опущенных в тексте, фольклористический комментарий – толкование специфической образности, иносказаний, особенностей поэтики памятника» [Лиморенко, 2011, с. 18-19]<sup>31</sup>.

Исследователи вполне осознают то, что «многообразие видов, жанров и форм фольклора требует разработки индивидуального подхода к передаче того или иного фольклорного памятника в зависимости от его природы, художественно-поэтической фактуры, принадлежности к национальной традиции» [Лиморенко, 2007]. Но все же они стремятся выявить общие (в основном, для групп памятников) основы перевода фольклора. Например, в работе [Лиморенко, 2007] перечислены следующие (по словам автора, универсальные) принципы, которым следуют, в частности, переводчики академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»: «Это перевод строка в строку (для стихотворных текстов), предложение в предложение (для прозы); нумерация

---

<sup>31</sup> «При переводе адыгского фольклорного текста мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда адекватный перевод с соблюдением особенностей языкового мышления и тем более ритма, художественных тропов оказывается невозможен. В этом случае важным и необходимым дополнением к переводу может быть развернутый комментарий. Объем и типы комментариев определяются целью и жанром публикации (статья, текстовое приложение к монографии, антологическое издание). Так, перевод и комментарий к фольклорному тексту должны содержать: информацию этнографического характера <...>; информацию, разъясняющую историко-культурный, поэтический и окказиональный контексты <...>; отдельные ссылки на фразеологизм или идиому, которые не удалось перевести <...>; обязательную передачу и адекватную транслитерацию несмыслонесущих слов <...>, эмоционально-аффектных структур текста, разъяснение их значения (экспрессивное, ритмизирующее, призывное и др.) <...>; адекватную транслитерацию онимов – топонимов, фитонимов, этнонимов, антропонимов <...>; отражение эгоцентрических текстовых явлений (информант, его статус по отношению к сообщаемому тексту, особенности и дефекты речи, мимика и жесты) <...>; пояснения к устойчивым и окказиональным языковым и поэтическим явлениям <...>; указание на возможные ошибки в речи информанта, в расшифровке текста (при выписке со звукового носителя), так называемые «темные места» <...>; при необходимости – введение дополнительных слов в квадратных скобках ([...]), подразумеваемых – в угловых (<...>)» [Гутов, Паштова].

стихотворных строк; принципы добавления вставных слов для восполнения смысла; двойной перевод (когда читателю предлагаются одновременно буквальный и смысловой перевод одного и того же фрагмента для лучшего понимания); сохранение в русском тексте неперевоенных национальных слов (с целью создания национального колорита или из-за невозможности подобрать эквивалент); соблюдение порядка слов и структуры предложения оригинала <...>. Без соблюдения этих принципов перевод не может считаться достаточно соответствующим оригиналу».

Для перевода стихотворных фольклорных текстов предлагается использовать следующие общие принципы передачи эпических формул (и основанных на них типических мест), вариаций и параллелизма строк: «При работе над передачей эпических формул выделяются несколько их свойств, требующих особого внимания переводчика: 1) варьирование лексики и грамматических форм; 2) расширение и сужение типических мест за счет ввода или исключения строк; 3) распространение лексического состава строк, а также 4) варьирование порядка строк в пределах формулы <...>. Требования к передаче вариации в переводе определяются тремя принципами: 1) сохранение идентичности тех элементов строк, которые при варьировании остаются неизменными; 2) передача (по возможности) варьирующихся элементов однородными грамматическими формами и синтаксическими оборотами; 3) сохранение однородного порядка строк в каждом блоке сложной вариации. <...> работа над переводом параллельных конструкций проходит в два этапа: сначала необходимо выяснить структуру параллельных строк или блоков, после чего найти способ максимально точно передать ее с помощью адекватного порядка строк и взаимного расположения слов в пределах одной строки» [Лиморенко, 2007].

Как представляется, можно присоединиться к следующим словам автора переводоведческого исследования фольклора: «Тема теоретического и практического изучения перевода фольклорных произведений еще далеко не исследована» [Лиморенко, 2007].

### **Список литературы:**

- Аникин В.П.* Теория фольклора. Курс лекций. 2-е изд., доп. / В.П. Аникин. М.: КДУ, 2004. 432 с.
- Бралина С.Ж.* Понятие фольклорного текста. 2009 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://articlekz.com/article/4548>.
- Гацук В.М.* Проблема фольклористического перевода эпоса // Фольклор. Издание эпоса. М.: Издательство «Наука», 1977. С. 182-196.
- Гутов А.М., Паиштова (Мижсаева) М.М.* К проблеме перевода адыгского фольклорного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-perevoda-adygskogo-folklorного-teksta#ixzz45iNyuSK4>.
- Казагачева З.С. Перевод фольклорных произведений. Из истории перевода алтайских сказаний [Электронный ресурс] – Режим доступа: [e-lib.gasu.ru/konf/liter/R\\_2.html](http://e-lib.gasu.ru/konf/liter/R_2.html).

*Лиморенко Ю.В.* Проблемы перевода фольклорных текстов: на материале фольклора эвенков: дис. ...канд. филол. наук: 10.01.09 [Электронный ресурс] / Ю.В. Лиморенко. Новосибирск, 2007. 205 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/problemy-perevoda-folklornykh-tekstov-na-materiale-folklora-evenkov#ixzz45PxRFvn3>.

*Лиморенко Ю.В.* Проблемы перевода фольклорных текстов в научном издании // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2011. №4 (72). С. 17-20.

Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 528 с.

*Осипова М.В.* Об особенностях перевода фольклорных текстов бесписьменных народов (на материале айнского фольклора) // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. №1. С.78-82.

*Фененко Н.А.* Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. №1. С.70-75.

Фольклор. Издание эпоса. М.: Издательство «Наука», 1977. 285 с.  
Palchevska Olexandra. Translation Peculiarities of the XIXth Century Folk Texts Culturally Marked Vocabulary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0ahUKEwjTwMeX6ovMAhXEKJoKHfvwBKMqFgguM>.

*Гончарова О.В.*

Лингвистическая студия «Приазовское Лукоморье»  
г. Ейск (Россия)

*Goncharova Olga*

Linguistic studio Priazovskoe Lukomorye  
Yeisk (Russia)

**ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСТВА М.А.БУЛГАКОВА - ПИСАТЕЛЯ-УНИВЕРСУМА:  
ЛИНГВОРИТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ВОЗМОЖНОСТЯМ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ  
РУССКИХ РЕАЛИЙ И ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ГЕРОЕВ  
В РОМАНЕ «МАСТЕР И МАРГАРИТА»**

**THE PHENOMENON OF M.A. BULGAKOV- WRITER OF THE UNIVERSE:  
LINGUISTICALLY APPROACH THE INTERPRETATION OF RUSSIAN  
REALITIES AND IMAGERY OF HEROES  
IN THE NOVEL "MASTER AND MARGARITA"**

В данной статье автором предпринят лингвориторический анализ образной системы героев романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также возможных интерпретаций русских реалий в его произведении. Исследователем применен феноменологический подход к литературному булгаковскому творчеству как писателю-универсум. Само понятие «феномена» как некоего исключительного явления или факта, а также особенного лица (человека), наделенного необычными способностями и возможностями, с разностью даже в постановке ударения в лексемах, уже может стать предметом изучения и объектом дискурса. «Проектирование и реализация системы непрерывного ЛР образования будут способствовать выполнению социального заказа на высокую речемыслительную культуру граждан демократической России. Целенаправленное формирование интегральной ЛР компетенции позволит на деле реализовать требования Государственных образовательных стандартов, министерских учебных программ в области культуры мышления и речи. Обучение языковым операциям (лингвистика) в составе текстовых действий и коммуникативной деятельности (риторика) обеспечит прочность знаний, умений и навыков по русскому языку, применение ЛР алгоритмов речемыслительной деятельности оптимизирует обучение остальным дисциплинам...» [Ворожбитова А.А.: введение]. В таком контексте исследователю предоставляется возможность раскрыть многогранность писательского таланта, продемонстрировать разные ипостаси языковой личности и индивидуальности М.А. Булгакова. Уникальность литературного творчества автора-соотечественника настолько убедительна и очевидна, показательна и не оспорима, что для подтверждения данного посыла потребуются филологический и лингвориторический анализ одного его всемирно известного произведения - романа «Мастер и Маргарита». Доказательство в многочисленных его переизданиях, переводах на разные языки, экранизациях и театральных постановках, оперных либретто, авторских иллюстрациях, фотосессиях и музейных экспозициях. Создание исследователем типологии образов героев произведения привело к уточнению формулировок идеи и темы, расшифровке многомерности пространства, подтверждению жанровой вариативности и дополнению уже известных авторских художественных приемов изображения. «Все мы рождаемся в разных уголках планеты, учимся у других и самих себя, воплощаемся в разных статусах и ипостасях, претворяем себя и других. У каждого из нас есть семья, которая и есть весь окружающий нас мир. Он видится близким и далеким, родственным и чужим, похожим и отличным. Каждый из нас часть и целое, сопричастный и отчужденный, необходимый и востребованный. Мир всегда был поликультурным и многоязыким, творческим и назидательным, интересным и притягательным. Авторская лингвистическая студия «Приазовское Лукоморье» и писательский проект «Чудесный мир» - дети сотворчества и исследования коллективные и персональные, осуществленные на



протяжении прожитых лет, результатом которых стали различные мероприятия международного статуса». [Проза. ру: Ольга Губернская]

In this article, the author makes linguistically analysis of the figurative system and the heroes of the novel of M. A. Bulgakov "the Master and Margarita", as well as possible interpretations of Russian reality in his work. The researcher applied a phenomenological approach to Bulgakov's literary creativity as a writer-universe. The concept of "phenomenon" as a certain exceptional phenomenon or fact, as well as special individual (person), endowed with extraordinary abilities and capabilities, even with the difference in the accent in the token may become the subject of study and object of discourse. "Design and implementation of a system of continuous education of the Republic of Latvia will contribute to the implementation of social order in intellect high culture of the citizens of a democratic Russia. Targeted development of integrated HR competencies will allow to actually implementing the requirements of State educational standards, the Ministerial training programs in the field of culture of thinking and speaking. Learning the language (linguistics) in the text of action and communication activities (and rhetoric) will provide the strength of knowledge and skills in the Russian language, the use of LR algorithms intellect activity optimizes learning other disciplines..." [Vorozhbitova A.: 3]. In this context, the researcher is given the opportunity to reveal the diversity of literary talent, to demonstrate different manifestations of linguistic identity and personality of M. A. Bulgakov. The uniqueness of the literary creativity of the author-a fellow so convincing and obvious, demonstrative, and undeniable, that the confirmation of this promise will require philological and linguistically analysis of one of his world famous works - the novel "Master and Margarita". The proof is in his numerous editions, translations into different languages, film adaptations and theatre productions, librettos, author illustrations, photo-sessions and Museum exhibitions. The establishment by the researcher of the typology of the images of the characters led to the clarification of wording ideas and themes, the interpretation of the multidimensional space, confirmation of genre variation and Supplement the already famous author of artistic techniques image. "We are all born in different parts of the world, learn from others and ourselves, be embodied in different statuses and roles, fulfill yourself and others. Each of us has a family that is whole world around us. He sees near and far, related and others that are similar and different. Each of us is a part and the whole, belonging and alienated, necessary and in demand. The world has always been multicultural and multilingual, creative, and edifying, interesting and attractive. The author's linguistic Studio "Lukomorye Azov" and writing the project "Wonderful world" - children of co-creation and research collective and personal, performed over the past years, which have resulted in various events of international status." [proza.py: Olga Gubernskaja]

**Ключевые слова:** дискурс, лингвориторика, феномен, универсум, тип героя, приемы изображения семья, окружающий мир, творчество, воспитание, традиция, новаторство.

**Key words:** discourse, linguistic, phenomenon, universe, character type, image family, and the world, creativity, education, tradition, innovation.

*Воспитывать... самая трудная вещь.  
Думаешь: ну, все теперь кончилось!  
Не тут-то было: только начинается!*  
Лермонтов М. Ю.

2016 год – год насыщенный событиями для многих специалистов памятными датами, юбилеями и другими мероприятиями, среди которых научные конференции, методические семинары и практикумы, писательские и кинематографические фестивали. Как правило, такие форумы привычно собирают коллег и сотрудников, друзей и новых участников. 15 мая 2016 года многие организации отметили 125-летие со дня рождения Михаила Афанасьевич Булгакова, вновь объединив как постоянных участников для дальнейшего сотрудничества,

так и привлекая новых своими прошлыми достижениями. Большинству, как и мне самой, не без гордости, можно поделиться своими наработками и исследованиями, опытом, сказав в очередной раз, как и год назад при собственной презентации на международном писательском портале Проза.ру: «Я родилась и выросла в русскоязычной семье, мое школьное образование началось вдалеке от родных мест (город Чойр, аймак Говь-Сумбэр, сомон Сумбэр, Восточная Монголия), мне привычно с детства жить и общаться в международном окружении, что в дальнейшем определило выбор сферы деятельности. Со студенческих времен занимаюсь образовательными и коммуникативными вопросами людей, которых в современном образовании принято называть носителями нескольких языков и культур – билингвами (полилингвами). Изучение русской филологии и логопедии, возможность практической деятельности в дошкольном, школьном и высшем звене российского образования, медицинском учреждении, позволили в собственной практике использовать весь спектр современных технологий и методик, стать специалистом-координатором в области образования и здравоохранения. Краснодарский край – место проживания более 100 национальностей, а Ейск (изначально международный город-подданный Российской империи) по праву считается городом межнационального согласия и примирения. Профессиональное постоянное сотрудничество с коллегами из разных стран – РФ, Белоруссии, Украины, Болгарии, Нидерландов, ФРГ, Чехии, Италии, Черногории, Англии, Франции, Монако, Греции, США, Бельгии и других - вылилось в совместные мероприятия и форумы, которые были отмечены российскими и зарубежными специалистами, сами события выставлены на образовательных сайтах и учебных порталах, опубликованные в сборниках статьи доступны для обсуждения и простого ознакомления на многих электронных научных ресурсах, события и память о проведенных встречах запечатлены в книжных изданиях последних лет, которые помещены в различные библиотечные фонды, как российские, так и зарубежные. Посещения научно-практических семинаров и курсов повышения квалификации в Афинах, Раттене, Сочи, Праге, Москве, Брюсселе и многих других городах для специалистов школ, в которых осуществляется преподавание русского языка и культуры, стали примером совместного мастерства и источником дружеского общения.» [Проза. ру: Губернская Ольга].

Продолжением профессиональных форумов для меня, как специалиста, стали: участие в писательской конференции в немецком городе Констанц и публикация в сборнике «Словесная Константа», участие в лицейской конференции для преподавателей и учеников «От школьного проекта – к профессиональной карьере!» и обмену проектными наработками учреждений, работающих под эгидой ЮНЕСКО в городе Саратов [Международная научно-практическая конференция "От школьного проекта...lien.ru/conf], в конкурсе стипендий,

экслибриса и малых форм графики с журналом «Введенская сторона» и «Новгородская печатня» в Гданьске (Польша) в качестве наставника и мамы [art-storona.ru: Введенская сторона, 2016, № 1], завершив работу над писательским проектом-книгой «Чудесный мир» и альбомом о лагерных сменах «Бегущая по волнам». Каждый раз добавляю при очередной публикации список изданий и конкурсов при оформлении библиографии - «...являюсь автором ряда методических и научных публикаций, размещенных, в том числе, на порталах МГУ (Высшая школа перевода), университетов г. Бания-Лука (Босния-Герцеговина), г. Салоники (Греция), Eastern-european scientific journal г. Дюссельдорф (ФРГ), государственного университета г. Сочи (РФ), Карлова университета (Прага, Чехия), журнала «Инновации и эксперимент в образовании» (Москва, РФ), Научного центра «Интерактив плюс» (г. Чебоксары, РФ), мои произведения опубликованы в российских и зарубежных печатных изданиях: литературных журналах «Новый Ренессанс» (Германия) – рассказ «Первая скрипка», «Литературная столица» (РФ) – эссе «Дева с волосами тона индийского лета» и литературных альманахах «Спутник» (Москва) – очерк «Сага о великанах», «Созвучие муз» (Штутгарт) – рассказы «Венецианская дама» и «Ангел цвета мимозы», научном альманахе «Педагогика современности» (Чебоксары) – рассказ «Первая скрипка», Есенинском сборнике «Отговорила роща золотая» (Москва) – рассказ «Горошина». Рассказ «Хранитель тайны лазоревое цветка» в 2015 удостоен дважды лауреатского звания в международных творческо-литературных конкурсах: «Белая акация» (Республика Марий Эл – Чувашия), посвященном русскому романсу, и «Как в сказке» (семейных сказок) (АиФ, Санкт-Петербург), рассказ «Венецианская дама» в «Петербургские семейные сказки», АиФ-Питер, 2016 г.» В синопсисе произведения, участвующего в международном конкурсе в номинации литературное произведение позиционирую свою точку зрения на собственное жизненное кредо и профессиональную деятельность: «эссе «Подарки акватории любви», как и большинство моих произведений, написанных в жанре малой прозы, - результат собственных наблюдений и обобщений, исследований и анализа. Это произведение является частью книги «Чудесный мир», которая написана по следам путешествий, профессиональных мероприятий, проведенных мной лично и в соавторстве с друзьями-коллегами. Оно мой личный опыт, сопережитый с остальным миром. Его героиня - сложный образ: современница и жительница незапамятных времен, персонаж и реальное лицо, которые читателю покажутся незнакомыми. В то же время, Дева будет узнана всеми в любой стране, обоих полушариях, соотечественниками и иностранцами, носителями многих языков и представителями любой культуры. Моя Русалка - жительница поднебесья и океанических вод, степей родного Приазовья и зарубежных просторов, фантастичная и реальная. Волшебница, одаривающая приключениями и счастьем, мудрая и скромная, защитница,

наездница скифо-сарматского дракона, подружка морского конька и знакомая славянского коня-русалки, русская чудо-рыбца, приятельница многих в любом уголке мира, оттого часто приглашенная и зазывающая в гости, щедрая и колоритная. Это девочка-ребенок, взрослеющий, становящийся самодостаточной и характерной девушкой, женским образом-звездой и мечтой всей Вселенной. Знающая, уверенная, полюбившая и любимая. Героиня, у которой под ногами пьедестал - камень-звезда, постамент существования и воскрешения; красавица, очаровывающая лазоревым цветком вечности и молодости, одаренная силой и богатством магического кристалла, бриллианта, чистого истока, готовящая врачующий эликсир, составленный из магии искренних чувств. Любознательное и живое начало всех начал, сладкоголосая сирена, певунья, слышащая шепот древней ракушки - подарка-наследства своих предков, застывшая форма и суть идеальной жемчужины, блеск перламутра которой освещает ей дальнейшую путь-дорогу. Произведение, построенное по правилам в знакомую всем игру, участники которой протягивают свои ладошки-лодочки и получают от моей героини подарок- предмет, успев удержать его и понять, что теперь это его собственное достояние, в очередной раз, произнеся слова-заклятья:

- Я ношу, ношу колечко и кому-то подарю...

- Колечко-колечко, выйди на крылечко!» [<http://www.rus.ocabookforum.com/konkurs/>].

Писательский проект «Чудесный мир» характеризую следующим образом – «сборник исследовательских и художественных разножанровых произведений. Необходимость его написания возникла 8 лет назад, когда педагогическая деятельность вышла на этап авторского преподавания русского языка и литературы. На страницах своих произведений, предназначенных для учеников всех возрастов, изучающих русский язык или уже владеющих им на определенном уровне, мне удается вести обучающий и культурный диалог, в которых возможны дискуссия и согласие, убеждение и подтверждение, недосказанность, как возможность продолжения и дополнения. Вместе с тем, созданный мною чудесный мир - мир реальный и существующий. Как и любому человеку, имеющему статус родителя, учителя, писателя, пришлось взбираться по ступеням развития ребенка, ученика и читателя. В основу сюжетов новелл, эссе, очерков и рассказов, этюдов, повестей, художественно-публицистических статей лег собственный опыт, сопережитый с окружающим миром. «Чудесный мир» открыт для простого прочтения и знакомства, анализа и исследования, доступен для каждого и всех в печатном опубликованном и электронном вариантах. В силу профессиональных возможностей и обязанностей учителя и логопеда, писателя мною составлен своеобразный перспективный план учебно-образовательной и творческой, внеклассной работы для себя, коллег и партнеров, учеников и соучеников.

Окружающая среда и сфера общения - природная, образовательная, культурная, языковая, семейная и профессиональная позволяют делиться опытом и получать его только в ходе общения, местом которого могут быть как домашние, так и гостевые культурно-образовательные площадки. Английский писатель Смайлс Самюэль однажды сказал: «Очень часто книга, производящая глубокое впечатление на юный ум, составляет эпоху в жизни человека». У меня, как и у всех людей, есть любимые произведения и авторы, на которых и у которых я училась и познавала мир, теперь уже своим видением окружающего делюсь на страницах своих публикаций. Известный языковед В. М. Иллич-Свитыч своим верным и доказанным жизнью суждением «...язык – это брод через реку времени, он ведет нас к жилищу ушедших; но туда не сможет прийти тот, кто боится глубокой воды...» научил меня и моих учеников видеть исторические языковые корни, которые по праву дают именовать себя русскоязычными. «Все сочинения, чтобы быть хорошими, должны... выпетаться из души сочинителя» - в свое время соглашался с Н. В. Гоголем Л. Н. Толстой. Прочитав другого автора, подхватив основную мысль его произведения, взяв его в соавторы, процитировав в эпиграфе или пропев между строк в сюжетно-фабульной линии уже своего рассказа, - вот и секрет преемственности и постижения традиций русской литературы, видения ее истоков и любования неповторимостью и уникальностью. Дорогу от школьного сочинения к профессиональному писательскому пути прошли многие наши соотечественники, среди которых писатели-билингвы, сохраняющие русскую ментальность и культуру в других языках и культурах через переводы их произведений на множество языков мира. Одним из таких авторов является французский писатель русского происхождения Андрей Макин с его жизненным кредо - «Как и все русские - я фаталист...». И вот уже свойственная многим русским авторам судьбоносная миссия, совпавшая с позицией французского прозаика и драматурга «...есть такая национальность - эмигрант. Это когда корни русские сильны, но и влияние Франции огромно...» приводит меня, как автора, в профессиональную писательскую организацию - Международную Гильдию Писателей. Статусная триада «читатель-переводчик-писатель» свойственна всем, взявшимся однажды за перо и начавшим свою рукопись известным инципитом «Сначала было слово, и слово было у Бога».

Разноуровневые мир и творчество многолико и совершенно. Шарль Нодье однажды заметил «...из десяти переводчиков девять не знают языка, с которого переводят, а из десяти знающих язык, с которого переводят, девять не знают языка, на который они переводят...». Всякий читатель, писатель и переводчик, и даже слушатель и наблюдатель, созерцающий «не свое» творчество и авторский труд, оказывается на постаменте доступности и человечности, новаторства, становится сопричастным, что делает его мировым достоянием. Феномен писателя-универсума, свидетельствующего от лица всемирной культуры на

общедоступном языке, кодирующем свои мысли языком-универсумом, доказуем в афоризме гения - Леонардо да Винчи «...кто спорит, ссылаясь на авторитет, применяет не свой ум, а скорее память. Хорошая ученость родилась от хорошего дарования; и так как надобно более хвалить причину, чем следствие, ты больше будешь хвалить хорошее дарование без учености, чем хорошего ученого без дарования...». Секрет собственного, авторского преподавания русского языка и литературы, семейного воспитания и наставничества Гончаровой (Губернской) Ольги Вячеславовны в девизе - «Знаю, владею, способна сама - научу других»». [Международная научно-практическая конференция "От школьного проекта...lien.ru/conf] Редакция литературного журнала «Новый мир» объявила конкурс эссе, посвященных творчеству писателя-юбиляра. Авторскую конкурсную работу «Эссе о писателе современнике или портрет героя нашего времени» на правах преподавателя русского языка и литературы, логопеда, писателя, члена международной Гильдии писателей читаю с эпитафии современника, билингва, французского ученого и писателя, русского эмигранта Андрея Макина: «Как и все русские - я фаталист...». Свой разговор-дискурс о любимом авторе начался для меня с незнакомцем в далекие 90-е, в котором состоялся следующий диалог, которым «собеседник, не возражая, спросил:

- А вы роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» читали?!

Призналась, что читала, но еще год назад на школьных уроках литературы уделяли больше внимание его «Запискам юного врача», «Собачьему сердцу», «Белой гвардии».

- Что изменилось за прожитые годы?!

Стала преподавателем русского языка и литературы, логопедом, писателем, членом Международной гильдии писателей. Профессиональным интересам не изменила: занимаюсь образовательными и коммуникативными вопросами людей, которых в современном образовании принято называть носителями нескольких языков и культур - билингвами (полилингвами). Междисциплинарные стыки филологии и истории, лингвистики и психологии, культурологи и искусствоведения, биологических и медицинских дисциплин позволили стать специалистом-координатором в области образования и здравоохранения.

- И почему же я писатель?!».

Сложная, насыщенная разными событиями биография самого автора и любого писателя отражена в произведении М.А. Булгакова. Мне самой пришлось однажды проделать путь, проторенный известными именами русских и зарубежных писателей, чье литературное творчество получило всемирное признание и стало мировым достоянием. «Латинское начало-incipit, вводная формула старинных рукописей и первопечатных книг. Тогда, еще неизвестный миру титульный лист, указывающий на автора и название. И через столетия взявшийся за писательское перо по-прежнему твделеляет цветом и шрифтом свое

начало-название. «Вначале было слово, и слово было у Бога...». Сначала был и есть чтец - первый посвященный в клирики. Служение чтеца, пользующегося особым преимуществом - *privilegia cleti*, с его привилегиями и подсудностью. Современный ученик и его наставник с незабываемым гимном студенчества:

...Много зим и много лет

Прожили мы вместе,

Сохранив святой обет

Верности и чести...» [Губернская Ольга: Шахматная королева]

Право сохранившей верность профессиям, с честью и достоинством несущей звание русского писателя, продолжательницы традиций отечественной литературы дает представить мир булгаковского романа и его героев с новой страницы. Однажды написав произведение, Булгаков-творец сумел обозначить феноменальное количество исторических дат и событий, имен и фактов, персонажей и их реальных прототипов, произведений и их авторов и поместить их в один том-книгу, отражающийся в философском понятии об универсариуме (от лат. *universum, summa rerum*- объективная реальность во времени и в пространстве).

Многомерность булгаковского текстового пространства, в котором представлены: хронология отечественной и мировой науки и истории, история как судьба отдельно взятой личности, история - сюжет любого произведения литературного творчества с его идей-замыслом и тематической множественностью, большим количеством участников и героев, позволяющим говорить о типологии художественных образов (читателе, писателе, переводчике, слушателе, рассказчике, наблюдателе, собирателе-коллекционере, библиотекаре, редакторе и т.д.) Каждый в силу своих возможностей и судьбоносных перипетий может трансформироваться в любой статус, мастерски воплощаясь с помощью традиционных и авторских художественных средств изображения, что позволяет говорить о создании произведения-шедевра, произведения-феномена и феномене самого автора.

Многомерность пространства произведения: современность и история, реальный и виртуальный мир. История булгаковского романа как сюжет любого произведения: история - хронология реальных отечественных и мировых событий; история-судьба (биография) и библиография отдельно взятой личности; история как сюжет отдельного произведения и все последующие истории, представленные писательским и не только миром, в котором в силу состоявшегося или не состоявшегося диалога царствует мирное существование или в силу недоговоренности возможно совсем не мирное существование и даже не бытие. Вариантом грамотно организованного образовательного и культурного пространства может являться создание авторского проекта. «Лингвистическая студия «Приазовское Лукоморье» существует уже 8 лет. В силу профессиональных интересов самого педагога, направлений

деятельности и разного возраста ее учеников-участников учебные и внеклассные мероприятия проводятся с учетом выбранных приоритетов и возможностей обучающихся.

Образовательная и внеклассная деятельность организована в форме клуба, который предполагает единство интересов и объединение в сообщество, в котором предусмотрено: изучение русского языка и литературы как родного, неродного и иностранного; ознакомление с краеведческим, страноведческим и культурологическим аспектами языкового образования; диагностика и коррекция речевых устных и письменных нарушений; проведение внеклассных мероприятий, связанных с досуговой деятельностью и праздниками. В ситуации разного возраста и уровня владения учениками речевыми и коммуникативными навыками, моно и билингвизма, наличия специфических речевых затруднений (нарушения речи) и их отсутствия, учебно-образовательный процесс строился с учетом особенностей и возможностей каждого обучающегося и был организован как в групповых (подгрупповых), так и индивидуальных формах работы. Участниками внеклассных мероприятий стали все посещающие занятия. В рамках работы секции «Международного проекта "Ассоциированные школы ЮНЕСКО" как фактор расширения образовательной среды» и объеме данной статьи хочется поделиться методическими наработками авторского творческо-исследовательского проекта «Зеркальное отражение», носившим международный статус, поскольку осуществлялся совместно с организациями (странами-участниками) на домашней и выездных площадках. Творческо-исследовательские направления работы были связаны с изучением истории края, его языковыми, межнациональными и культурно-образовательными авторскими проектами. Обучение и исследование имели двусторонний характер, подразумевающий общение и знакомство, обучение и обмен опытом, участие в очных и заочных совместных учительско-преподавательских и ученических мероприятиях - семинарах и курсах повышения квалификации, конференциях и круглых столах, мастер-классах и выставках, экскурсиях и зимних и летних лагерных сменах, совместных научно-исследовательских и художественно-публицистических изданиях. Целью данного проекта было достижение языковой, лингвистической, коммуникативной, культуроведческой компетенций. Последняя являлась главенствующей - конечной и предполагала осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики русского языка, владение нормами русского речевого этикета, культурой межнационального общения. Культурная компетентность стала основой в понимании единства культурного наследия международного пространства и средством ведения культурного диалога, возможностью совместного изучения способов сохранения традиционных промыслов в истории и современности и получения предпрофессиональных



ремесленных практик. Направлением творческо-исследовательской деятельности стали история и современность (краеведение). Основные задачи данного проекта можно сформулировать следующим образом: исследовать историю родного города и края; рассмотреть краеведческий исторический аспекты в рамках мировой истории и культуры; рассказать об истории керамического и стекольного производства как традиционном промысле европейских народов; показать на конкретных примерах сохранение данного мастерства в современных России и Италии.

Проект осуществлен в следующих этапах: 1. Сформулирована гипотеза о том, что в силу общих историко-культурных событий народов Европы возможно сохранение традиций и технологий изготовления такого народного промысла как керамическое и стекольное производство в разных странах. 2. Выбраны методы исследования. Ими являлись изучение и сбор исторических фактов, наблюдение, просмотры и экскурсии, мастер-классы, творческие отчеты. 3. Проанализированы полученные данные, заключающиеся в подтверждении предположения о том, что традиционный промысел керамического и стекольного производства существует тысячелетия и сохранился до сегодняшнего дня во многих европейских странах. 4. Оформлены конечные результаты в виде презентаций, тезисов, видеозаписей, выставочных работ прикладного творчества и научно-издательских публикаций, фотоальбомов, писем друзьям. 5. Подведены итоги и сделаны выводы - в настоящем времени традиционный народный промысел керамического и стекольного производства сохранен в России и Италии, а обучение и предпрофессиональная практика, основанная на ведении культурного диалога и межкультурной коммуникации и компетентности, носит продуктивный характер. А также уточненные знания по истории края и развитию речи родного и неродного русского, диалоговая практика изучаемых родных и иностранных языков участников»». [Гончарова О. В. Обучение диалогу культур в ходе творческо-исследовательского проекта «Зеркальное отражение»: [lien.ru/conf](http://lien.ru/conf)].

Собственный анализ художественно-изобразительных средств в романе М.А. Булгакова показал профессиональное и умелое владение широкой палитрой возможности передать разные реалии и жанровые особенности литературы, сумев доступно показать авторов и сделать ссылки на их произведения, где последние также мастерски получили свой урок и в последствии дали собственный мастер-класс остальным. Среди собственных излюбленных средств, подчеркнутых у писателя-юбиляра мною, можно выделить: цитацию в год ухода мастера целой литературной эпохи Умберто Эко, чьи произведения с таким же интересом изучал весь мир. Поскольку никакой диалог и профессиональная компетенция не состоятся никогда без таких важных составляющих, как доброжелательность, вежливость и ум, позвольте предложить вашему читательскому вниманию собственный рассказ «Двойной

обгон или вторая половина», в котором опять же излагаю взгляд на современные события через призму собственной любви к русскоязычному сообществу, его истории, культуре и литературе, вспомнив о наших с вами традициях и достижениях в истории и настоящем [Гончарова Ольга: «Двойной обгон», приложение].

### *Приложение.*

#### **«Двойной обгон» или вторая половина**

А в ненастные дни  
Собирались они  
Часто;  
Гнули, бог их прости!  
От пятидесяти  
На сто,  
И выигрывали,  
И отписывали  
Мелом,  
Так, в ненастные дни,  
Занимались они  
Делом.  
**А.С. Пушкин**

Писательские и преподавательские качества – знание, общительность и творчество часто обязывают отправиться в дорогу. И чтобы поездка не стала скучной, а путешествие было интересным, все мы часто берем с собой книгу. Преодолевая пространства и границы в поисках нового, совсем не обязательно вообще двигаться или стремиться попасть куда-то очень далеко, сбежав от привычного и порой поднадоевшего. Так часто бывает с уже давно прочитанным. Перечитывая за не имением под рукой нового, порой, происходят открытия при свежем взгляде на давно, казалось бы, старое и позабытое. Россию всегда отличали от остальных две вещи: дороги и дураки. А если вспомнить к тому же национальное изречение «какой русский не любит быстрой езды», то сразу задаешься вопросом: как же в таких обстоятельствах вообще можно куда-то двигаться вообще?! А пока эти составляющие национального менталитета остаются неизменными, все же какая-то неведомая сила многих заставляет задуматься о собственном маршруте дальнейшего следования. Многие отправились к далеким берегам, мне же пришлось приплыть к собственному берегу. Наездившись по белу свету в одиночестве и в составе сплоченных и интересных команд, устраивая свой досуг и не только, заметила еще одну отличительную особенность: а какой же русский не любит играть в карты?! Так, однажды задержка рейса из Стамбула и дальнейшее изучение русской литературы рассеяли миф о русской бестолковости, дав возможность понять еще одно свойство нас русских – патриотизм с его голь на выдумки хитра. И вот всем известный роман «Пиковая дама» раскрыл свои секреты не только, думаю, мне одной.

- Как можно ловко отыгаться, казалось бы, при обстоятельствах почти безнадежных?!

- Да очень просто!

Что нам, не современникам А. С. Пушкина, абсолютно по силам. И чтобы сорвать куш, достаточно не забыть о собственных национальных связях. Фатализм русских, как русская забава – рулетка, но стоит ли пускать пулю в висок, когда есть просто такое понятие, как культурный обмен. И вот они три заветные карты: тройка, семерка и туз.

- Что же свело с ума, в конечном итоге, обрусевшего немца у автора исторического национального наследия?

Веселый нрав писательской национальной гордости всем известен. И даже исторические произведения его читать можно с большим удовольствием, понимая богатый юмор русского писательского гения и его современного русскоязычного наследия. И пока одна часть россиян отправилась в полеты во сне и наяву, другая болела перед телеэкранами и на полях футбольных сражений, бывая на просмотрах киноновелл о героях, знавших, где находится страна Дураков, в парках и скверах делала свои карточные и не только расклады «в дурака», «подкидного дурака», в банковские «Фараон» и привычный пасьянс в тесном кругу со своим альянсом, сдавала экзамены и устремила свои взоры дальше в грядущее, я же постигла секрет успеха русского бытия с его «голь на выдумки хитра», восстановив в своей памяти знаменитое утро, когда русские обули любопытного немца. И пока произведения русского классика будут в программе и уме каждого, читателю с его пытливым умом будет не скучно, познавательно и полезно постигнув сюжеты русского гения, познав тайну колоды французской прорицательницы, совершив с «На выражах времени» на Колеса. ру очередной вояж к постижению культурных и исторических традиций, никогда не оказавшись «в дураках», следуя выигрышным маршрутом дальше к порталу Проза. ру, сайту московской Высшей школы перевода и другим изданиям и издателям в паре и со своей второй половиной за медалями, не рискуя делать дорожный трюк, помня об обратной стороне медали и знаменитые поучительные строки:

«...Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз.

- Туз выиграл! - сказал Германн, и открыл свою карту.

- Дама ваша убита, - сказал ласково Чекалинский.

Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться.

В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

- Старуха! - закричал он в ужасе.

Чекалинский потянул к себе проигранные билеты. Германн стоял неподвижно. Когда отошел он от стола, поднялся шумный говор.

- Славно спонтировал - говорили игроки.

Чекалинский снова стасовал карты: игра пошла своим чередом...»

- А ваша Дама проиграла?!

### **Список литературы:**

*Ворожбитова А. А.* Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система. Принципы проектирования и опыт реализации. – Изд-во «Флинта», 2014.

*Гончарова Ольга* «Ангел цвета мимозы», Венецианская дама» - альманах «Созвучье муз», МГП, Штутгарт, 2016.

*Гончарова (Губернская) Ольга* «Дева с волосами тона индейского лета» - журнал «Литературная столица», изд-во «Спутник плюс», март, 2016 г.

*Гончарова Ольга* «Первая скрипка» - журнал «Новый ренессанс» 22/4, МГП, Штутгарт, 2016 г.

*Гончарова О. В.* Обучение диалогу культур в ходе творческо-исследовательского проекта «Зеркальное отражение»: [ien.ru/conf](http://ien.ru/conf)

*Гончарова Ольга* «Сага о великанах» - литературный альманах «Спутник», изд-во «Спутник плюс», март, 2016 г.

*Гончарова Ольга* «Горошина» - Есенинский сборник «Отговорила роща золотая», М., «Спутник плюс», март 2016 г.

Путевой очерк "Розовый карнавал", рассказ-воспоминание «Осень-эмигрантка» / Вектор-успеха.рф [21vu.rug](http://21vu.rug).

*Даниелянц - Дайляни С.Д.*  
Институт Эпирос  
г. Эпирос (Греция)

*Danielyants – Dailiani Stella*  
Epirus Institute  
Epirus (Greece)

## **НОВЫЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

### **NEW POSSIBLE APPROACHES TO TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Цель этой статьи предложить и разъяснить новые возможные способы модернизации преподавания русского языка в системе РКИ, как взрослому, так и детскому контингенту. Сегодня постоянно говорится о том, что преподавание русского языка как иностранного всё чаще становится востребованным разными возрастными категориями, во многих зарубежных странах, и возможно наступил тот момент, когда нужно перейти с обсуждения, обновления системы преподавания, к практике. Иными словами, возникает вопрос: если преподавание и тестирование по русскому языку проводятся по правилам и принципам европейской системы преподавания иностранных языков. Необходимо полностью применить их при создании новых, более интересных, пополненных востребованной информацией, мотивирующих учебников. Автор этой статьи со значительным стажем преподавания двух языков (английского и русского) имеет возможность сравнения эффективности практического применения учебников и методик обучения двух языков. На основании этого сравнения предоставляется возможным привести практические примеры и предложить новые подходы к преподаванию и составлению современных пособий, которые смогли бы облегчить процесс усвоения языка, делая его таким способом более доступным и понятным, для учащихся.

The purpose of this article is to suggest and elaborate some possible ways in which the teaching of the Russian language (as a foreign language) could be modernized. It is widely known that nowadays, the Russian language is more and more on demand by people of different ages, in various countries abroad. Consequently, it is probably the most appropriate moment to take some steps towards renewing the already existing methods and practice of teaching Russian to foreigners. In other words, the question that unavoidably arises is that if the teaching and testing of the specific language has to be conducted in accordance with the set rules and principles of the European Framework of foreign languages. It seems that these methods should be applied in creating more modern and interesting textbooks. As the authors of this article have considerable experience in teaching both the English and Russian languages, they also have the opportunity to compare the practical usefulness of various methods of teaching. That is exactly why they feel that they have the capability of presenting specific, practical examples of new approaches in teaching and creation of up-to-date textbooks, which would probably facilitate the procedure of learning, making this way the Russian language more appealing to students.

**Ключевые слова:** модернизация преподавания, система РКИ, обновление системы, преподавания иностранных языков, мотивирующие учебники, практические примеры, новые подходы.

**Key words:** modernization of teaching, system of teaching the Russian language to foreigners, renewal of the teaching method, teaching of foreign languages, practical examples, new approaches.

Сегодня широко известно и неоспоримо, что прогрессивная методика обучения английскому языку как неродному серьёзно отличается от системы, по которой уже на протяжении многих лет преподают русский язык как иностранный. Для того, чтобы определить существенные различия в этих двух разных системах, необходимо установить аспекты по которым будет проводиться анализ такого рода. Начнём с того, что преподавание любого иностранного языка должно учитывать навыки, и постепенное развитие приобретённых знаний. Следовательно, сегменты обучения, в которых могли бы иметь место изменения и новшества с точки зрения преподавания, следующие: говорение, аудирование, грамматика, лексика, чтение и сочинение. Выбор пособий в сфере обучения русскому языку широк, но, к сожалению, практика показывает, что только использование ограниченного количества учебников приводит к предпочтительному результату. Причин этой актуальной проблемы очень много. Во-первых, большинство из них построены по устаревшему принципу, что в практическом смысле, не способствует мотивации учащихся, замедляя процесс усвоения знаний. Более чётко это отражается в конкретных примерах. Например, если в большинстве пособий адресованных изучающим английский язык затрагиваются современные общественные темы из социальной, политической, экономической, технологической сфер, которые интересуют широкий контингент молодых и взрослых людей, то соответствующие материалы в русских учебниках не совместимы со временем в котором они издаются. По-видимому, желание ознакомить обучающихся с русской идентичностью настолько сильно, что иногда не остаётся места для тематики о современной жизни в России, которая зарубежным учащимся гораздо более интересна, и именно она формирует глубокий интерес к стране и следовательно к языку. Точнее говоря, темы представленные в большинстве из этих пособий неизменно повторяются вращаясь вокруг истории, и исторических мест и событий давно ушедших лет, религии и фольклора России, создавая учащимся, особенно не живущим на территории России, ощущение, что социальный прогресс страны приостановлен, в то время как, российская действительность абсолютно противоречит этому. Точнее говоря, в учебниках по английскому языку, студент сталкивается с биографиями/ интервью разных лиц, которых они знают из спорта, политики или шоу бизнеса. Более того, часто занимаясь по этим учебникам, люди изучающие язык получают одновременно информацию о новых технологиях и открытиях в науке, например в сфере нанотехнологии, атомной энергии, природных ресурсов, ДНК и многих других. Сопоставляя их с учебниками по русскому языку как иностранному, становится ясным что во вторых, подход к представлению дидактического материала, по-видимому, должен меняться. Стоит только представить, каким существенным стимулом в изучении языка, могли бы послужить обновлённые учебники по русскому языку, которые с необходимым объёмом

грамматики и лексики, отражали бы современную Россию, молодое поколение (которое всё охотней адаптируется к западному стилю жизни), инновационные стратегии в политике, процветающие отрасли в промышленности, и в общем, новые социальные тенденции. В наши дни, когда высокий процент людей, вынуждены повседневно получать и перерабатывать огромное количество информации, психологи и эксперты, из разных сфер деятельности, неоднократно доказывали, что одна из лучших стратегий запоминания и усвоения нужного материала, это заинтересованность в той информации, которую мы получаем. На этом этапе, хотелось бы представить примеры к сравнению, двух текстов взятых из учебников ориентированных на изучающих русский язык, на уровне В2.

См. пример 1 [Лев Скороходов, Ольга Хорохордина, 2012, с.32-33], [М.Н. Макова, О.А. Ускова, с.20-21].

Оба текста плотно насыщены обязательной, на этом уровне, лексикой и грамматикой, с точки зрения же мотивации студента, читать их, (строая постепенно, умение использовать конструкции и словосочетания данные в них) - эффект-результат абсолютно противоположен. Абсолютно очевидно, что хотя содержания двух текстов подобное, второй абзац интересней читать, особенно иностранным учащимся, которые после чтения вынуждены работать над представленным им текстом.

Начав наше рассмотрение с самого широкого, на наш взгляд, аспекта проблемы, хотелось бы приступить к более конкретным препятствиям на пути к качественному и организованному преподаванию русского языка в системе РКИ. По всей видимости, знания, даже на элементарном уровне, любого иностранного языка, имеют начало в грамматических правилах, без владения которых практически невозможно выучить язык. Именно поэтому, все попытки преподавания русского языка как иностранного, по упрощённой методике, т.е. по программе, которая основана на усвоении фраз из принятого этикета, и простого понимания главных диалогических норм, без фундамента знаний грамматики, завершаются столь печальными результатами. Точнее говоря, учащиеся, которые проходят курсы по русскому языку как иностранному, по выше описанному принципу, доказано запоминают полученную информацию, на весьма ограниченный промежуток времени. Это объясняется тем, что грамматика русского языка очень непростая и включает в себя много сложностей, в сравнении с распространёнными европейскими языками. Автор этой статьи после применения разных методик преподавания и различных пособий, пришёл к заключению, что только зная и понимая грамматику на которой построены даже самые простые фразы, (как например: у кого есть что?, как у кого дела?) люди изучающие русский язык как иностранный, могут эффективно выучить язык. Более того, когда грамматические правила даются по конкретным конструкциям и таблицам, эффект усвоения информации не сравним

с тем, который мы получаем, объясняя их учащимся, целыми параграфами теорией. Пожалуйста сравните сами, два абсолютно разных способа объяснения одного и того же правила.

См. пример 2 [Е.Р. Ласкарева, 2010, с.179,185], [Ресурсы удалённого доступа, режим доступа: [www.therules.ru](http://www.therules.ru)].

Эта тема упоминается в этой статье, только потому что наши выводы противоречат, широко принятой, методике преподавания, которая предполагает, что люди изучающие язык на начальных уровнях, должны получать информацию автоматически т.е. уча наизусть, без дополнительного объяснения. Так как многие грамматические правила и особенности их применения очень сложно, если вообще возможно, перевести с одного языка на другой, автор этой статьи считает, что методика описанная выше и практикуемая им, более удачна и результативна. После усвоения наиболее главных из этих конструкций, даже самые слабые студенты, практически безошибочно используют их, не только в разговорной, но и в письменной речи. Совсем не удивительно, что в преподавании английского языка, такого вида конструкции, уже давно и широко используются. Например, в объяснении правильного использования пассивных конструкций, различных конструкций с прилагательными и т.д. Продолжая дальше сравнение двух разных методик преподавания, хотелось бы заметить тот факт, что английские издательства, как например Express Publishing, уже давно издают учебники национально ориентированные. Для русскоговорящих учеников/студентов, например, издаются специальные пособия, которые редактирует русское издательство «Просвещение». Это означает, что в этих пособиях учитываются сложности двух конкретных языков, перевод с одного на другой и существенные различия в лексике и грамматике, упрощая этим процесс получения знаний. Более того, в пособиях такого рода, грамматические правила представляются поурочно. Эти правила сопровождаются чтением и лексикой т.е. текстами, на разные современные темы, в которых студенты встречают: применение данных правил и лексических единиц, обязательных на этом уровне. Ещё один факт, который следует заметить это то, что в большинстве русских учебников часто правила связанные между собой, бывают разбросаны по разным частям учебника. Например, правила падежей редко бывают даны вместе (по конструкциям, где это возможно). Таким образом, в сознании студента формируется ощущение, что изучить теорию, и достичь правильного использования, падежей практически непреодолимо.

Ниже представлен фрагмент из учебника, который составлен по принципу: правильное формулирование (падежа), затем теория применения (падежа) и в заключение практика полученных навыков.

См. пример 3 [Голубева А.В., 2008, с.60-63].

Именно такого вида представления правил и приводит к успешному пониманию, усвоению и позже самостоятельному применению грамматических правил - в данном случае предложного падежа. Понятно, что получая полную картину правил, по порядку, студентам намного проще их усваивать, применять и узнавать в текстах.

Продолжая дальше анализ сложностей в преподавании русского языка как иностранного, хотелось бы более конкретно затронуть, настолько немаловажный, раздел лексики. Так как существенная часть русской грамматика тесно связана с лексикой, (например в правильном управлении глаголов) на этот раздел стоит обратить особое внимание. Всем известно что, для каждого уровня изучения русского языка в системе РКИ, существует минимальное количество лексических единиц, по которому и составляются большинство учебников. Из этого понятно, что студенты изучающие язык на конкретном уровне, должны учитывать и даже иметь в наличии соответствующий их уровню список слов. Лексические минимумы такого рода уже давно издаются и их нетрудно приобрести. Дело заключается в том, что список этих отдельных слов, данных в алфавитном порядке, переведён только на несколько языков, например не включая в себя греческого перевода . Так как автор этой статьи преподаёт в греческой аудитории, он пришёл к заключению что когда изучающие русский язык, вынуждены переводить смысл русских слов с английского перевода на их родной язык, часто результат бывает более чем неудовлетворительным. Дело в том, что таким образом часто первоначальный смысл слова теряется. Более того, даже после смыслового разъяснения каждой лексической единицы, студенты сталкиваются с огромными сложностями по пути к усвоению, абсолютно разных между собой слов, по вполне понятным причинам. Проблема заключается в том, что к этому обязательному объёму слов не прилагаются примеры с правильным применением каждой лексической единицы. Получается, что даже если у изучающих язык, богатый лексикон, в большинстве случаев, отсутствуют навыки правильного использования слов. Кроме этого, возникают серьёзные проблемы связанные с фонетикой и правильным произношением слов.

Один из самых непростых аспектов обучения какому-либо языку это письменная речь. До уровня А2 большинство изучающих русский язык, практически не встречают сложностей в сдаче субтеста «письмо», при том, что конечно владеют достаточно хорошо грамматикой и лексикой - обязательной на этом уровне. Тестирующим даются конкретные пункты, которые они должны упомянуть в своём письме, в виде плана по которому они должны составить письмо. Однако работа преподавателя и подготовка учащихся была бы намного легче, если бы имелись в наличии учебники по письму, на уровне А1-А2, в которых объяснялись бы разные функции письма (приглашение, извинение, поздравление и т.д.) и следовательно разные виды писем (инструктивные, письма-просьбы, претензионные, информационные и



т.д.), разные форматы письма (формальное, неформальное, полужформальное), конкретные планы для каждого вида письма а также стандартные фразы и вводные слова. Более того, студенты должны были бы иметь возможность видеть в учебнике, по которому они готовятся образцы разных вид писем. Например, в системе обучения английскому языку, как иностранному, учащиеся всегда имеют доступ к заданным темам на экзаменах предыдущих лет. Таким образом, они чётко представляют, что от них ожидают на экзамене. Подводя итоги и завершая доклад, автор этой статьи хотел бы уточнить, что высказанные выше предложения и пожелания имеют целью только рассмотрение новых возможностей и подходов в преподавании русского языка как иностранного.

### ***Список литературы:***

- Голубева А.В.* Сборник упражнений по грамматике русского языка (для иностранцев) Выпуск 1, 4ое издание, Голубева А.В., А.И. Задорина, Л.П. Кожевникова, Т.А. Лисицына  
*Эсмантова Т.* Русский язык 5 элементов, уровень А1, Эсмантова Т., Санкт Петербург , Златоуст, 2014, 320с.  
*Ласкарева Е.Р.* Чистая грамматика, 4ое издание, Е.Р. Ласкарева, Санкт Петербург, Златоуст, 2010, 336с.  
*Макова М.Н.* В мире людей, Выпуск 1, письмо, говорение, Учебное пособие по подготовке к экзамену по русскому языку для граждан зарубежных стран (ТРКИ2-ТРКИ3), М.Н. Макова, А.О. Ускова, Санкт Петербург, Златоуст, 2013, 288с.  
E.Moutsou, Marileni Malkogianni,(Listening, speaking writing) Textbooks suitable for Cambridge FCE, Michigan ECCE, EU, MMPublications, 2013, p.72  
Virginia Evans, Jenny Dooley, Spark 4 (Companion), Greece, Express Publishing, 2011, p. 110  
Ресурсы удалённого доступа (INTEPNET) режим доступа: [www.therules.ru](http://www.therules.ru).

*Дашинимаева П.П.*

*Балданова Б.А.*

Бурятский государственный университет  
г. Улан-Удэ, (Россия)

*Polina Dashinimaeva*

*Butidma Baldanova*

Buryat State University  
Ulan-Ude (Russia)

## АВТОРСКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ МЕТАТЕОРИЯ ВОСПРИЯТИЯ ИСХОДНОГО ТЕКСТА

### AUTHOR'S TRANSLATION METATHEORY IN TERMS OF TEXT PERCEPTION

Несмотря на то, что подходы к моделированию перевода подтверждают поступательный характер, вопрос о необходимости новых постановок решения базовой темы переводоведения в другом методологическом ключе остается актуальным. Одним из вариантов решения является разработка авторских операциональных метатеорий декодирования исходного смысла, основанных на совокупном привлечении старых теорий других научных сфер посредством присвоения им новых функций. Исходным постулатом метатеории является принципиальное разделение переводческого процесса на два изолированных этапа (ментальный и языковой), обоснованное принципом нейроанатомической и -физиологической изолированности языковых форм от соответствующих семантических сущностей – базовым принципом речемыслительной деятельности, постулирующим то, что этап внешней речи *следует* за потоком мыслей. В случае перевода последний представляет собой восприятие-декодирование исходного сообщения на языке-1 – тот объект, которое и получает в работе метатеоретическое освещение в рамках прескриптивного метода. В качестве «кирпичиков» алгоритма выступают теории о: внутреннем диалоге М.М. Бахтина, ментальной модели Тёна Ван Дейка, внутренней структуре категорий Э. Рош, восприятии Дж. Брунера, ситуативной концептуализации Л. Барсалу и семантике и прагматике фразеологизмов М.Л. Ковшовой.

The issue of posing translation process modeling versions within new methodologies might be labeled as the main issue of translatology, and the one of current concern in the domain, though one cannot deny that scholars and schools do not work progressively in this aspect. In the paper the authors claim the issue to be methodologically newly regarded in a multidisciplinary and prescriptive way. The latter is a metatheory formulation, i.e. constructing a perception algorithm applying old theories (the ones born in other adjacent domains), but with new functions assigned. They are theories of: inner dialogue by M.M. Bakhtin, mental modeling by Teun A. Van Dijk, categories internal structure by E. Rosch, perception by J. Bruner, situated conceptualization by L. Barsalou and collocations semantics and pragmatics by M.L. Kovshova. In the core of the methodology there lies a principle of speech and thinking – isolatedness of thought and verbal structuring. On the basis of this initial principle one poses that the external speech stage succeeds the flow of thoughts. The latter – perception of the source text meaning – becomes the main focus of the metatheory described.

**Ключевые слова:** метатеория, моделирование, алгоритм перевода, прескрипция, образ, восприятие, декодирование, смысл, исходный текст, переводческий дискурс.

**Key words:** metatheory, modeling, translation algorithm, prescription, image, perception, decoding, context meaning, source text, target discourse.

## **Вводные замечания**

В связи с тем, что непосредственный процесс перевода осуществляется в мозге переводчика и недоступен для внешнего наблюдения, невозможно представить абсолютно объективный (здесь: верифицируемый) алгоритм перекодирования смыслов исходного текста (далее – ИТ) в переводческом дискурсе (далее – ПД). Однако принципиальность идеи заключается в том, что аспект моделирования перевода предполагает дескриптивный и прескриптивный подходы к его описанию. Первый предполагает алгоритмизацию реального – естественного (с точки зрения подразумеваемого автора исследования) – протекания перекодирования, *происходящего* в голове транслятора; второй – некую идеализированную модель того, что и как *должно происходить* в его голове. В данной работе мы используем второй подход, однако в аспекте новых методологий.

С другой стороны, заметим, что оба подхода, безусловно, в перспективе взаимодействуются: регулярное учебное применение переводчиком некоей прескриптивной модели способствует формированию реальных речемыслительных актов межкультурной коммуникации таким образом, что обе модели в итоге в определенной степени накладываются. В этом смысле при разработке обобщенного алгоритма лучше исходить из идеализации / формализации реальных версий эффективного и качественного перевода.

За рабочее определение модели перевода возьмем следующее: это условное идеализированное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые переводчик осуществляет процесс превращения ИТ, или некоторой его части, в ПД более эффективно и качественно.

В ходе поисков решения заданной научной проблемы мы изучали труды как ученых лингвистов, так и ученых из смежных областей знаний, которые могут помочь «пролить свет» на когнитивное пространство межкультурной коммуникативной эпистемы. В процессе экспертизы аппликативного потенциала различных теорий мы пришли к выводу о том, что нам следует разработать авторскую метатеорию перевода, в основе которой будет лежать исходный постулат о раздельности, несимметричности мыслительного и речемоторного этапов языка/речи [Дашинимаева, 2011, 2015]. Следовательно, продуктом будет интегративная методология междисциплинарного характера, основанная на придании “второй жизни” разных теорий, которые в совокупности образуют вторичную теорию, т.е. метатеорию.

Напомним, что метатеория – это теория, «в которой производится рассмотрение свойств некоторой другой теории, в том числе точное ее описание (т.е. определение правил образования и преобразования)» [[http://epistemology\\_of\\_science.academic.ru/](http://epistemology_of_science.academic.ru/)].

Так, наша авторская метатеория представляет собой интеграцию ряда теорий и теоретических положений, ранее функционировавших в другой научной области или подобласти знания:

- ментальная модель Тёна Ван Дейка;
- теория о внутреннем диалоге М.М. Бахтина;
- теория прототипов Э. Рош;
- теория восприятия Дж. Брунера;
- теория ситуативной концептуализации Л. Барсалу;
- теория о семантике и прагматике фразеологизмов М.Л. Ковшовой.

### **Восприятие сообщения на языке оригинала**

На данном этапе переводчик выступает как реципиент, т.е. он воспринимает ИТ для последующего декодирования. Само восприятие представляет собой ментальный «разговор» о вариантах декодирования смысла, проработка версий прогнозирования исходных смыслов, что похоже на бивекторные размышления со своим сознанием, описанные в теории внутреннего диалога М.М. Бахтина, согласно которой, всякое высказывание, участвующее в процессах живого человеческого общения и мышления, внутренне диалогично. Это значит, что в процессе речевой коммуникации не только учитывается интеллектуальный и эмоциональный фон восприятия речи собеседником – степень его осведомлённости в ситуации, его предубеждения, симпатии и антипатии (диалог с воображаемым – реальным или вымышленным – собеседником, которого Бахтин называет «другой-для-меня»), но и ведется внутренний диалог с самим собой, точнее, с «бесплотным» образом себя в своем сознании («я-для-себя») [Бахтин, 1979]. В этом смысле, по Бахтину, диалог *не средство, а сущность* сознания голосов «я-для-меня» и «других-для-меня», которую можно представить как перебор вариантов декодирования смыслов в виде двустороннего вектора размышлений (мы называем подобный процесс «дискурсивным мышлением»). Таким образом, рекомендуем переводчику реализовать начальный подэтап восприятия/декодирования смыслов ИТ сначала в формате «другой-для-меня», при этом идею «другого» (адресанта) переводчик должен реализовать для себя в двух "я" – "я-1" (переводчик выступает как реципиент) и "я-2" (реальный получатель межкультурной коммуникации). Варианты первого ряда декодирования осуществляются в рамках «я-1-для-меня», второго – как «я-2-для-меня». Здесь, как видно, мы вносим дополнительный операциональный акт в теорию М. Бахтина.

С точки зрения своего естественного "я" доходить до сути намного проще, чем с позиции действительного получателя – носителя культуры-2. Здесь предлагаем обратиться к ментальной модели Тёна Ван Дейка, в которой делается акцент на самом содержании и способах структурирования мыслей/смыслов автора дискурса. Автор модели пишет, что «понимание людей, то, как они меняют свои мнения и оценки, зависит и от их предыдущих оценок и идеологий (разделяемых с другими членами группы), и от их собственного опыта [Дейк, 1989, с. 57]. Именно эти личные – ментальные модели – интерпретации, составляющие контекст дискурса, являются основой вербальных действий индивида. Знание ментальных моделей адресанта «в особенности важно в управлении тем, какая информация остается имплицитной, какая выражается эксплицитно, какая вспоминается или предполагается в дискурсе. Ключевой механизм контекстной модели сводится к стратегическому контролю знания в ходе интеракции» [Дейк, 2013, с. 304]. Согласно автору, выявление ментальных моделей есть работа в рамках прагматического подхода, рассматривающего то, каким образом знание формируется в контексте. Таким образом, для смычки «другой-для-меня» и «я-и2-для-меня» переводчику следует определить степень эксплицитности/имплицитности информации ИТ, какого рода семантика осталась не «овнешненной» и в каких целях.

В зависимости от вида перевода способствуют выполнению этого этапа признаки ИТ, указывающие на личностные ментальные модели события или ситуации, на взаимоотношения между субъективным, социальным знанием и мнениями: особая интонация или визуальные и аудиальные особенности (цвет, шрифт, свойства изображения, музыка), синтаксические структуры (например, активный или пассивный залог), выбор лексики, семантика пресуппозиций или личные описания, риторические фигуры или аргументативные структуры, а также выбор определенных речевых актов, вежливых речевых оборотов, разговорных стратегий.

Если имеет место определенная степень манипуляции (что больше присуще институциональному дискурсу), то посредством каких структур дискурса реализуются контекстуальные рамки? Это могут быть: (а) подчеркивание позиций власти, авторитета и морального превосходства агентов дискурса или тех, кто стоит за ними, а также подчеркивание подчиненного положения, недостатка знаний и иных слабых сторон реципиентов; (б) фокус на новых убеждениях, которые агент дискурса пытается внедрить в сознание манипулируемых под видом нового знания, аргументов, доказательств и иных форм, стимулирующих восприятие и усвоение новой информации; (в) дискредитация альтернативных, критических источников и противоположных убеждений; (г) аргументация к релевантным идеологиям, позициям и эмоциям реципиентов [Дейк, 2013].

Таким образом, первый этап переводческого процесса – это последовательный *перебор* различных вариантов реидентификации исходной интенции вокруг базовых смыслов. Каким образом переводчик приходит к ее окончательному прогнозированию? Здесь можно привлечь когнитивно-ориентированную теорию восприятия Джерома Брунера. Его теория – это попытка исследовать механизм восприятия с точки зрения нейрофизиологической работы мозга. Механизм этого процесса основан на умозаклчениях и установлении соответствий посредством функций сенсорных аппаратов и деятельности коры, которая позволяет воспринимать объект. В теории категоризации Брунера восприятие, т.е. любой перцептивный опыт, рассматривается как процесс и продукт категоризации – движение от признаков к категориям, происходящее в основном бессознательно. И чем более адекватна система категорий, построенная для кодирования признаков, тем более истинно восприятие [Брунер, 1977].

Попробуем проиллюстрировать идеи Дж. Брунера на примере декодирования морали пословицы. Так, оно происходит бессознательно как процесс категоризации в следующей структуре: определение образа, его места в ряду схожих, смежных и далеких классов посредством выявления его прямых и косвенных признаков, соотнесение с чертами метафоризируемого образа. Подобную категоризацию можно другими словами назвать «идиоматический механизм эксплуатации образа», используемый во имя выражения определенной морали. Как известно, здесь основная задача реципиента – идентификация дидактической ценности пословицы, служащей как обоснование смысла ИТ, далее в межкультурной коммуникации дополнительными задачами являются соотнесение образа с ценностными ориентирами родной (исходной) культуры для нахождения образа-коррелята, иллюстрирующего те же ориентиры в другой (целевой) культуре.

Понятно, что в любой теории процесс алгоритмизации восприятия искусственно растягивается во времени как эпистема, язык второго порядка, т.е. как некий стройный, последовательный процесс прихода к пониманию ИТ (прескриптивный метод). Рассмотрим, как когнитивный психолог Лоренс Барсалоу описывает этот процесс в естественном режиме "на самом деле" (дескриптивный метод). По его мнению, процесс восприятия происходит вспышками, т.е. не как отдельные, последовательные этапы, а в последовательно-синхронном формате: семантика услышанного или прочитанного проявляется как продукт категоризации в различного сорта признаках – от одновременной визуализации, обоняния, осязания и других сенсорных восприятий признаков, что носит сугубо индивидуальный характер, до абстрактно-концептуального понимания смысла [Barsalou, 1992]. Подобную физиологию восприятия человека мы называем «пакетным режимом» активации элементов восприятия [Дашинимаева, 2011]. Вышесказанное означает, что любой акт восприятия имеет

свое сенсорное наполнение, что доказывает отсутствие универсального закона активации ситуации.

Для примирения двух идей – уникальности-селективности восприятия, с одной стороны, и методологической надобности алгоритмизации восприятия в целях декодирования смыслов ИТ, с другой, в метатеорию можно встроить теорию прототипов Элеоноры Рош [Rosch, 1975]. Согласно данной теории в основе мышления лежит деление категорий (индивидуального лексикона) на прототипы и структуры базового уровня. Например, члены категорий *мебель, птица, игрушка, одежда* и др., хотя и принадлежат к одной и той же категории, имеют разный статус в сознании человека – более и менее типичных представителей, или, прототипа категории, центральных и периферийных членов. Наиболее типичный представитель категории как «лучший» пример, будучи прототипом, располагается в центре категории.

Данная идея может пригодиться переводчику в процессе поиска, например, образ-коррелята посредством определения степени симметричности/асимметричности членов той или иной категории. Если образ, скажем, молчаливого мужчины, находится в центре категории «МУЖЧИНА» в бурятской культуре, то он не может быть центральным в русской, испанской, американской культурах. Или, при восприятии слова HOUSE переводчик должен «появить» в окне сознания вариант среднестатистического прототипа жилища англичан (или американцев), затем представить конструкцию дома российских жителей, которые в итоге будут представлять собой некую асимметрию образов. Если возьмем абстрактный концепт, например, ГЕРОИЗМ, легко представить возможность варианта абсолютной асимметрии – *Трафальгарская площадь* и *Сталинград*. Данное неналожение объясняет, как примерно выглядит фрагмент продукта восприятия в рамках стратегии одомашнивания содержания ИТ в ПД.

При письменном переводе рекомендуется описать продукты восприятия в виде лингвокультурологического комментария к ключевому образу ИТ. Рассмотрим методику М.Л. Ковшовой осуществления двух уровней комментария – обычного и глубокого – (фразеологического) образа [Ковшова, 2009].

Обычный комментарий призван максимально адекватно обозначить общеизвестное, распространенное представление, контуры знаний, ассоциаций носителя культуры, т.е. он не требует специального обучения или глубокого объема культурных и языковых знаний. Это значит, что в процессе восприятия в «свернутом» виде возникает в сознании реципиента (переводчика в формате «я-2-для меня») подобное стереотипное представление.

Глубокая часть комментария предполагает квалифицированное описание культурных смыслов образа, поскольку оно опирается на строгие научные исследования. В рамках

данного вида комментария рекомендуется давать толкование посредством «архетипических оппозиций», «концептуализации», «внутренней формы», «символизации», «метафоры», «эталона», «стереотипа» и других категорий.

Вследствие проделанных ментальных и вербализованных интерпретаций и комментариев, сопровождающие этап восприятия, переводчик определяет исходные смыслы и интенцию автора ИТ и приступает к следующему этапу – перебору вариантов перекодирования в целевом языке.

### **Заключение**

Задача переводческой метатеории восприятия ИТ состоит в попытке разработки «правильного» (по правилу) алгоритма декодирования ИТ, который минимизировал бы трудности восприятия и идентификации элементов, определения их вклада в совокупное смыслопроизводство, в итоге способствовал бы поиску и нахождению наиболее приемлемых и адекватных коррелятов в ПД. Преимущество авторского алгоритма декодирования смыслов состоит в мультидисциплинарном характере и вторичной эксплуатации ряда популярных теорий «родом» из других смежных областей гуманитарного знания, – преимущество, которое повышает степень доказательной силы переводоведческой теории.

### **Список литературы:**

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. / М.М. Бахтин. М., 1979. 424 с.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940-1960 гг. С.159-206.
- Брунер Дж.* Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер ; пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 412 с.
- Брунер Дж.* О перцептивной готовности // Хрестоматия по психологии. Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.П. Гиппенрейтер, В.В. Любимова, М.Б. Михалевской; пер. с англ. М., 1999. С. 74-78.
- Дашинимаева П.П.* Теория значения как значимости: «осветим чертог теней»? / П.П. Дашинимаева // "Вестник Тверского государственного университета". Сер. "Филология". Вып. 2 "Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 4. С. 21-28.
- Дашинимаева П.П.* Новые методологии исследования межкультурной коммуникации" / П.П. Дашинимаева // науч. сб. «Восток-Запад: взаимодействие языков и культур»: мат-лы III междунар. науч.-пр. конф. (Улан-Удэ, 16-20 сентября 2015 г.) / науч. ред. Ц.Д. Бидагаева. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2015. С. 30-35.
- Дейк Т.А.В.* Язык. Познание. Коммуникация / Т.А.В. Дейк ; пер. с англ. М. : Прогресс. 1989. 312 с.
- Дейк Т.А.В.* Дискурс и ВЛАСТЬ. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А.В. Дейк ; пер. с англ. М. : Либроком, 2013. — 344 с.
- Ковшова М.Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. / М.Л. Ковшова ; Институт языкознания РАН. М., 2009.
- Barsalou, L. W.* Frames, Concepts and Conceptual Fields // Frames, Fields and Contrsts. New Essays in Semantic and Lexical Organization ; ed. A. Lehrer, E. F. Kittay / L. W. Barsalou. Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1992. P. 21-74.
- Rosch E.* Family resemblances : Studies in the internal structure of categories // Cognitive Psychology / E.



Rosch, C. B. Mervis. 1975. Vol. 7. P. 573-605.

*Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization ; ed. E. Rosch, B. B. Lloyd / E. Rosch Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27-48.*

*Дун Юнчунь*  
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
г. Москва (Россия)

*Dong Yongchun*  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

## **ОСОБЕННОСТЬ КИТАЙСКОЙ ЛЕКСИКИ, ИСПОЛЬЗУЕМОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

### **ESPECIALLY CHINESE VOCABULARY USED YOUTH IN THE INTERNET**

Статья посвящена рассмотрению лингвистических средств общения, используемых китайскими молодыми людьми в сети интернет. Электронные сообщения, доступные широкому кругу пользователей сети интернет, характеризуются прагматической и коммуникативной функциями. употребление сленга, диалектизмов, своеобразным словотворчеством. Безусловно, употребление китайской молодежью тех или иных лексических единиц представляет собой некое репрезентативное отражение внешней реальности, проявлений социальной и политической жизни, а также общее состояние общества.

The article is devoted to consideration of the linguistic means of communication used by the Chinese young people on the Internet. Electronic messages are available a wide range of Internet users, characterized by a pragmatic and communicative functions. the use of slang, dialect., word creation. Of course, the use of the Chinese youth of certain lexical units is a kind of a representative reflection of external reality, manifestations of social and political life, and the general state of society.

**Ключевые слова:** образование , особенность , интернет-общение, лексика

**Key words :** composition, feature, vocabulary, Internet communication

В настоящее время в мире существует достаточное количество средств, форм и способов общения, и немалая часть из них так или иначе связана с современными техническими возможностями, которые, в частности, представлены в глобальной компьютерной сети Интернет. Это в первую очередь связано с тем, что человечество за последнее столетие совершило огромный скачок в развитии науки и техники, что позволило открыть новые просторы для деятельности человека. Сетевая лексика сопровождается развитием интернета, она является языковой формой в отличии от традиционных плоских СМИ. Благодаря её краткой и образной форме, как она появилась, её предпочитают многочисленные интернет-пользователи, она быстро развивается. Китайская сетевая лексика включает в себя Пиньинь, аббревиатуры на базе английского языка, цифры с каким-то особым значением, и образную сетевую анимацию и картинки. Вначале интернет-пользователи применяли сетевую лексику для повышению эффективности чатов в сети-интернет или для каких-то особенных требований, с течением времени стала формироваться

сетевая речь. В этой статье на основе смысла сетевой лексики и причин её возникновения рассматриваются пути образования сетевой лексики, а также разъясняется, в чем заключаются особенности китайской сетевой лексики. По мнению Е.В. Грязновой, Интернет коммуникация «...является единством четырех процессов: в нем создается новая реальность, которая отражает объективную действительность, выражает субъективно-личностный мир... и передает свое духовное содержание всем участникам» [Грязнова, 2001, с. 25].

*Сетевая речь как разновидность сленга.*

Сленг - это набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных группах людей (профессиональных, общественных, возрастных и т.д.) [электронный ресурс].

Например:

“炒鱿鱼” chao you yu «обжаривать кальмар» (уволить кого-то);

“炒更” chao geng «по максимуму использовать время ночью» (работать сверхурочно);

“给力” gei li «приложить усилие» (супер);

“蛋定” dan ding «установленное яйцо» (успокоиться).

Проанализировав многочисленные слова, используемые китайскими пользователями в электронной почте, чатах, социальных сетях, таких как Facebook, WeChat, мы выявили некоторые особенности лексики, используемой в ходе Интернет-общения.

Во время Интернет-общения широко используются следующие лексические формы:

- аббревиатуры - (от итал. *abbreviatura*) - слово, образованное сокращением слова или словосочетания и читаемое по алфавитному названию начальных букв или по начальным звукам слов, входящих в него. [электронный ресурс] Благодаря аббревиации, увеличивается скорость поступления информации от пишущего к читающему. Кроме экономии времени речевых усилий говорящего аббревиатура является и средством концентрации информации. Наибольший интерес представляет такой вид аббревиатур, как акронимы. Именно употребление разнообразных видов акронимов представляет собой неотъемлемую черту современного Интернет-общения на сегодняшний день.

Акроним – вид аббревиатуры, образованной начальными звуками (напр. НАТО, вуз, НАСА, ТАСС). Фактически акроним представляет собой слово, являющееся сокращением, которое можно произнести слитно (в отличие от аббревиатуры, которую произносят «по буквам» [электронный ресурс].

Например, RMB – 人民币 (китайский юань), 88/ bye-bye/再见 (до-свидания).

При образовании сокращений пользователи Интернета проявляют удивительную изобретательность и словотворчество. Например, в некоторых аббревиатурах буквы алфавита используются для обозначения целых слов.

Как уже было отмечено, в интернет-общении наиболее распространенными лексическими формами являются аббревиатуры, а именно акронимы. Все акронимы, используемые в ходе общения, подразделяются по значению и выполняемой ими функции на акронимы выражения мнения, эмоций и оценки, приветствия и прощания, компьютерной терминологии. В процессе коммуникации слоги, слова, фразы и даже целые предложения заменяются графически цифрами. В современных акронимах фонетическое оформление цифры 1 (one) совпадает со слогом one, won; цифры 2 (two) совпадает со словами и слогами to, too; цифра 4 (four) заменяет предлог for. Тенденция к экономии языковых средств является универсальной и обусловлена потребностями человеческого мышления и общения, а именно, наиболее экономично с помощью семантически емких, но меньших по форме знаков выразить многообразие объективного мира с его сложными связями и отношениями между предметами и явлениями. Благодаря расширению чатов в последнее время развивался процесс адаптации английских аббревиатур на китайский манер.

Интернет является средством связи, которое позволяет людям общаться в режиме прямого диалога, поэтому в Интернет-общении различные эмоции выражаются при помощи смайликов или эмограмм. Ученые-лингвисты дали несколько определений слову «эмограмма», однако по нашему мнению, эмограмма является стилизованным изображением мимики человеческого лица, реализованное в псевдографике с целью передать оппоненту эмоциональный настрой говорящего при общении опосредствованного печатаемыми через клавиатуру символами. При анализе эмограмм существуют две их наиболее яркие разновидности по происхождению: западные и восточные. Западный стиль компактен и удобен, набор эмоций, который можно выразить с его помощью гораздо богаче, потому заслуженно пользуется наибольшей популярностью. У восточного стиля есть свои сильные стороны. Многие китайские иероглифы дают возможность создавать в тексте целые картины. Тем не менее, такие виды эмограмм могут быть понятны не всем в силу недостаточных знаний китайского языка. Восточные смайлы имеют свой характерный стиль, они довольно удобны и красивы, а потому стали очень популярны в народе. Например, восточные смайлы строятся следующим образом: круглые скобки () ограничивают лицо, символы ^ или \* используются для имитации глаз, а \_ и o -для рта. Итак, в Интернет-общении эмоции могут выражаться с помощью своеобразного графического изображения глаз, рта, губ или даже носа.

Проанализировав, каким образом выражаются эмоции собеседников в электронных сообщениях, мы сделали следующие выводы:

1. В целях повышения эмоциональной окраски сообщения и выражений, возникающих в ходе передачи чувств и эмоций, люди часто используют эмограммы.

2. Большинство эмограмм имеется в своем составе буквы латинского алфавита, символы и скобки. Такие эмограммы представляют собой базовый набор для выражения эмоций Интренет-собеседника.

3. Оригинальности и замысловатости, сближению с реальностью способствует включение в эмограмму таких символов, как цифры, плюсы, минусы, точки, тире, различные виды скобок.

4. Все эмограммы, используемые в процессе общения, разделяются по происхождению на два вида: западные (смайлики) и восточные.

5. Повышает наглядность информации и способствует передаче большого спектра эмоций (от негодования до восторга) применение заглавных букв, большого количества восклицательных знаков, жаргонных выражений. Кроме того, знаки препинания служат для выражения эмоций и чувств, заложенных собеседником, что влияет на формирование в оппоненте идентичных эмоций и чувств.

В интернет-общении широко используется сложносокращенные слова и словосочетания. Роль аббревиации в создании новых слов в китайском языке в последнее десятилетие также значительно возросла, увеличилось количество слов, образованных данным способом. Использование сокращенных слов, заимствований и широкое развитие аббревиации является в настоящее время характерным не только для китайского языка, но и для многих других.

В целом все сокращения китайского языка можно разделить на три группы:

1) смешанные сокращения, образованные по схеме иероглиф + буква (好吧/hao ba/ хорошо) или буква + иероглиф (AA 制 // Algebraic Average / каждый платит за себя);

2) инициальные сокращения, делящиеся на два типа:

- аббревиатуры на базе английского языка (IPO-Initial Public Offerings);

- аббревиатуры на базе китайского языка (RMB – 人民币,);

3) Сокращения, имеющие в своём составе цифры, иероглифы и буквы. Такие аббревиатуры представляют собой сочетания графических аббревиаций с цифрами или иероглифами, выполняющими ту же функцию, что и сходная по звучанию со словом буква, т. е. заменяют собой лексическую единицу:

-88/ bye-bye{再见} до-свидания;

Китайский лингвист Чжоу Вэйляна предлагает в своих работах следующую классификацию буквенных сокращений, в которой подразделяет сокращения на три класса:

1. Сокращения с одной буквой (иероглиф и один символ латинского или греческого алфавита, ставящийся перед или после иероглифа). К этим сокращениям он относит и сокращения с цифрами.

2. Лексические образования, в состав которых входят две буквы.

3. Лексические образования, имеющие в своем составе три и более буквы. Это наиболее часто используемые сокращения. [Чжоу Вэйлян, 2001, с. 300]

Первые буквенные сокращения в Китае появились в начале XX в. Во время проведения политики реформ и открытости, а особенно в последующие несколько лет, в китайский язык хлынул огромный поток иностранной лексики, в том числе в ней насчитывался большой процент буквенных сокращений. В связи с особенностями написания, а также произнесения буквенные сокращения китайского языка носят явный оттенок заимствования из других языков. Несмотря на это, они прочно вошли в лексическую систему китайского языка и являются одним из основных объектов исследования лингвистов всего мира. В настоящее время широкое использование буквенных сокращений ставит общественность в тупик, поэтому перед лингвистами возникла неотложная и трудная задача пояснить значения и способы использования этого пласта лексики. За последнее десятилетие вопрос об этом пласте лексики постепенно стал одним из самых основных в мире лингвистики. В основном исследуются следующие аспекты:

- a) буквенные сокращения терминов;
- b) виды буквенных сокращений;
- c) источники буквенных сокращений;
- d) чтение и произношение буквенных сокращений;
- e) правила употребления буквенных сокращений;
- f) развитие пласта буквенных сокращений в настоящее время.

Считаем, что важная особенность буквенных сокращений состоит в том, что вне зависимости от того, какие функции они выполняют, содержат ли они в своём составе пиньинь - фонетический алфавит китайского языка, или буквы латинского и греческого алфавитов, или римские цифры, - все они относятся к одной группе сокращений и широко используются в повседневной речи. По аналогии с англоязычной аббревиацией развивается и собственно китайская, буквенно-цифровая аббревиация. Встречающиеся в Интернете цифровые аббревиации заменяют определённые понятия и лексические единицы. В китайском языке, например, цифры звучат как некоторые слова. Эта группа слов восполняет пробелы Интернет-общения. Например, 5201314 {wo ai ni yi shen yi shi }- я тебя люблю всю

жизнь. Подобные цифровые коды используют присущую китайскому языку омонимию. Язык цифр и игра слов в сегодняшний день очень широко используется китайской молодежью в интернет-общении. За каждой из цифр от 0 до 9 закрепляется определенный ряд значений на китайском языке.

Таким образом, в данной статье мы рассматривали лингвистические средства общения, используемые китайскими молодыми людьми в сети интернет. Электронные сообщения, доступные широкому кругу пользователей сети интернет, характеризуются прагматической и коммуникативной функциями, в них широко используются сленговые выражения, сложносокращенные слова (аббревиатуры и акронимы), цифровые обозначения. Для выражения эмоций используются различные эмограммы. Безусловно, употребление китайской молодежью тех или иных лексических единиц представляет собой некое репрезентативное отражение внешней реальности, а также особенностей социальной и политической жизни современного Китая.

### **Список литературы**

- Агеева Г.А.* Религиозная проповедь как специфичный вид языковой коммуникации [Текст]: дис. канд. филол. наук: 10.02.04/ Г. А. Агеева. - Иркутск, 1998. - 183 с.
- Аксенова М. Е.* Языкознание [Текст] / М. Е. Аксенова, Л. Г. Петрановская. - М. : Аванта +, 2005. - 704 с.
- Белянин В.П.* Расскажи мне о себе (Какие бывают объявления о знакомстве в газетах и Интернете) [Электронный ресурс] / В. П. Белянин // Московский психологический журнал. - <http://magazine.mospsy.ru/nomer8/509> (27.07.2011)
- Болотов К.* Правдивая история о смайлике и его создателе [Текст] / К. Болотов // Мембрана . - 2001. - 28 декабря.
- Ван Илин* Введение в вопрос о китайских буквенных сокращениях [Текст]/ Ван Илин // Вестник Педагогического университета. - 2002. - №2.
- Васильева С.Г.* Китайско-русский словарь иностранных заимствований в современном китайском языке [Текст]/ С. Г. Васильева, Лю Гуаньчжун. - М. : Восточная книга, 2009. - 158 с.
- Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология [Текст]/ В. Г. Гак. - М. : Международные отношения, 2000. - 178с.
- Галин Л.* ВВС США в войне в Персидском заливе [Текст]/ Л. Галин, А. Соколов, Н. Новичков // Зарубежное военное обозрение. - 1992. - № 9. - С. 35-41.
- Гольдштейн Б.С.* Протокол SIP. Справочник [Текст]/ Б. С. Гольдштейн. - СПб.: ВHV-Санкт-Петербург, 2005. - С. 456.
- Грязнова Е.В.* Компьютерное общение как социальный феномен [Текст]: автореф. дис. канд. филол. наук: / Е. В. Грязнова - Нижний Новгород, 2001 г. - 25 с.
- Ефимов Е.Г.* Использование социальных сетей как вид профессиональной компетенции в образовательной сфере [Текст]: [Всероссийская научно-практическая конференция «Инновационное развитие человеческих ресурсов региона»: материалы]/ Е. Г. Ефимов. - Волгоград: ФГОУ ВПО ВАГС, 2011. - 500 с.
- Жичкина А.Е.* Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста [Текст]: автореф. дис. канд. псих. наук: 19.00.05./ А. Е. Жичкина. - М., 2001 г. - 30 с.
- Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка [Текст]/ В. И. Заботкина. - М.: Высш. шк., 1989. - 126 с.
- Курчакова Н.А.* Формы самопрезентации в блоге [Текст] / Н. А. Курчакова // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. СПб.: «ВЕСТА», 2007. - 210 с.

- Лейчик В.П.* PR и другие аббревиатуры [Электронный ресурс]/ В. П. Лейчик. - М.: Русская речь, 2002. - 108 с.
- Лопатин В.В.* Русский орфографический словарь Российской академии наук [Текст]: в 2 т./В. В. Лопатин. - М.: 2004. - 2 т. - 960 с.
- Лунёва Ю.В.* Интерлексикологический подход к изучению интернет-языка [Текст]/ Ю. В. Лунёва // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». - 2011. - №3. - С. 68-72.
- Макаров М. Л.* Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации [Текст]: сборник материалов конференции/ М. Л. Макаров, М. С. Школовая // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2006. - 390 с.
- Нестеров В.Н.* К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете [Электронный ресурс]/ В. Н. Нестеров. - М.: Евразийский регион, 2002. - 82 с.
- Орлова Н.О.* Сленг vs жаргон: проблема дефиниции [Текст]/ Н. О. Орлова // Ярославский педагогический вестник. - 2004. - № 3. - С. 40.
- Панов М.В.* Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) [Текст] / М. В. Панов. - М.: Педагогика, 1984 - 404с.
- Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации [Текст] / Г.Г. Почепцов. - М. : «Рефл-бук», 2001. - 656 с.
- Прохоров А.* От ARPAnet до INTERNet (краткая история Интернета) [Текст]/А. Прохоров // Компьютер пресс. - 2000. - №2. - С.3.
- Чжоу Вэйлян* Цзыму цзыдянь [Текст]/ Чжоу Вэйлян. - Шанхай: Буква-Пресс, 2001. - 300 с.
- Чжоу Цихуань* Краткое описание способов употребления буквенных сокращений [Текст]/ Чжоу Цихуань. - Пекин: Вестник китайской академии гражданской авиации. - 2002. - № 20.
- Щукин А.А.* Современная китайская аббревиатура, М.: Восток-Запад, 2004. — ISBN:5-478-00048-5.
- Щукин А.А.* Справочник по новокитайскому сленгу [Текст]/ А.А. Щукин. - М. : Муравей, 2003. - 119 с.

*Электронные ресурсы:*

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B1%D0%B1%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0>

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC>



*Есенова Т.С.*

*Есенова Г.Б.*

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова  
г. Элиста (Россия)

*Esenova Tamara*

*Esenova Galina*

Kalmyk State University named B.B. Gorodovikov  
Elista (Russia)

## **ОБРАЗ МУЖЧИНЫ В РУССКОМ И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ)**

### **THE IMAGE OF A MAN IN THE RUSSIAN AND KALMYK LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (ON THE MATERIAL OF PROVERBS)**

В пословицах русского и калмыцкого народов мужчина оценивается чаще положительно, чем отрицательно. Паремический материал дает основание для создания определенного образа мужчины, выделения его положительных и отрицательных качеств. Для хорошего мужчины характерны трудолюбие, семейственность, отцовство, смелость, немногословность, неприязнительность. Плохой мужчина ленив, склонен к пьянству, хвастовству (калмыки). Из приведенных выше характеристик можно выделить общечеловеческие универсальные мужские черты и этно-специфические характеристики. К первым относятся трудолюбие, семейственность, отцовство, смелость, лень; ко вторым – пьянство, доброта (русский), хвастовство (калмыцкий).

In Proverbs of the Russian and Kalmyk peoples male more often evaluated positively than negatively. The material gives the basis for the creation of a certain image of men, highlighting its positive and negative qualities. For good men characterized by hard work, domesticity, fatherhood, courage, reticence, simplicity. Bad man lazy, prone to drunkenness, ostentation (the Kalmyks). From the above characteristics include universal universal masculine traits and ethno-specific characteristics. The former include the work ethic, domesticity, fatherhood, courage, laziness; second, drunkenness, kindness (Russian), boasting (Kalmyk).

**Ключевые слова:** русский, калмык, образ мужчины, положительная, отрицательная оценка.

**Keywords:** Russian, Kalmyk, image of men, positive, negative evaluation.

Паремия является важным источником знаний о мировидении и миропонимании этноса, вот почему она привлекает внимание лингвистов и фольклористов. Основным объектом описания паремий является человек.

В паремии человек представлен с самых разных сторон. Он может рассматриваться в темпоральном аспекте: трижды человек дивен бывает: рождается, женится, умирает; старый, как малый; чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало; эриг насн дардг, уулыг цасн дардг ‘мужчину одолевает возраст, гору снег покрывает’. Существует определенное число пословиц, раскрывающих человека в социальном аспекте: артель атаманом крепка; бедному собратся – подпоясаться. В паремии большое внимание уделяется умственным

способностям человека: пьяница проспится, а дурак никогда; умная голова, да дураку досталась, дурная голова ногам покоя не дает, үснь ут болв чигн,ухань ахрхн ‘волос длинный, ум – короткий’ и т. д.

В паремии представления о человеке создаются через зооморфные образы. При этом в русском языке исходными образами являются корова и собака: бодливой корове бог рога не дает, две собаки грызутся, третья не приставай. «Большинство калмыцких пословиц отражает мировоззрение скотовода-кочевника, в них нередко проводится параллель между женщиной и конем, например: күн болх багасн, кулг болх унгасн ‘будет ли человеком (женщиной), видно с детства, будет ли иноходцем, видно по жеребенку’. Сопоставление хорошего коня с удалым, смелым мужчиной отражает в пословицах народное понимание, что настоящего мужчину можно узнать при верховой езде. Ладный мужчина верхом на коне, с красивой посадкой, смело и ловко управляющий конем, у калмыков считается мерилем лучших качеств человека, например: күүкн күүнэ сэг – гертнь одад мед, залу күүнэ сээг – мөрн деер мед ‘хорошие качества женщины определяй, войдя в дом, хорошие качества мужчины определяй при езде верхом’. При этом иноходец – конь с наиболее красивым и плавным аллюром часто берется как образец при определении качеств мужчины, например: сэн мөрнэ чееж өндр, сэн залуһин чееж сарул ‘у хорошей лошади грудь высока, у хорошего мужчины мысли светлы’. Иногда образ иноходца применяется для осуждения предосудительного поведения мужчины, например: седнг күн – хаврт, жора мөрн – намрт ‘щеголь (отличается) весной, иноходец – осенью’; жорад өөкн уга, алэд амрлтан уга ‘у иноходца нет жира, у беспутного нет спокойствия’» [Очирова, 2008].

Паремиологический фонд любого языка содержит немало единиц, посвященных женским и мужским проявлениям человеческой природы. Это связано с тем, что в традиционных культурах противопоставление мужской – женский входит в бинарные оппозиции жизнь – смерть, хороший – плохой, свой – чужой и т. д. [Иванов, Топоров, 1974; Степанов, 1997]. В них первый член оппозиции, как правило, оценивается положительно, а второй – отрицательно. В.С. Манджиева отмечает, что «в калмыцких пословицах, посвященных мужчине, его гендерной роли в обществе, не встретилось ни одной пословицы, в которой присутствовала бы чисто отрицательная коннотация, настолько высоко оценивается, утверждается значимость мужчины для своего рода, семьи [Очирова, 2008, с. 117].

Нами был рассмотрен образ мужчины в картине мира русских и калмыков. В качестве материала послужили труды В.И. Даля «Пословицы русского народа» [Даль, 2011] и Б.Х. Тодаевой «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» [Тодаева,

2007]. Обращение к указанным произведениям объясняется тем, что они являются наиболее полными и авторитетными сборниками мудрости русского и калмыцкого народов.

В целом анализ данных источников позволяет заключить, что к положительным чертам характера мужчины и в русской, и в калмыцкой лингвокультуре относятся трудолюбие, семейственность и т.п. При этом калмыцкий источник, как правило, акцентирует внимание на достоинствах мужчины, в то время как русский – на его недостатках. К отрицательным качествам мужчины в обеих лингвокультурах паремия относит лень и пьянство (русск.), распутство (калм.). Интересно отметить, что калмыки к негативным чертам характера мужчины относят и хвастовство.

Паремия русских и калмыков, адресованная мужчинам и женщинам, противопоставляет мир мужчин миру женщин: не петь курице петухом, не быть бабе мужиком; с ним горе, а без него вдвое; хоть лыками сшит, да муж; без мужа жена – всегда сирота (кругом сирота); красна пава перьем, а жена мужем; мука болв чигн – утх, му болв чигн – залу ‘хоть тупой, но нож, хоть плохой, но мужчина’. В пословицах народ дает оценку разным чертам характера людей. При этом в паремии все, что связано с мужчиной, оценивается как правильное, важное, ценное: муж пашет, а жена пляшет; жена мужем красна; муж в дому, что глава на церкви; залу күүнэ үүл тавг дорнь ‘судьба мужчины в его руках’, залу үкхлэ – ясьн үлддг, залу үкхлэ – нернь үлддг ‘рыба погибает – кости остаются, молодец погибает – имя остается’. То, что соотносится с женщиной, в паремии рассматривается как неважное, несущественное: волос долог, да ум короток; курица не птица, а баба не человек; я думал, идут двое, ан мужик с бабой; баба да бес – один у них вес; сэн эр гүрдэн нертэ, сэн эм үмснэс цааран һазрт нер уга ‘хороший мужчина известен на всю страну, хорошая жена известна не далее кучи золы’; эр күмни медл күзү күртлэн алтн, эм күмни медл күзү күртлэн шора ‘знание мужчины до самой шеи – золото; знание женщины до самой шеи – пыль’.

Большое число изречений направлено на осмысление семейных взаимоотношений, раскрытие отцовской и материнской ипостаси мужчины и женщины. По представлениям калмыков и русских, мужчина является главой семьи: когда жена верховодит, так муж по соседям бродит; муж глава, а жена – душа; аавнь – бүгдин хан, аавин көвүн дүүнрин хан ‘отец – хан над всеми, а любимчик отца – хан над братьями’; аав гиж келнд ордг, а гиж эрдм сурдг ‘речь малыша начинается со слова «папа», грамота начинается с азов’. Однако полагается, что благополучие семьи определяется согласием между мужем и женой: холостому – помогай боже, а женатому – жена поможет; күүкн сэн болхла, экиннь нер һарһдг, көвүн сэн болхла, экиннь нер һарһдг ‘хорошая дочь прославит имя матери, хороший сын – имя отца’. В паремии подчеркивается неполноценность жизни одиноких и вдовых

людей: не дай бог вдоветь да гореть!; өнчн күн күн болдг уга, өлң ноха ноха болдг уга ‘не станет человеком сирота, отощавшая собака – собакой’. При этом в русской семье роль матери в воспитании детей оценивается выше роли отца: муж – голова в доме, а все-таки дети таковы, какова у них мать. Калмыцкий материал свидетельствует о безусловном авторитете отца семейства: девлд нег зах бээдг, герт нег ик эзн бээдг ‘у шубы один воротник, в доме – один глава семьи’. В паремии утверждается, что, если дети растут в неполной семье, то они вырастают беспутными: эцг уга көвүн елдн, эк уга күүкн елдн ‘юноша, не имеющий отца, беспутный, девушка, не имеющая матери, беспутная’. Пословицы констатируют особо тяжелое положение членов семьи после кончины матери: без отца – пол сироты, а без матери и вся сирота; вдовец деткам не отец, сам круглый сирота; ээжин судкл үкхлән меддг ‘кем была мать, понимаешь лишь после ее смерти’. В подобных случаях у калмыков заботу о сиротах брали на себя старшие родственники, т.к. не принято было оставлять осиротевших детей: аав үкхлэ – ах аав, ээж үкхлэ – эгч ээж ‘если умрет отец, старший брат – отец, если умрет мать, старшая сестра – мать’.

В паремии русского и калмыцкого народов проводится мысль о том, что хороший мужчина должен быть немногословным. Немногословность рассматривается в качестве достоинства мужчины: муж грызет на свой хребет (т. е. сварливый муж создает себе сам большие неприятности); эр күмн нег үгтэ, эр мөрн нег ташурта ‘настоящему мужчине достаточно одного слова, хорошему коню достаточно одной плети’.

К числу мужских добродетелей паремия русского и калмыцкого языков относит трудолюбие: муж молоти пшеницу, а жена пеки палянины; у ленивого что на дворе, то и на столе (ничего); о добре трудиться, есть чем похвалиться; встань мужа кормит, а лень портит; кто пахать не ленится, у того и хлеб родится; эрт көвүн эцкд туста, өрүн эрт босхла өдрт туста ‘ранний сын – отцу помощник, рано встанешь – много сделаешь’; залу күн зав уга, зандн модн эрмдг уга ‘у мужчины нет досуга, у сандалового дерева нет изъяна’; залуһас үүл хөөһдг уга ‘у мужчины всегда находятся дела’; утхан бүлүдсн залу мах иддг ‘мужчина, который точит нож, добудет мясо’. Отметим, что в русском и калмыцком языках существует большое количество пословиц о труде. В этих изречениях лень оценивается как порок, а трудолюбие провозглашается главной добродетелью как мужчины, так и женщины. Таким образом, трудолюбивый, мастеровой, обладающий умелой сноровкой мужчина считается идеальным человеком.

В паремии положительно оценивается ум мужчины: мужа чтут за разум, жену по уму (поведению); селм жид адгин зевсг, цецн ухан деед зевсг ‘сабля, копье – худшее оружие, мудрость – высшее оружие’. Среди положительных черт характера мужчины называется неприязнительность: эр күн чонас бишинь ундг, чолунас бишинь иддг ‘мужчина не ездит

лишь на волке, а ест все, кроме камня»; возгив муж, так хоть не привередлив. В русской паремии отмечается важность наличия в характере мужа доброты: у милостивого мужа всегда жена досу́жа (т.е. жена ловкая в домашних делах у доброго мужа). Однако калмыцкий материал не позволяет судить о важности данной черты в характере мужчины, как не позволяет считать значимым наличие у мужчины материального достатка. Судя по языковому материалу, это важно для русского человека: у мужа толсто в кармане, и у жены широко (в угощении, хозяйстве); у мужа полтина, и у жены половина.

Согласно калмыцкой паремии, мужчина должен быть сдержанным: хэкр хашң мөрн үүднд күрэд зогсна, хэңкрж иңкр залу хөөн эн хоосн хоцрна ‘тощий ленивый конь остается стоять, дойдя до двери, а шумный, крикливый мужчина остается ни с чем’. Паремия калмыков утверждает, что настоящей мужской чертой характера является способность держать слово. Об этой положительном качестве существует особенно много высказываний. Приведем некоторые из них: заһлма нег шүүрлһтэ, залу нег үгтэ ‘у птицы кобчика хватка одна, у мужчины слово одно’; өдртэн хатрхла – мөрн, үгдэн күрхлэ – залу ‘если целый день идет рысью, – это настоящая лошадь, если держит свое слово, – это настоящий мужчина’; теесн мөрн тер һазртан күрхлэсэн, тиигнэв гисн залу тер үгдэн күрхлэ сэн ‘хорошо, когда конь достигнет места назначения, хорошо, когда мужчина держит данное слово’; үгдэн күрсн залу сэн ‘хорош мужчина, который держит свое слово’. К немногочисленным негативным мужским чертам калмыцкий источник относит «хвастовство»: магтсн көвүн маңнадан баста ‘у хваленого сына лоб нечист (он непорядочный)’.

В русском языке существует определенное число пословиц, осуждающих пьянство, относящих его к порокам: много вина пить – беде быть; пить до дна – не видать добра; счастлив тот, кто вина не пьёт; вино уму не товарищ. Однако есть и большое число единиц, нейтрально и снисходительно оценивающих это зло: напьемся – подеремся, проспимся – помиримся; и курица пьет; курица и вся три денежки, да и та пьет; чарка вина прибавит ума; пей до дна, наживай ума!; пей досуха, чтоб не болело брюхо; надо пить, да правду молотить; без вина правды не скажешь; сегодня пьян – не велик изьян; не буян, так не пьян; человека хлеб живит, а вино крепит. Напротив, калмыцкий материал однозначно порицает пьянство, квалифицируя его как порок: эрк савасн бишңкинъ эвдг ‘водка портит все кроме своей посуды’; а склонный к пьянству человек ничего не добивается в жизни: эркд шунвл урудна ажлд шимтвл дегжрнэ ‘пристрастишься к водке – пропадешь, почувствуешь вкус к работе – возвысишься’.

В работе В.И. Даля представлены 6 пословиц и 1 дразнилка, которые адресованы калмыкам. Все они рассматривают калмыка с внешней точки зрения и дают ему негативную оценку.

С позиции русского народа, калмыку свойственно упрямство: *калмыцкую лошадь один только калмык и переупрямит*. Негативно оценивается и то, что калмык, с точки зрения русских, не может объяснить свою точку зрения: *так не будет (сказал калмык), а как-нибудь да будет*. Отрицательное отношение к калмыку складывалось и на основании того, что, по мнению русских, он склонен к воровству скота: *спрашиваю у калмыка, не видал ли теленка – а он давно его съел*. Следует отметить, что в исторической и этнографической литературе отмечается, что умение увести незаметно скот самими калмыками оценивалось как удалство, а не кража чужого имущества.

В русских пословицах высмеивается и недостаточный уровень владения калмыками русским языком. Об этом свидетельствует следующий пример: *«Кто там? – Мы. – А кто вы? – Калмыки. – А много ли вас? – Я одна»*. Объектом насмешек русских является не только плохое владение русским языком, но и внешний облик калмыков. В.И. Даль приводит следующее выражение, описывающее внешний облик калмыков: *Ай молодца: широка лица, глаза узеньки, нос пятка*. Объектом осуждения является и любовь калмыков к мясу. Помимо пословицы, приведенной выше, в работе В.И. Даля находим и следующую: *Калмык – Иван Иванович, маханник, под собою кобылу съел*.

В двух пословицах встречается имя и отчество Иван Иванович, которым русские обобщенно называют калмыков. При этом отмечается, что *не всяк Иван Иванович, а кому Бог даст*. Тем самым подчеркивается неуместность номинации калмыка русским именем.

Таким образом, проведенный анализ показал, что самопрезентация калмыка в национальной паремии существенно отличается от презентации его в русских устойчивых выражениях. Если в калмыцкой паремии преобладают единицы, однозначно положительно оценивающие образ калмыка-мужчины (отрицательная оценка содержится лишь в 10 из 73 пословиц), то во всех русских афоризмах калмык оценивается негативно. В калмыцких пословицах, как правило, рассматривается не внешний облик, а внутренние черты национального характера. При этом положительно оценивается смелость, решительность, преданность родине, трудолюбие, немногословность, сдержанность, отцовские качества, а отрицательно – хвастовство. В русской паремии говорится лишь о внешних чертах. Негативную оценку русских вызывают упрямство, воровство, внешний вид, неумение отстоять своего, незнание русского языка – черты, свойственные, по мнению русских, калмыку.

Бесценный труд В.И. Даля отражает лишь одну сторону взаимоотношений русского и калмыцкого народов – бытовую сферу. Естественно, отношения русского и калмыцкого народов имеют разносторонний характер. Хорошо известно об участии калмыков во всех войнах, которые вела Россия, калмыки внесли большой вклад в науку, культуру, образование

и другие сферы жизни своей новой родины. Эти аспекты взаимодействия народов осмыслены в художественной литературе (например, в творчестве А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.А. Шолохова и других классиков русской литературы, в творчестве зарубежных писателей, например, А. Дюма). Соответственно, образ калмыка дополняется, конкретизируется, обогащается новыми смыслами. Дальнейшие исследования в этом направлении помогут определить новые смыслы в образе калмыка-россиянина.

Таким образом, анализ паремии русского и калмыцкого народов позволяет создать определенный образ мужчины, выделить его положительные и отрицательные качества. Для хорошего мужчины характерны такие черты характера, как трудолюбие, семейственность, немногословность, непритязательность. Плохой мужчина ленив, склонен к пьянству, хвастовству (калм.).

#### ***Список литературы:***

- Даль В.И.* Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / В.И. Даль. – 2011. – Режим доступа: <http://www.godon.org/dvi/prn0.htm>
- Иванов, В. В.* Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. М.: Наука, 1974. 342 с.
- Очирова (Манджиева), В.С.* Паремиология как средство отражения гендерной роли в калмыцком и английском языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2008. № 10. 6 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Тодаева Б.Х.* Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Б.Х. Тодаева. Элиста, 2007. 838 с.

*Карданова Н.Б.*  
Болонский университет  
г. Форли (Италия)

*Kardanova Nataliya*  
University of Bologna  
Forli (Italy)

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ  
МЕЖДУ ПЕТРОМ ПЕРВЫМ И СВЕТЛЕЙШЕЙ РЕСПУБЛИКОЙ  
В 1716-20-Х ГГ. ЧЕРЕЗ РОССИЙСКОГО ПОСЛАНИКА  
В ВЕНЕЦИИ ПЕТРА БЕКЛЕМИШЕВА**

**CERTAIN SPECIFIC FEATURES OF DIPLOMATIC COMMUNICATION BETWEEN  
PETER THE GREAT AND THE MOST SERENE REPUBLIC OF VENICE  
IN 1716-1720 VIA PETR BECKLEMISHEV,  
THE RUSSIA'S ENVOY IN VENICE**

В статье рассматриваются особенности петровской дипломатической коммуникации на материале посланий Петра Первого 1716-1719 гг. венецианскому дожу Джованни Корнеру и российскому посланнику Петру Беклемишеву, который представлял Россию в Светлейшей республике в 1716-1720 гг. и курировал ряд вопросов, важных для русского царя. С начала XVIII в. Россию и Венецию не связывало более участие в антиосманском союзе, как то было в конце XVII в., теперь Россия была занята на северном фронте, Венеция – прежней борьбой с турками, и дипломатические отношения с бывшим союзником поддерживались при помощи обмена сведениями о наиболее значительных военных победах. С появлением постоянной дипломатической миссии в Венеции большую часть необходимой информации Петр Первый передавал дожу через Беклемишева устно, ограничиваясь написанием специальных грамот, когда обойтись без них не представлялось возможным (верительная грамота Беклемишева, две грамоты-ходатайства, а также поздравительная грамота дожу). В остальных случаях – сообщение о победе русского флота в Эзельском бое, о возвращении русского флота в Петербург, о смерти наследника престола и о высылке иезуитов из России в ответ на высылку российских посланников из Священной Римской империи – Петр Первый полагался на профессионализм Беклемишева, которому в царских посланиях («рескрипты») передавалась основная информация с приложением отчетов – «реляций» – капитана Сенявина, выигравшего Эзельский бой, и адмирала Апраксина, возглавлявшего флот в Швеции, а также печатной царской «декларации».

The report addresses specific features of diplomatic communication at the times of Peter the Great. The research draws on the letters (1716-1719) of Peter the Great to Giovanni Corner, the Doge of Venice, and Petr Becklemishev, the Russian Envoy, who was Russia's representative in the Most Serene Republic of Venice (1716-1720). Becklemishev was in charge of a number of issues important for the Russian sovereign. In early XVIII century, Russia and Venice discontinued membership in the Anti-Ottoman Coalition : Russia was fighting against Sweden in the Great Northern War, Venice was handling the pre-existing problems with the Ottoman Empire, and diplomatic contacts between former allies came in a form of exchange of information about the most important military victories. After the permanent Russian diplomatic mission was opened in Venice, Peter the Great started transferring a great deal of necessary information to the Doge via the Russian Envoy. The information was transferred orally, special documents were executed only when necessary (Becklemishev's credential letter, two petitions and a congratulatory letter to the Doge). In other cases ( including reports on the victory of the Russian naval forces in the Battle of Osel Island, the return of the Russian naval forces to Sankt-Petersburg, the death of the heir of the Russian throne, expulsion of Jesuits from Russia in response to expulsion of the Russian Ambassador from the Holy Roman Empire) Peter the Great relied on Becklemishev's professionalism. The latter received the



most important information from the Tsar's letters ("rescriptum"), which came with the attached reports ("relyatzi") of Captain Senyavin, who won the Battle of the Osel Island, and Fleet Admiral Apraksin, who was in charge of the Russian Navy forces in Sweden.

**Ключевые слова:** царь Петр Первый, Венецианская республика, Петр Беклемишев, дипломатия, переговоры, коммуникация.

**Keywords:** Peter the Great, Republic of Venice, Petr Becklemishev, diplomacy, communication.

В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности петровской дипломатической коммуникации на материале царских посланий («рескриптов») 1716-1719 гг. российскому посланнику в Венеции (1716-20 гг.) Петру Беклемишеву в контексте дипломатической переписки Петра Первого со Светлейшей республикой. Нас будут интересовать те послания Петра Первого к Беклемишеву, в которых последнему предписывалось выступить посредником между царем и венецианским дожем и Сенатом (публикуются в приложении).

В конце XVII в. – в эпоху формального правления Петра Первого и царя Ивана Алексеевича (регентство царевны Софьи) и в начале единоличного правления Петра Первого – Россию и Венецианскую республику связывало участие в антиосманской Лиге (в нее входили также Священная Римская империя, Рим и Польша).

К периоду союзных отношений между Россией и Венецией относится интенсивный обмен грамотами, в которых сообщается о ходе военных действий на двух фронтах, в этом же контексте появляются грамоты-ходатайства Петра Первого, связанные с нахождением на территории Венеции российских подданных (о русских учащихся морскому делу<sup>32</sup> и о путешественнике-дипломате графе Борисе Петровиче Шереметеве<sup>33</sup>), а также цикл грамот 1696-1700 гг. о присылке в Россию (и отбытии из нее) венецианских корабельных мастеров. Ходатайство о прибытии мастеров. Последние появились в ходе многосторонних переговоров в Вене по подготовке Карловицкого мирного договора и в значительной мере благодаря труду российского дипломата Кузьмы Нефимонова<sup>34</sup>, сумевшего убедить своего венецианского коллегу, Карло Рудзини (будущего дожа Венеции), в необходимости уговорить венецианских корабельщиков отправиться в далекую и малознакомую Россию.

С заключением Карловицкого мирного договора с Османской империей в 1699 г. Россия оказалась занята на северном фронте многолетней войной с мощной Швецией,

---

<sup>32</sup> От 25 февраля 1697 г., оригиналы в: Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 40, 42. Опубликовано.

<sup>33</sup> От 30 апреля 1697 г., оригинал в: Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 63. Опубликовано.

<sup>34</sup> Материалы переговоров, где опубликованы две из трех грамот о мастерах, см. в: [Памятники дипломатических сношений, 1867].

продлившейся 21 год (1700-1721), тогда как Венеция пыталась бороться с турками (мирный договор в Пожареваце был заключен в 1718 г.). Петр Первый, однако, вплоть до конца своего правления продолжает поддерживать дипломатические отношения с бывшим союзником самым фактом сообщения информации о наиболее значимых событиях Северной войны (победа в Полтавской битве<sup>35</sup>, военные успехи в Прибалтике<sup>36</sup> и заключение Нейштадтского мира со Швецией<sup>37</sup>), а также тем, что дважды – 16 октября 1716 г.<sup>38</sup> и 18 января 1719 г.<sup>39</sup> – лично поздравляет дожа и венецианский Сенат в ответ на сообщения из Венеции о снятии турками осады с острова Корфу и о заключении Пожаревацкого (Пассаровицкого) мира.

Отношения с Венецией активизируются дважды – сначала в 1710-11 гг., когда Петр Первый, готовясь к новой антиосманской военной кампании (будущий Прутский поход), ходатайствует перед венецианским дожем о протекции греческой православной церкви в Венеции, рассказывает об открывавших для венецианских купцов возможностях в вышеупомянутой грамоте о новозавоеванных прибалтийских землях, направляет в Венецию трех посланников – барона Урбиха с грамотой от 9 января 1711 г.<sup>40</sup> («для нужнейшихъ дель ко общему благу и высокой пользе обоихъ нашихъ странъ принадлежащихъ»), а также Дмитрий Боциса и постоянного представителя Маттео Каретту<sup>41</sup>.

Позднее дипломатическая переписка с Венецией оживляется в 1716 г., когда «Указом от 16 января 1716 вместе с подъячим Гросом Петр Беклемишев был направлен агентом в Венецию и Флоренцию для ведения «купеческих и других дел» с годовым жалованием 2000 рублей да почтовых 300 рублей» [Бантыш-Каменский, 1897, с. 215].

Нового русского «агента»<sup>42</sup> (дипломатического представителя России) Петра Беклемишева на смене Каретте в Венецию приводят собственно экономические интересы, новые направления политики Петра Первого: «отчетливо проявившейся в середине 1710-х годов общей торговой и финансовой политики Петра I, стремившегося осуществить свой проект – вырвать русскую торговлю из рук посредников, установить прямые торговые связи со странами, куда русские товары привозились обычно английскими, голландскими, любекскими и гамбургскими купцами, особенно теми, которые обладали большими запасами драгоценных металлов – Италией и Испанией» [Шаркова, 1981, с. 116]. И.С.Шаркова

---

<sup>35</sup> Грамота от 8 июля 1709 г., оригинал в государственном архиве г. Венеция не обнаружен.

<sup>36</sup> Грамота от 7 декабря 1710 г. Хранится в: Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 60.

<sup>37</sup> Грамота от 14 сентября 1721 г. Хранится в: Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 76.

<sup>38</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 72.

<sup>39</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 75.

<sup>40</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 61.

<sup>41</sup> Оригинал царских грамот на русском в государственном архиве г. Венеция не обнаружено, опубликована русская копия первой грамоты и латинский перевод второй.

<sup>42</sup> О русской дипломатической терминологии см. [Сергеев, 1971].

объясняет назначение Беклемишева также «трудностями в сбыте казенных товаров, для которых понадобились новые рынки сбыта» [Там же], и (предстоящими) тратами на закупку «на Аппенинском полуострове каррарского мрамора, раковин и других строительных материалов для дворцов в Стрельне и Петергофе, а также произведений итальянского искусства для их украшения» [Там же].

На этот раз российскому представителю предписывалось внимательно следить за торговыми операциями в Венеции и «О всем том писать к нам со всяким обстоятельством, дабы мы могли впредь туды сви торги устроить» [Там же, с. 117]. Беклемишеву под страхом смерти велено было скрывать и от иностранцев, и от соотечественников, что на самом деле он прибыл для ведения торговых дел, и отчитываться лично перед государем: «И все сие держать в великом секрете, чтоб отнюдь никто того не ведал не только из иноземцев, но ниже из русских и ни х кому о сей материи не писать, кроме нас одних, тако ж куды поедешь, то вид давай, бутто для смотрения или какова учтения, а не для торгового дела, которое весма утаивай под всяким удобвымышленным образом под наказанием живота лишением» [Там же], «а для сей корреспонденции даецца цифирная азбука» [Там же, с. 118].

В год направления Беклемишева в Венецию Петр Первый лично четырежды обращается к дожу и Сенату в своих грамотах (верительная грамота Беклемишеву от 18 января 1716 г.<sup>43</sup>, ходатайство о Матии Змаевиче от 30 апреля 1716 г.<sup>44</sup>, ходатайство о приеме Савы Владиславича от 14 июня 1716 г.<sup>45</sup>, упомянутая выше грамота от 16 октября 1716 г.<sup>46</sup> с поздравлениями со снятием осады с Корфу). Это следует объяснять тем, что от действий венецианских властей зависел не только прием постоянного представителя России, который призван был решить ряд важных торговых вопросов (Беклемишев), но и судьба важного для Петра сотрудника, опытного боевого офицера Змаевича – подданного Венецианской республики славянского происхождения, из знатной далматинской семьи (Адриатическое побережье современной Хорватии и Черногории), вынужденного когда-то бежать из-за случившейся в молодости роковой дуэли (стычки по другой версии) стоившей жизни его противника, а также прием Савы Владиславича – талантливого купца и незаменимого для Петра дипломата, выполнявшего в свое время ряд секретных поручений.

Из рескриптов Петра Первого следует, что Беклемишев должен был разрешить затруднения, возникшие при приобретении мраморной статуи Венеры в Риме (рескрипт N 7<sup>47</sup> и ), а также заняться деликатным делом некоего господина Паоло Федеричи из Рима, якобы

---

<sup>43</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 70.

<sup>44</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 71. Опубликована.

<sup>45</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 67.

<sup>46</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 72.

<sup>47</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 16, 16 об., 17.

имевшего некую важную информацию для государя (рескрипт N 9<sup>48</sup>). В свою очередь, из записок венецианского гардемарина и будущего государственного деятеля Неплюева [Записки Ивана Неплюева, 1893] очевидно, что в Венеции Беклемишев, наряду с Саввой Владиславичем, курировал обучение российских гардемарин морскому делу, а во Флоренции он занимался делами учеников флорентийской академии художеств, в том числе и живописцев братьев Никитиных [Бантыш-Каменский, 1897, с. 217]. Наконец, Беклемишев «известен переводом сочинения Анастасия Наузензия: «Феатрон или зеркало монархов», напечатанным в 1710 году в Амстердаме»<sup>49</sup>.

Дипломатическая миссия российского посланника в допетровской России предполагала, как следует из даваемых посланником инструкций («наказа»), максимально точное, дословное воспроизведение той информации, которая должна была быть донесена до иностранного правителя, а также строгое соблюдение со стороны как самого посланника, так и – по возможности – иностранного правителя московского дипломатического церемониала. Особенность последнего заключалась в том, что Россия, находившаяся вне системы феодальных отношений Европы, где цари не были коронованы ни папой, ни императором, не присягали им, «могла игнорировать установившиеся на западе путем традиций иерархические отношения между монархами и державами» [Александренко, 1894, с. 6-7]. «Этими данными определялось и отношение к церемониалу европейских держав и русских дипломатов, и русского правительства. Русские дипломатические представители не желали подчиняться западноевропейскому церемониалу, если только видели в его правилах умаление чести и достоинства своего государя» [Там же, с. 7].

Ситуация изменилась в правление Петра Великого: «Принятие императорского титула русскими монархами возвышало ранг России в семье западноевропейских держав, возвышало и положение ее уполномоченных. Императорское правительство признает старшинство за германским императором, но требует старшинства и от других держав» [Там же]. Таким образом, «Россия, войдя в семью европейских держав, стала интересоваться теми же вопросами церемониального права, какие занимали и других держав» [Там же, с. 8]. Вследствие этого «Церемониал старой России самобытен... Церемониал XVIII стол. Сходен с французским и еще более с цесарским, и очевидно составлен по их образцу... Точно также и русские дипломаты за границей усваивают начала западно-европейского церемониала, поступают не так, как их предшественники, русские чрезвычайные послы XVI и XVII ст., а приспособливаются к обычаям, усвоенным их товарищами по службе, т.е. прочими членами

---

<sup>48</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 34, 34 об.

<sup>49</sup> См. примечание Л.Н.Майкова к «Жизнь Ив. Ив. Неплюева (им самим писанная)» [Записки Ивана Неплюева, 1893, с. 14].

дипломатического корпуса, и следуют им даже в мелочах» [Там же, с. 18]. Добавим, что подобного рода эволюцию претерпевает и дипломатический этикет, регламентировавший составление царского послания к иностранному правителю, в нашем случае – в Венецию: в годы правления Петра Первого вырабатывается новый «этикет царского дипломатического послания, приближающийся к этикету европейскому, позволял адресату судить о Петре 1 как о монархе, говорящем с ним на одном языке, если понимать под последним язык принятой в Европе вежливости» [Карданова, 2013, с. 389]. Связано это, в частности, с тем, что «в качестве регулятора, доминирующего принципа, организующего текст дипломатического послания, выступает не дипломатический статус автора царского послания и его адресата, а статус вежливого собеседника: правила нового речевого этикета регулируются ролью автора в коммуникативной ситуации» [Там же, с. 386].

Как известно, сношениями с иностранными державами в России занимался Посольский приказ, ведавший не только приемом иностранных послов и отправлением за границу послов русских (об обмене постоянными дипломатическими миссиями тогда речи не шло), но и царской дипломатической перепиской с иностранными правителями: Как следует из записок Григория Котошихина, служившего в Посольском приказе в свое время при отце Петра, царе Алексее Михайловиче, царем и боярами задавалось содержание текста, которые затем оформлялось специально подготовленными царскими чиновниками, после чего подлежало окончательному одобрению царя [Котошихин, 2000, с. 45-46]. Схожего рода практику регламентировал Петровский указ N 3518 от 13 февраля 1720 г. («о присутствующих в коллегии иностранных дел, о порядке разсуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим, и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ими»): замысел дипломатической грамоты принадлежал тем, кем принимались решения в Коллегии иностранных дел – главе ведомства иностранных дел (канцлеру), а также вице-канцлеру, которым, впрочем, предписывалось «призывать всех, или несколько, по важности дела, Тайных Советников Действительных» [Полное собрание законов, 1830, с. 130]. Предполагалось коллегиальное решение, которое затем докладывалось Петру («и от всех надлежит быть совету, но, и потом докладывать о решении» [Там же]), который, впрочем, мог и присутствовать при решении наиболее важных дел: «Когда случатся такая Государственныя дела тайныя, что Его Царское Величество Высокою Особою присутствовать в оной Коллегии изволит, или для какого совета другие Тайные Советники созваны будут, и тогда из них Канцелярии Советников имеет кто один, или по множеству дела и двое при том быть; и о каком деле советывано будет, доносить и читать, дабы при том внятнее о резолюции им выслушать, и против того те рескрипты или грамоты и прочия резолюции сочинять. А буде потребно будет, то им и голоса для лучшаго секрета,

вместо Нотариуса, тогда записывать. Совет их при том не спрашивается, но разве кто о чем при том мнит быть полезно: то чинить имеет ремонстрации или представлении. А когда токмо в той Иностранной Коллегии присутствует Канцлер и Подканцлер для решения дел: и тогда они Канцелярии Советники, имеют за тем же столом с ними сидеть, и ко всему тому, что будет в том собрании определено, подписаться, понеже и они, о содержании Канцелярии, во всем также ответ дать имеют» [Там же]. В указе специально оговаривалось, кому доверят «сочинять грамоты к чужестранным Государям» [Там же], которые подлежат великаго секрета и важности, – советникам тайной канцелярии Остерману и Степанову, «а прочия заставляв Секретарей экспедиции сочинять И надсмотр над теми Секретарями иметь, дабы каждой по должности чина своего исправно дело свое отправлять.» [Там же].

Что же касается рескриптов Петра Первого к Беклемишеву, то среди них мы находим и приписку личного секретаря Петра Первого Алексея Макарова (в связи с покупкой статуи: РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 22), что позволяет предположить, что работа над данными текстами могла вестись не только в коллегии иностранных дел, но и в личной царской канцелярии, либо, что еще более вероятно, проходить через оба ведомства. В обоих случаях последнее слово оставалось за автором, от лица которого было написано послание, – отсюда, следует полагать, некоторые изменения, внесенные в тексты, о которых речь пойдет ниже.

Займованной лексемой «рескрипт» обозначалось официальное письмо от лица царя, царское распоряжение и/или ответное послание к нижестоящему лицу, занимающему, в данном случае, государственный пост. Ранее, отметим, любого рода документ, исходивший от царя, обозначался как «грамота», в том числе – и послания к иностранным правителям.

В пяти рескриптах речь шла о документе и/или информации, которую Беклемишеву следовало передать от лица царя дожу. Обратим внимание на то, что Беклемишев выступал посредником между Петром и дожем и ранее; в частности, курируя вопрос о Змаевиче, в 1716 г. он сообщал: «На оную грамоту, которая писана о командоре капитане Змаевиче, еще не получил никакой отповеди, кроме что и ныне при свидании обещано со здешней республики чрез их секретаря» (РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1716. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 16 об.).

В первом случае – рескрипт N 1 от 19 января 1719 г. (далее цитируется по: РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2, 2 об.) – русский «агент» должен был вручить дожу Джованни Корнеру грамоту Петра Первого от 18 января 1719 г.<sup>50</sup>, содержащую царские поздравления с Пассаровицким миром, о котором ранее Венеция

---

<sup>50</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 75.

уведомила царя. Как то было принято, к царской грамоте прилагалась копия, из которой Беклемишев мог ознакомиться с содержанием текста, который он будет передавать дожу от лица царя: «Прилагается при сем наша грамота к князю Венецыйскому и речи посполитой ответная на их грамоту о учиненном мире между ими и Портою Отоманскою, о чем вам ради известия список со оной послан».

В обязанности Беклемишева (конструкция долженствования «Вы имеете») входила передача царской грамоты таким образом, каким это полагалось сделать на официальной аудиенции русского посланника у дожа («ту нашу грамоту помянутому князю Венецкому надлежащим образом подать»), после чего сообщить об этом царю («о том к нам ради известия вперед писать»): «Вы имеете ту нашу грамоту помянутому князю Венецкому надлежащим образом подать и о том к нам ради известия вперед писать». «Надлежащим образом» заменяло подробное описание («наказ») того, каким именно образом следовало действовать царскому посланнику, дабы не уронить царскую честь: ранее такого рода описание давалось заранее, когда русские послы специально отправлялись из России в Венецию с царской грамотой к дожу. Кроме того, Петр Первый не считал зазорным для царского статуса коснуться в данном рескрипте, повествующем о царской грамоте, такого практического вопроса, как оплата почтовых услуг, видимо, потому, что речь шла о переписке между царем и посланником, представлявшей собой дело государственной важности. Обратим также внимание на «Вы» вежливое в обращении к нижестоящему, характерное для официальных петровских писем<sup>51</sup>. Таким образом, Петр Беклемишев предстает как компетентное лицо, знающее, каким образом должен действовать официальный представитель царя Петра Первого в Венеции в ситуации официальной аудиенции и каким образом следует преподнести дожу царские поздравления.

Другой рескрипт Петра Первого к Беклемишеву, N 3, от 27 апреля 1719 г. (далее цитируется по: РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 6, 6 об.), должен был быть доставлен в Венецию вместе с царской грамотой к дожу Джованни Корнеру, однако последняя, в силу драматических обстоятельств, не была написана, и Беклемишеву предстояло устно передать ее содержание дожу. Речь шла о неожиданной смерти наследника престола, царевича Петра Петровича. Беклемишев узнал из рескрипта о том, что наследник умер 25 апреля в пять часов дня вследствие лихорадки («февра», из лат. и/или итал.), продлившейся четыре дня, о том, что эта кончина свершилась по воле Всевышнего («всевышний нашего любезнейшаго сына его высочества царевича Петра от

---

<sup>51</sup> Итальянским лингвистом Р. Бенаккьо проанализирована эволюция в использовании местоимений «ты» и «вы» в обращении в Московской Руси семнадцатого века [Benacchio, 1984] и в дальнейшем в Петровскую эпоху [Benacchio, 1985]. Об особенностях эпистолярного этикета в Петровскую эпоху среди представителей властной элиты см. работу Д.Г. Полонского: [Полонский, 2011]

сего временного жития в вечное блаженство ... преселить изволил»), и в какие, не подвергающиеся описанию чувства печали, она повергла Петра Первого и его семью («к неописанной нам и всему нашему дому печали»).

Беклемишеву предписывалось сообщить о постигшем Петра горе («печальном случае») дожу: «того ради по получении сего имеете вы о таком нам приключившимся печальном случае дожу венецианскому объявить» и носить «глубокой траур», применяясь, однако, к местным традициям: «по обыкновению, как тамо в таких случаях носят». Первоначально, вероятно, Беклемишев должен был извиниться (заимствование «экскузовать» было использовано с личным местоимением «мы» в дательном падеже – «нам экскузовать» – подобно русскому глаголу «простить» – «нам простить») от лица Петра Первого за то, что о случившемся дожу не было сообщено специальной грамотой, к нему обращенной – причиной тому лишь безграничная печаль: «и нам экскузовать, что мы за так великой и тяжкой нам печалию кь его величеству нотификаций не учинили». Извинение мы находим с рескрипте N 3<sup>52</sup>, однако оно отсутствует в рескрипте N 5<sup>53</sup>, который датирован тем же днем, и, следует полагать, представляет собой окончательный вариант рескрипта-сообщения в Венецию о смерти наследника (именно под ним находим приписку «По указу его царского величества»), и который в остальном идентичен по содержанию с рескриптом N 3. Видимо, извинение, появившееся в рескрипте, написанном всего два дня спустя после смерти наследника, по внимательном прочтении (или прослушивании: исторически царям документы зачитывались), было сочтено излишним: извиняясь перед адресатом, что грамота не была составлена, Петр, таким образом, сообщал ему, что возможность составить специальную царскую грамоту существовала, однако не была реализована, что могло в какой-то мере скомпрометировать отношения с Венецией. Таким образом, извинения за ненаписанную грамоту были убраны из текста не столько потому, что любое извинение со стороны царя, к тому же повествующее о человеческом горе и ставящее его в один ряд с простыми смертными, могло уронить царское достоинство, сколько потому, что оно могло затруднить дипломатические отношения с адресатом, которому не была оказана честь личного царского послания.

К вопросу о трауре по наследнику Петр Первый вернулся спустя полгода, в рескрипте N 10 от 3 ноября 1719 г. (далее цитируется по: РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 37, 37 об.). Сообщив о полученной от Беклемишева «реляции» (заимствование «реляция» – официальное сообщение нижестоящего – заменило прежнее «отписка»), Петр уведомлял посланника о том, что при дворе со вчерашнего дня отошли от

---

<sup>52</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 6, 6 об.

<sup>53</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 12, 12 об.



глубокого траура («траур глубокой, черное платье, носить оставлен») и можно носить «платье нечерное, но других цветов из золота и серебра, токмо с обшлагами и пугвицами черными»). Впрочем, Беклемишеву это сообщалось лишь «для известия»: он должен был («ты же имеешь») действовать в соответствии с тем, как поступают в таких случаях другие иностранные послы в Венеции («в сем поступить по примеру других коронованных глав министров, будучих в Венеции како оные в таких случаях обыкли»), а также российские посланники при других иностранных дворах – для этого Беклемишеву предписывалось списаться с ними, аналогичное распоряжение было дано им («тебе в сем снести с нашими министрами при иностранных дворах обретающимися, дабы тебе о том во оном равным образом поступить, о чем к ним писано»). Как и в своем первом рескрипте о трауре («как о том в прежнем нашем указе тебе определено»), Петр настаивал на том, что выражение горестных чувств по наследнику (и уважение, таким образом, к печали царя и царствующего дома) не должно идти вразрез с поведением в таких случаях дипломатических представителей других стран, к чему в новом рескрипте было добавлено о необходимости координировать свои действия с русскими посланниками при других дворах.

Информация о новой военной победе России содержится в постскрипуме к рескрипту N 6 (от 5 июня 1719 г., далее цитируется по: РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 14 об.), где речь идет о практических вопросах – о выплате Беклемишеву и его секретарю Гроссу второй половины жалованья (о первой, равно как и об оплате почтовых расходов, говорилось в январе, в рескрипте N 2 РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4, 4 об., он идентичен по содержанию с N 6, но не содержит постскрипума). На сей раз Петр Первый писал Беклемишеву не из Петербурга, а из Кроншлота – морского форта, построенного в 1704 г. и расположенного к югу от Кронштадта. Речь шла об Эзельском бое – морском сражении между русским и шведским флотом, которое состоялось у острова Эзель (эст. Сааремаа) 24 мая (4 июня по новому стилю) 1719 г. В результате сражения три шведских корабля, которые были замечены русскими военными и с которыми был начат бой, сдались в результате артиллерийского обстрела<sup>54</sup>. Возможно, новость пришла (или было решено ее сообщить), когда первый вариант текста был уже составлен: Петр Первый, по-видимому, счел вполне допустимым и не роняющим царскую честь то, что новость о столь важной победе царского флота дается в дополнении к основному тексту, где говорится о том, что Беклемишев обязан

---

<sup>54</sup> Об истории русского флота периода Северной войны см.: [Ден, 1999].

(«вы имеете») передать своему секретарю причитающееся ему жалованье и сообщить обо всем царю: оба вопроса – и оплата труда сотрудников, и морская победа – относились к государственным делам, и сообщение о военных успехах царя не требовало обязательного составления отдельного, нового рескрипта.

Рассказывая о замечательной военной победе, Петр Первый ограничился сообщением («Объявляем вам») о том, что «минувшаго мая 24 дня, отправленные от нас крейсера на Балтийском море, сошедшись с швейскими крейсер, а имянно стремя караблями, имели баталию, и те все швецские карабли, счастливо взяли»: он выслал Беклемишеву копию рапорта («реляцию») капитана Наума Сенявина, под командованием которого была одержана победа. Засвидетельствовать достоверность информации («для подлинного известия») призван был не царский рескрипт, а рапорт боевого русского офицера, выигравшего сражение: «о чем для подлинного известия прилагается при сем копия с реляции, полученной от капитана нашего Синявина». Беклемишев должен был («имеете») не только сообщить о победе дожу и Венецианской республике («о сем князю и республике Венецианской сообщить»), исходя из текста рапорта, но и добиться опубликования этого рапорта в венецианских газетах: «и ту реляцию в газеты напечатать и повсюду публиковать». Заканчивал свое сообщение о бое Петр указанием на то, что находится вместе со своим флотом в Кроншлоте («Мы ныне обретаемся при Кроншлоте с флотом нашим карабелным с которою тако ж и з галерным флотом»), подчеркивая боеготовность русского флота, ожидающих лишь подходящего ветра, чтобы с Божьей помощью выступить в новый поход: «во всякой готовности к походу обретаются, и токмо способной ветр будет, поход в надлежащей путь морем при помощи Всевышняго Бога восприимем ради войскою операцеи».

Двумя месяцами спустя, в сентябре 1719 г., Петр написал Беклемишеву рескрипт N 8 (далее цитируется по: РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30, 30 об.) о возвращении из Швеции русских кораблей и адмирала Апраксина, указав маршрут и даты прибытия различных кораблей: «наш генерал адмирал граф Апраксин и оттуду со всеми оными по нашему указу паки к нам в карабелной наш флот к Ламеланду возвратился, и, отпустя оттуд карабелной наш флот и часть галер з гвардиею к Ревелю [куда оные уже 25 сего благополучно дошли], а прочие галеры и войска штабов поход восприяли с нашею свитою на пяти галерах в Санкт Петербурх и вчерашняго дня сюда при помощи Вышняго счастливо прибыли». К рескрипту прилагался напечатанный рапорт («реляция») адмирала Апраксина о ходе военных действий в Швеции («А что помянутой наш генерал адмирал, будучи в Швеции с войскою нашими действовал што, приложена при сем обстоятельная реляция печатная»), и именно по тексту этого рапорта – а не царского рескрипта – Беклемишев должен был сообщить дожу «и прочим, кому надлежит» (не

уточнялось, кому именно), сделав это «надлежащим образом»: «которую ты имеешь доже Венецийскому и прочим, кому надлежит, надлежащим образом сообщить».

К рескрипту были сделаны три приписки, две из которых адресовались, следует полагать, Беклемишеву. Первая содержала указание на царский указ («По его царского величества указу»), вторая касалась реляции Апраксина, напечатанной на немецком языке и приложенной к рескрипту, именно ее должен был («надлежит вам») Беклемишев «повсюду публиковать» («Приложена при сем на немецком языке печатная реляция, которую надлежит вам повсюду публиковать»). Третья приписка, скорее всего, была сделана сотрудниками канцелярии для внутреннего пользования: она подтверждала, что реляция на русском и немецком языках, о которых шла речь в различных рескриптах, была направлена также к князю Куракину, царскому послу в Париже: «Такова реляция печатная на российском и немецком языках, о которой в сих рескриптах и поскриптов вышеупомянуто, находится при рескрипте к послу князю Куракину отпущену».

В рескрипте N 4 от 1 мая 1719 г. (далее цитируется по: РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.) Беклемишеву вменялось в обязанность, исходя из приложенной к рескрипту декларации («Вы усмотрите из приложенной при сем нашей декларации»), передать устно дожу информацию, касавшуюся столь деликатного вопроса, как высылка из России представителей ордена иезуитов, прибывших из Священной Римской империи («тако названных месионариев цесарских») в ответ («а имянно взаимно тому, что») на скандальную («необыкновенным образом», «с великим разорением», «безвременно») высылку из пределов Священной Римской империи сразу двух российских дипломатов, один из которых занимался исключительно вопросами торговли: «его Цесарское Величество не токмо резидента нашего Веселовского необыкновенным образом от двора своего из земель наследных без всякой данной причины выслать повелел, но и агент наш Рез, которой кроме купечества никакой от нас комиссии не имел, из Бреславля с великим разорением безвременно выслан». Ссылаясь на опубликованную декларацию («как о том обстоятельно в помянутой нашей декларации изображено»), Петр Первый подчеркивал, что всем другим католикам позволено пребывать в России, как и прежде («протчих же, орденов духовным римского исповедания, кроме сего ордена, в государстве нашем пребывать позволено»), что не оставляло сомнений в том, что его действия носили исключительно политический, а не религиозный характер.

Далее Петр давал Беклемишеву соответствующее распоряжение: исходя из текста декларации («объявить по содержанию вышеозначенной нашей декларации»), он должен был («Вы имеете») сообщить о произошедшем дожу и Сенату Венеции, подчеркнув, что в действиях царя следует видеть исключительно вынужденные контрмеры («репресалии») в

ответ на противозаконные действия Императора Священной Римской империи, за ними не стоит каких-либо предубеждений против Римской католической церкви («не для предосуждения римского закона церкви»), поскольку оставленные иезуитами церкви вверены остающимся в России католическим священникам («ксензам»): «Вы имеете по получении сего о той их высылке дуку и Републике Венецкой объявить по содержанию вышеозначенной нашей декларации и что мы тех езуитов не для предосуждения римского закона церкви, но для репресалии то учинили, как то явно из того, понеже мы те церкви римские в государстве нашем ксензам других орденов вручить во управление повелели».

В постскриптуме к рескрипту Петр Первый опровергал слухи, распространяемые недоброжелателями о намерениях («хотели») России «военную декларацию противу Цесаря учинить»), а также «гановерского резидента Вебера от двора своего отослать». Царь связывал появление этих слухов с опубликованием своей декларации о иезуитах («чаем, что то оттого пронесло, когда вышеизображенная наша декларация о езуитах публикована») и предписывал Беклемишеву опровергать такого рода слухи, если они уже дошли до Венеции («и, ежели б у вас какия разглашения о том были, то имеете вы оныя опровергать и что то самая ложь»), в противном же случае вообще не касаться этого вопроса («а буде о том упоминатца ничего не будет, то и вам молчать»).

Следует предположить, что, поскольку Венеция принадлежала к той же религии, что и Священная Римская империя, а в свое время, ходатайствуя перед дожем о защите православной греческой церкви в Венеции, Петр обещал и впредь ни в чем не ущемлять находившихся в России католиков («в чем равною мерою вашим единоверным у нас милостивое призрение показано будет, ибо в государствах наших сущие римской церкви свободное отправление службы божественныя по своему обыкновению и костелы имеют и никакова утеснения или помешания им ни от кого в том не чинится»<sup>55</sup>), царь счел необходимым через Беклемишева заверить венецианские власти в своей лояльности к вере Светлейшей республики.

Как было показано в докладе, за то время, что Петр Беклемишев представлял интересы России в Венеции, от лица Петра Первого венецианским властям были направлены две грамоты, написания которых требовал дипломатический этикет: новый русский посланник не мог явиться в Венецию без верительной грамоты, подобно тому, как содействие венецианских властей царским сотрудникам Змаевичу и Владиславичу не могло быть оказано без личного царского заступления, а сообщение из Венеции о заключенном с турками мире не могло остаться без поздравлений от лица русского царя, с которым двадцать лет назад Венецию объединяло участие в антиосманской лиге. Другая информация,

---

<sup>55</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 59. Опубликовано.

адресованная венецианскому дожу и Сенату, была передана русским «агентом» устно. Это сведения о победах русского оружия на том фронте, где армия Петра Первого сражалась сегодня, – северном, а также трагическая весть о смерти наследника престола. Причины, по которым информация такого рода стала предметом не письменного, а устного извещения, следует, вероятно, искать не столько в том, что Россия и Венеция не были более связаны союзническими обязательствами с вытекающей отсюда необходимостью в постоянном обмене сведениями, сколько в переменах, произошедших в дипломатической практике, которыми мы обязаны в конечном счете личности Петра Первого. Появление постоянного дипломатического представительства – примета нового времени – открывало перед Петром Первым возможность нового типа дипломатической коммуникации, которая ранее была доступна в таких экстраординарных случаях, как длительное нахождение русского посланника при иностранном дворе (к примеру, подготовка Карловицкого договора).

В допетровской практике за указами дипломатическим посланникам, равно как и за царскими грамотами к венецианским дожам, стоит опасение, чтобы никоим образом не была скомпрометирована царская власть – русский допетровский дипломатический этикет нацелен на то, чтобы избежать такого рода компрометации, что в значительной мере определяет особенности дипломатической коммуникации. В Петровскую эпоху последнюю регулирует новый дипломатический этикет, за которым, равно как и за новым эпистолярным этикетом, стоит личность и мировоззрение Петра Первого. Если в царских грамотах к дожу царский, «дипломатический статус правителя предполагает владение формами вежливости» [Карданова, 2013, с. 386] и даже «царское ходатайство эволюционирует от форм волеизъявления к формуле вежливой просьбы» [Там же, с. 387], ни в коей мере не вступая при этом в конфликт с высоким царским статусом, то в обращении с Беклемишевым – посланником, официальным царским представителем, которого царь лично «за благо рассудил»<sup>56</sup> (как следует из верительной грамоты Беклемишева) направить в Венецию, петровский этикет предполагает вежливое и уважительное доверие профессиональным качествам русского дипломата. Директивы, получаемые Беклемишевым от царя по ходу миссии, содержали в себе сведения, которые он должен был передать дожу, однако в них не оговаривалось, в каких именно словах он обязан передать содержание. Выбор наиболее подходящей словесной формы был – в отличие от допетровской практики – во власти русского посланника, равно как и форма поведения на аудиенции у дожа. Он был волен и даже обязан цитировать не только царское слово, которое в допетровской России было не только высшим, но и единственным авторитетом, но и слово царских сотрудников, профессионалов своего дела, будь то адмирал, командующий флотом, или капитан,

---

<sup>56</sup> Archivio di Stato di Venezia. Collegio. Lettere principi. Filza 13. № 70.

выигравший сражение. Петровские рескрипты, где царь обращался к Беклемишеву – служащему, как и царь, интересам России – на «Вы», предполагали высочайший профессионализм русского посланника, который владеет словом и техникой поведения на аудиенции и способен достойнейшим образом представлять русского царя.

### *Приложение*

#### № 1. Рескрипт к агенту Петру Беклемишеву

Божию Милостию Мы ПЕТР ПЕРВЫЙ, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Нам любезноверный,

Прилагается при сем наша грамота к князю Венецыйскому и речи посполитой ответная на их грамоту о учиненном мире между ими и Портою Отоманскою, о чем вам ради известия список со оной послан. Вы имеете ту нашу грамоту помянутому князю Венецыйскому надлежащим образом подать и о том к нам ради известия вперед писать. На почтовой платеж за письма, посылаемые от двора нашего к вам, також и приходящие от вас ко двору нашему, за которые вы напред сего платили в Венеции, определено ныне по нашему указу вам давать на каждом году реченным числом по триста рублеф, и на сеи 1719 год велено те денги перевести к вам из Москвы ис посолской канцелярии. Дан в Санкт Петербурке Генваря в 19, 1719 году<sup>57</sup>.

#### № 3. Рескрипт к агенту Петру Беклемишеву

Божию Милостию Мы ПЕТР ПЕРВЫЙ, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Нам любезноверный,

Понеже Всевышний нашего любезнейшаго сына его высочества царевича Петра от сего временного жития в вечное блаженство к неописанной нам и всему нашему дому печали сего апреля 25-г дня о 5-м часу пополудни по четверодневной болезни фебры преселить изволил, того ради по получении сего имеете вы о таком нам приключившимся печальном случае дуку венецискому объявить [и нам экскузовать, что мы за так великой и тяжкой нам печалию кь его величеству нотификации ныне не учинили<sup>58</sup>] и имеете вы надеть и носить

<sup>57</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2, 2 об.

<sup>58</sup> В квадратные скобки помещен фрагмент текста (РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 6 об.), который отсутствует в рескрипте № 5 (РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 12, 12 об.). К последнему сделана приписка «По указу его царского величества» (РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 12 об.).

глубокой траур по обыкновению, как тамо в таких случаях носят. Дан в Санкт Питербурхе апреля в 27 день 1719<sup>59</sup>.

№ 10. Рескрыпт к агенту Петру Беклемишеву

Божию Милостию мы Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая.

Нам любезноверный,

Реляция твоя под номером 39-м здес получена, и из оной о всем нам известно. Вчерашняго дня употребляемой для преставления сына нашего наследствующаго ПЕТРА траур глубокой, черное платье, носить оставлен, а употреблено для помянутой печали, и носить будут здес впред до нашего указа траур платье нечерное, но других цветов из золота и серебра, токмо с обшлагами и пугвицами черными; еже тебе для известия сообщается, ты же имеешь в сем поступить по примеру других коронованных глав министров, будучих в Венеции како оные в таких случаях обykle, как о том в прежнем нашем указе тебе определено, такожь тебе в сем снестися с нашими министрами при иностранных дворах обретающимися, дабы тебе о том во оном равным образом поступить, о чем к ним писано. Дан в Санкт Петербурге. Ноября 3 дня 1719 г<sup>60</sup>

№ 2. Рескрыпт к агенту Петру Беклемишеву

Божию Милостию мы Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая.

Нам любезноверный,

По нашему указу посылается при сем к вам вексел на дачю нашего на сей 1719 год по окладу половинного жалованья за тысячу рублеф да на почтовой платеж. На нынешней же 1719 за писма посылачные от двора нашего к вам, тако ж и приходящие от вас ко двору нашему за триста рублей [почему вам по нашему указу определено и впред по все годно уреченным числом давать] фвсего за тысячу за триста рублей на тысячу на четыре ста на сорок на четыре ефимка вексель же дан канцеляристу, обретающемуся при вас Гросу на половинное ж на сей год наше жалованье на шесть сот на шесть ефимков тритцат три штивера, которой вы имеете ему отдать. И о том о всем к нам ради известия писать. Дан в Санкт Питербурхе генваря в 31 1719 году<sup>61</sup>.

№ 6. Рескрыпт к агенту Петру Беклемишеву

Божию Милостию мы Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая.

---

<sup>59</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 6, 6 об.

<sup>60</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 37, 37 об.

<sup>61</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 4, 4 об.

Нам любезноверный,

Прилагаются при сем векселя на дачю нашего жалованья на сей 1719 год другой половины для пребывания в Венеции вам за тысячу да обретающемуся при вас канцеляристу Гросу за шестдесят рублей на тысячу на сто на триста на пять ефимков и на тридцать на девять штиверов, ис которых вы надлежащеи Гросу имеете отдать, тако ж и о приятии своего векселя к нам ради известия писать. Дан Кроншлоте июня 5 дня 1719 года.

14 об. P.S. Объявляем вам, что минувшаго мая 24 дня, отправленные от нас крейсера на Балтийском море, сошедшись с швейскими крейсер, а имянно стремя караблями, имели баталию, и те все швецские карабли, счастливо взяли, о чем для подлинного известия прилагается при сем копия с реляции, полученной от капитана нашего Синявина, Вы имеете о сем князю и республике Венецийской сообщить и ту реляцию в газеты напечатать и повсюду публиковать. Мы ныне обретаемся при Кроншлоте с флот нашем карабелном с которою тако ж и з галерным флотом, которые во всякой готовности к походу обретаются, и токмо способной ветр будет, поход в надлежащей путь морем при помощи Всевышшаго Бога восприимем ради войскои операцей<sup>62</sup>.

№ 8. Рескрипт к агенту Петру Беклемишеву

Божию Милостию мы Петр Первый, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Нам любезноверный,

Объявляется тебе сим ради известия, что мы по окончании сея компании войских действий в Швеции, где был с нашими войски наш генерал адмирал граф Апраксин и оттуду со всеми оными по нашему указу паки к нам в карабелной наш флот к Ламеланду возвратился, и, отпустя оттуд карабелной наш флот и часть галер з гвардиею к Ревелю [куда оные уже 25 сего благополучно дошли], а прочие галеры и войска штабов поход восприяли с нашею свитою на пяти галерах в Санкт Петербурх и вчерашняго дня сюда при помощи Вышняго сщастливо прибыли. А что ?? помянутой наш генерал адмирал, будучи в Швеции с войски нашими действовал, о том приложена при сем обстоятелная реляция печатная, которую ты имеешь доже венецийскому и прочим, кому надлежит, надлежащим образом сообщить. Дан в Санкт Петербурке сентября 1 дня 1719.

По его царского величества указу.

Приложена при сем на немецком языке печатная реляция, которую надлежит вам вам повсюду публиковать.

---

<sup>62</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 14, 14 об.



Такова реляция печатная на российском и немецком языках, о которой в сих рескриптов и поскриптов вышеупомянуто, находится при рескрипте к послу (князю)<sup>63</sup> князю Куракину отпущену<sup>64</sup>.

#### № 4. Рескрипт к агенту Петру Беклемишеву

Божиею Милостию мы ПЕТР ПЕРВЫЙ, царь и самодержец всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая

Нам любезноверный

Вы усмотрите ис приложенной при сем нашей декларации, для чего мы повелели выслать из государства нашего езуитов, тако названных месионариев цесарских, которую декларацию мы в государстве нашем публиковать повелели, а имянно взаимно тому, что его Цесарское Величество не токмо резидента нашего Веселовского необыкновенным образом от двора своего из земель наследных без всякой данной причины выслать повелел, но и агент наш Рез, которой кроме купечества никакой от нас комиссии не имел, из Бреславля с великим разорением безвременно выслан; протчих же, орденов духовным римского исповедания, кроме сего ордена, в государстве нашем пребывать позволено, как о том обстоятельно в помянутой нашей декларации изображено. Вы имеете по получении сего о той их высылке дуку и Республике Венецкой объявить по содержанию вышеозначенной нашей декларации и что мы тех езуитов не для предосуждения римского закона церкви, но для репрессалии то учинили, как то явно из того, понеже мы те церкви римские в государстве нашем ксензам других орденов вручить во управление повелели. Дан в Санкт Петербурхе мая 1г дня 1719 году.

P.S. Уведомились мы, что в сих числах от некоторых недоброжелательных здесь разгласилось, будто мы военную декларацию противу Цесаря учинить хотели, и гановерского резидента Вебера от двора своего отослать, которой сам о том сказывал, что он то слышал, но понеже того у нас ни на мысли по се число не было, и чаем, что то оттого пронеслось, когда вышеизображенная наша декларация о езуитах опубликована, и, ежели б у вас какия разглашения о том были, то имеете вы оныя опровергать и что то самая ложь, а буде о том упоминатца ничего не будет, то и вам молчать»<sup>65</sup>.

---

<sup>63</sup> Взятое нами в скобки слово (князю) в оригинальном тексте взято в прямоугольник.

<sup>64</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30, 30 об.

<sup>65</sup> РГАДА. Сношения России с Венецией. Ф. 41. 1719. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 8, 8 об., 9, 9 об.

### **Список литературы:**

- Александренко В. Н.* Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов // *Варшавские университетские известия*. 1894. № 8. С. 1–29.
- Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. II. Германия и Италия. М., 1896. С. 206–220.
- Ден Дж.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб.: Ист. иллюстрации, 1999. 192 с.
- Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб., 1893. 197 с.
- Карданова Н.Б.* Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет. М: «Индрик», 2013. 445 с.
- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича / Подг. публ., вводн. ст., коммент. и словник Г. А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
- Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. 8: (С 1695 по 1699 год) // *Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными*. СПб., 1867.
- Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: 1720–22. СПб., 1830. Т. 6. 690 с.
- Полонский Д. Г.* Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А. Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи // *Меншиковские чтения — 2011: Научный альманах*. СПб.: XVIII век, 2011. Вып. 2 (9). С. 75–93.
- Сергеев Ф. П.* Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. 219 с.
- Шаркова И.С.* Россия Италия: торговые отношения XV– первой четверти XVIII в. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В.И.Рутенбурга. Л.: «Наука», 1981. 210 с.
- Benacchio R.* Modalità allocutive pronominali nella società moscovita del sec. XVII. Università di Padova: Istituto di Filologia Slava. 1984. 55 p.
- Benacchio Berto R.* L'allocutivo reverenziale di cortesia «vy» nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico // *Atti del colloquio «Lingue slave e lingue romanze: un confronto»*. Firenze, 25–26 gennaio 1985. Pisa: ETS Editrice, 1985. P. 61–78.

*Леоненкова Е. Д.*  
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
г. Москва (Россия)

*Leonenkova Ekaterina*  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ЭМОЦИОНАЛЬНО  
ОКРАШЕННОЙ ЛЕКСИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЕДА» (НА МАТЕРИАЛЕ  
ПОВЕСТИ «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» М.А.  
БУЛГАКОВА И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)**

**PRAGMATIC ASPECT OF EMOTIONALLY COLORED WORDS WITHIN THE  
SEMANTIC FIELD “FOOD” (A STUDY OF THE TRANSLATIONS OF THE NOVELS  
“HEART OF A DOG” AND “MASTER AND MARGARITA”  
BY M. BULGAKOV INTO ENGLISH)**

Прием пищи (в широком понимании) занимает особое место в произведениях М.А. Булгакова. С помощью лексем данного семантического поля, описания ситуаций приема пищи автор отражает быт и нравы современного ему общества, социальное положение персонажей, их взаимоотношения, уровень культуры, образования и т.д. Зачастую М. А. Булгаков использует стилистически окрашенную лексику, чтобы сатирически изобразить новое для него общество – послереволюционное правительство и народные массы. В данной статье рассматриваются разновременные переводы повести «Собачье сердце» и романа «Мастер и Маргарита» на английский язык. В работе показано, что в переводах зачастую теряется необходимый прагматический аспект, что ограничивает полное восприятие исходного текста. Без адекватной передачи лексических единиц данного типа у иностранного читателя не будет возможности оценить оригинальность и яркость произведений М. А. Булгакова.

Eating (broadly defined) has a special place in the works of Mikhail Bulgakov. Using lexical items of the semantic field, describing process of eating the author reflects the life and customs of contemporary society, social position of characters, their relationships, level of culture, education, etc. Often Mikhail Bulgakov uses stylistically colored words to portray satirically the new society - post-revolutionary government and the masses. The article deals with the asynchronical translations of the novels "Heart of a Dog" and "The Master and Margarita" in English. It is shown that the translators often lose the necessary pragmatic aspect, which limits the total perception of the source text. Without an adequate translation of lexical units of this type, foreign readers will not be able to evaluate the originality and brightness of works of Mikhail Bulgakov.

**Ключевые слова:** прагматика перевода, стилистически окрашенная лексика, разновременные переводы, произведения М. А. Булгакова.

**Keywords:** Pragmatic aspect, emotionally colored words, asynchronical translations, works of M. Bulgakov.

Михаил Афанасьевич Булгаков – один из самых выдающихся писателей, драматургов и театральных режиссеров XX века. Его работы были переведены более чем на 30 языков мира. Среди переводов произведений М.А. Булгакова особое место занимают

переводы сатирической повести «Собачье сердце» и magnum opus писателя – философского романа «Мастер и Маргарита».

Поскольку работы М.А. Булгакова содержат глубокий философский подтекст и скрытую сатиру, иронию, его произведения пользуются популярностью среди читателей. Однако именно вышеуказанные аспекты вызывают наибольшие затруднения при переводе. Из-за асимметрии языковых картин мира, недостаточных фоновых знаний, а также различий в социальном укладе и культурных традициях иностранные читатели могут совершенно по-разному воспринимать произведения М.А. Булгакова в отличие от носителей языка.

Прагматика крайне важна при переводе, поскольку учет неязыковых аспектов является одним из необходимых условий достижения переводческой адекватности. «Понятие прагматики в языкознании (и шире - в семиотике) отнюдь не сводится только к понятию прагматических значений языковых (и вообще знаковых) единиц. Это понятие гораздо более широкое - оно включает в себя все вопросы, связанные с различной степенью понимания участниками коммуникативного процесса тех или иных языковых единиц и речевых произведений и с различной их трактовкой в зависимости от языкового и неязыкового (экстралингвистического) опыта людей, участвующих в коммуникации» [Бархударов, 2008, с. 107].

В данной статье рассматриваются разновременные переводы повести «Собачье сердце», выполненные Майклом Гленни в 1968 году и Аврил Пайман в 1990 году, и романа «Мастер и Маргарита» на английский язык, переводчиками которых являются Майкл Гленни (1967 г.), Ричард Пивер и Лариса Волохонская (1997 г.).

Майкл Гленни (англ. Michael Glenny, 1927-1990 гг.) – преподаватель русистики, знаменитый переводчик русской литературы на английский язык. Он получил широкую известность, переведя роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в 1967 году. Годом позже Майкл Гленни опубликовал перевод «Собачьего сердца».

Аврил Пайман (англ. Avril Pyman, родилась в 1930 г.) – выдающийся английский ученый в области истории русской литературы. В 1990 году в свет вышел ее перевод «Собачьего сердца».

Лариса Гиршевна Волохонская (родилась в 1945 г.) и ее супруг Ричард Пивер (англ. Richard Pevear, родился в 1943 г.) – одни из самых известных переводчиков русской классической прозы на английский язык. Перевели около тридцати произведений русских классиков, в том числе и «Мастера и Маргариту» М.А. Булгакова в 1997 году.

Тема «Еда» в произведениях М. А. Булгакова играет важную роль: с помощью лексем данного семантического поля, описания ситуаций приема пищи автор отражает быт и

нравы современного ему общества, социальное положение персонажей, их взаимоотношения, уровень культуры и образования и т.д.

Для того чтобы передать свое отношение к героям, показать их культурный уровень и положение в обществе, автор зачастую прибегает к стилистически окрашенной лексике. Именно с ее помощью М. А. Булгаков сатирически изображает новое для него общество – послереволюционное правительство и народные массы. Согласно О.С. Ахмановой стилистически окрашенная лексика – это «лексические единицы, характеризующиеся способностью вызывать особое стилистическое впечатление вне контекста. Эта способность обусловлена тем, что в значении данных слов содержатся, не только предметно-логическая (сведения об обозначаемом предмете) информация, но и дополнительная (непредметная) – коннотации» [Ахманова, 2004, с. 310]. К стилистически окрашенной лексике можно отнести: однозначные слова с ярким коннотативным значением; многозначные слова, обычно стилистически нейтральные в прямом значении, однако приобретающие стилистическую окрашенность в переносном значении; слова, экспрессивная коннотация которых достигается путем аффиксации, в большей степени посредством суффиксов субъективной оценки [Кожина, 2011, с. 222].

В повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» особое место занимают стилистически окрашенные глаголы, которые вводит автор, описывая ситуации с Полиграфом Полиграфовичем Шариковым – ярким представителем «нового общества». Важно отметить особенность данных глаголов: они могут употребляться как по отношению к животным, так и к человеку. Автор намеренно использует такого рода глаголы, чтобы показать истинную «натуру» Шарикова: добрый пес Шарик после эксперимента профессора Преображенского становится похожим на Клима Григорьевича Чугункина, вора и маргинала, который гордится своим «пролетарским происхождением».

<i>Собачье сердце: повести/ Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014</i>	<i>The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968</i>	<i>The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990</i>
«Что они там вытворяют в нормальном питании, уму собачьему непостижимо! Ведь они же, мерзавцы, из вонючей солонины щи варят, а те, бедняги, ничего и не знают! <i>Бегут, жрут, лакают!</i> » (курсив мой – Л. Е.) (глава 1, с. 144)	As for the muck they dish out there as rations, well it makes even a dog wonder. They make soup out of salt beef that's gone rotten, the cheats. The poor fools who eat there can't tell the difference. <i>It's just grab, gobble and gulp.</i> (курсив мой – Л. Е.)	The things they get up to there in Normative Nourishment — it's beyond the mind of dog to understand. They put putrid salt meat in the cabbage soup, you know, and those poor wretched customers of theirs know

	(chapter 1, p. 2)	nothing about it. <i>They come running, gobble it, lap it up.</i> (курсив мой – Л. Е.) (chapter 1, p. 2)
--	-------------------	--

Глагол *жрать*, согласно Толковому словарю Ожегова, означает «жадно есть» (о животных), однако этот глагол можно употребить и по отношению к человеку (просторечие). Помимо основного значения глагола *лакать* «вбирать жидкость языком» можно встретить и другое толкование – «пить спиртное» [Словарь русского арго, 2002].

В обоих переводах встречается глагол *gobble*, который на русский язык можно перевести как «съесть что-либо очень быстро, грубо и даже жадно» (перевод мой – Л. Е.); это слово можно часто встретить, когда речь идет о волках. Таким образом, переводчикам удалось передать оттенок значения данного глагола.

В переводе Майкла Гленни встречается глагол *gulp*, который на русский язык можно перевести как «поспешно глотать еду или напитки большими частями» (перевод мой – Л. Е.), что совершенно не совпадает со значениями глагола *лакать*. В перевод Аврил Пайман используется фразовый глагол *lap up*, одно из значений которого «лакать» (о животных). Смысловый оттенок передан, но не до конца.

В романе «Мастер и Маргарита» автор также прибегает к этому приему, используя такого рода стилистически окрашенные глаголы в отношении кота Бегемота.

<i>Мастер и Маргарита:</i> Роман / М. А. Булгаков. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.	<i>The Master and Margarita.</i> <i>Mikhail Bulgakov. Translated</i> <i>from the Russian by Michael</i> <i>Glenny. Published by Collins</i> <i>and Harvill Press, London,</i> <i>1967</i>	<i>The Master and Margarita.</i> <i>Mikhail Bulgakov. Translated</i> <i>by Richard Pevear and</i> <i>Larissa Volokhonsky.</i> <i>Published in Penguin Books,</i> <i>1997</i>
Бегемот отрезал кусок ананаса, посолил его, поперчил, съел и после этого так залихватски <i>тяпнул вторую стопку спирта</i> , что все зааплодировали. (курсив мой – Л. Е.) (часть вторая; глава 24, стр. 308)	Behemoth cut himself a slice of pineapple, salted and peppered it, ate it and <i>chased it down with a second glass of spirit</i> with a flourish that earned a round of applause. (курсив мой – Л. Е.) (book two; chapter 24, p. 144)	Behemoth cut a slice of pineapple, salted it, peppered it, ate it, and then <i>tossed off a second glass of alcohol</i> so dashingly that everyone applauded. (курсив мой – Л. Е.) (book two; chapter 24, p. 289)

Глагол *тяпнуть* помимо своего прямого значения («укусить, схватить зубами») имеет также такое определение, как «выпить спиртного» [Толковый словарь Ожегова, 1949-

1992]. По смыслу можно также понять, что действие совершается очень быстро. В переводе Майкла Гленни встречается выражение *chase down with*, которое можно перевести как «запивать один напиток другим». Ричард Пивер и Лариса Волохонская используют глагол *toss off* «выпить что-то очень быстро». Поэтому последний фразовый глагол *toss off* в данном случае предпочтительнее, однако прагматический аспект также теряется.

Важно отметить, что в двух переводах для обозначения *стопки* используется слово *glass*. Стопка – это небольшой стакан или рюмка емкостью 50-100 мл. В англоязычных странах широко распространена аналогичная по смыслу посуда *shot*, точнее — *shot glass*, стакан, емкостью 45 мл, для употребления напитка, выпиваемого «залпом», одним глотком. Однако без уточнения, какого типа была посуда, у иностранного читателя может сложиться неверное понятие о питейной культуре советского народа.

«Богатейшая система суффиксов в русском языке идеально приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоциональных отношений, причем не только нежных, ласкательных, но и множества других, для которых бывает порой даже трудно подобрать определение» [Кольцова, Есакова, 2016, с. 127]. Таким образом, большую роль в таких случаях играет контекст. Зачастую переводчику не удастся передать тот или иной оттенок уменьшительно-ласкательных суффиксов, поскольку необходимо сначала понять, какое именно значение приобретает данное слово в исходном тексте, а затем сопоставить его с нормами языка перевода. Кроме того, сложность представляет еще и то, что в английском языке не так много уменьшительно-ласкательных суффиксов. Они употребляются значительно реже, чем в русском языке, а потому примеры их использования - явление редкое и в художественной литературе.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы являются одной из главных особенностей речи представителей «нового общества»; особенно это касается названий блюд и напитков. Именно с их помощью М. А. Булгаков показывает иронию по отношению к современному ему обществу.

<i>Собачье сердце: повести/ Михаил Булгаков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014</i>	<i>The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny, 1968</i>	<i>The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow, 1990</i>
- Я еще <i>водочки</i> выпью, - заявил он [Шариков] вопросительно. - А не будет вам? – осведомился Борменталь – Вы последнее время	‘Can’t I have <i>some vodka</i> ?’ he asked. ‘Will you kindly keep quiet?’ said Bormenthal. ‘You’ve been at <i>the vodka</i> too often lately.’ (курсив мой –	“Another <i>glass of vodka</i> ?” he announced on a tentative note. “Don’t you think you’ve had enough?” asked Bormenthal. “You’ve been

слишком налегаете на водку. (курсив мой – Л. Е.) (глава 7, с. 228)	Л. Е.) (chapter 6, p. 30)	<i>making rather free with the vodka lately.</i> ” (курсив мой – Л. Е.) (chapter 7, p. 49)
--	---------------------------	--

Этот пример показывает, как умело автор разграничивает употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов и как это важно для понимания авторской иронии. На протяжении всего произведения Шариков использует слово *водочка* с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-очк-*. В данном случае употребляемый суффикс показывает не количество (немного водки), а желание персонажа выпить водки, что теряется в переводе.

В переводе Майкла Гленни появляется местоимение *some*, которое обозначает некоторый объем чего-либо. В переводе Аврил Пайман используется уже точное обозначение количества – *glass of vodka* (стакан водки).

Следующий пример также доказывает, что М.А. Булгаков использует уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-*, чтобы показать не количество, а отношение персонажа к напитку.

<i>Мастер и Маргарита:</i> Роман / М. А. Булгаков. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.	<i>The Master and Margarita.</i> Mikhail Bulgakov. Translated from the Russian by Michael Glenny. Published by Collins and Harvill Press, London, 1967	<i>The Master and Margarita.</i> Mikhail Bulgakov. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Published in Penguin Books, 1997
- Арчибальд Арчибальдович, водочки бы мне... Пират сделал сочувствующее лицо, шепнул: - Понимаю... сию минуту... - и махнул официанту. (курсив мой – Л. Е.) (часть первая; глава 6, стр. 80)	'Archibald Archibaldovich, could I possibly have a glass of vodka...?' The pirate put on a sympathetic expression and whispered : 'Of course, I quite understand . . . right away . . .' and signalled to a waiter. (курсив мой – Л. Е.) (book one; chapter 6, p. 40)	'Archibald Archibaldovich, a drop of vodka...' The pirate made a compassionate face and whispered: 'I understand... this very minute...' and beckoned to a waiter. (курсив мой – Л. Е.) (book one; chapter 6, p. 96)

Поскольку ресторан уже закрыт и Рюхина могут не обслужить, он выражает свое пожелание в очень просящей форме, используя «... *бы мне*», ставя себя в более низкое положение. В данном случае уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* показывает желание персонажа, а не количество напитка.



В своем переводе Майкл Гленни сохраняет просьбу, используя глагол *can* в более вежливой форме *could*, что показывает уважение со стороны Рюхина к Арчибальду Арчибальдовичу, а также и то, что «судьба» Рюхина зависит от решения директора ресторана «Грибоедов». Однако в переводе уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* используется в значение количества, что в английском языке соответствует выражению *glass of vodka*.

Ричард Пивер и Лариса Волохонская используют нейтральную форму просьбы, что совершенно меняет восприятие данного фрагмента. Кроме того, в переводе появляется слово *drop*, которое в данном случае можно перевести как «капля, глоток». Таким образом, переводчики снова использовали количественный показатель уменьшительно-ласкательного суффикса *-очк-*.

<p><i>Мастер и Маргарита:</i> Роман / М. А. Булгаков. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.</p>	<p><i>The Master and Margarita.</i> <i>Mikhail Bulgakov. Translated from the Russian by Michael Glenny. Published by Collins and Harvill Press, London, 1967</i></p>	<p><i>The Master and Margarita.</i> <i>Mikhail Bulgakov. Translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. Published in Penguin Books, 1997</i></p>
<p>Слуга покорный, представляю твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюльке в общей кухне дома порционные судачки <i>a natюрель!</i> Virtuозная штука! - Умеешь ты жить, Амвросий! - со вздохом отвечал тощий, запущенный, с карбункулом на шее Фока румянгубому гиганту, золотистоволосому, пышношекому Амвросию-поэту. - Никакого уменья особенного у меня нету, - возражал Амвросий, - а обыкновенное желание жить по-человечески. Ты хочешь сказать, Фока, что судачки можно встретить и в "Колизее". Но в "Колизее" порция судачков стоит тринадцать рублей</p>	<p>'Just imagine your wife trying to <i>cook filets de perche an naturel in a saucepan</i>, in the kitchen you share with half a dozen other people! Sheer virtuosity! ' 'You do know how to live, Ambrose!' sighed Vanya, a thin pinched man with a carbuncle on his neck, to Ambrose, a strapping, red-lipped, golden-haired, ruddy-cheeked poet. 'It's no special talent,' countered Ambrose. ' Just a perfectly normal desire to live a decent, human existence. Now I suppose you're going to say that you can get perch at the Coliseum. So you can. But a helping of perch at the Coliseum costs thirty roubles fifty kopecks and here it costs five</p>	<p>'I can imagine your wife, in the communal kitchen at home, <i>trying to do perch au naturel to order in a saucepan!</i> A virtuoso little treat!' 'You sure know how to live, Amvrosy!' skinny, run-down Foka, with a carbuncle on his neck, replied with a sigh to the ruddy-lipped giant, golden-haired, plump-cheeked Amvrosy-the-poet. 'I have no special knowledge,' Amvrosy protested, 'just the ordinary wish to live like a human being. You mean to say, Foka that perch can be met with at the Coliseum as well. But at the Coliseum a portion of perch costs thirteen roubles fifteen kopecks, and here - five-fifty! (курсив мой – Л. Е.) (book one; chapter 5, p.</p>

пятнадцать копеек, а у нас - пять пятьдесят! (курсив мой – Л. Е.) (часть первая; глава 5, стр. 61)	fifty! (курсив мой – Л. Е.) (book one; chapter 5, p. 30-31)	69-70)
--	---	--------

В этом примере явно прослеживается ирония М. А. Булгакова. «Порционные судачки а натюрель» - это судак, разделанный на части (для удобства), приготовленный в собственном соку без добавления масла и специй. Кроме того, судак считался не особо «изысканной» едой, для непривередливых граждан. Об этом и упоминает далее автор: «Эх-хо-хо... Да, было, было!.. Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные порционные судачки! Дешевка это, милый Амвросий!» [Булгаков, 2002, с. 61]. Однако сам факт того, что это блюдо подавали в известных ресторанах Москвы, делает его таким *желанным*.

Автор намеренно пишет и о цене судачков: упоминание копеечной мелочи явно говорит о том, что два друга чрезвычайно бедны. Таким образом, фраза «Никакого уменья особенного у меня нету, а обыкновенное желание жить по-человечески» означает, что Амвросий и Фока просто хотят жить сытыми. Для голодного человека, любая еда будет вызывать восхищение, станет «виртуозной штукой».

В своих работах переводчики отразили лишь количественный оттенок уменьшительно-ласкательного суффикса -к-.

При переводе стилистически окрашенной лексики зачастую переводчик может столкнуться с рядом проблем, поскольку в ней проявляется отношение человека к определенному предмету, оценочность, менталитет. В рассматриваемых переводах переводчикам не всегда удавалось передать прагматический аспект того или иного фрагмента. Трудности могли возникнуть как на этапе распознавания оттенка значения лексической единицы в оригинальном тексте, так и на этапе его восприятия и подбора соответствующего эквивалента в английском языке.

Без адекватной передачи лексических единиц данного типа у иностранного читателя не будет возможности оценить всю эмоциональность и всю яркость оригинального текста автора. М.А. Булгаков намеренно наполняет свои работы эмоционально-окрашенной лексикой, чтобы показать читателю современную для него эпоху, нравы, культуру. В связи с этим еще более важным будет являться правильный подбор лексических средств в языке перевода.

### **Список литературы:**

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975.
- Булгаков М. А.* «Собачье сердце: повести» / СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.
- Булгаков М. А.* «Мастер и Маргарита: Роман» / М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Кожина М., Дускаева Л., Салимовский В.* Стилистика русского языка / М.: Флинта: Наука, 2008.
- Кольцова Ю.Н., Есакова М.Н.* Оценочные суффиксы в произведениях М. А. Булгакова. Трудности перевода. Русский язык и культура в зеркале перевода. К 125-летию со дня рождения М. А. Булгакова / М.: МАКС Пресс, 2016.
- Словарь русского арго [Электронный ресурс] / В. С. Елистратов - 2002. – Режим доступа: [http://russian\\_argo.academic.ru/](http://russian_argo.academic.ru/)
- Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс] -1949-1992. - Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
- The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny [Электронный ресурс] – 1968. – Режим доступа: <http://www.masterandmargarita.eu/archieven/tekstenbulgakov/heartdog.pdf>
- The Heart of a Dog by Mikhail Bulgakov. Translated by Avril Pyman. English translation copyright Raduga Publishers Moscow [Электронный ресурс] – 1990. - <http://www.arvindguptatoys.com/arvindgupta/29r.pdf>
- The Master and Margarita by Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny [Электронный ресурс] – 1967. - Режим доступа: [http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/eben001\\_mastermargarita\\_glenny.pdf](http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/eben001_mastermargarita_glenny.pdf)
- The Master and Margarita by Mikhail Bulgakov. English translation and notes by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky [Электронный ресурс] – 2008. - Режим доступа: [www.paskvil.com/file/files-books/bulgakov-master-and-margarita.pdf](http://www.paskvil.com/file/files-books/bulgakov-master-and-margarita.pdf)
- Oxford advanced learner's dictionary/ A S Hornby – eighth edition. – Oxford University Press, 2010.

### **Ресурсы удаленного доступа (INTERNET):**

- [http://en.wikipedia.org/wiki/Michael\\_Glenny](http://en.wikipedia.org/wiki/Michael_Glenny)
- <http://www.bloomsbury.com/author/avril-pyman-38463>
- <http://www.ldoceonline.com/>
- <http://slovar-vocab.com/english-russian/new-modern-colloquial-dictionary.html>
- <https://ru.wikipedia.org/wiki/Стопка>

*Мартынова М.А.*  
Российская академия народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации  
г. Москва (Россия)  
*Николенко Е.Ю.*  
МГУ имени М.В. Ломоносова

*Martynova Margarita*  
Russian Academy of National Economy and Public  
under the President of the Russian Federation  
Moscow (Russia)  
*Nikolenko Elena*  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

**СИСТЕМА РАБОТЫ С ТЕКСТОМ М.А.БУЛГАКОВА НА ПЕРВОМ  
СЕРТИФИКАЦИОННОМ УРОВНЕ РКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФРАГМЕНТОВ  
ТЕКСТА И ЭКРАНИЗАЦИИ РОМАНА**

**«МАСТЕР И МАРГАРИТА»/PRINTED TEXT AND VIDEO EXTRACTS OF ‘MASTER  
AND MARGARITA’BY M.A.BULGAKOV AT THE RUSSIAN AS A FOREIGN  
LANGUAGE LESSONS (B1 LEVEL)**

В статье рассказывается о системе работы с печатным и видеотекстом - отрывками из романа М.А.Булгакова «Мастер и Мргарита» и из одноимённого фильма со студентами-иностранцами первого сертификационного уровня. Мы погружаем учащихся в море реального русского дискурса и учим их ориентироваться в незнакомом аутентичном тексте, не бояться новых лексем. Эти навыки формируются с помощью системы упражнений. Сопровождение изучения текста художественного произведения фрагментами экранизаций значительно повышают готовность учащегося отыскивать, извлекать, понимать и перерабатывать необходимую информацию в тексте.

The article describes the system of work with the text of M. Bulgakov’s ‘The Master and Margarita’ and with the extract from the film by V.Bortko with the students of B1 level. We teach our students to understand authentic text by means of system of exercises. Combination of text and video extract help our students to understand the information of the text.

**Ключевые слова:** художественный текст, неадаптированный дискурс, система упражнений, видеоматериалы.

**Key words:** fiction text, authentic discourse, system of exercises, videomaterials.

Главная цель обучения на первом сертификационном уровне – научить восприятию неадаптированного русского дискурса и его продуцированию, чтению неадаптированных текстов, чтобы у учащихся выработалась коммуникативная свобода. Эту задачу мы решаем на базе художественных текстов, которые адаптированы только за счёт небольшого сокращения.

В данной статье речь пойдёт о системе работы с текстом М.А. Булгакова – печатным фрагментом романа «Мастер и Маргарита» [1] и фрагментом фильма режиссёра В.Бортко

«Мастер и Маргарита» - разговор Берлиоза и Бездомного на Патриарших прудах и их встреча с Воландом.

Работа с художественным текстом очень важна с точки зрения усвоения коммуникативной компетенции иностранными учащимися разных специальностей.

В нашей системе обучения для достижения данной цели был создан учебник «Владимир 2» (вторая часть учебно-методического комплекса) [2].

Мы погружаем учащихся в море реального, а не учебного русского дискурса. Выучить все слова, обеспечивающие реальный дискурс, за тот период времени, на который рассчитан учебник, невозможно. Поэтому на уроках русского языка мы учим ориентироваться в незнакомом тексте, находить ключевые слова, не бояться новых лексем. Эти навыки формируются с помощью системы упражнений.

Упражнения, предваряющие чтение, учат работе с неадаптированным текстом и развивают следующие умения:

- составления представления о содержании текста в целом,
- языковой догадки на уровне общечеловеческого когнитивного пространства и на уровне ситуационных моделей,
- определения значений незнакомых слов по контексту,
- словообразовательного анализа,
- анализа синтаксических конструкций,
- опознавания интернациональной лексики в русском написании.

Так, предтекстовые задания к отрывку из романа «Мастер и Маргарита» для снятия лексических трудностей при чтении упомянутого отрывка представляют собой текст-дискуссию, в котором на вопросы телезрителей отвечают известные экономисты и политические деятели, и разработок к нему. Они

1. снимают лексические трудности, т.к. семантизируют слова из отрывка М.А.Булгакова в контекстном окружении,
2. расширяют информацию основного текста, рассматривая проблематику основного текста в преломлении к современной России и в ином стилистическом оформлении – в виде теледискуссии, где тематическая лексика вводится постепенно группами в несложном стилистическом оформлении,
3. подготавливают дискуссию, которая должна состояться после чтения отрывка.

Таким образом, опережающая поддержка обеспечивает отработку ключевых слов в простых упражнениях, в более простых текстах.

Предтекстовые задания.

**Беседа за круглым столом. Встреча с известными экономистами и политиками**

На вопросы телезрителей отвечают известные экономисты и политические деятели.

**Вопрос телезрителя:** Какие изменения в нашей жизни за последнее время произвели (produce) на вас наиболее сильное впечатление (deep impression)?

- Раньше кто-то, правительство или Госплан, составляли план и управляли (direct smb' life) нашей жизнью. Мы об этом не задумывались, мы знали, что эти люди ручаются за наш завтрашний день (guarantee future). Хотя, конечно, было мало свободы. Сейчас свободы много, но кто может поручиться за мой завтрашний день? Кто поручится, что мне не угрожает (threaten with) безработица?

- Позвольте вам возразить (disagree with). Свобода, по-моему, даёт возможность ни от кого не зависеть, планировать, управлять своей жизнью самому и самому ручаться за себя и своё будущее. Это самое главное.

- Я имею совершенно другую точку зрения по этому вопросу. Мне кажется, что вы сильно преувеличиваете (exaggerate) значение свободы. Но не стоит (it's not worth doing smth.) спорить сейчас об этом. Давайте отвечать на вопрос телезрителя. Для меня самым большим изменением в нашей жизни за последнее время было то, что многие люди стали верить в Бога. Это возрождение нашей духовности, и это радует.

В следующем задании учащиеся строят самостоятельные высказывания, используя новую лексику, которая затем встретится им в тексте М.А. Булгакова.

**Отвечайте на вопросы:**

1. Составляете ли вы планы на завтрашний день, на будущее?
2. Как вам кажется, можете ли вы управлять своей жизнью?
3. Можете ли вы ручаться за свой завтрашний день?
4. Что вы предпочитаете: а) свободу и риск, б) гарантии безопасности и необходимость подчиняться?
5. Журналисты часто пишут о правах женщин. Не кажется ли вам, что эта проблема сильно преувеличена?
6. Должна ли молодёжь получать религиозное воспитание? Почему?

**Вставьте вместо точек подходящее по смыслу слово или словосочетание.**

Описать, простые выдумки, подчеркнуть, заказать, удивиться

1. Редактор.....поэту большую антирелигиозную поэму.
2. Иван Бездомный .....Иисуса в своей поэме очень чёрными красками.
3. Редактор читал поэту нечто вроде лекции об Иисусе, чтобы .....основную ошибку поэта.
4. В своей лекции Берлиоз

*хотел доказать, что все рассказы об Иисусе..... 5. Когда иностранец узнал, что большинство людей в нашей стране не верит в Бога, он очень.....*

***Напишите ваши предложения с этими словами и словосочетаниями.***

***Употребите слова в скобках в правильной степени сравнения.***

*1. «Требования к поэме оказались (высокие), чем я думал», - сказал поэт Иван Бездомный своему редактору.*

*2. Тема о Христе оказалась (сложная), чем я думал.*

*3. Чем (глубоко) я проникаю в историю Христа, тем (интересно) мне становится заниматься этой проблемой.*

*4. Работа над поэмой оказалась (трудная), чем я думал.*

*5. Доказательств бытия Божия, которых, как известно, существует ровно пять, (много)чем достаточно.*

Главная задача первого сертификационного уровня – выход учащихся в реальную коммуникацию. Художественный текст значительно расширяет лексический запас и даёт возможность вывести общение на уровень обсуждения не учебных, а реальных общечеловеческих проблем. Интересная тематика способствует усилению мотивации, заставляет принимать участие в дискуссии, сравнивать ментальные когнитивные пространства разных национальностей.

Послетекстовые задания направлены на развитие навыков коммуникации, а именно следующих умений:

- Формулировать точку зрения на русском языке,
- Аргументировать её,
- Учитывать точку зрения собеседника,
- Адекватно реагировать на точку зрения собеседника,
- Вести дискуссию и так далее.

***Послетекстовые задания.***

***Ответьте на вопросы:***

- 1. Когда и где происходят события?*
- 2. Кто герои этого отрывка?*
- 3. О чём разговаривали Берлиоз и Бездомный?*
- 4. Почему Берлиоз был недоволен поэмой Бездомного? Что ему не понравилось в изображении Иисуса Христа?*
- 5. О чём с ними заговорил иностранец?*
- 6. Почему он так удивился?*
- 7. Если Бога нет, то кто же управляет жизнью человеческой?*

8. *Почему незнакомец считает, что человек не может управлять жизнью?*
9. *Что подумали об иностранце Берлиоз и Бездомный?*
10. *Какую смерть иностранец предсказал Берлиозу?*
11. *Что он предсказал Бездомному?*
12. *Как вы думаете, сбылись ли его предсказания?*
13. *Как вы думаете, кто этот человек? Почему он казался в Москве?*

***В каких ситуациях мы используем эти выражения?***

*А какого чёрта ему надо, на все сто, ничего не стоит, ни с того ни с сего, пару слов сказать, на тебе, это ещё полбебды.*

***Найдите в тексте предложения, где используются эти выражения.***

***Кому принадлежат эти реплики? Как они характеризуют персонажа?***

*Ах, как интересно!*

*Виноват...*

*На все сто!*

*Я извиняюсь...*

*Изумительно!*

*О, с удовольствием...*

*Ох, какая прелесть!*

*Уж, ты мне верь*

*Позвольте поблагодарить вас от всей души! На тебе.*

*Браво...*

*Увы,...*

После ответов на вопросы по тексту, тщательной работы над лексикой и грамматикой, при этом особое внимание мы уделяем синтаксису, мы предлагаем студентам в разделе «Поговорим, поспорим» порассуждать на важные темы, которые были затронуты как в основном тексте (отрывке из романа), так и в тексте-дискуссии. Это может быть как неподготовленная речь учащихся, так и подготовленная, когда они дома пишут сочинения, а на уроке представляют свои мысли в устной форме.

*Поговорим, поспорим*

1. *Как, по-вашему, соотносятся силы добра и зла?*
2. *Как вы думаете, почему часто отрицательный персонаж получается живее и интереснее, чем положительный?*
3. *Если поэт или писатель не любит своих героев, он не может описать их так, чтобы они были действительно живыми и пр.*

Говоря о работе над текстом художественного произведения в сочетании с использованием его экранизации необходимо остановиться на дополнительных возможностях подключения видеоматериалов к процессу обучения.

Просмотр видеоматериалов в учебных целях предполагает не только его демонстрацию, но также аудиторную и самостоятельную работу учащихся. В процессе работы появляется возможность совершенствовать аналитические способности студентов,



развивать умение воспринимать значимую информацию. Ситуативность и динамика происходящих на экране событий позволяют говорить, что такой вид наглядности в демонстрации некоторых фрагментов изучаемого текста является эффективным средством обучения. Подключение аудирования с опорой на зрительно-слуховой ряд делает последующее обсуждение поставленных преподавателем вопросов, рассматривающих различные стороны обсуждаемого произведения, более мотивированным. Работа с фильмами или их фрагментами решает не только методические задачи, но и вносит элемент разнообразия в занятия, вызывая у студентов искреннюю заинтересованность и повышая их мотивацию к дальнейшему изучению первоисточника, т. е. самого текста или его отрывка.

В отличие от фрагмента фильма отрывок произведения предоставляет учащемуся возможность вновь вернуться к прочитанному, уточнить неясные для него места, проследить логику изложения событий, расширить свой лексический запас и разобраться в хитросплетениях русского синтаксиса. Всё это, безусловно, не так легко «увидеть» и «услышать», смотря экранизацию.

И это вполне объяснимо: ведь, когда мы видим на экране героев только что прочитанного текста, нас, в первую очередь, привлекает естественное сопоставление образов, нарисованных автором и созданных с его помощью в нашем воображении, с тем, что преподносится нам режиссером фильма, его трактовкой, а также игрой актёров.

Фильмы представляют собой аутентичные тексты и этим являются особенно ценными для студентов-иностранцев. По наблюдениям исследователей, при отсутствии целенаправленного обучения аудированию уровень понимания воспринимаемого на слух текста даже на родном языке составляет лишь чуть больше 50%. Соответственно для того, чтобы наши учащиеся смогли извлечь из предлагаемых нами видеоматериалов ценностно значимый материал, они должны быть к этому готовы. С этой целью методически целесообразно, несмотря на заранее прочитанный текст, для которого видеофрагмент будет являться своеобразной иллюстрацией, дать учащимся установку перед просмотром видеоэпизода, заранее обратив их внимание на то, что будет рассмотрено при анализе. Учебные задачи, поставленные на конкретном этапе привлечения видеоматериала, будут диктовать формулировку заданий.

Работу с видеоматериалами на аудиторных занятиях методически целесообразно проводить в три этапа:

- задания перед просмотром;
- комментарии во время просмотра;
- дискуссия после просмотра.

Интересно, что при условии дефицита времени аудиторных занятий работа с видеоматериалами может быть вынесена за их рамки и предложена в качестве самостоятельной. В этом случае, результатом анализа после просмотра материала может стать письменная работа.

Естественно, что для студента выполнение заданий после самостоятельного знакомства с эпизодом фильма при отсутствии возможности получить сопутствующий просмотру, «параллельный» комментарий преподавателя, значительно усложнит работу. Однако при условии более детального рассмотрения отрывка текста романа «Мастер и Маргарита» в классе, фрагмент фильма, полностью соответствующий именно этой части произведения М.Булгакова, может быть и «вынесен за скобки».

Предлагаемые нами задания, на наш взгляд, могут быть использованы как в рамках учебного процесса, так и для домашнего самостоятельного анализа.

Это могут быть задания типа:

***Сопоставьте отрывок текста и эпизод фильма: есть ли в фильме информация, которая не вошла в текст.***

***- Опишите:***

*- место действия разворачивающейся сцены романа;*

*- действующих лиц;*

*- внешность героев романа, которых вы увидели в этом эпизоде*

*- состояние окружающей природы (время суток, сезон)*

***- Сравните поведение героев при встрече (Михаил Александрович Берлиоз, Председатель ассоциации литераторов, редактор журнала и Иван Николаевич Бездомный, поэт):***

*- Можно ли говорить, что они имеют одинаковый социальный статус (обратите внимание на интонацию и лексико-грамматическое оформление предложений, ссылку на авторитеты)?*

***Докажите*** свою точку зрения.

***- Сравните*** этикетные формы общения при встрече Воланда с Председателем и Поэтом. Чем характеризуется речь Воланда?

***- Вспомните***, какие документы предъявил Воланд при знакомстве.

***- Обратите внимание на детали:***

*- Какие напитки хотели купить в киоске Председатель и Поэт? Смогли ли они их выпить и почему?*

*- Как называется город, куда хотел бы отправиться Председатель? Почему именно туда?*

- На какой улице живёт Председатель?

- Когда начинается совещание?

- Как зовут комсомолку?

- Какие сигареты предпочитает курить Поэт?

- За кого вначале принимают Воланда: за испанца, американца, немца или англичанина и почему?

- Кого Поэт предлагает отправить в лагерь и на сколько лет? Почему нельзя этого сделать?

**Как вы думаете:**

- Почему начало фильма (наш эпизод) снят в чёрно-белом изображении, хотя фильм цветной? С какой целью авторы фильма используют этот приём?

- Можно ли сегодня разрешить спор о существовании Христа? Какая точка зрения героев романа на доказательства «бытия божьего» ближе вам? Чьи слова звучат более убедительно для вас? На какой позиции стоял сам автор романа?

Сформулированные выше задания показывают культурно-историческую ценность данного произведения, а также его лингвострановедческий потенциал.

Историко-культурный компонент комментария преподавателя позволяет подготовить студента к выполнению послетекстовых (послепросмотровых) заданий.

Фильм даёт возможность сопоставить три точки зрения: автора произведения, режиссёра фильма и самого студента, взгляд которого будет во многом определяться культурным и эмоциональным опытом учащегося, запаса знаний и интересов, круга ассоциаций и др. Демонстрация фрагмента экранизации, на наш взгляд, значительно усиливает воздействие текста и добавляет к «статусу» читателя статус «зрителя». Безусловно, текст будет способствовать развитию интеллектуально-эмоционального развития учащегося, а также формированию его образной памяти, т. е. памяти, имеющей дело с образами. Учёными доказано, что именно зрительные образы способствуют более быстрому её становлению.

Экранизация является средством создания эмоционального впечатления. Эффект воздействия на зрителя состоит в возбуждении эмоций сопереживания, размышления. Известно, что это способствует развитию мышления и речи как на родном, так и на иностранном языке. Методически целесообразно использовать этот положительный факт для поддержания творческой активности зарубежных учащихся с использованием их визуального мышления, ведь научно доказано, что большинство людей относится к визуалам.

Вербализация восприятия зрительно-слухового образа будет значительно облегчена наблюдательностью, вниманием к деталям, соблюдением логичности.

Использование фрагментов фильма в сочетании с отрывком текста М.А. Булгакова мы предлагаем после прочтения текста. Однако известно, что студенты, имеющие недостаточный уровень знаний в области культурологии, ориентированы на предварительный просмотр фильмов-экранизаций, после чего уже следует прочтение ими литературных оригиналов. Для такой категории учащихся возможно предложить для просмотра наиболее яркие фрагменты экранизации с целью заинтересовать их художественным произведением. Можно считать, что при этом срабатывает своеобразный психологический приём «расширения воображения».

Интересно, что текст экранизации можно рассматривать в качестве своеобразного подстрочника. Сам текст уже является подготовительной работой для восприятия его видеовоплощения. При выборе и подготовке к работе с отрывком текста у нас есть возможность его адаптации в зависимости от этапа обучения, особенностей учащихся. При просмотре же отрывка экранизации такая возможность отсутствует: здесь мы можем только определять продолжительность фрагмента, необходимого для иллюстрации текста, а также степень его комментирования (комментированности). Демонстрируя реальные ситуации речевого общения носителей языка, мы ставим своей целью не только проанализировать коммуникативное поведение героев, но и рассмотреть целый ряд факторов языкового, речевого и социального плана.

К особенностям работы с экранизациями можно отнести сложность языкового наполнения, а также повышенный темп речи. Однако несмотря на это использование фрагментов экранизации можно расценивать как один из путей оптимизации обучения. Сопровождение изучения текста художественного произведения фрагментами экранизаций значительно повышают готовность учащегося отыскивать, извлекать, понимать и перерабатывать необходимую информацию в тексте. Рассматривая художественный текст, вспомним, что нам одинаково интересны как лингвистическая сторона текста, так и информационная, культуроведческая, эстетическая, эмоциональная и др. Умение понимать, интерпретировать и оценивать текст специалисты связывают с понятием смысловых стратегий чтения [3, с.48 ].

Использование в учебнике для первого сертификационного уровня наряду с учебными текстами, отрывков произведений художественной литературы (в нашем случае речь идёт о фрагменте романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита») позволяет не только познакомить зарубежных учащихся с лучшими произведениями нашей литературы, но и развивать (поддерживать) устойчивый интерес к ней. Это, безусловно, положительно сказывается на становлении коммуникативной компетенции студентов.

В заключение можно добавить, что данная форма работы с отрывком художественного текста в сочетании с фрагментом экранизации может быть успешно использована как в условиях языковой среды, так и вне её.

***Список литературы:***

*М.А. Булгаков* «Мастер и Маргарита», М., 1984.

*Г.М. Лёвина, Е.Ю. Николенко* «Владимир 2», М., СПб, 2003.

Инновационно-педагогические технологии в учебно-воспитательном процессе современного образовательного учреждения. Материалы международной заочной научно-практической конференции. Чебоксары, 2013.

*Островская Н.В.*  
Новосибирский государственный университет  
г. Новосибирск (Россия)

*Ostrovskaya Natalya*  
Novosibirsk State University  
Novosibirsk (Russia)

## **МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ВАРИАНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ФОРМАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ**

### **THE MORPHOLOGICAL VARIANCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS FORMAL INDICATOR OF A GRAMMATICAL SYSTEM CHANGE**

В данной работе мы рассматриваем варианты морфологические формы как результат длительного эволюционного процесса развития грамматической системы русского языка. Описывая морфологическую вариантность, мы говорим только о вариантности формальных показателей грамматических значений. В данной статье мы будем говорить о вариантности как о явлении, существующем в рамках социальных или территориальных групп, так и о вариантности, исходящей из самой языковой системы, вариантности, возникающей при смене систем формальных показателей той или иной грамматической категории.

The study of this article is focused on variant morphological forms of the Russian language as on some results of development of the morphological system taken as a whole. Variance is a special phenomenon appearing in the course of development of a morphological category. In the article we examine both variances as a phenomenon within social or territorial groups and variance deriving from the linguistic system itself, occurring when systems of formal indicators of a language system changes.

**Ключевые слова:** вариантная форма, морфологическая вариантность, формальный показатель, языковая система, речевая функция.

**Key words:** variant form, morphological variance, formal indicator, linguistic system, function in speech.

В русском языкознании выделяется несколько этапов, связанных с разными подходами лингвистов к определению функциональной единицы морфологического уровня, а также к способам выражения в русском языке категориальных морфологических признаков, установлению характера взаимодействия плана выражения и плана содержания единицы морфологического уровня. Объектом нашего исследования является вариативность морфологических показателей, цель исследования - определить функциональную значимость вариантных языковых средств морфологического уровня при выражении категориальных значений. Каждый этап изучения морфологической вариантности в русской лингвистической школе можно рассматривать с точки зрения решения вопросов о статусе вариантной формы и его функционировании в русском языке и речи. Мы рассматриваем варианты морфологические формы как результат длительного эволюционного процесса развития

грамматической системы русского языка, а морфологическую вариантность в целом как имманентное свойство русского языка, представляющее собой функциональное соотношение морфологических вариантных единиц, которые являются единицей функционального поля морфологической вариантности, представленное в парадигматической и синтагматической структуре текста.

В нашей работе мы исходим из утверждения, что появление вариантной формы той или иной языковой единицы функционально обусловлено либо в синхронном, либо в диахронном аспекте, в плане функциональной перспективы. По нашему представлению характеристика вариантной формы базируется на понятиях функционального поля и речевой ситуации. Функциональное поле вариантности определяется нами как единство вариативных языковых единиц разных уровней, которые объединены функционально заданной речевой ситуацией, в силу чего, отталкиваясь от нормы, выполняют особую лингвистическую, историческую, социокультурную или даже личностную задачу. В современной лингвистике имеет место широкое и узкое, специализированное понимание категории вариантности. В широком значении она включает в себя выражение всех литературных и нелитературных (стилистических, территориальных, профессиональных, социокультурных) языковых форм и распределения речевых единиц по плоскости социальной и территориальной коммуникации. В узком понимании, в рамках которого мы ведём данное исследование, категория вариантности охватывает системные характеристики вариантных форм с точки зрения принадлежности их к литературному языку (допустимые: разговорные, устаревающие, дублетные).

Прежде всего, мы обозначим понятийные пределы языковой нормы как ядра функциональной ситуации, отталкиваясь от которого мы определяем лингвистические, функциональные и дидактические особенности вариантных форм. В русской лингвистической традиции началом изучения вопросов вариантности явились исследования нормативных характеристик языковых единиц. По определению С.И.Ожегова «Норма – это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [Ожегов 1990]. Несмотря на длительность и глубину научных исследований в этой области, определение языковой вариантности до сих пор остаётся одной из широко обсуждаемых проблем, а вопрос о сущности вариантного противопоставления всё ещё нельзя считать решённым, поскольку лингвисты так и не пришли к единому мнению по данным вопросам.

Особенно спорным является вопрос о границах понимания феномена вариантности, особенно в культурологическом и стилистическом аспекте, когда речь идёт о высказывании как действии, имеющем своего адресанта, адресата и целевую направленность. Например, субъективным остаётся проблема вариантной оценки стилистических средств (стилистики научного стиля, разговорных средств и др.), вариантная оценка дублетных единиц, оценка устаревающих вариантов. Классическим образцом вариантности можно считать двучленную корреляцию формы, соответствующей литературной норме, и формы либо находящейся за пределами литературного языка, либо в рамках литературного языка, но с определёнными функциональными ограничениями.

Вариантные пары и ряды, принадлежащие к морфологическому уровню языковой структуры, а также их функционирование в рамках функционально-коммуникативных полей даёт возможность изучить функциональную сторону языка, а через её посредство изучить пути развития морфологических категорий. Например, определить разницу значений, вносимых вариантными префиксами в семантику глаголов *уйти//пойти//выйти*. Степень морфологизации данных префиксов можно определить только в рамках коммуникативной функциональной ситуации. Тип этих ситуаций составляет коммуникативное поле. Под коммуникативным полем вариантности мы понимаем возможности использования вариантной языковой единицы в определённой языковой ситуации и влияние на характер её использования различных лингвистических, функциональных, контекстуальных и экстралингвистических характеристик вариантой формы. Вариантность может характеризоваться как способ изменения коммуникативной ситуации. Концепция функционально-полевой структуры языковых и речевых явлений в русской лингвистической традиции складывалась постепенно. Интерес к морфологической вариантности как к речевой универсалии связан с исследованиями в области функционирования морфологических категорий и единиц в рамках различных речевых ситуаций. Получивший развитие в начале 20-г века функционально-полевой подход к исследованию языковых и речевых категорий позволяет значительно расширить круг языковых явлений, включённых в поле вариантности.

Функционально-семантический подход к изучению вариантных языковых явлений позволил прийти к выводу о том, что, во-первых, вариантность является одним из самых универсальных, с точки зрения охвата фактического материала, феноменов русского языка; во-вторых, вариантность - одно из самых сложных явлений русского языка с точки зрения определения функциональной значимости языковых единиц различных уровней; в-третьих, вариантность приобретает особый интерес в рамках исследования функциональной значимости формальных показателей грамматических значений.. Функциональный подход позволяет объединить явления разных языковых уровней под отдельным понятием



функционально-семантического поля (ФСП) как особой формы организации языкового материала с точки зрения реализации общей функции, общего содержательного компонента.

А.В.Бондарко даёт следующее определение ФСП: «двустороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той или иной семантической зоне. [Бондарко 2001: С.40]. Говоря о вариантности языковых средств, необходимо отметить, что понятие «семантической зоны» можно расширить до понятия зоны социальных, профессиональных условий функционирования вариантных форм, зоны личной речевой компетенции говорящих, зоны стилистических или исторических условий функционирования вариантных форм. Данные характеристики необходимо учитывать при оценке функциональных особенностей морфологических вариантных форм.

В нашем исследовании мы исходим из понимания вариантности как явления, маркирующего, с одной стороны, развитие системных явлений в языке, с другой стороны, влияние речевой стихии, характерной для определённого национального коллектива, в этом же аспекте может исследоваться и феномен морфологической вариантности. Функциональный подход к изучению вариантности морфологических явлений позволяет рассматривать функционирование вариантных форм в плане широкого охвата языкового материала, как в синхронном или диахронном аспекте изучения одного языка, так и при сопоставительном анализе нескольких языков, в практике изучения и преподавания иностранных языков, а также в практике перевода. Например, различия в употреблении префиксов в глагольных оппозициях *узнать кого-л.//опознать кого-л. (офиц.); узнать у кого-л что-л.// разузнать что-л (разг.); вызнать у кого-л что-л (прост.); узнать о чём-л.//прознать о чём-л.(прост.)* можно только в рамках функционирования данных единиц в коммуникативной среде, степень морфологизации данных префиксов здесь вторична. Разница в значениях в указанных выше глаголах представлена нами по словарю русского языка С.И.Ожегова: *опознать* ‘Узнать по каким-н. признакам, приметам’; *вызнать* ‘Выведать, разузнать’; *прознать* ‘узнать по слухам’; *разузнать* ‘Узнать, выведать’. Очевидно, что степень морфологизации здесь выше в нейтральном глаголе ‘Узнать’. В остальных глаголах в функциональной значимости префиксов на первое место выходит модификация лексического значения, которая имеет место на периферии литературного языка – в разговорной речи, либо за его пределами – в просторечии. Особенности значений данных синонимических глаголов в языке определяются только в рамках самой глагольной системы, в речи – только в рамках коммуникативного поля. Говоря о самих префиксах можно

отметить, что их морфологические функции – выражение сов. вида реализуется в рамках морфологической системы, лексические функции – в рамках коммуникативного поля.

Анализируя вариантыные формы с точки зрения их функциональной значимости, мы рассматриваем: а) категориальное значение вариантных форм в языковой системе и их вариативность в частных значениях; б) процесс движения вариантных форм от ядра функционального поля языковой категории к периферии, где функционируют вариантыные формы, и наоборот; в) функционально-коммуникативное поле вариантности и речевые ситуации, представляющие собой определённые типы категориальной характеристики высказывания; г) описание формальных признаков, отражающих коммуникативную специфику высказывания.

Влияние нелитературных форм русского национального языка (городского просторечия, профессиональных и социальных жаргонов, сленга) на литературный язык во многом определяет эволюцию русского языка. Например, морфологическая вариантная пара *договоры//договора*, указывает на не только на движение формы *договоры* по оси *ядро – периферия*, так и движение формы *договора* по оси *периферия – ядро*. но и в целом на процесс изменения формального маркера как показателя системных отношений. (Данная вариантная пара по-разному представлена в словарях: Орфоэпический словарь русского языка под. ред. Р.И. Аванесова.: *мн.* договоры и *доп.* договора; Словарь русского языка под.ред. С.И.Ожегова: *мн.* договоры и *разг.* договора; Большой толковый словарь под ред. С.А.Кузнецова *мн.* договора; Русское словесное ударение. Автор М.В.Зарва *мн.* договоры). Данный процесс исторически протяжён, поскольку речевая стихия проходит через своеобразный фильтр литературной нормы, где вхождение конкретной формы в область просторечия или разговорной речи является этапом данного исторического процесса.

В результате такой адаптации варианты могут иметь следующую оценку: 1.только как нелитературные формы, например, ***выбора*** характеризуется в словарях однозначно: Орфоэпический словарь русского языка под. ред. Р.И. Аванесова.: *мн.* выборы и *неправ!*. *выбора*; Большой толковый словарь под ред. С.А.Кузнецова *мн.* выборы; Русское словесное ударение. Автор М.В.Зарва *мн.* выборы; 2.некоторые вариантыные формы могут оцениваться одними словарями как дублетные, другими словарями как разговорные или просторечные варианты. Например, форма ***инструктора***: Орфоэпический словарь русского языка под. ред. Р.И. Аванесова.: *мн.* инструктора и *инструкторы*; Словарь русского языка под.ред. С.И.Ожегова: *мн.* инструкторы и *инструктора*; Большой толковый словарь под ред. С.А.Кузнецова *мн.* инструкторы и *разг.* инструктора; Русское словесное ударение. Автор М.В.Зарва *мн.* инструкторы). 3.Некоторые варианты, пройдя и через этот фильтр, становятся равноправными литературными нормативными вариантами: ***секторЫ*** – ***секторА***,

Орфоэпический словарь русского языка под. ред. Р.И. Аванесова.: *мн.* сектора и. договора; Словарь русского языка под.ред. С.И.Ожегова: *мн.* секторы и сектора; Большой толковый словарь под ред. С.А.Кузнецова *мн.* секторы и сектора; Русское словесное ударение. Автор М.В.Зарва *мн.* секторы). 4. Некоторые вариантные формы вытесняют литературный вариант на историческую периферию: *тополИ – тополЯ* Орфоэпический словарь русского языка под. ред. Р.И. Аванесова.: *мн.* тополя и *поэтич.* тополи; Словарь русского языка под.ред. С.И.Ожегова: *мн.* тополя; Большой толковый словарь под ред. С.А.Кузнецова *мн.* тополя и тополи; Русское словесное ударение. Автор М.В.Зарва *мн.* тополя).

Таким образом, появившиеся первоначально в спонтанной, неформальной, некодифицированной речи некоторые вариантные формы в рамках литературного языка остаются отклонениями от нормы и вообще не имеют отношения к норме как таковой, иногда постепенно, под влиянием различных факторов (например, под влиянием системных изменений (ударение в глаголах на *-ить*) или влиянию СМИ) один из вариантов актуализируется и ассимилируется в системе литературного языка. По определению Б.Н.Головина «Историческая смена норм литературного языка, сосуществование в отдельных «точках» языковой структуры двух норм – это явления объективные, не зависящие от воли и желания отдельных людей» [Головин 1988. С.47]. Данный процесс исторической смены норм предопределяет возникновение вариантных форм, что становится очевидным при сравнении нормативных вариантов с вариантами, относящимися к городскому просторечию. Именно эта форма национального языка наиболее часто в речевом сознании носителей русского языка сталкивается с устными и письменными формами литературной речи (прежде всего, в силу постоянного роста населения крупных городов и развития массовых коммуникаций). Исторические изменения вариативных форм русского языка безусловно отражают эволюцию самой языковой системы, но часто возникают под давлением социокультурных запросов (например, профессиональные варианты) и речевой стихии. По определению Л.К.Граудиной, «вариантность – особое качество, связанное с существованием разновидности, видоизменения второстепенных элементов языковых сущностей, их частных (вариантов) при сохранении того, что является основой (инвариантом)» [Культура русской речи 1999:С.34]. В данном определении, как видим, вариантность называется «качеством» языковых сущностей, определяющих их расположенность к видоизменению, а значит к полифункциональности, что даёт возможность определять вариантность как «функциональное поле» тем научным термином, который может быть использован при изучении вариантности в рамках лингводидактического метода исследования.

Одним из факторов, препятствующих созданию непротиворечивой модели

функционального поля вариантности, является нередко наблюдаемая фактическая асимметрия между членами вариантной пары. Фактор асимметричной полисемии вариантной пары становится непреодолимым препятствием к тому, чтобы однозначно признать многополярность вариантности особым речевым феноменом, который шире простой оппозиции *норма//ошибка*.

Различия в исторически меняющихся вариантных формах зачастую трудно определить и дать им соответствующую характеристику, они относятся к сфере коммуникативной привычки носителей языка и сложно поддаются корректировке, так как часто просто не осознаются говорящими как верные или неверные варианты. Социокультурная оценка данных вариантов также неодинакова: безусловно, что большое число людей определяет как неправильный вариант *выбора*, при этом гораздо меньше говорящих отнесут к просторечию вариант *редактора*. Варианты, имеющие социальную и профессиональную обусловленность, представляют собой другой уровень влияния на речевую коммуникацию носителей русского языка. Они маркируют речь с точки зрения социальных характеристик говорящего, а не с точки зрения изменения языковой системы или личностных характеристик, коммуникативных привычек адресанта или адресата речи. Функциональный метод связан с возможностью прогнозирования путей движения вариантов в будущем, на основе чего можно выстроить возможные пути формирования норм, входящих в новое функциональное ядро.

Система языка постоянно изменяется. С одной стороны, эти изменения касаются форм, характерных для разных языковых уровней, а с другой – они касаются исторических изменений языковых единиц на межуровневом, периферийном пространстве их взаимодействия. Одной из таких форм межуровневых взаимодействий являются исторические изменения грамматических, лексических и словообразовательных единиц, классов и категорий на базе их функционирования.

Функциональный подход позволяет исследовать категориальные явления не только в рамках отдельных языковых уровней, но и в рамках межуровневых, разноуровневых систем, основанных на объединении, взаимодействии морфологических, словообразовательных, синтаксических, лексико-грамматических и грамматических элементов. В коммуникативно-функциональное поле вариантности кроме структурных, системных элементов (языковых единиц разных уровней, системные характеристики которых позволяют выполнять им определённые функции) входят несистемные элементы (социокультурные и личностные, речевые характеристики). Как речевая ситуация влияет на выбор вариантной формы, так и вариантная форма является средством варьирования ситуации общения. Теорию функционального поля мы рассматриваем как одну из основных концепций, существующих

в современной русистике для рассмотрения феномена вариантности языковых единиц. Данная концепция позволяет решить ряд проблем, касающихся особенностей вариантных языковых форм современного русского языка, особенно в плане их функционирования в речевом пространстве.

Феномен морфологической вариантности возникает в процессе смены формальных показателей категориальных грамматических значений морфологических форм, в результате чего происходит смещение ядра и периферии системы формальных морфологических показателей. Исследование вариантности с использованием различных методов представляет собой особую область лингвистики, поскольку, исходя именно из подобного анализа, можно проследить структурные языковые процессы в их взаимосвязи с социокультурными и личностными процессами, что представляет особый интерес при изучении русского языка как иностранного.

#### ***Список литературы:***

- Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М. 2001  
*Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М: 1988.  
*Культура русской речи.* Учебник для вузов / Под ред. Л.К.Граудиной и Е.Н.Ширяева. М.: НОРИА – ИНФА, 1999.

*Садыгова А.А.*  
Азербайджанский государственный университет культуры и искусств  
г. Баку (Азербайджан)

*Sadigova Afag Allahverdi*  
Azerbaijan State University of Culture and Art  
Baku (Azerbaijan)

## РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ НА УРОКАХ РКИ

### RUSSIAN PHRASEOLOGY ON THE LESSONS OF RCTS

Одним из ярких стилистических средств речи являются фразеологические обороты, или фразеологизмы. Удачно употребленный фразеологический оборот оживляет речь, делает ее более эмоциональной. Как и слова, фразеологизмы выполняют различные функции в процессе коммуникации. Вся работа по обучению русской фразеологии должна строиться на основе учета тех трудностей, которые вызывают усвоение фразеологической единицы.

One of the striking stylistic means of speech are set phrases, or idioms. Fortunately consumed idiomatic animates it, making it more emotional. Like words, idioms perform different functions in the communication process. All work on training Russian phraseology should be based on the account of the difficulties which cause assimilation of phraseological units.

**Ключевые слова:** фразеологизмы, лексические эквиваленты, усвоение, свободные словосочетания.

**Key words:** idioms, lexical equivalentents, learning, free combinations.

Одним из ярких стилистических средств речи являются фразеологические обороты, или фразеологизмы (от греческого **phrasis** – *оборот речи*, **logos** – *учение*), позволяющие сделать речь сильной и красочной, образной и убедительной. Их называют также устойчивыми сочетаниями, или фразеологическими единицами. Основная масса фразеологических оборотов обладает оценочным значением, то есть выражает положительную или (чаще) отрицательную характеристику лица или предмета. Удачно употребленный фразеологический оборот оживляет речь, делает ее более эмоциональной. Выразительные возможности фразеологизмов наиболее полно раскрываются в произведениях художественной литературы и публицистики. При использовании в определенных художественных целях фразеологических оборотов без изменения они выступают в авторской речи как одно из средств, делающих речь более разнообразной, живописной, выразительной, а в речи персонажей – как одно из средств их языково-стилистической характеристики. Когда фразеологический оборот употребляется писателями и публицистами в измененном виде, с иной семантикой и структурой, он получает новые эстетические и художественные качества, то есть становится фразеологическим неологизмом.

Фразеологизм наряду со словами служат строительным материалом предложения и обладают такими существенными признаками, как устойчивость, воспроизводимость, целостность(неделимость) значения.

Устойчивость – это мера, степень слитности, смысловой неделимости всех составных частей фразеологизма. Тем устойчивее в этом отношении фразеологизм, тем в большей степени составные части его теряют ранее присущие им общепринятые значения. Например: *решетом воду черпать(носить) – бесцельно и безрезультатно трудиться* или *уйти в свою скорлупу – уединиться, спрятаться, как улитка*. Здесь все компоненты фразеологизма потеряли собственное лексическое значение и служат для выражения фразеологического значения в целом.

Воспроизводимость – это регулярная повторяемость, возобновляемость фразеологических оборотов в речи. Фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы. Например, *чесать языком, водить за нос, считать ворон, не покладая рук* и т.д.

В качестве воспроизводимой языковой единицы фразеологический оборот всегда представляет собой единое смысловое целое, однако соотношение значения фразеологизма в целом и значений составляющих его компонентов может быть различным. С этой точки зрения фразеологические обороты современного литературного языка можно разделить на четыре группы: **фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения**. Такую классификацию предлагает известный ученый-лингвист В.В.Виноградов. [Виноградов В.В., М., 1972].

В составе отдельных фразеологических оборотов имеются слова, которые не имеют самостоятельную семантику. Семантически неделимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов, называются **фразеологическими сращениями**. Значение такого рода фразеологических оборотов условно. Например, в фразеологических оборотах *бить баклуши(бездельничать)* и *очертя голову(безрассудно)* значение слова абсолютно несоразмерно со значениями составляющих его частей.

**Фразеологические единства**, как и фразеологические сращения, являются семантически неделимыми и целостными, однако их целостная семантика мотивирована отдельными значениями составляющих их слов. Неразложимое значение фразеологических единств возникает в результате слияния значений отдельных составляющих их частей в единой обобщенно-переносной семантике целого.

Семантическая неделимость фразеологических единств сближает их с фразеологическими сращениями, а их семантическая производность, обусловленность их значения смыслом отдельных слов отличает их от фразеологических сращений.

Многочисленные фразеологические единства являются образными выражениями. Именно образность отличает фразеологические единства от омонимических свободных сочетаний слов. Составляющие части фразеологических единств могут отделяться друг от друга вставками других слов: этим свойством они резко отличаются не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний и фразеологических выражений.

Во фразеологических сочетаниях имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением. Например, во фразеологическом обороте *закадычный друг* слово *друг* имеет свободное употребление, может сочетаться со многими словами, но слово *закадычный* может употребляться только со словом *друг*. То же самое и во фразеологическом сочетании *заклятый враг*. Слово *враг* может употребляться со многими различными словами, то есть имеет свободное употребление. А слово *заклятый* сочетается только со словом *враг*.

**Фразеологические сочетания** почти не имеют омонимических им свободных словосочетаний. Особенностью их является то, что входящие в их состав слова могут заменяться синонимическими. Например, *вертеться под ногами* – *путаться под ногами*, *почва уходит из-под ног* – *земля уходит из-под ног*, *тучи сгущаются* – *тучи собираются*, *надевать маску* – *носить маску*, *ловить на слове* – *поймать на слове*, *с неба свалился* – *с луны свалился*, *глаза слипаются* – *глаза закрываются*, *бросать на ветер* – *кидать на ветер*, *чесать язык* – *мозолить язык* и т.д.

По характеру связей слов и общему значению **фразеологические выражения** ничем не отличаются от свободных словосочетаний. Они не только являются семантически членимыми, но и состоит целиком из слов со свободными значениями. От фразеологических сочетаний они отличаются тем, что в них нет слов с фразеологически связанным значением. Составляющие их слова не могут иметь синонимических замен. Основная специфическая черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, состоит в том, что в процессе общения они не образуются говорящим, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением.

Один тип фразеологических выражений может равняться целому предложению, выражать то или иное суждение, другой тип – лишь определенной части предложения. Например, **1.** *Человек – это звучит гордо.* **2-**на данном этапе



В смысловом плане фразеологизмы выступают как единое целое даже в том случае, когда их семантика зеркально отражает значения образующих их слов.

Фразеологические обороты состоят из компонентов, тесно связанных между собой как части целого и располагающихся друг с другом в строго установленном порядке. Постоянство состава и местоположения компонентов фразеологизма носит такой же характер, какой можно отметить для морфемного состава слова. Любое изменение порядка следования компонентов приводит к нарушению смысла всего фразеологизма и осознается говорящими как новообразование. Большинство фразеологических оборотов состоят не из морфем, а из целых слов со всеми свойственными для них нормами, функционируют в языке как отдельно оформленные образования: например, как фразеологизмы *держат язык за зубами*, *толочь воду в ступе* и т.д.

Для подавляющего большинства фразеологических оборотов характерно и такое, казалось бы, чисто «словное» свойство, как непроницаемость: внутри них вставки обычно невозможны. Например, *от мала до велика*, *во цвете лет*, *не покладая рук*, *на седьмом небе*, *дело в шляпе*, *белый гриб*, *куры не клюют*, *всегда готов*, *сломя голову* и т.п. [Шанский Н.М., Иванов В.В., 1987, с.65]

Фразеологические обороты почти непереводимы на другой язык, так как они имеют целостное значение, а составляющие фразеологизм слова как бы теряют собственное значение. Но есть фразеологизмы, которые имеют эквиваленты на родном языке. Хотя эти словосочетания по своему построению в корне отличаются от русского, но смысл почти полностью совпадает. Например, рассмотрим фразеологизм - *приказал долго жить*. Этот фразеологизм имеет эквивалент на азербайджанском языке – *ömrünü sənə bağışladı*. Значение обоих фразеологизмов одинаковое – *умереть*. И структура обоих словосочетаний одинаковая: состоят из трех слов. Или же фразеологизм *золотые руки* имеет на азербайджанском языке полностью совпадающий по значению эквивалент – *qızıl əllər*. Богатство лексики русского языка дает возможность употребить в разных контекстах синонимичные фразеологизмы.

Как и слова, фразеологизмы выполняют различные функции в процессе коммуникации. В методике обучения русской фразеологии эффективны следующие приемы семантизации: использование синонимов (лексических эквивалентов и свободных словосочетаний), использование синонимичных и антонимичных фразеологизмов, развернутое толкование на русском языке, введение в контекст. Экономно и эффективно ознакомление обучающихся со значением фразеологизма путем использования синонимов, лексических эквивалентов и свободных словосочетаний. Например: *как с неба свалился* и *как снег на голову* – синонимичные фразеологизмы – означают *внезапно, неожиданно; в двух*

*шагах – рядом, близко; бок о бок – совсем рядом; не покладая рук – усердно; ломать голову – напряженно думать, размышлять и т.д.*

Говоря о фразеологии и выразительных средствах русского языка, нельзя не упоминать изречения известных ученых и писателей:

Виноградов В.В.: «Фразеология исследует наиболее живой, подвижный и разнообразный отряд языковых явлений».

Ожегов С.И.: «Фразеологические единицы представляют собой фонд выразительных средств языка... Подавляющая масса фразеологических единиц относится или к экспрессивной речи книжного, риторического типа, или наоборот, к экспрессивной речи разговорно-сниженного типа, то есть имеет в речи резко выраженную стилистическую функцию».

Чуковский К.И.: «Каждый фразеологизм существует в нашей речи до той поры, покуда отдельные элементы, входящие в его состав, незаметны, неощутимы для нас... Неотъемлемый признак фразеологизмов заключается в том, что они используются нами как нечто целостное, монолитное, автоматически, при полном невнимании к их отдельным частям».

Щерба Л.В.: «Привычка вдумываться в язык и в его выразительные средства абсолютно необходима, чтобы научиться писать грамотно в широком смысле слова, то есть правильно строить фразы и подбирать такие слова, которые наилучшим образом выражает данную мысль».

Шолохов М.А.: «Необозримо многообразие человеческих отношений, запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах. Из бездны времен дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков».

Вся работа по обучению русской фразеологии должна строиться на основе учета тех трудностей, которые вызывают усвоение фразеологической единицы. Несмотря на трудность усвоения фразеологизмов, студенты с большим интересом изучают их. Следует максимально учитывать общий и конкретный уровень подготовленности обучающихся, профиль их обучения. На современном жизненном этапе как никогда возникает необходимость владения иностранным языком и каждый обучающийся сегодня заинтересован в практическом его использовании. Преподаватель должен выбирать такие способы преподавания, которые имеют развивающий характер.

Предлагаем вашему вниманию один урок по теме «Фразеологические словосочетания». Фразеологические словосочетания даются в разных контекстах, студентам

предлагаются найти эквиваленты на родном языке, что позволит лучшему усвоению и закреплению данной темы на высоком уровне.

Некоторые фрагменты урока:

Предлагается подобрать антонимы и синонимы фразеологизмам:

Антонимы –

За тридевять земель – рукой подать

Прикусить язык – дать(давать) волю языку

Засучив рукава – спустя рукава

Не покладая рук – сидеть сложа руки

Слома голову – черепашьим шагом

Душа в душу – как кошка с собакой

Кот наплакал – куры не клюют

Синонимы –

Толочь воду в ступе – решетом воду черпать

Бить баклуши – лодыря гонять

Мастер на все руки – золотые руки

Приказать долго жить – сыграть в ящик

Плечом к плечу – бок о бок

Непечатый край – сколько душе угодно

Распустить язык – прикусить язык

Предлагается картинки с разными изображениями и требуется найти соответствующий к картинкам фразеологизм.

Найдите фразеологизмы с названиями животных и птиц:

Белая ворона

Куры не клюют

Стреляный воробей

Волк в овечьей шкуре

Как кошка с собакой

Крокодиловы слёзы

Купить кота в мешке

В процессе урока даются различные задания увлекательного типа, соответствующие интересам студентов. Предлагаются задания следующего типа: даются разные слова, например: *голова, глаза, нос, рука, нога, язык, вода*. Студенты должны найти фразеологизмы с этими словами: *не в бровь, а в глаз, пускать пыль в глаза, мастер на все руки, сидеть*

*сложь руки, водить за нос, задирать нос, ломать голову, прикусить язык, выйти сухим из воды* и т.д.

**Список литературы:**

*Виноградов В.В.* Основные типы фразеологических единиц в русском языке. М., 1972

*Жуков В.П., Жуков А.В.* Фразеологический словарь русского языка. М., 1989

*Шанский Н.М., Иванов В.В.* Современный русский язык. I часть, М., 1987

*Семенов П.А.*  
Балтийский институт иностранных языков и межкультурного сотрудничества  
г. Санкт-Петербург (Россия)

*Semenov Petr*  
Baltic University of Foreign Languages and Intercultural Communication  
Saint Petersburg (Russia)

## К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЗАЛОГА В АСПЕКТЕ РКИ

### ON THE PROBLEM OF LEARNING THE VOICE IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

В статье даются методические рекомендации по изучению системы залоговых значений на занятиях по русскому языку как иностранному. Предлагаемая последовательность введения залоговых значений в иностранной аудитории учитывает логику исторического развития этих значений в языке.

The article highlights the guidelines for learning the Voice on the lessons of Russian as a foreign language. The proposed sequence introduces the Voice to foreign students taking into consideration the logic of its historical development.

**Ключевые слова:** залог, грамматическая категория, грамматическое значение.

**Key words:** voice, grammatical category, grammatical meaning.

**1. Постановка вопроса.** Вопрос о залоге – один из самых дискуссионных в русской грамматике. Спорными являются буквально все вопросы *теории залога*: 1) каково грамматическое значение категории залога (отношение действия к субъекту, отношение действия к объекту, отношение действия к субъекту и объекту); 2) как это значение выражается (форма выражения); 3) сколько залогов в русском языке (от двух до шести, а иногда и более); 4) каков грамматический статус этой категории (морфологическая, синтаксическая, морфолого-синтаксическая, лексико-синтаксическая); 5) все ли глаголы русского языка имеют залог, т. е. втянуты в орбиту залоговых отношений; 6) как залог соотносится со смежными грамматическими категориями – переходностью и возвратностью; 7) каков грамматический статус постфикса *-ся* (формообразующий, словообразующий). Некоторые ученые доходили даже до отрицания залога в русском языке (В. И. Даль, Н. П. Некрасов).

Все эти теоретические трудности неизбежно влекут за собой и трудности лингвометодического характера. Методисту приходится выбирать один из теоретических подходов к залогу и в зависимости от этого выбора выстраивать последовательность изучения залоговых значений в русском языке либо вообще отказываться от систематического изучения залога. Есть тенденция рассматривать залог только в синтаксисе,

в связи с изучением пассивной конструкции, но в таком случае вне поля зрения оказываются многочисленные значения, которые привносит постфикс *-ся*, соединяясь с различными глагольными основами. Есть и другая тенденция, представленная, правда, значительно меньшим количеством работ и пособий – рассматривать залог в морфологии, в связи с изучением различных лексико-семантических и лексико-грамматических групп глаголов; в последнем случае категория залога фактически растворяется в категориях возвратности и переходности [см: Чагина, 2009].

К сказанному следует добавить, что немало трудностей у иностранных учащихся вызывает достаточно пестрая картина соотносительности глаголов на *-ся* и без *-ся*. Об этом свидетельствует так называемый «отрицательный языковой материал», ошибки типа: (–) *Урок начал; Он заболелся, а потом поправился; Они дружились давно; Мы пользуем словарь* и т.п. Очевидно, одной из актуальных задач методики РКИ является систематизация этого отрицательного материала и выработка на этой основе практических рекомендаций.

**2. Последовательность изучения залога в курсе РКИ.** Выказанные выше общетеоретические соображения позволяют предложить такую последовательность введения залоговых значений в иностранной аудитории:

1) Вводится действительный залог и активная конструкция: *Студент читает (книгу)*. На начальном этапе обучения не рекомендуется делать акцент на переходности/непереходности глагола и обязательности/необязательности В. п. прямого объекта в такой конструкции; на разграничении сильного и слабого управления (ср.: *студент читает – студент изучает*), поскольку категория переходности в современном русском языке представляет собой криптотип. Целесообразно чаще использовать слабоуправляющие глаголы, необязательно предполагающие при себе винительный прямого объекта: *студент читает, пишет, поет, ест, пьет* и т. п. Что касается В. п. прямого объекта, то на начальном этапе желательно подбирать примеры с существительными первого склонения (на *-а/-я*), где В.п. не совпадает по форме с И.п.: *студент читает книгу, мужик пашет землю*, и реже использовать в качестве примеров конструкции, где В.п. = И.п.: *день сменяет ночь, мать любит дочь* и т. п.

2) На следующем этапе возможно введение в оборот глаголов с *-ся* с собственно возвратным значением, поскольку здесь значение постфикса *-ся* хорошо сопоставимо со значением возвратного местоимения (*моет себя – моется, причесывает себя – причесывается* и т.п.). Это помогает учащимся, не испытывая особых трудностей, лексически осваивать и другие глаголы с *-ся*, не имеющие отношения к пассивной конструкции, но входящие в лексические минимумы элементарного и базового уровней (*студент учится, улыбается, смеется; занятие начинается вовремя; аудитория находится*

на втором этаже и т.п.). Значение медиопассива тем самым внедряется в сознание на интуитивном уровне. Знание происхождения постфикса *-ся* в то же время помогает и реализации принципа сознательности в обучении, а именно, облегчает понимание особенности спряжения возвратных глаголов – агглютинации *-ся* к окончанию (*называю себя – называюсь, называешь себя – называешься, называется, называемся* и т. д.). Таким образом, категория залога на этом этапе оказывается вполне освоенной **на уровне формы**.

3) Следующий этап – освоение категории залога **на уровне значения**. Одно из основных условий успеха – сформированность у учащихся представления об одушевленных и неодушевленных, личных и неличных существительных. Вопрос о том, с какого значения – общевозвратного или собственно пассивного – следует начать, трудно решить однозначно. На наш взгляд, целесообразно использовать минимальную синтаксическую структуру  $N_1V_f$  без дополнения (где  $N_1$  – форма именительного падежа подлежащего;  $V_f$  – спрягаемая глагольная форма), не акцентируя внимания на винительном прямом объекте и творительном агентивном, предложив упражнения на сопоставление примеров следующего типа (где возможно, тавтологического характера): *писатель пишет – книга пишется; читатель читает – книга читается; строитель строит – дом строится; пекарь печет – хлеб печется; пахарь пашет – поле пашется; сеятель сеет – рожь сеется; певец поет – песня поется; оратор говорит – речь говорится; грузчик грузит – груз грузится; дворник подметает – двор подметается; прачка стирает – белье стирается; пильщик пилит – дерево пилится* и т.п. Во всех приведенных примерах в первом члене пары субъект – действующее лицо, агенс (действитель), во втором члене пары субъект – неодушевленный предмет, пациенс (пассивный носитель предикативного признака).

4) Следующий этап понимания залогового значения – введение структур, в которых:

а) в качестве пациенса может выступать **лицо** (одушевленное личное существительное): *учитель учит – ученик учится; господин подчиняет – раб подчиняется; насильник насилует – жертва насилуется*; б) в качестве агенса и пациенса выступают **неодушевленные предметы**: *тряпка моет – доска моется, щетка подметает – пол подметается, оркестр играет – музыка играет, пила пилит – дерево пилится; нож режет – хлеб режется* и т. п.; в) в качестве агенса выступает неодушевленный предмет, а в качестве пациенса – лицо, одушевленный предмет: *лекарство лечит – больной лечится* и т. п. Только в случае (в) мы вплотную подходим к необходимости введения пассивной конструкции, но не с творительным субъекта, а с творительным инструментальным.

Основная методическая трудность заключается в том, что пассивная конструкция в русском языке неуниверсальна, располагается на синтаксической периферии, не каждую активную конструкцию можно преобразовать в пассивную. Ср.: *Он моется мылом, мочалкой,*

*шампунем* (творительный инструментальный) – сказать можно; а *Он моется мамой, банщиком, подругой, гейшей* (творительный субъекта) – нельзя. Еще Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) заметил, что «весьма обманывались многие, употребляя возвратный залог вместо страдательного, ибо они думали, что *сь* или *ся* всегда ту же силу имеет, как латинское *r...* и ради того несвойственно и развратно такие глаголы вместо страдательных употребляют: *моюсь от слуги* вместо *меня слуга моетъ*» [Ломоносов, 1952, с. 509].

Таким образом, вводя пассивную конструкцию на начальном этапе обучения, мы обрекаем иностранных учащихся на то, что начинаем изучение залога с периферии, с конструкций редких и малоупотребительных. Не вводя пассивную конструкцию, мы обрекаем их на то, что начинаем изучение залога со значения медиопассива, которое может оказаться периферийным в родном языке обучающихся, поскольку оппозиция «актив – медиопассив» не является языковой универсалией, противопоставление «актив – пассив» «универсальнее». На сегодняшний день эта дилемма так и остается неразрешенной.

5) С введением пассивной конструкции начинается «синтаксический» этап изучения залога (предшествующий ему этап условно можно назвать «морфологическим»). Изучение пассивной конструкции целесообразно проводить на фоне более широкого понятия – **конверсии** (возможности представления одной и той же ситуации разными языковыми средствами с противоположных точек зрения): *студент читает книгу* (актив) – *книга читается студентом* (пассив); *дом построил опытный архитектор* (актив) – *дом построен опытным архитектором* (пассив). Отношения конверсии, лежащие за пределами категории залога: *он купил у товарища книгу* = *товарищ продал ему книгу*; *он выиграл у товарища партию в шахматы* = *товарищ проиграл ему партию в шахматы* и т.п.

С конверсией связано (но не тождественно ей) понятие **синтаксической синонимии** (синтаксические конструкции, имеющие одинаковое грамматическое значение). Активная и пассивная конструкции – конверсивы, но не синонимы, поскольку представляют ситуацию с противоположных точек зрения. А вот неопределенно-личное предложение и двусоставное предложение с медиопассивом можно считать синтаксическими синонимами, поскольку обе структуры выражают одно и то же (или близкое) грамматическое значение: неопределенности (или незначимости для говорящего) субъекта действия: *на углу строится новый дом* – *на углу строят новый дом*.

На этом этапе изучение залога тесно связывается с изучением различных типов простых предложений (двусоставных, односоставных неопределенно-личных, односоставных безличных): *на кухне жарятся котлеты* – *на кухне жарят котлеты*; *его убила молния* – *его убило молнией* – *он был убит молнией*; *его убили на войне* – *его убило на*



*войне – он был убит на войне; он не спит – ему не спится; здесь легко дышать – здесь легко дышится* и т. п.

б) На следующем этапе изучаются все прочие значения русского медиопассива: страдательно-возвратное, косвенно-возвратное, взаимно-возвратное и др. Этот этап условно можно назвать «лексическим», хотя, как уже было сказано, «лексическое» освоение возвратных глаголов на уровне выучивания лексических минимумов начинается уже на начальном этапе обучения. Последовательность изучения частных значений медиопассива может быть разной. Оптимальной, на наш взгляд, является та, которая представлена в классическом исследовании В. В. Виноградова «Русский язык» (1947), где выделено 15 групп возвратных глаголов. Эта классификация идет от центра категории залога (собственно возвратное значение) к периферии и заканчивается группами, к категории залога не имеющими отношения [Виноградов 1986, с. 511-518]. Различные группы возвратных глаголов, их словообразовательные, лексические и синтаксические особенности также подробно рассмотрены в монографиях Н. А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая, 1962], И. П. Мучника [Мучник, 1971], в пособии О. В. Чагиной [Чагина, 2009] и др.

7) На продвинутом этапе обучения (III и IV сертификационные уровни) отдельное внимание можно уделить *стилистическому аспекту* изучения залога. Этот вопрос до сих пор не получил монографического освещения, а в лингводидактическом плане, насколько нам известно, не изучался вообще, поэтому он заслуживает рассмотрения в специальной работе. Здесь только назовем основные аспекты проблемы:

а) уже упомянутая выше синонимика разных типов двусоставных и односоставных предложений, выяснение условий предпочтения одного типа предложения другому в разных коммуникативных ситуациях и в разных стилях (примеры см. в п. 5);

б) употребление глагола с *-ся* в собственно возвратном значении или конструкции «переходный глагол + возвратное местоимение». В определенных случаях мы предпочитаем не постфикс *-ся*, а возвратное местоимение *себя*: *Мне кажется, так напоследок, Людей и лошадей губя, Я только тешил сам себя* (Грибоедов); *Ничего ты не получишь, Сам себя ты, грешник, мучишь* (Пушкин). А. М. Пешковский тонко замечает: «... даже в таких случаях, как *он застрелился* и *он застрелил себя*, где оба выражения вполне употребительны, разница значения ощущается достаточно ясно (первое более цельно, второе более расчлененно), так что, например, для нечаянного выстрела, с выделением фактической стороны дела больше подходит *он застрелил себя*, а для настоящего самоубийства, связанного с психологической цельностью акта, больше подходит *застрелился*» [Пешковский, 1938, с. 129].

в) синонимика глаголов с постфиксом *-ся* и без него: *краснеть* и *краснеться*, *тлеть* и *тлеться*, *грозить* и *грозиться* и т. п. См. следующие примеры: *Ты меня решилась уморить*

(Грибоедов); *В нем винограду кисти рделись* (Крылов); *Наконец в стороне что-то стало чернеть* (Пушкин); *Смотри, что там такое чернеется* (Пушкин). Вот как А. М. Пешковский, например, комментирует различие между глаголами *дымит* и *дымится*: «В выражении *печка дымит* слово *дымит* имеет совершенно такой же грамматический смысл, как в выражении *он дымит сигарою*, т. е. пускает дым. В возвратной форме *дымится* выражено то же пускание дыма, но не столько на окружающие предметы, сколько *на себя* или *вокруг себя*, как бы окутывание себя дымом» [Пешковский, 1938, с. 97].

**3. Выводы.** Итак, рассмотрение категории залога в общетеоретическом и лингводидактическом плане позволяет сделать следующие выводы:

1) Оставаясь языком флективного строя, русский язык стремится все важнейшие грамматические значения выражать в пределах слова. Залоговое значение, несомненно, относится к числу таких значений: в русском языке это **значение самой глагольной лексемы**, указывающее на характер самого действия, а не на отношение действия к субъекту или объекту. Следовательно, залог – это прежде всего морфологическая категория, а не синтаксическая. Вернее, он является синтаксической категорией ровно настолько, насколько и все остальные грамматические категории, поскольку морфология обслуживает синтаксис. Отсюда два методических вывода: а) начинать изучение залоговой **формы** следует с лексических единиц, в которых наиболее прозрачно просвечивается архетипическое значение возвратной формы (*мыться, расчесываться, отравиться*); б) начинать изучение грамматического **значения** залога в иностранной аудитории необходимо с исходного (архетипического) противопоставления «актив – медиопассив», реализуемого в минимальном предложении  $N_1V_f$  (*студент читает – книга читается*), где  $N_1$  либо агенс (первый член пары), либо пациенс (второй член пары).

2) Следующий этап изучения залога – **осмысление природы общевозвратного значения**, которое проявляется в тех случаях, когда производитель действия неизвестен или не важен (*книга читается, школа строится, белье стирается, посуда бьется*); это значение хорошо осмысливается на фоне синонимичных неопределенно-личных предложений.

3) Основная теоретическая и методическая трудность заключается в определении грамматического значения залога в русском языке, в особенности значения русского медиопассива. И эта трудность опять-таки связана с флективно-синтетическим характером грамматического строя русского языка: постфикс *-ся* (как и полагается служебной морфеме в языке флективно-синтетического строя) выражает значение не сам по себе, а совместно с глагольной основой. Лексическое значение глагольной основы, таким образом, в значительной степени определяет, каким будет значение возвратной формы в целом. Отсюда третий методический вывод: начинать изучение залоговых значений следует с наименее

лексически обусловленных (т. е. таких, которые в наименьшей степени зависят от лексического значения самой глагольной основы).

4) Дальнейшее изучение категории залога связано с рассмотрением различных лексико-семантических групп возвратных глаголов и уже представляет собой не столько грамматическую, сколько лексическую трудность (говоря словами Л. В. Щербы, это вопрос словаря, а не грамматики).

5) Наиболее сложными, конечно, являются функциональный и стилистический аспекты залога, поскольку речь уже идет о возможностях выбора вариантов в пределах нормы. И здесь очевидно, что правила для иностранцев должны быть формулируемы иначе, чем для носителей русского языка. А. А. Холодович справедливо замечает: «Мы обязаны при описании языка разработать особый отдел в учении о залогах, где формулировались бы правила: а) разрешения альтернативно употреблять в данном контексте как тот, так и другой или третий и т. д. залого; б) запрещения употреблять в данном контексте данный залог; в) предписания употреблять в данном контексте только данный залог. Но, увы, таких правил нет. Если мы, русские, изучая родной язык, не замечаем отсутствия этих правил, то объясняется это тем, что мы овладеваем выбором залогов интуитивно, так сказать, на улице. Но отсутствие таких правил в пособиях по русскому языку для иностранцев – явный нонсенс. Мы учим иностранца, как образовывать тот или иной залог, но как и когда и в каком контексте его употреблять или наложить запрет на его употребление, мы иностранцев не учим. Такова проблема номер один, по своему значению, может быть, равная лишь проблеме выбора русского вида, а по своей трудности, по-видимому, превосходящая ее» [Холодович, 1979: 292].

#### **Список литературы:**

- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
- Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии / М. В. Ломоносов. М.-Л.: АН СССР, 1952. 996 с.
- Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И. П. Мучник. М.: Наука, 1971. 298 с.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. Изд. 6. М.: Учпедгиз, 1938. 452 с.
- Холодович А. А.* Проблемы грамматической теории / А. А. Холодович. Л.: Наука, 1979. 304 с.
- Чагина О. В.* Возвратные глаголы в русском языке. Описание и употребление: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся / О. В. Чагина. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 264 с.
- Янко-Триницкая Н. А.* Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. М.: АН СССР, 1962. 248 с.

*Сосницкая С.А.*  
МГУ имени М. В. Ломоносова  
г. Москва (Россия)

*Sosnitskaya Sofia*  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

## **ВКЛАД РОССИЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В ИСТОРИЮ ПЕРЕВОДА**

### **THE CONTRIBUTION OF RUSSIAN ENLIGHTENERS IN THE HISTORY OF TRANSLATION**

История перевода берет свое начало еще с появления первых мировых цивилизаций: египетской, шумерской, иранской, индийской. По прошествии многих столетий менялась не только сама история (открывались новые страны, происходила смена династий, государства упорно отвоевывали и захватывали территории), но и переводческая деятельность. В статье описывается развитие перевода во второй половине XVIII века. Правление Екатерины Великой ознаменовано расцветом российского просвещения, где каждый просветитель имел свой взгляд не только на окружающую действительность, но и на переводческую деятельность.

The history of translation dates back to the emergence of the first world civilizations: Egyptian, Sumerian, Iranian, Indian civilizations. Through centuries there was changing not only in the history (new countries were discovered, there was changing of dynasties, states insistently recovered and invaded territories), but also in the translation and interpretation. The article describes the development of translation in the XVIII century. The rule of Catherine the Great is symbolized by the growing of Russian Enlightenment, where every of Russian enlighteners had its own view not only on the reality, but also on the translation activity.

**Ключевые слова:** история перевода, российское просвещение, просветители, французское просвещение, правление Екатерины Великой.

**Key words:** the history of translation, Russian Enlightenment, enlighteners, French Enlightenment, the rule of Catherine the Great.

Идеи французского просвещения являлись основополагающими не только для отдельного круга дворянства, но и для всей страны в целом. Екатерина II, управляя огромной империей, советовалась с Вольтером, который был её неофициальным государственным советником. Российское дворянство практически не употребляло русский язык, и весь уклад их жизни был на французский манер. Однако существовали и российские просветители, общественно-политические взгляды которых на российскую действительность стали складываться после восстания Емельяна Пугачева. Среди них были и Д. С. Аничков, и С. Е. Десницкий, и А. Я. Поленов, и Я. П. Козельский, и Д. И. Фонвизин, но наиболее заметной фигурой среди них стал Н.И. Новиков. Если первые на первый взгляд спокойно занимались своей деятельностью, то Николай Иванович Новиков еще имел мужество открыто

противостоять самой Екатерине II. Поскольку все они были просветителями, то переводческая деятельность не могла обойти их стороной, и каждый из них внес определенный вклад в историю русского перевода.

Расцвет русского просвещения пришелся на вторую половину XVIII века. Безусловно, огромное влияние на его развитие оказали идеи французского просвещения и явились своеобразным базисом. Но в отличие от запада в России оно не имело столь больших прав и влияния на общество. Если в первом случае просветители высказывались за развитие либеральных идей, то у нас они были встречены неодобрительно и крайне настороженно. Однако после восстания Пугачева и Великой Французской революции русское общество было готово к политическим переменам, более того эти события оказали значительное влияние на интеллектуальное развитие отдельных представителей русского дворянства. Основными идеями русских просветителей второй половины XVIII века было создание совершенного человека. Екатерина II была убеждена, что это можно сделать только путем правильного воспитания. Только тогда из молодого поколения получатся просвещенные и гуманные люди, купцы и ремесленники. Но как показал опыт воспитания княгини Екатерины Романовны Дашковой своих детей, это была не особо хорошая идея. Однако, не смотря на это, именно при Екатерине II особое внимание стало уделяться образованию. В России появились привилегированные кадетские корпуса для мальчиков, Смольный институт благородных девиц, куда могли поступить представительницы дворянского сословия и получить достойное образование, если их род разорился, или они остались сиротами. Именно доказывая Европе, что русское просвещение ничуть не уступает французскому просвещению, а в чем-то даже и превосходит, Екатерина II положила начало созданию коллекции Эрмитажа, который на сегодняшний день является одним из самых значительных художественных музеев мира.

Во второй половине XVIII века в период расцвета русского просвещения активно развивается и переводческая деятельность. Эпоха Екатерины II во всем мире известна как «золотой век русского дворянства», но в переводческих кругах ее еще называют «золотым веком перевода». Именно в это время переводится огромный пласт художественной литературы, на русском языке появляются произведения Свифта, Тассо, Корнеля, Геллерта, Гольдони. Переводится литература не только с французского, но и английского, немецкого, итальянского, древнегреческого, латинского и даже китайского языков. Более того в переводе того времени некоторые произведения просуществовали вплоть до XX века [Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. 2008 С.: 216-219].

Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, А. Я. Поленов, Я. П. Козельский, Д. И. Фонвизин и Н. И. Новиков основные и самые известные просветители Екатерининской эпохи. У каждого из них была своя и достаточно интересная судьба, особенно в переводческой деятельности.

Дмитрий Сергеевич Аничков был дворянского происхождения, однако неофициально больше принадлежал к духовенству, так как его отец был подьячий Троице-Сергиевой лавры и находился в подушном окладе. Первоначально учился в духовной семинарии, потом в 1755 году в числе шести лучших учеников был направлен на продолжение обучения в только что открытый Московский университет, который успешно окончил в 1761 году. Дмитрий Сергеевич официально не был переводчиком, но переводческой деятельностью занимался. Сразу же после окончания университета он публикует два своих перевода с латинского языка «Речь, которую говорил один разумный человек из Гарамантов Александру Великому» и «Сребролюбивого человека и Бог, и весь свет ненавидит». Сферой его интересов были философия и математика, поэтому он занимался их переводом с латыни, позже, став уже достаточно известным ученым в этой области, сначала писал свои труды на русском языке, а потом переводил на латинский. Однако по официальным данным из-за пожара большинство из них не сохранились. Некоторые из его работ на русском и латинском языках находятся в специальном фонде Российской государственной библиотеки и имеют ограниченный доступ.

Семен Ефимович Десницкий известен как основоположник русской юриспруденции. О его детстве известно достаточно немного. Считается, что он родился на Украине, происходил из мещан, а в последствие учился в духовной семинарии при Троице-Сергиевой лавре. В 1759 году был направлен для продолжения обучения в Московский университет, однако, и там пробыл недолго. Как один из лучших учеников вместе с И. А. Третьяковым они были вызваны в столицу, для подготовки к обучению за границей. Позже они были отправлены в Глазговский университет, где продолжили свое обучение, а Десницкий впервые познакомился с наукой «юриспруденция». Известно, что лекции ему читал сам Адам Смит, имя которого мы хорошо знаем из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Долгое время жил в Англии, где без защиты диссертации получил степень доктора права. После своего возвращения в России стал преподавать в Московском университете и окончательно посвятил себя праву. Из-под его пера вышли много трудов по юриспруденции, например «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции». Но больше С. Е. Десницкий прославился как переводчик юридической литературы. Николай Михайлович Коркунов в своем сочинении «С. Е. Десницкий, первый русский профессор права» пишет, что он опубликовал труды английских юристов на русском языке и снабдил их своими примечаниями (как говорил сам Десницкий, через них он пытался донести то, что

не предоставлялось возможностью сказать). Самый известный его перевод – Истолкование английских законов г. У. Блэкстона, выполненный по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. Работа издана в типографии Н. Новикова, и несколько книг с 1780 по 1782 годы можно найти в Российской государственной библиотеке. Но из-за того, что переводы находятся в специальном фонде, доступ у них ограничен.

Алексей Яковлевич Поленов был, как говорится, переводчиком «по профессии». Родился в семье солдата Преображенского полка, в возрасте 11 лет стал учеником Петербургской академической гимназии, а в 1754 году стал студентом университета при Петербургской академии наук. После завершения обучения из-за блестящего владения иностранными языками был направлен переводчиком в Юстиц-коллегию, а позже в Страсбургский университет. Там он изучал античность, историю, юриспруденция, натуральное и общенародное право. После возвращения в 1767 году на Родину А. Я. Поленов не был на некоторое время допущен к преподавательской и научной деятельности, а был назначен переводчиком в Академии наук. Но Алексей Яковлевич был достаточно привередливым в вопросе выбора произведения для перевода. Поскольку он считал себя ученым-просветителем, то переводил только те работы, где уделялось внимание прогрессивным идеям, которые могли бы содействовать просвещению российского общества. В 1769 году Поленов переводит произведение Монтескье «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка», в том же году сочинение прусского короля Фридриха II «Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов», а в 1772 древнегреческого философа Теофраста и его «О свойстве нравов человеческих». Также перевел с французского сочинение Людвига Бенедикта Франца фон Бильдербека «Сияна или Игра судьбы: Греческая повесть». Последние три произведения можно найти в специальном фонде Российской государственной библиотеки в ограниченном доступе, так как они 1772, 1797, 1769 годов издания соответственно.

Яков Павлович Козельский был учеником самого М. В. Ломоносова. Родился на Украине в семье военного. Окончил Киевскую академию и Петербургскую академическую гимназию. После этого несколько лет находился на военной службе, а только потом перешел в Сенат. Современники отмечали, что Козельский обладал воистину энциклопедическими знаниями. В 1767 году был избран одним из депутатов по написанию знаменитой Уложенной комиссии Екатерины II. В 1768 году принимает активное участие в создании «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», более того он сам занимается переводческой деятельностью. Козельский заложил начало освещения переводов собственными предисловиями и комментариями. В большинстве источников написано, что Яков Павлович занимался преимущественно переводами с французского языка, но из «Энциклопедического

словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона», можно узнать, что он также перевел с немецкого языка «Датскую историю» Гольберга, «начальные основания фортификации» барона Вольфа, а также «Сочинения об осаде крепостей».

Денис Иванович Фонвизин один из самых знаменитых писателей в российской истории. Безусловно, первая ассоциация с его именем это бессмертная комедия «Недоросль». Но помимо этого, Денис Иванович еще занимался переводческой деятельностью и был весьма известным переводчиком. В XIX веке было принято начать серию изданий собраний сочинений знаменитых российских писателей XVIII-XIX веков. В предисловии первого тома, который посвящен Денису Ивановичу Фонвизину, литературовед и редактор издания Петр Александрович Ефремов, говорит, что в собрание сочинений будут входить все известные в печати издания с добавлением по возможности того, что осталось в рукописях. Из переводов будут помещены вполне все, сделанные в стихах и те, которые имеют особенно-характеристическое значение по своему содержанию или тому видному месту, которое они занимают в литературной деятельности писателя. Отрывки из переводов будут приводиться только в таком случае, когда полный перевод не представляет особого интереса. Новое издание Д. И. Фонвизина включает в себя два предисловия к переводам, два отрывка из переводов и два полных перевода [Ефремов П. А. 1866]. Более того на первый взгляд может показаться странно, что фамилия писателя пишется через дефис, но как будет написано дальше, род Фонвизиных обрусел в России, но происхождение имеет немецкое, отсюда «фон» показывает принадлежность к дворянскому сословию.

Официально переводческая деятельность Фонвизина начинается с 26 апреля 1759 года. Этот день известен, как день коронации императрицы Елизаветы Петровны, и именно тогда он становится студентом философского факультета Московского университета. Среди его преподавателей был известный в то время Рейхель, автор «Истории Японского государства» и издатель журнала «Собрание лучших сочинений». В нем он публикует четыре переводных статьи своего ученика: «О зеркалах древних», «Торг семи муз», «О приращении рисовального художества» и «О действии и существе стихотворства». В 1761 году по заказу московского книгопродавца переводит басни Гольберга и вместо гонорара получил от издателя на 50 рублей иностранные книги. В 1762 году еще будучи студентом начинает переводить не с французского оригинала, а с немецкого перевода нравоучительный роман аббата Террасона «Геройская добродетель или жизнь Сифа, царя Египетского», и в этом же году уходит из университета и поступает переводчиком в коллегия иностранных дел в чине капитан-поручика. Перевод был завершен в 1768 году. За период обучения в университете Фонвизин также перевел «Овидиевы превращения» и «Альзира или американцы» Вольтера. Последний перевод, сделанный стихами, произвел много шума



видно из-за имени Вольтера, но сам по себе был очень плох, поэтому переводчик не отдал его на печать. Именно в переводе Вольтера обнаружилось достаточно сильное незнание языка Фонвизина: стихотворение «*Les marbres impuissants en sabres façonnés*» Денис Иванович перевел как «Бессильны мраморы в песок преобращенны». Здесь слышатся два сходно-звучащих французских слова: *sabre* (сабля, меч) и *sable* (песок). По этому поводу А. С. Хвостов в своем стихотворении на Фонвизина напишет: «нельзя, чтоб ты меча с песком не распознал».

Немного позже Д. И. Фонвизин, следуя за Вольтером, Дидро и Гельвецием, присоединится к атеистическому кружку, но не найдет там поддержки. «Спасая свою душу», по совету Г. Н. Теплова он переводит отрывки из книги Самуэля Кларка «Доказательства бытия Божия и истины христианской веры». В 1777 году окончательно отказавшись от теории религиозного вольнодумства, издает перевод «Похвальное слово Марку Аврелию» В Петербурге в 1766 году при Елагине Д. И. Фонвизин перевел поэму Битобе «Иосиф», а 1769 сентиментальную повесть Грессе «Сидней и Силли или благодеяния и благодарность», которая получила у переводчика название «Корион» [Ефремов П. А. 1866]. После этого писатель больше занимается своей собственной литературной деятельностью и переводам уделяет мало времени.

Николай Иванович Новиков родился в дворянской семье среднего достатка. Первоначально учился в гимназии при Московском университете, но был исключен за леность и нежелание учиться. После этого поступил на военную службу, но через некоторое время обнаружил склонность к гуманитарным наукам. Его деятельность на этом поприще публициста начинается с издания двух переводных французских повестей и сонет. Официально Н. И. Новиков не был переводчиком. Однако его издательская деятельность распространялась не только на журналы, но и книги. Считается, что некоторые из них он лично переводил с французского языка: в 1771 году сочинение Вольтера «Поэма о нынешних делах или увещание о восприятии против турок оружия», а в 1772 году сочинение Ch. Lejeun «Французская нынешнего времени философия». Последнее сочинение было направлено против просветительной философии, безверия и космополитизма. «О, Франция! – восклицал автор книги – меч готов и древних варваров ранил ли тебя столь глубоко, как перо и язык нескольких учтивых философов» [Вернадский Г. В. 1918 С.: 11-12].

Николай Иванович Новиков поддерживал просвещение, более того он относился к просветителям. Желая еще больше упрочить свою верность просветительским идеалам, он печатает статью «Философ», в которой утверждается благородная и очень важная для XVIII века мысль об особой роли философов в обществе, об их предназначении открывать людям скрытую от них истину, «согласную с разумом». Под статьей было написано: «Переведено из

энциклопедии», то есть из Энциклопедии французских просветителей, из Энциклопедии Дидро и Даламбера [Макогоненко Г. П. 1950 С.: 420].

Во второй половине XVIII века благодаря книгоиздательству Н. И. Новикова растет перевод сочинений мистического содержания. Бесчисленное множество иностранных сочинений переводились, печатались и переписывались людьми всякого звания. Число мистических сочинений, бывших тогда в обороте, было поэтому весьма значительно. Часто встречались переводы из германских мистиков, например Бема, сделанные рукою еще весьма неопытною в этом деле. К печати прежде всего отбирались переводы сочинений мистического содержания с нравственным смыслом [Покровский В. 1910 С.: 126-127].

В сентябре 1777 года начинает выходить ежемесячный журнал «Утренний Свет в стихах и прозе, содержащий в себе как оригинальные сочинения, так и переводы с разных языков». Большая часть журнала содержала в себе именно переводы из сочинений древних и новых писателей, касавшихся вопросов нравственности, психологии и отчасти педагогики (из древних – Платон, Плутарх, Ксенофонт, Сенека, Вергилий; из новых – Юнг, Бэкон, Паскаль, Виланд, Геснер, Мозер, Геллерт, Цолликофер, Делиус, И. А Эрнести, Федер и Кампе). Среди переводчиков были Т. Кириак, А. Тейльс, Ф. Краснопевков, П. Алексеев, В. Прянишников, Н. Калинин, Г. Медведев, Л. Лихонин, А. Петров, Н. Попов, Д. Рыкачев, Е. и Н. Свиныны, В. Данилов, А. Малиновский [Вернадский Г. В. 1918 С.: 24-29].

Стоит отметить также и союз Н. И. Новикова и И. Г. Шварца, который был его сподвижником. В июне 1782 года по их инициативе при университете открылась Филологическая или переводческая семинария, в которой П. А. Татищев вызвался содержать за свой счет шесть студентов, а Ученое Дружеское Общество десять. Об этом было опубликовано в Московских Ведомостях. В последствие спонсорами этой семинарии выступили князь Николай Никитич Трубецкой и его жена, урожденная княжна Черкасская [Лонгинов М. 1888 С.: 15-16].

Таким образом, проанализировав деятельность почти всех наиболее известных просветителей XVIII века, можно заметить, что неотъемлемой частью развития российского просвещения являлась переводческая деятельность. Более того, все представленные выше просветители начинали свою карьеру именно с переводов.

#### ***Список литературы:***

- Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т.* Наука о переводе. М.: «Флинта», 2008. – с.: 216-219  
*Ефремов П. А.* Собрания, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина. Санкт – Петербург, 1866  
*Вернадский Г. В.* Николай Иванович Новиков. Петроград, 1918. – с.: 11-12  
*Макогоненко Г. П.* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. Москва-Ленинград, 1952. – с.: 420

*Покровский В.* Николай Иванович Новиков, его жизнь и сочинения. Москва, 1910. – с.: 126-127  
*Вернадский Г. В.* Николай Иванович Новиков. Петроград, 1918. – с.: 24-29  
*Лонгинов М.* Новиков и Шварц. Москва, 1888. С.: 15-16

*Строковская Т.Е.*  
Государственный университет «Дубна»  
г. Дубна (Россия)

*Strokovskaya Tatiana*  
Dubna State University  
Dubna (Russia)

## **ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

### **RUSSIAN LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION**

Статья посвящена особенностям обучения и изучения русскому языку как иностранному в интернациональных группах взрослых различных лингвистических профессий. Рассматриваются особенности преподавания и изучения с точек зрения тьюторов и студентов. Статья базируется на проведенном исследовании, в котором участвовали преподаватели и студенты-сотрудники международных научных центров, университетов и т.д. Автор выявляет трудности, с которыми сталкиваются преподаватели и студенты разных этнокультурных групп на разных уровнях обучения.

The article is devoted to the teaching and learning process of The Russian Language in international groups according to the views of the teachers and students. It was prepared on the basis of interviews of the teachers and students, such as employees of international scientific centers, Universities. The author analyses the difficulties, affecting or complicating the training process in international groups of different levels.

**Ключевые слова:** языковая специфика, культурная среда, невербальные средства, особенности поведения, коммуникационные разрывы.

**Key words:** the specific linguistic and cultural background, nonverbal communication, etiquette difference, communication failure.

В статье представлены результаты исследования, проведенного в 2011-2013 гг. среди преподавателей и студентов курсов русского языка как иностранного для специальных целей. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе были проведены анкетирование и письменный опрос в форме эссе иностранных сотрудников Объединенного Института Ядерных исследований, обучавшихся на курсах русского языка в период 2009-2012 гг. На втором этапе 2013 г. проводился опрос преподавателей. Помощь при проведении анкетирования оказал Русско-польский институт Г.Вроцлав (Польша).

Специфика курсов состоит в том, что занятия обеспечивают возможность в кратчайшие сроки овладеть русским языком на уровне повседневного и отчасти, профессионального общения и сопровождаются лекциями о русской культуре и искусстве, о ключевых моментах российской истории, а также трудных для понимания иностранцев особенностях поведения и повседневной жизни. Важным является и то, что страны-

участницы Объединенного Института Ядерных Исследований (далее – ОИЯИ) оплачивают занятия своих сотрудников, а для самих слушателей курсы добровольные и бесплатные. То есть, эффект и стимул для слушателей курсов заключаются лишь в самом факте знания русского языка. Практически 100% участников опроса написали, что одной из главных причин для изучения языка является то, что они живут и работают в России. При этом на контрольный открытый вопрос «Я не стал бы учить русский язык, если бы...» подавляющее большинство респондентов так же ответили «Если бы не приехал в Россию».

В исследовании участвовали более 20 преподавателей<sup>66</sup> из разных стран и учебных заведений, лекторы и тьюторы из России, Польши и Болгарии, работающие в группах и индивидуально. Важно отметить, что респонденты, принимающие участие в исследовании, работают в группах студентов и специалистов разного возраста, как гуманитарных, так и естественнонаучных и инженерных специальностей. Автор не ставил задачу проанализировать сложности преподавания русского языка как иностранного в среде филологов и других лингвистических специальностей, рассматривающих овладение русским языком как профессиональную компетенцию.

В исследовании, участвовали преподаватели факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (г. Москва, Россия), Русско-польского института (Г. Вроцлав, Польша), Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (г.Дубна, Россия), Учебно-научного центра Объединенного Института Ядерных исследований (г.Дубна, Россия), Софийского государственного университета «Климент Охридски» (Г.София, Болгария), Русенского государственного университета «Ангел Кынчев», филиал Силистра (г. Силистра, Болгария). Практически для всех преподавателей, кроме четырех (2 из Болгарии, 2 из Польши) русский язык является родным. Получено 20 заполненных бланков анкет, но при интервью выяснилось, что некоторые анкеты заполнялись коллективом преподавателей и содержат обобщенное мнение группы коллег, поэтому общее число принимавших участие в исследовании людей может приближаться к 30.

Группы слушателей курсов формируются на основании уровня владения языком, и это определяет их интернациональный состав. В 2011-2013 учебном году курсы посещали сотрудники ОИЯИ из Чешской Республики, Словакии, Болгарии, Румынии, Германии, Южноафриканской Республики, Индии, Узбекистана, Азербайджана, Монголии, Вьетнама,

---

<sup>66</sup> Получено 20 заполненных бланков анкет, но при интервью выяснилось, что некоторые анкеты заполнялись коллективом преподавателей и содержат обобщенное мнение группы коллег, поэтому общее число принимавших участие в исследовании людей может приближаться к 30.

Грузии, Сербии, Польши. В Международном университете «Дубна» годовой курс русского языка как иностранного в 2011-2013 г.г. проходили две группы из Китая.

Преподаватели других Вузов, принимавшие участие в опросе, также отметили самый широкий национальный состав групп. Обычно, на краткосрочных (односеместровых) программах формируются поликультурные группы, состоящие из представителей 3-5 наций (культур). Встречаются оригинальные сочетания. Например, совместно обучаются слушатели из Индии и Пакистана; 2) США и Ирана; 3) Китая, Афганистана и Монголии; 4) неординарна группа из трёх слушателей: педагог начальной школы из Франции, историк из Италии и художница из Бразилии.

Возраст слушателей варьируется, для студентов 19-20 лет, для аспирантов и специалистов от 23 до 60 лет. По возрасту их можно разделить на три группы 18-20, 23-25, 26-37 и старше. Основное ядро составляют молодые люди 24-28 лет. Они работают над подготовкой кандидатских диссертаций, учатся в аспирантуре или имеют долгосрочные контракты, связанные с Россией, что позволяет системно без перерыва проходить обучение. Более молодые иностранные студенты и аспиранты приезжают в российские научные учреждения и компании для прохождения дипломной практики или стажировки, а сотрудники старшей возрастной категории, в большинстве, изучали русский язык в прошлом и владеют достаточными коммуникативными навыками для комфортной работы и жизни в русскоязычной среде. Их целью является поддержание и совершенствование языковых навыков.

Среди специальностей учащихся можно выделить инженерно-технические (Казахстан, Китай, Турция, Иран, Туркменистан, Афганистан), медицину (Индия, Пакистан), физику, биофизику, радиобиологию (Болгария, Монголия, Азербайджан, Чехия, Румыния, Германия, Южно-Африканская республика), историю и литературу (Болгария, США, Италия), учат русский язык и бизнесмены (США, Япония, Китай, Турция, Германия, Франция).

Уровень начального знания слушателей самый разнообразный, от нулевого до продвинутого. Можно отметить, что для старшего возраста характерно более свободное владение языком и больший интерес к углублению знаний, вплоть до тонкостей словообразования и конструирования речи. Студенты более молодого возраста демонстрируют более утилитарный подход к языку, стремятся, прежде всего, освоить те разделы и темы, которые облегчают общение на профессиональном уровне (ядерная физика, биофизика, радиобиология, химия). Часто они не стремятся развивать устную речь в сторону разнообразия, а напротив, используют простейшие конструкции, позволяющие понять собеседника, в лексиконе их часто и даже предпочтительно употребление интернациональных слов. Дойдя до определенного, на их взгляд достаточного уровня, они

прекращают занятия. Примерно 15% молодых людей написали в анкетах, что перестанут учить русский язык, когда смогут общаться с друзьями и писать по-русски.

Итоги опросов позволяют составить представление о мотивации и сложностях в освоении и преподавании русского языка для специальных целей.

Обобщенный список мотивов и сложностей изучения русского языка иностранными специалистами, работающими в области естественных наук, выглядит следующим образом.

Главная причина и стимул – возможность общаться с коллегами (80%) и читать профессиональную литературу (60%). Многие отмечали, что импульсом для изучения стало то, что «много людей говорят по-русски» (50%). Желание «понять культуру», а также как разновидности этого ответа «читать художественную литературу» и «смотреть фильмы на русском языке» отметили 12%.

Среди мотивов встречались такие, как: изучение иностранного языка как «способ расширить кругозор», «знать много языков полезно для анкеты» (или как вариант «дает преимущество на собеседовании»), «нравится сам процесс, люблю учиться» (8%), «не надо платить за обучение».

Интересно, что мотивация к изучению русского языка не зависит от национальной принадлежности сотрудников, а так же практически не соотносится с их начальным уровнем владения языком.

Сегодня, как признают преподаватели многих университетов, русский язык уже не присутствует в учебных планах большинства специальностей. Там, где он включен в учебный план, конкурируя с английским, все меньше студентов, желающих его изучать.

Для новой генерации участников международных проектов преимущественным языком межнационального общения постепенно стал английский. Однако уровень владения английским языком рядовых россиян, а также большинства организаций, обслуживающих функционирование профессиональных сообществ на территории России, во-первых, существенно различается, а во-вторых, во многих случаях оказывается недостаточным, что затрудняет повседневную жизнь иностранных сотрудников и их семей.

Для большинства граждан СНГ и государств Средней Азии (Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан), русский язык по сравнению с английским, по-прежнему остается предпочтительным. Все больший интерес к овладению русским языком проявляют также в Китае. Например, в 2011-2012 и 2012-2013 гг. учебном году китайские университеты присылают в Университет «Дубна» группы студентов для обучения русскому языку.

Дополнительной мотивацией для изучения русского языка служит потребность в начальных представлениях о культурной среде и особенностях повседневной жизни и делового этикета, с которыми сталкиваются иностранцы, работающие с Россией.

Преподаватели русского языка как иностранного почти в равной мере ориентированы на решение лингвистических и коммуникативно-культурных задач. Этим определяется характер сложностей процесса преподавания русского языка для специальных целей.

В определении степени *сложности русского слушателями* курсов проявились национальные особенности. Так, например, для болгарских и монгольских сотрудников кириллический алфавит русского языка является существенным облегчающим фактором. Схожая лексика, множество знакомых и общих слов также были отмечены представителями славянских народов и монгольскими студентами.

Удивил тот факт, что болгары незначительные различия в словарном составе языка воспринимают одновременно как упрощающий и усложняющий элемент. Трудным моментом наличие похожих слов оказалось и для чешских и словацких студентов. При определении сложностей русского языка студентами на первом месте стоят наличие падежей и склонений, и вся система изменения слов (75%). При этом, на начальном уровне затрудняет само наличие изменений, а на высоком уровне владения языком сложность составляют особенности прямого и предложного управления. Около половины студентов называют среди сложностей постановку ударений и артикуляцию. Для европейцев неудобство состоит в возможности строить фразы без глаголов «быть» и «иметь». Они же отмечают отсутствие артиклей, как дополнительную легкость.

На третьем месте – лексические трудности. В числе забавных для носителей особенностей русского языка, затрудняющих, по мнению слушателей курсов, его изучение, названы «длинные слова» (монгольские студенты), многозначность слов, зависимость смысла от ударения (болгары, монголы). В группах с высоким уровнем владения языком выявились такие сложности как словообразование при помощи приставок (румыны, монголы, чехи), структура предложения (чехи, немцы, румыны).

Обобщенный список *сложностей преподавания* русского языка иностранным специалистам выглядит следующим образом.

- различие менталитета и темперамента (как между студентами, так и между группой и преподавателем)
- разное понимание предмета и целей обучения
- трудность работы в мультикультурной аудитории, особенно, когда рядом сидят люди из стран, находящихся в состоянии конфликта.

Так как основной целью курса изучения языка для специальных целей является коммуникативное общение и использование профессиональной литературы, преподаватель относится с известным снисхождением к ошибкам студентов в случаях, когда они не



приводят к изменению основного смысла высказывания, поощряя студентов, не боясь своих ошибок, высказаться на данную профессиональную тему.

Открытием ментального характера для исследователя оказался тот факт, что преподаватели русского языка, той же национальности, что и студенты, не позиционируют своих слушателей по отношению к русскому языку как иностранцев. Например, преподаватель-болгарин, описывая работу в интернациональной болгарско-турецкой группе, иностранцами называет только слушателей-турок, т.к. они «ни по-русски, ни по-болгарски не умеют». То есть классификация «иностранец - не иностранец» происходит не по отношению к русскому языку, а относительно страны-происхождения.

Интересен комментарий о национальном составе группы преподавателя из университета г. Силисты (Болгария). «С точки зрения нации, группа является однородной. Но учитывая регион, в котором находится Филиал «Силистра», можно сказать, что группы разнородные, так как в этом регионе живет много болгар, считающих своим этническим языком турецкий. На самом деле, язык, на котором они общаются, не является современным литературным турецким языком, а это какой-то архаический турецкий, в котором присутствуют болгарская и интернациональная лексика, восполняющая, вошедшие в жизнь новые реалии» (Цветанка Павлова, университет «Ангел Кънчев, филиал «Силистра», Болгария).

Особенности национальных культур необходимо учитывать при планировании занятия и работе в аудитории. «К примеру, преподавателю следует понимать и учитывать, что японцы не привыкли к беседе с преподавателем, у них вообще не учат риторике и устному выступлению, поэтому на занятиях слушатели стараются просто отвечать на вопросы, говорят короткими фразами. Зато письменные задания – их сильная сторона» (М.Токарева, МГУ, Россия). Представители одних культур хорошо работают в парах, строят диалоги (болгары, итальянцы, азербайджанцы), охотно и успешно выполняют групповые задания (немцы, болгары, вьетнамцы), другие делают это с трудом (чехи, румыны), зато проявляют себя в индивидуальных заданиях.

Преподаватели интернациональных групп единодушно отмечают, что некоторые студенты (европейцы) привыкли сами учиться, т.е. все брать (записывать, учить, «хватать на лету» и сразу пытаться применять в разговорной практике), а другими (американцы) надо командовать и все должно быть формализовано до каждого подробного домашнего задания. Одни (японцы, монголы) не любят и не умеют устно отвечать и вести дискуссию, другие (американцы) слабо работают в группе.

У 20% преподавателей самые большие сложности возникли на начальном этапе. Любопытно, что из них лишь один преподаватель работал в смешанной интернациональной

группе, а остальные – с представителями одной нации. В комментариях отмечено, что сложность работы со студентами начального уровня технических специальностей, изучающих русский язык в университете, состоит в том, что программа обучения «начинается не «с нуля». К студентам предъявляются требования владения языком на каком-то уровне, а в университете они надстраивают знания за счет изучения иностранного языка для специальных целей. (Ц.Павлова)

Большинство (65%) считает продолжающийся уровень самым сложным для достижения прогресса. Это не удивительно. На каждом уровне есть свои сложности, и на каждом уровне преподаватель стремится достигнуть видимого прогресса. Но этот прогресс больше заметен на начальном этапе, когда человек, не знающий алфавит и не умеющий читать кириллицу, начинает общаться: говорить, понимать, читать, писать. На первом этапе мотивация преподавателя и ученика производят синергетический эффект. На продолжающемся уровне, когда ученик достиг первичных целей, главная проблема преподавателя, „как-то вызвать у слушателей желание заниматься” (Р.Станков, Софийский государственный университет. Болгария). Напомню, что результаты исследования среди слушателей курсов русского языка показали, что лишь 8% учащихся указали как основной мотив то, что им просто „нравится учиться”<sup>67</sup>, а 15 % ответили, что превратят занятия, как только достигнут удовлетворяющих их результатов.<sup>68</sup>

Наконец, 20% преподавателей считают продвинутый уровень самым сложным, с точки зрения видимого прогресса. Из них, для одного респондента русский язык не является родным.

Зависимость возникающих у преподавателя трудностей от возраста и страны происхождения студентов отметили более 75% респондентов. В комментариях пояснялось, что под особенностями страны происхождения понимаются именно культурные, а не этнические особенности. Есть культуры, которым русский язык даётся сложнее, так как он сильно отличается от родных (азиатские, и в их числе турецкие), но есть такие, которым сама логика русского языка понятнее и ближе (европейские и славянские). При этом, 40% признали фактором влияния и возраст и страну, 65% только страну, пояснив, что молодые быстрее и легче запоминают и учатся, но более старшие по возрасту ученики бывают более мотивированы и опытны. Поэтому результат сопоставим. Еще 10% добавили, что на процесс может влиять также возраст преподавателя.

---

<sup>67</sup>Strokovskaya T. Russian Language in the Perception of Foreign Employees of Joint Institute for Nuclear Research/ The third international academic seminar on Communication – Culture – Creativity. Piła, Poland, 22-23 October 2012

<sup>68</sup> Там же

Для 20% преподавателей не существует «трудных» или «нелюбимых» разделов. Остальные самыми сложными для объяснения считают грамматические темы. Поскольку грамматика тесно связана с логикой языка и мышления, в ней заложен особый взгляд на мир, то именно несходством базовых ментальных моделей и обусловлена трудность освоения этой части языка. Известные камни преткновения – это предложно-падежная система (в особенности, тренировка в употреблении Дательного и Родительного падежей), виды глаголов и глаголы движения. В первом случае просто трудно запомнить, во втором и третьем – трудно принять эту логику, приходится рассматривать множество ситуаций и случаев, объясняя материал. Эти темы актуальны на всех уровнях владения языком и даже для носителей. В ряде случаев трудно объяснить как сам языковой феномен, так и принципы определения рода существительных. Вызывают затруднения объяснение принципов согласования числительных и прилагательных и причастий (особенно пассивных) с существительными.

Помимо грамматики, среди сложных тем были отмечены фонетика, особенно дифференциация твердых и мягких согласных, а для продвинутого уровня – лексические темы: словообразование (например, глаголы с приставками), производные части речи, принципы прямого и предложного управления.

Сложность на высоком уровне владения языком представляет овладение тематической профессиональной лексикой. На этом этапе преподаватель сталкивается с необходимостью во-первых, преодолеть барьер «ложных друзей переводчика», во-вторых, вводить в лексикон слушателей адекватные русские эквиваленты интернациональным словам там, где это возможно и\или необходимо, и в-третьих, сформировать словарь научно-ориентированной или профессиональной терминологии в зависимости от специализации слушателей.

В процессе работы группы дополнительных усилий со стороны преподавателя требуют следующие задания:

- построение диалогов при работе в паре (уже отмечалось, что это этнокультурная особенность, которую необходимо учитывать)
- придумывание своих примеров
- неподготовленные устные сообщения и выступления

Среди самых простых видов работ преподаватели назвали,

- Общая лексика и начальные разговорные темы («Знакомство», «семья»)- 35%
- Начальная грамматика (времена и спряжения глаголов, схемы: "где-куда-откуда") 25%

- Синтаксические структуры. Они объясняются с точки зрения их функциональных значений - 10%

- Лингвистический анализ текста на материале небольших высказываний страноведческого или лирического характера -10%

Остальные респонденты ответили, что простых тем для них не существует.

Любимые и предпочтительные для преподавателей виды работы составили самую широкую палитру в различных сочетаниях. Приведу примеры:

- люблю лексику и грамматику, умею разговорить (вывести в речь), т.е. ещё и разговорная практика (Москва).

- Различные формы занятий с применением наглядности и метода проектов, игровые формы работы (Вроцлав)

- Диспуты, мини-конференции, круглые столы и т.п. (Вроцлав)

- дискуссионные, ролевые, игровые, ситуативно-коммуникативные (Дубна, Вроцлав, Силистра, Москва)

- по практике устной и письменной речи, аудирование (Вроцлав, Дубна, София)

- Предпочитаю письменные занятия, но студенты их-то как раз не очень любят (София)

Думаю, что все вышеприведенные обобщает ответ одного из респондентов, обезоруживающий своей откровенностью.

Для большинства любимыми являются «занятия, на которых не приходится объяснять студентам грамматику и требовать от них ее правильного употребления» (Силистра, Болгария).

Помимо сложностей, возникающих непосредственно на занятиях, отмечается и специфика языковой и культурной среды, влияющей на понимание и восприятие языка. Например, затрудняют понимание русской речи особенности *паравербальной коммуникации*, среди которых отмечаются высокий тон речи, напористость в интонации, часто воспринимаемая как агрессивность, манера говорить громко (для чехов и румын), «плачущие» интонации (для французов), высокая скорость речи, в том числе преподавателей русского языка, (монгольские студенты), стремление заканчивать фразы за собеседника (немцы, болгары).

Как удивляющая особенность разницы в этикете была отмечена русская традиция обращаться к собеседнику по имени и отчеству: «Нельзя забывать очень важный момент в общении в России. В принципе со всеми людьми, даже со студентами твоего факультета, кроме твоих друзей, говори на «Вы»! Даже если это родители твоего друга, даже если с этим преподавателем ты прошел 2 семестра, – ВЫ! И очень редко может прозвучать в ответ: «ой,

не надо на Вы, можно ты». Помни также, по возможности употребляй имя и отчество старшего человека, а тебя будут называть по имени». Добавим, что для студентов из Индии такая особенность порой оказывается непреодолимой, и различие между ТЫ и ВЫ в обращении с коллегами им дается сложнее, чем сам русский язык.

В заключении, приведем некоторые примеры ситуаций коммуникативного сбоя или конфликта культур, возникающего в результате различий между русской и родной культурами слушателей курсов. Необходимо отметить, что сбой в коммуникации не обязательно несёт отрицательную эмоциональную окраску. Это может быть непонятная, неожиданная ситуация, которая скорее характеризуется как приятный сюрприз. В некоторых случаях такие ситуации «вовсе не имеют какой-либо оценочной коннотации»<sup>69</sup>.

Ведущая десятка ситуаций коммуникативного сбоя выглядит следующим образом:

1. Отсутствие улыбки на лицах людей.
2. Ужасная бюрократия, с ее «разными окошками» и бесконечными очередями.
3. Другое отношение ко времени, так называемая «русская минуточка», которая длится неопределенное время.
4. Разговорчивость, открытость и общительность русских при внешней закрытости и угрюмости людей на улицах.
5. Патриотизм русских.
6. Другой этикет.
7. Презрительное и высокомерное отношение работников сферы услуг.
8. Опасное движение на дорогах, несоблюдение правил дорожного движения, неуважение к пешеходам.
9. Добродушие и готовность помочь.
10. Традиции бурно отмечать праздники.

Эти ситуации в качестве разговорных тем обсуждались в группе слушателей высокого уровня владения языком на материале главы книги В.Жельвиса «Наблюдая за русскими». Заслуживает внимания совпадение мнений участников группы с тезисами издания, а также с результатами исследования, проведенного М.А.Токаревой на кафедре межкультурных коммуникаций МГУ им. М.В.Ломоносова в интернациональной (преимущественно Европейской) группе студентов, проходивших курс практикума по межкультурной коммуникации с 2007 по 2011 г.

---

<sup>69</sup> Токарева М.А. «РОССИЯ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСОВЫХ РАБОТ 2007–2012 гг.)/ Материалы III Международной научной конференции «Россия в кросскультурной перспективе». Университет «Дубна». Дубна.2012

Подводя итог, можно констатировать, что особенности национальной культуры находят отражение в процессе совместной работы преподавателей и слушателей курсов русского языка как иностранного. В мультикультурной аудитории наряду с общей методикой необходимо применять специально разработанные методы и приемы, ориентированные на язык и культуру носителей.

#### **Список литературы:**

*Strokovskaya T.* Russian Language in the Perception of Foreign Employees of Joint Institute for Nuclear Research/ The third international academic seminar on Communication – Culture – Creativity. Piła, Poland, 22-23 October 2012

Анкетирование преподавателей краткосрочных (один семестр) курсов русского языка 2012-июль 2013 г., проведен Т.Е.Строковской, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук Международного университета природы, общества и человека «Дубна» (Россия) при поддержке Русско-Польского института (г. Вроцлав, Польша. <https://www.facebook.com/Instytut.Polsko.Rosyjski>)

*Токарева М.А.* «Россия глазами иностранных студентов (по материалам курсовых работ 2007–2012 гг.)/ Материалы III Международной научной конференции «Россия в кросскультурной перспективе». Университет «Дубна». Дубна.2012.

*В.Жельвис.* «Наблюдая за русскими». Скрытые правила поведения. М.2011.

*Strokovskaya T.* Difficulties of Russian as of a foreign language trough the eyes of teachers. Доклад на XII Международной конференции AELFE, 5-7 сентября 2013 г. Universidade da Coruna. Ла Корунья. Испания. 2013

*Susi M.  
Anggraeni P.*  
Университет Паджаджаран  
г. Бандунг (Индонезия)

*Susi Machdalena  
Anggraeni Purpama*  
Padjadjaran University  
Bandung (Indonesia)

## КАРТИН МИРА: РУССКИЕ И ИНДОНЕЗИЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ И ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ

### VIEW OF WORLD: RUSSIAN AND INDONESIAN ANTROPHONYMS AND THEIR USAGE

Статья посвящена анализу русского и индонезийского антропонимов и их употреблению. Личное имя отражает культуру нации, поскольку оно имеет определённые характеристики. Для русских – это фамилия, личное имя и (ФИО), а для народа минангкабау – одночленные, двучленные и трёхчленные имена, при этом не имеют фамилий и отчеств. Другие характеристики – имена, которые доминируются согласными –з и –р, адаптируются из имён известных людей, мужчины получают новое имя от невесты после свадьбы. Русские гипокористические и диминутивные имена имеют богатые варианты и нюансы и показывают отношения между коммуникантами, а имена народа минангкабау – нет.

This article deals with a proper name. It reflects the culture of the nation, because it has certain characteristics. To Russian is a family name, propername and patronymic, and for the people of Minangkabau names do not have the family and patronymic names, although the name consists of two or three words. Other characteristics of the name of Minangkabau are proper names, which are dominated by the consonants -z and -p, names which are adapted from the names of famous people and a men gets the new name from the bride family after the wedding. Russian abriviated and diminutive names have rich forms and nuauces and they show the relationship between the communicants, while the names of the people of Minangkabau are not. Characteristics of Russian and indonesian antroponyms, reflects the culture of the nation.

**Ключевые слова:** характеристики, русские и индонезийские антропонимы, культура.

**Keys words:** characteristics of Russian and indonesian antroponyms, culture.

Русские употребления именованья имеют свою культуру и свои традиции. Большинство официальных, паспортных русских имён – трёхчленные и записываются по формуле Фамилия + Личное имя + Отчество (ФИО) (*Шляков Владимир Иванович, Формановская Наталья Ивановна*). Такая антропонимическая система сложилась сотни лет назад. М.В Колтунова пишет, что эта система антропонимы уникальная. Она

сформировалась ещё в средние века под влиянием Византии и сейчас сохраняется только в русской культуре [ Колтунова, с. 223].<sup>70</sup>

В то же время в Индонезии более чем 17000 островов с различными культурами и региональными языками. Индонезия не имеет конкретных правил в антропонимике. Большинство индонезийских имён состоят из двух имён (*Wahyu Akhirudin, Agus Heriyanto* – мужские имена; *Rosa Wulandari, Tuti Hilman* – женские имена). Но также некоторые индонезийские имена бывают одночленными (*Sukarman, Tajudin* - мужские имена; *Hartini, Fatmawati* – женские имена). В этом отличие от множественных форм обращений в России. Таким образом, большинство индонезийцев незнакомы с системой фамилии и отчества, типичных для русских людей.

Антропонимика имеет важное значение для идентификации человека и употребления имени в обществе. Это связано с прагматическим и социальным аспектами в среде в том случае, если мы зовём кого-то знакомого по имени. Прагматические аспекты личного имени в русском и индонезийском обществах отличаются. Н.И. Формановская пишет, что прагматический аспект связан с говорящим лицом, его адресатом (в их статусных и ролевых отношениях), с ситуацией общения, выбором и контекстом употребления соответствующих единиц, с социальными разрешениями и запретами на те или иные речевые действия [Формановская, с. 24]<sup>71</sup>

В данной статье рассматривается то, как русские и индонезийские (народность минангкабау) имена употребляются в социуме. Примеры взяты из русской и индонезийской художественной литературы и журнал «Forum internasional».

#### **Антропоним в русском социуме**

Русская традиция и культура в употреблении имён отличается от традиции и культуры других наций, в том числе и Индонезии. В своём использовании одночленные, двухчленные, трёхчленные формы русских имён имеют разные варианты форм, в разных ситуациях общения.

В обращении люди широко используют личные имена, когда коммуниканты знают друг друга. Правильный выбор той или иной формы личного имени формируется конкретной речевой ситуацией, отношениями между адресантом и адресатом, статусом и позицией собеседника, а также этикетом, традицией, которые принимаются в данном обществе. Н.И. Формановская пишет, что ситуациям и единицам обращения выделено в речевом этикете

---

<sup>70</sup> Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет / М.В. Колтунова М.: Экономика. 2000, с. 223

<sup>71</sup> Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская, М.: Русский язык. 2002, с. 24



особое место, то есть: множественность лексем, на базе которых строится обращение (все собственные имена людей во всех формах, прозвища и клички, названия статуса и роли социальных признаков); обращение чрезвычайно частотно в речи при установлении и поддержании контакта с партнёром; выбирая подходящее обращение, говорящий учитывает возраст и пол, положения адресата в обществе, переменные роли, психологические и личные отношения и т.д. Поэтому, разные говорящие в разных ситуациях называют одного и того же человека разными формами имён. [Формановская, с. 24]<sup>72</sup>.

#### Антропоним в социуме минангкабау

Народность минангкабау занимает в Индонезии территорию Западной Суматры. В системе антропонимов минангкабау неизвестна концепция фамилий (особенно в простых семьях), а в некоторых образованных семьях дают имена и отчества. Встречаются такие мужские имена, как, например: *Azinar Amin, Azumar Anwar, Zulkifli Fahrudin, Azyumardi Azra, Azrul Azwari, Zakirman. Zulhanif, Rizal, Rizaldo, Rizaldi, , Erizal, Syamsurizal, Syahrizal, Endrizal, Masrizal, Syafrizal, Hendrizal, Efrizal, Nofrizal* (*Amin, Anwar, Fahrudin Azra, Azwari – имена отчеств*; женские имена, например: *Zurhaza Mahyudin, Zakiar Husin, Aidar Umar, Syamzidar, Zahara, Nelza* и т.д. *Mahyudin, Husin, Umar – это имена отчеств*. Следует обратить внимание на то, что в этих именах доминируют согласные звуки *-z* и *-p*. Такие имена не встречаются у других народностей Индонезии. Кроме того, существуют имена, которые происходят из арабского языка, например: *Muhamad Amin, Taufik Ismail, Taufik Abdulah, Mohammad Attar, Mohammad Natsir, Saiful, Bahri, Mochtar, Ali, Amir, Arifin, Ismail, Aziz, Fauzah, Hamid, Muhamad Rais, Zakiah, Ibrahim, Idris, Rasid, Sofyan, Dahlan*, (мужские имена); *Muslimah, Siti Khodijah, Khofifah, Nurbaiti, Fatimah, Aminah, Maimunah, Hayati, Nurhasanah, Nuraini, Saidah* (женские имена).

В начале 19-го века у народа минангкабау большинство имён были одночленными *Talib, Yasip, Sa'an* (мужские имена); *Setimar, Masamah, и Raunah* (женские имена). Такие имена – типичные имена для народа минангкабау.

В 1940-1960 годы происходило изменение в ориентации именования. Причиной этого явилось то, что контакт с другими людьми стал более широким. Поэтому, в это время много имён минангкабау происходит из арабских, китайских, яванских имён и других, например: *Abdul Lase, Tangkisun* и *Hayanto*.

---

<sup>72</sup> Формановская Н.И. Речевой общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская, М.: Русский язык. 2002., 24

В 60-е годы в мужских именах минангкабау доминируют окончания *-man* и *zal*, например: *Harman, Nasman, Suparman, Wahasman, Alman, Arfizal, Syafrizal, dan Syamsurizal*, а в женских именах - *-wati, -ah*, и *-mi*, например: *Masmidawati, Sidariah* и *Silasmi*.

В 80-х годах родители давали новорождённым детям имена, которые происходят из западного мира, например: *John Keneddy, Sokrates, Leonardy Armaini, Jeffry Geovanni, Monika, Clara, Robertus, Jhonson, Alex, Ryan, Yosep, Octavia, Andreas, Jhon, dan Yohanes* и т.д.

Другие типичные имена минангкабау – это аббревиация. Е.И. Диброва пишет, что аббревиация – сложение сокращённых элементов слов, объединённых в одно сочетание [2, с. 508], например: *НАМКА (Haji Abdul Malik Karim Amarullah), STA (Sutan Takdir Alisyhbana)* и др. Люди обращаются к ним по этой форме, например: *Selamat siang Pak STA* (Здравствуйте, господин СТА).

Когда мужчина женится на женщине из народности минангкабау, то после вступления в брак мужчина получает новое имя, данное семьёй невесты, например: перед свадьбой мужчину зовут *Azinar Amin*, после свадьбы его зовут например: *Datuk. Rangkyo Basa* или *Datuk Mangkudun Sati* или *Datuk Bagindo Sutan* или *Sutan Pamuncak, Sutan Muncak* и др. И люди обращаются к ним по этому имени. При этом берётся первое, или первое и второе имена.

### Употребление русских имён

#### А. В деловой сфере

В русском социуме обращение к уважаемому человеку возможно только по имени-отчеству (*Владимир Иванович*). Обращение с использованием лексического средства указывает на гипокористическую, диминутивную форму имени и их варианты: *Коля – Колечка*. Кроме того, обращение к уважаемому человеку использует этикетное слово *товарищ*. Русское этикетное слово *товарищ* сочетается с фамилией или с названием должности. Однако в настоящее время слово *товарищ* выходит из употребления, сохраняясь, лишь в формулах обращения в армии и в правоохранительных органах. Например:

(1) *В этот момент бригадира остановила какая-то женщина с портфелем:*

- *Товарищ Мищук?*

- *Да, - ответил бригадир.*

*Я подумал - бред какой-то... [С.Д. Довлатов «Виноград»].*

В данном примере представлено обычное обращение к малознакомому адресату в официально-деловом тоне в формальной обстановке, которое было принято в Советском Союзе. Указывает на уважительное отношение к адресату.

Обращение по форме «господин + фамилия» используется в официальной обстановке. Этикетное слово *господин* в то время ещё не полностью «восстановилось в правах». Это часто можно услышать в передачах московского телевидения, в ток-шоу, интервью. В целом, этикетное слово *господин* ориентировано, как и в советскую эпоху, прежде всего на иностранцев. [Рылов, с. 186]<sup>73</sup>. Например:

(2) *В это мгновение дверь с размаху открылась, и кудрявый господин без пиджака крикнул по-немецки, с тревожной мольбой вголосе: "Ах, пожалуйста, господин Валентинов, на одну минуточку!" "Прости, дорогой",-- сказал Валентинов и пошел к двери, но, не доходя, круто повернулся, порвался в бумажнике и выбросил на стол перед Лужиным какой-то листок. "Недавно сочинил,-- сказал он.-- Ты реши покамест. Я через десять минут вернусь". [В.В. Набоков. «Защита Лужина»].*

Обращение по форме «господин + фамилия» используется в западном мире при обращении к уважаемому человеку, так как в культурах западных странах нет отчеств в именовании людей. В России такое обращение равнозначно обращению по имени-отчеству и используется русскими людьми в случае подражания западному миру или если собеседники находятся среди иностранцев или за границей. В данном случае коммуниканты живут за границей – они эмигранты.

### **Б. В обиходно-бытовой сфере**

Обращения с использованием лексического средства указывают на гипокористическую, диминутивную форму имени и их варианты: *Коля* – *Колечка*. Сокращённые формы имён возникли в устной народной традиции для удобства бытового общения, так как значительная часть официальных имён обладает свойствами, затрудняющими их использование в повседневной разговорной речи. Например:

(3) *Звонок засверлил опять, на этот раз настойчиво и раздраженно. И сверлил долго. -- Пусти меня,-- сказал Николай Степаныч.-- Это глупо... Если звонят, надо открыть. Чего ты боишься? -- Не смей... Слышишь, не смей!-- повторяла она, судорожно лоя его руки.-- Я тебя умоляю... Коля, Коля, Коля!.. Не надо! [В.В. Набоков «Звонок»].*

Общение происходит между матерью и сыном в домашней обстановке. Мать очень любит своего сына и называет его Коля. Это форма гипокористического имени предполагает оттенок мягкости.

---

<sup>73</sup> Рылов Ю.А. Сопоставительная антропонимика русского и романских языков / Ю.А. Рылов М.: Тезаурус. 2010. с.186

Особую группу производных от полных имён образуют диминутивные формы. Такие типы имени имеют разные антропонимические суффиксы, употребляющиеся в неформальной ситуации общения. Для русского неофициального общения чрезвычайно характерно использование разнообразных диминутивных форм, обладающих огромным эмоциональным потенциалом, часто неуловимыми нюансами, передающими разнообразие человеческих отношений. [Формановская, с.182].<sup>74</sup> Например:

(4) - *Слава тебе, Коля! Слава! - воскликнул Свиридов с неестественным оживлением и лихорадочно засутился возле костра, подбрасывая ветви. - Золотой ты человек, Колечка!* [Ю.В. Бондаев «Река»].

Общение происходит между друзьями. Адресант обращается к другу в мягкой форме, так как очень рад чему-то и благодарен другу. Их отношения близкие и симметричны.

(5) — *Что-то отдых мне надоел... Может, отвалим пораньше, а? Скажем, завтра?* Ольга была сговорчива:

— *Как хочешь, Андрюша...* [Л.Е. Улицкая «Сквозная линия»].

Общение происходит между парой. Ласковое, нежное и фамильярное обращение женщины адресовалось к любимому мужчине, для которого она согласна на всё.

Тип обращения на «дядя» или «тётя» + гипокористическое имя употребляется либо племянниками, либо детьми к хорошо знакомому взрослому. Со стороны взрослых – это может быть обращение к пожилому мастеру, работнику в сфере обслуживания («простому человеку») с оттенком доверительности и только в том случае, если адресат такую форму оценивает положительно.

В зависимости от степени знакомства, взаимных отношений и социальных признаков говорящих, такое обращение может сочетаться или с «ты»- или с «Вы»- формами. Например:

(6) *Кто там? - спросил меня строгий знакомый бас сторожа.*

- *Откройте, дядя Фёдор, это я.*

- *Ты, что ли, Борька?*

- *Да я же... Открывайте скорей.* [А.П. Гайдар «Школа»].

Молодой человек обращается к хорошо знакомому взрослому мужчине в обиходно-бытовой обстановке. У них близкие отношения, но молодой человек уважает его и обращается к нему в «Вы»- форме.

### Употребления индонезийских имён (имён минангкабау)

---

<sup>74</sup> Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская, М.: Русский язык. 2002, 213 с

## **А. В деловой сфере**

В индонезийском социуме обращение к уважаемому человеку на «Бапак» (аналогия обращения «господин») или *Pak*: *Awal Узхара – Бапак/Pak Awal*. При этом берётся первая часть имени. Когда журналист берёт интервью у начальника, министра или президента, то существуют разные обращения по форме «Вы» или *Pak* + имя или *Pak* + должность или *Varak*, например:

(7) *Bagaimana pendapat Varak tentang kunjungan Presiden Putin ke Indonesia?* (*Majalah Forum Internasional* “Hubungan RI – Rusia dulu dan sekarang” No. 8. tahun 2007, hal: 7)

Что Вы думаете о предстоящем визите президента В.В. Путина в Индонезию? (интервью с главнокомандующим Вооруженными силами Индонезии маршалом Джоко Сурьянто. (*Majalah Forum Internasional* No. 8. tahun 2007: 7. Журнал «Международный Форум». № 8, 2007: 7).

## **Б. В обиходно-бытовой сфере**

В индонезийском социуме формула дядя (тётя) + имя употребляется только для обращения к родственникам, а в русском социуме формула дядя (тётя) + гипокористическое имя – к родственникам, знакомому и незнакомому человеку.

(8) *<...>dia tidak lupa untuk memerlukan mengunjungi sepupu ayahnya dan keluraganya di Hotel Angrek itu. “Bagaimana Pakde Hari, dan Bulik Suli, serta Pakde Lantip, Etek Halimah? Saya harap kamar-kamarnya cukup enak dan luas.* [Umar Kayam “Jalan menikung”]. *<...>* он не забыл, что ему нужно навестить двоюродного брата со стороны его отца в отеле «Ангтрек». Как вы, дядя Хари, тётя Сули и дядя Линтип, тётя Халима? Надеюсь все комнаты довольно комфортные и широкие. [Умар Каям «Поворот улицы» 2001].

*Этек* – это обращение племянников к младшим сёстрам отца или матери и употребляется в семьях западной Суматры. *Halimah* – это личное женское имя. Формула дядя (тётя) + гипокористическое имя часто встречается в русском социуме, но не принята в индонезийском обществе. Такая формула употребляется для обращений к родственнику, знакомому и незнакомому человеку. А в индонезийском кругу употребляется только формула дядя (тётя) + личное имя для обращения к родственнику.

(9) *Saya memanggilnya Pak Etek Muncak. Dia adalah adik sepupu ayahku* [A. Fuadi “Negeri lima menara”, 2010]. Я обращаюсь к нему дядя Мунчак. Он двоюродный брат моего отца. [А. Фуади «Страна пяти башен», 2010].

*Pak Etek* - это обращение племянников к младшим братьям отца и употребляется в семьях западной Суматры. А *Muncak* – это имя, данное семьей жены. После свадьбы обращение к мужчине изменилось, люди обращаются к нему по форме «данное после свадьбы имя». Как упоминалось, имя данное после свадьбы *Sutan Pamuncak*. Возможно, его

имя данное после свадьбы - *Sutan Pamuncak* и люди обращается к нему *Pak Muncak*, а племянницы - *Pak Etek Muncak*. Следующий пример показывает употребление сокращённой формы имени.

(10)*Tiba-tiba Said berteriak, “Lif, nama kamu ada! ”* [A. Fuadi “Negri lima menara” : 2010]. Вдруг Саид весело закричал, «Лиф, твоё имя было в списке получения почтового денежного перевода!». [А. Фуади «Страна пяти башня», 2010].

Общение происходит в школе между одноклассниками. *Лиф* – это сокращенная форма мужского имени от личного полного имени *Алиф*. Адресант обращается к адресату по гипокористическому имени в «ты»- форме в неформальном и симметричном тоне общения. Сокращённая форма имени у индонезийцев не имеет богатые варианты и нюансы как русские. Такая форма у индонезийцев имеет только два или три варианта – не больше, например: *Fatmawati* – *Fat* или *Wati* (женское имя), *Alif* – *Lif* (мужское имя).

Подобные обращения по форме гипокористического и диминутивного имени и их деривации как у русских, у индонезийцев не существуют. Русские сокращенные и диминутивные формы имени свидетельствуют о близких отношениях между коммуникантами. Сокращённые имена в русском языке не только отражают повышенные способности русскоязычного человека к выражению любви, здоровых чувств, его сентиментальность, эмоциональность, чувствительность, но они, несомненно, способствуют формированию всех этих качеств. Таких имён в индонезийском языке нет.

Имя-отчество, товарищ + фамилия или должность, сокращенные и диминутивные формы имени – это традиционно используемые в русском социуме антропонимы, а в Индонезии принята формула *Pak* + личное имя (должность) для обращения к уважаемому, старшему человеку, а между близкими друзьями – по именам. В русском обществе все ситуативные сферы предполагают этикетное использование личного имени в рамках обычаев и общепринятых норм поведения.

Традиция – отражение личности нации и является одним из воплощений души нации на протяжении веков. В российской и индонезийской нациях существуют формы имени и обращения, которые сильно отличаются. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что Россия и Индонезия имеют традиции и обычаи, которые не совпадают друг с другом. Из-за этого неравенства можно сказать, что традиция наиболее важный элемент, благодаря которому появляется тождество для обеих стран.

Мы делаем вывод, что система антропонимы в обществе довольно точно отражает специфику образа жизни и мышления, менталитета, традиции представителей определенной культуры. Россия и Индонезия имеют очень разные культуры и система антропонимы имеет также различные традиции, менталитеты, языки и формы в функции этикета.

**Список литературы:**

- Диброва Е.И.* Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / Е.И. Диброва, М.: Академия. 2002,
- Колтунова М.В.* Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет / М.В. Колтунова М.: Экономика. 2000, 271 с.
- Рылов Ю.А.* Сопоставительная антропонимика русского и романских языков / Ю.А. Рылов М.: Тезаурус. 2010, 273 с.
- Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская, М.: Русский язык. 2002, 213 с
- Формановская Н.И.* Речевой этикет в русском общении. Теория и практика // Н.И. Формановская, М.: ВК, 2009, 333 с.

*Томашева И.В.*

*Ковалева Е.П.*

Армавирский государственный педагогический университет  
г. Армавир (Россия)

*Tomasheva Irina*

*Kovalevich Elena*

Armavir State Pedagogical University  
Armavir (Russia)

## **ЦВЕТОВЫЕ МОТИВЫ В ПЕРЕВОДАХ РАССКАЗА М.А.БУЛГАКОВА «ПОЛОТЕНЦЕ С ПЕТУХОМ» НА АНГЛИЙСКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ**

### **COLOR MOTIFS IN THE ENGLISH AND SPANISH TRANSLATIONS OF M. BULGAKOV'S STORY *THE EMBROIDERED TOWEL***

В статье рассматривается ассоциативная и ассоциативно-кодовая символика цвета рассказа М.А. Булгакова «Полотенце с петухом», представленной мотивами «Кровь», «Кости», «Страдание», «Смерть», «Петух», «Чистота», «Жизнь», которые пронизывают текст и взаимодействуют друг с другом, образуя определенную абстрактно-символическую цветовую структуру. В переводах произведения на английский и испанский языки способы выражения цветовых символов имеют как сходство, так и различия, что объясняется этнокультурной спецификой лексической семантики и речевой нормы использования цветообозначений.

In the article, colors in the story *The Embroidered Towel* By M. Bulgakov is considered represented by the motifs BLOOD, BONES, SUFFERING, DEATH, COCKEREL, PURITY, LIFE and interacting with each other forming the abstract-symbolic color structure. In English and Spanish translations, the ways of rendering color symbols have both similarities and differences which is explained ethnic and cultural peculiarities of lexical semantics and speech norms of using color nominations.

**Ключевые слова:** ассоциативная и ассоциативно-кодовая символика цвета, мотив, этнокультурная специфика цветовых символов.

**Key words:** associative and associative-code symbolism of colors, motif, ethnic and cultural peculiarities of color nominations.

Сюжет рассказа Михаила Афанасьевича Булгакова «Полотенце с петухом» довольно драматичен: после долгого и изнурительного пути по сентябрьскому сельскому бездорожью двадцатитрехлетний доктор, только что окончивший университет, приезжает в земскую больницу поселка Мурьино. В первую же ночь в больницу привозят очень красивую девушку в критическом состоянии с травмами ног, болевым шоком и большой потерей крови. Молодой доктор принимает самостоятельное решение и проводит операцию по ампутации ноги. Девушка остается жива и при выписке дарит доктору льняное белое полотенце с вышитым красным петухом.

В первую очередь обращает на себя внимание цветность рассказа. Будучи важным фактором жизни и деятельности человека, цвет является частью образа мира во всех



компонентах в структуре сознания, – и чувственной ткани, и значений, и личностного смысла [Кудрина, Мещеряков, 2011]. Цвет на протяжении всего произведения выступает как психологический стержень, основу которого составляют красный и белый цвета, а также комплементарные жёлтый, зелёный, серый, синий, чёрный.

Существует понимание цвета как способа выражения эмоционального состояния человека и как символа, обусловленного культурой и её национальным своеобразием, однако формирование цветовой символики на ранних стадиях развития, тесно связанное с физиологией человеческого тела, и осознание сильных физиологических переживаний идет рядом с эмоциональным осознанием «сильных» цветовых символов (белого, красного, черного). Подобное понимание цветового символизма связано с тремя типами символизма: по принципу прямого соотношения – огонь, например, соответствует красному цвету, что характерно для всех культур; по принципу референции – черный цвет ассоциируется с отчаянием и смертью; за счет случайного обычая – белый как цвет траура в Китае [Кошеренкова, с. 158].

Цветовые знаки-символы можно классифицировать по сходным признакам. Первая группа цветовых символов, в которую включены наиболее распространенные и наиболее древние обозначения, называется *ассоциативной* и представлена символическим рядом: белый – свет, серебро; черный – мрак, земля; красный – огонь, кровь; желтый – солнце, цыплёнок; зелёный – трава, лист; синий – небо, море; серый – волк, туча.

Благодаря натуралистической ассоциативности эти символические обозначения первичны во всех культурах и наиболее живучи.

Вторую группу цветовых символов, в которой круг ассоциаций шире, называют *ассоциативно-кодовой*. Примером могут служить следующие соответствия: белый – светоночность, духовность, чистота, невинность, ясность; черный – поглощение, материальность, беспросветность, тяжесть; красный – активность, насильственность, страстность; желтый – сияние, легкость, динамизм, радость; зелёный – спокойствие, безопасность, благотворность; синий – небесность, глубина, бесконечность; серый – пасмурный, пыль, скука.

Эти символические обозначения имеют отдаленное сходство с характерными особенностями объекта-понятия и в конкретной уточняющей ситуации приобретают познавательное значение.

Третью группу цветовых символов, самую разнообразную и самую условную, в которой цвет не имеет сходства с обозначенным объектом-понятием, составляют так называемые *кодовые* цветовые символы. В этой группе могут присутствовать практически любые обозначения: красный – демократия, зло, царь; белый – безупречный, человек,

смерть; чёрный – зло, строгий, вторник [Санчес Пуиг и др., 2001]; желтый – лето, красивый, счастье; зеленый – мир, молодой, коридор; синий – холод, туман, эмо; серый – будни, мрачный, кардинал [САРЯ].

Выразительные функции цвета могут осуществляться в любом виде визуальной информации, естественной и искусственной. Глубокое эмоциональное воздействие оказывают на человека сочные краски природных ландшафтов, гармоничный колорит живописных полотен, декоративного искусства, произведений художественной литературы.

В рассказе просматривается несколько т.н. кодовых цветовых символических мотивов, которые пронизывают текст и взаимодействуют друг с другом, образуя определенную абстрактно-символическую цветовую структуру. Мотив нами понимается как кросс-уровневая единица художественного текста, формирующая его концепцию и выражающая тему рассказа. М.А. Булгаков актуализирует идею игры цвета как активное движение, связанное с изменениями в кодовой символике цвета [ВЛ].

Цветовая символика рассказа представлена следующими периферийными компонентами: кровь, мясо (мышцы), кости, огонь в разных вариантах, окровавленные марлевые тампоны, перевязочные материалы, гипс, тьма, ночь, зима, холод, в том числе петух на полотенце в названии рассказа и вышитый красным крестом петух на снежно-белом льняном полотенце в его финале. В результате образуется кодово-символическая рамочная конструкция, а игра красного и белого цветов обретает законченность, переходя в игру содержательных смыслов.

Мотив «Петух» – настоящий и вышитый, символизируя жертвенность, нерасторжимо связан с другими мотивами рассказа – «Кровь» и «Кости», которые в свою очередь, коррелируют со сложно структурированными мотивами «Страдание», «Смерть», «Чистота», «Жизнь». Следует обратить внимание на то, что в английском переводе мотив «Петух» вербализуется лексемой *cockerel*. Исключение составляет эпизод в начале рассказа, где описывается суетливое поведение возницы, для чего переводчиком был предложен вариант *rooster* (*a male chicken* [MDO] /*an adult male chicken* [MWO]): ... закричал возница и захлопал руками, как петух крыльями – *the driver cried out and flapped his arms like a rooster flapping its wings*.

В остальных случаях переводчик использует другое соответствие – *cockerel*, со значением «молодой петух», «петушок» (*a young cock (=male chicken* [9] /*a young male chicken*): петух с окровавленной шеей – *a ... cockerel with a bloodstained neck*; погиб под ее руками петух – *she had slaughtered the cockerel*; Петух был давно мною съеден – *I had long since eaten the cockerel*; красным вышитым петухом – *embroidered with a red cockerel* [ET]. Семантика этого слова и позволяет сохранить в переводе символизм образа красного петуха:

жертвенность – жизненные силы – молодость – победа над смертью, при этом реализуется мотив «Жизнь».

Цветовая гамма красного в рассказе М.А. Булгакова представлена следующими языковыми единицами: собственно номинация цвета – красный, золото-красный, розовый, светло-рыжеватый; ассоциативно-образная номинация символики по принципу прямого соотношения, которая включает следующие тематические группы – огонь (огнепоклонник, пылающий, вспыхнувший, гореть), кровь (окровавленный, кровавый, кровить), мясо (мясник, лохмы, рвань, мышцы), петух (ободранный, съеденный и вышитый).

Красный цвет – наиболее древний из всех хроматических цветов, часто встречающийся и поэтому самый богатый смысловыми значениями. Эволюция красного цвета в истории культуры представляет особый интерес. Несмотря на общечеловеческие основы символики красного цвета, его значение менялось для представителей различных культур. Так, в древнерусской символике красный цвет – красота, сила, власть, в современном мире это также цвет революции и победы [ДХК].

Красный цвет в английском языке символизирует агрессивность и может означать что-то опасное или запретное. Кроме этого, у красного цвета есть ещё и значение «второсортность», «второразрядность» (*red-brick university, redneck*) [Миронова, 2008, с. 89].

В испанской языковой традиции символика красного цвета связана с жизненной силой и яростью, мученичеством, страданиями и болью, а также разгулом насилия и ненависти.

При сравнении текстов оригинала и его перевода на английский язык (автор – Michael Glenny) наблюдается чёткая корреляция лексем, передающих разные оттенки красного цвета: золото-красный Большой театр – *golden-red Bolshoi Theatre*; жирное, алое – *oily scarlet*; красные мятые мышцы – *battered red flesh*; светлые рыжеватые волосы – *her fair, almost reddish hair*; с красной каймой – *with a red border at the hem*; замело розовой краской – *flushed pink*.

Аналогичные соответствия обнаруживаются и в ряду языковых единиц, производных от слова «кровь» – петух с окровавленной шеей – *cockerel with a bloodstained neck*; кровавить – *to stain it with blood*; кровить – *start bleeding*; кровавая рвань – *bloody shreds*; окровавленные – *the blood which had stained my arms*.

Для передачи ассоциативно-образной символики «мясо» (мышцы) переводчик предлагает вариант *flesh (the soft part of people's or animals' bodies that consists mostly of muscle and fat)* – красные мятые мышцы – *battered red flesh*; громадный кус женского мяса – *a huge piece of female flesh*; мясник – *an experienced butcher (someone whose job is to sell meat and sometimes also to kill animals for meat)* [MDO].

Примыкающие к мотиву «Кровь» номинации цветовой символики включают соответствующие тематические группы «огонь» – *fire*; «огнепоклонник» – *like a fire-worshipper*, «пылающий» – *blazing in the stove*; с вспыхнувшим, обиженным лицом – *in such a way that she flushed, marched resentfully* [ET].

В тексте перевода на испанский язык собственно наименования группы красного цвета представлены лексическими единицами: *rojo, rojizo-dorado, rubio, enrojecido, rojizo*.

Ассоциативно-образная номинация символики по принципу прямого соотношения включает такие же тематические группы, как и в оригинале: огонь – *el fuego, (un adorador del fuego, arder)*; кровь – *la sangre, (ensangrentado, sanguinolento, sangrar, ensangrentado)*; мясо – *la carne, (carnicero, amasijo, músculos, un gallo rojo)*.

Однако переводчику, чтобы передать нюансы цвета, было необходимо применить конкретизацию, т.к. семантика слова *rubio* связана с желтоватым, похожим на золото, цветом: *rubio, bia Del lat. rubeus.1. adj. Dicho de un color: Amarillento, parecido al oro.2. adj. Dicho especialmente del pelo: De color rubio.3. adj. Dicho de una persona o de un animal: Que tiene el pelo rubio...* [DRAE].

Светлые, чуть рыжеватые волосы свешивались со стола сбившимся засохшим колтуном – *Los cabellos rubios, de un tinte algo rojizo, colgaban de la mesa secos y apelotonados*. [ST]. При этом лексема *rojizo* (*rojizo, za1. adj. Dicho de un color: Que tira a rojo*) [DRAE] используется для передачи различных оттенков красного: золото-красный Большой театр – *rojizo-dorado teatro Bolshói*; Она поглядела на меня, и щеки ее замело розовой краской – *La muchacha me miró y sus mejillas se cubrieron de un tinte rojizo*. [ST].

В семантических исследованиях существует традиция представлять значение в виде полевой структуры с ядром, ближней и дальней периферией. Обращаясь к тематической группе белого цвета, выясняем, что она выстраивается автором по принципу перехода от ядра, состоящего из прототипических референтов, к периферии. Ядро семантического пространства включает собственно номинации цвета – белый, снежно-белый, беловатый, светлый, (светло, светлеть). В приядерную зону входят значения, которые можно вывести из психологических свойств цвета и его прототипических референтов, т.е. значений ядра семантического пространства. Эти значения являются сходными в разных культурах, но не идентичными.

Согласно мнению исследователей, образно-ассоциативная периферия семантического пространства цвета представлена культурно-специфическими значениями, сформировавшимися в каждой культуре в ходе её культурно-исторического развития [Кудрина, Мещеряков, 2011]. Образно-ассоциативную периферию белого цвета в рассказе составляют номинации «восковой», «бледный», «поседевший», далее следует группа слов,

репрезентирующих натуралистическую ассоциативность: «кость, окостенеть, окоченение; небеленый, бумажный, гипс, гипсовый, забинтованный, марля».

Тем не менее, белый цвет в английской языковой картине мира часто ассоциируется с честностью, добродетелью, добром, радостью – это во многом объясняется влиянием христианской культуры. Белый цвет традиционно символизирует непорочность и чистоту новобрачной. Наблюдаются также ассоциации с добром, надеждой, радостью [LDCEO].

В испанской культуре белый цвет – цвет смерти и вечности, веры, чистоты, свободы, мечты и надежды. Может также символизировать пустоту, безликость, иллюзорность [Стрельцова].

Ядерные номинативные конструкции, репрезентирующие белый цвет в английском варианте представлены следующим образом: белый – *white*; лицо бумажным, белым – *paper-white face*; бледный лик – *pale face*; восковое лицо – *waxen face*; белые раздавленные кости – *splinters of white bone*; беловатой трубочки – *whitish pipe*; снежно-белое полотенце – *snow-white towel*.

Некоторые конструкции оригинала и перевода выявляют расхождения в передаче ассоциаций, связанных с символикой белого цвета: небелёные бревенчатые стены – *the bare log walls*; гипсовая, неподвижная, потухала – *motionless as a plaster cast ... was fading*; заляпан белыми пятнами – *white blobs of gypsum*; забинтованный – *was encased in plaster*; гипс – *plaster*; марля – *gauze*.

Сопоставление переводческих трансформаций в отношении символики белого цвета и его оттенков позволяет выделить тематическую группу «светлый»: ... еле шевеля губами под светлыми усишками – ... *with lips equally stiff under their fair moustache*;

Вдруг стало светло – *Suddenly my head became quite clear*;

Все светлело в мозгу – *Everything lit up in my mind*.

При рассмотрении смыслового ряда «Кости» и его производных обнаруживаются расхождения, объясняемые использованием разных основ – существительного *bone* и стилистически маркированного глагола *ossify*: стынут кости – *bones turning to ice*; окостенели – *ossified with cold*. Невозможность сохранить употребляемые автором синонимичные глаголы «костенеть» – «коченеть» заставляет переводчика искать адекватные замены в грамматических формах, которые с привлечением дополнительных языковых средств передают ощущение сильного холода: окостеневают – *ossification of the muscles*; в состоянии окоченения – *stiff with the cold*.

Анализируя цветовой ряд «светлый – бледный – беловатый – белый – снежно-белый», можно буквально ощутить игру смыслов через возрастающую градацию семантического дифференциала символа света в рассказе от мотива «Смерть» к мотиву «Чистота».

Тематический ряд белого цвета в переводе на испанский язык репрезентирует реалистичность и сходство цветовой символики на уровне ассоциативных обозначений. При этом обращает на себя внимание использование лексемы *pálido* (*pálido, da Del lat. pallidus. 1. adj. Que tiene la piel del rostro más blanca o con menos color de lo normal. 2. adj. Dicho de un color: Poco intenso o que tiene mucha proporción de blanco.*) [DRAE] в различных контекстах:

В тоске и сумерках я прошелся по кабинету. Когда поравнялся с лампой, увидел, как в безграничной тьме полей мелькнул мой бледный лик рядом с огоньками лампы в окне. – En medio de la tristeza y el crepúsculo, me puse a caminar por el gabinete. Cuando llegué a la altura de la lámpara vi cómo, en medio de la ilimitada oscuridad de los campos, aparecía en la ventana mi *pálido* rostro junto a las lucécitas de la lámpara. [ST].

Бледное лицо Аксиньи висело в черном квадрате двери. Тоска обвилась вокруг моего сердца. – *El pálido* rostro de Axinia se enmarcaba en el cuadrado negro de la puerta. La tristeza envolvía mi corazón. [ST].

На белом лице у нее, как гипсовая, неподвижная, потухала действительно редкостная красота. – *En su pálido* rostro se apagaba, inmóvil como si fuera de yeso, una belleza poco común [ST].

В переводе на испанский, к сожалению, градация цвета лица от бледного к белому не передается, хотя в оригинале ее изменение связано с усилением эмоций, относящихся к мотивам «Страдание» и «Смерть».

В литературных произведениях цвет служит для изображения действительности, но как талантливый мастер, М.А.Булгаков, выделяя тот или иной фрагмент мира для описания, наполняет его личностным смыслом и создает свою, собственную реальность. Игра цвета создаёт картину перехода смыслов от страдания, боли, балансирования на грани смерти к новой жизни – чистой, яркой, полной надежд и радостных ожиданий.

Сравнивая способы выражения цветовой символики в рассказе М.А.Булгакова «Полотенце с петухом» и его переводах на английский и испанский языки, приходим к выводу, что на уровне ассоциативных и ассоциативно-кодовых обозначений цветковые символы достаточно реалистичны и сходны по способам выражения в английском и испанском текстах перевода. Этнокультурная специфика лексической семантики, узус цветообозначений влияют на различное восприятие языковых знаков с кодовой цветовой символикой.

#### **Список литературы:**

Кудрина А.В., Мещеряков Б.Г. Семантика цвета в разных культурах // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2011. – №1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.psyanima.ru>.

- Кошеренкова О.В.* Символика цвета в культуре // Аналитика культурологи. – Вып. 2 (32). – 2015. – С. 156-162.
- Санчес Пуиг М., Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков. – Москва-Мадрид: «Азбуковник», 2001. – 496 с.
- Словарь ассоциаций русского языка (САРЯ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wikivox.ru>.
- Введение в литературоведение (ВЛ) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://litved.rsu.ru/motiv.htm>.
- Macmillan Dictionary Online (MDO) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com>.
- Merriam Webster Online (MWO) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>.
- A Country Doctor's Notebook* by Mikhail Bulgakov, translated by Michael Glenny. – Collins & Harvill Press, London 1975. – 158 p. (ЕТ)
- Дизайн, или художественное конструирование (ДХК) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dizayne.ru/txt/3sozd0214.shtml>.
- Миронова М.В.* Этноспецифичность цветообозначений в контексте английской и китайской культур // Вестник АмГУ. – Вып. 42. – 2008. – С. 88-91.
- Diccionario de la Real Academia Española (DRAE) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>.
- Mijaíl Bulgákov *La toalla con el gallo rojo* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ciudadseva.com>. (ST)
- Астахова Е.В.* Цвет в образе Испании // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 3. – С. 142-147.
- Longman Dictionary of Contemporary English Online (LDCEO) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com>.
- Стрельцова Е.Ю.* К преподаванию курса «Лингвострановедение Испании» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bo0k.net/index.php?bid=15011&chapter=1&p=achapter>.

*Фацанова С.В.*  
Томский государственный университет  
г. Томск (Россия)

*Fashchanova Svetlana*  
Tomsk State University  
Tomsk (Russia)

## **ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РАДИОДИСКУРСЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ<sup>75</sup>**

### **WORD PLAY AS A TOOL FOR EFFECTIVE COMMUNICATION IN RADIO DISCOURSE**

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии и тактики радиодискурса, языковым воплощением которых выступают приемы языковой игры. На примере русского радиодискурса продемонстрированы особенности коммуникативного планирования в сфере спонтанной массовой коммуникации. В качестве материала для исследования использованы российские федеральные и региональные радиостанции. Выявлен комплекс коммуникативных стратегий и тактик, среди которых особое место занимает стратегия коммуникативного сближения, позволяющая выстроить общее коммуникативное пространство между радиоведущим и слушателем. Доказано, что использование языковой игры при реализации коммуникативных стратегий и тактик в радиодискурсе позволяет повысить эффективность радиокommunikации. В результате языковой игры создаются особые, специфические понятия, присущие только радиодискурсу. Моделируется конкретный образ коммуникативного пространства радиоэфира, максимально наполненный как предметами, так и коммуникантами. Результаты исследования могут быть использованы при описании коммуникативного планирования в массовой коммуникации в других языках, при сравнении особенностей реализации коммуникативных стратегий и тактик.

The article deals with communicative strategies and tactics in radio discourse. Word play is studied as a means of linguistic realization of strategies and tactics. Features of communicative planning in spontaneous mass communication are demonstrated in Russian radio discourse. Source of material used for the study - Russian federal and regional radio stations. A complex of communicative strategies and tactics are studied. Special place among them belongs to the communicative convergence strategy that builds a common communicative space between the radio broadcaster and listener. It is proved that using the word play in the implementation of communicative strategies and tactics in radio discourse improves the efficiency of radio communication. As a result, the word play creates special concepts in radio discourse that are unique. Specific image of radio communication space is modeled; it is filled with items and communicants. Results of the study can be used in the description of communicative planning in mass communication in other languages, especially in comparison of features of communicative strategies and tactics realization.

**Ключевые слова:** радиодискурс, языковая игра, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика.

**Keywords:** radio discourse, word play, communicative strategy, communicative tactic.

---

<sup>75</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики»), проект № 14-34-01022.



Различные виды дискурсов предполагают различные коммуникативные стратегии и тактики. Человек, вовлеченный в запланированное или не запланированное общение, обладая коммуникативным опытом и компетенцией, реализует свою коммуникативную цель или становится адресатом, который подвергается воздействию коммуникативных тактик говорящего (который, в свою очередь, следуя определенной интенции, выработал коммуникативную стратегию). Так и говорящий, и слушающий пополняют свой коммуникативный опыт.

Соглашаясь с О.С. Иссерс, мы исходим из того, что речевая коммуникация – это стратегический процесс, средством реализации которого является случайный (бессознательный) или намеренный отбор языковых и внеязыковых средств, используемых автором для оказания воздействия на адресата [Иссерс, 2003, с. 10].

Речевое воздействие практически всегда обусловлено неречевыми целями участников коммуникации. Не вызывает сомнения наличие целенаправленности в любом речевом общении, даже нейтральном, без видимых языковых маркеров воздействия. Любой коммуникативный акт подчинен целевой установке автора сообщения и направлен на формирование соответствующей реакции реципиента. В связи с этим целесообразно говорить о существовании типичных для различных дискурсов коммуникативных стратегий. Вариативность коммуникативных стратегий даже в рамках одного дискурса множественна, поэтому представляется возможным выделить и описать только наиболее характерные коммуникативные стратегии, а также конкретные приемы, реализующие их.

Целью данной работы стало исследование российского радиодискурса в аспекте коммуникативных стратегий и тактик, основное внимание уделено изучению языковой игры как средству языкового воплощения коммуникативных стратегий.

Материалом для исследования послужили стенограммы записанной на магнитофонную ленту и USB-носители звучащей в радиоэфире речи ведущих федеральных и томских радиостанций («Эхо Москвы», «Русское Радио», «Автордио», «Европа Плюс», «Маяк», «Милицейская волна», «Радио Сибирь», «Радио Дача», «Радио Рекорд», «Радио России», «Ретро FM», «Хит FM», «DFM», «Love Radio»). Сбор материала проводился путем сплошной выборки. Всего подвергнуто исследованию более 2000 печатных страниц стенограмм радиоречи, прослушано около 500 часов радионного эфира, в результате зафиксировано более 700 контекстов, отражающих случаи языковой игры.

Актуальность исследования определяется коммуникативно-прагматическим подходом к изучению языковых единиц. Языковая игра в медиадискурсе, и в радиодискурсе в частности, получила широкое распространение как средство, используемое отправителем языковой игры в разнообразных целях. В то же время языковая игра – признак естественной

коммуникативной ситуации, поэтому особую актуальность приобретает исследование приемов языковой игры в коммуникативно-прагматическом аспекте как средства реализации коммуникативных стратегий и тактик.

Механизмы диалогического взаимодействия в радиодискурсе, коммуникативные условия протекания радиокоммуникации уже исследованы в работах Н.Г. Нестеровой [Нестерова, 2011], Л.И. Ермоленкиной [Ермоленкина, 2008], Т.Е. Арсеньевой [Арсеньева, 2013], А.А. Волковой [Волкова, 2014] и др. Однако изучение языковой игры как способа взаимодействия в пространстве радиодискурса остается за пределами научного интереса, несмотря на то, что особая роль в вербальной репрезентации коммуникативного пространства радиодискурса отводится языковой игре.

В радиодискурсе преимущественно используются прагматические неконфликтные типы речевых стратегий, что обусловлено, в первую очередь, экстралингвистическими факторами радиокоммуникации: «дистантность, опосредованность, отсутствие визуализации, массовость слушательской аудитории, всеохватность (всепроникающая способность), скорость передачи информации, связь со временем, которая выражается в необратимости, одномоментности, линейности, непрерывности» [Нестерова, 2009, с. 37]. Один из специфических для радиодискурса экстралингвистических факторов – вневизуальность – обуславливает использование определенных типов коммуникативных стратегий. Радиоведущему в отсутствии возможностей визуального ряда необходимо концентрироваться на отборе языковых средств таким образом, чтобы привлечь внимание именно к своей радиостанции, программе, активизировать слушателей и т.д. Языковая игра, выступая в качестве нестандартного способа подачи информации, является носителем множества смыслов и успешно применяется отправителем игры в различных целях. На основе коммуникативных целей адресанта возможно выделить ряд коммуникативных стратегий и тактик, которые их реализуют и языковой репрезентацией которых являются приемы языковой игры.

Приемы языковой игры, используемые в названиях радиопрограмм, способны максимально эффективно в коммуникативно-прагматическом плане реализовать коммуникативную стратегию привлечения внимания, выступая средством воплощения *тактики привлечения внимания к конкретной радиопередаче*. Такая языковая игра выполняет главную задачу создателей программы: актуализируется название радиопередачи, повышается интерес к ней, и, соответственно, растет ее рейтинг. Анализ названий радиопрограмм региональной радиостанции «Радио Сибирь» и федеральных радиоканалов: «Русское Радио», «Европа Плюс», «Эхо Москвы», «Петро FM», исключая новости, прогноз погоды, спортивные репортажи (всего – 157 названий) показал, что языковая игра

использована в 35% случаев, ср.: «Утрология» («Ретро FM»), «Телехранитель» («Эхо Москвы»), «Открывашка» (познавательная передача, «Эхо Москвы»), «Я спросил у радио» («Радио Сибирь») и др.

В качестве реализации стратегии привлечения внимания выступает также **тактика анонсирования**: *Такие новости/ такие взлеты и падения нас ждут сегодня// что ни в словах сказать/ ни пером описать/ а лучше послушать* («Русское Радио»).

Реализуя коммуникативную стратегию привлечения внимания, радиоведущий с помощью приемов языковой игры может переходить к новой теме разговора (**тактика введения новой информации**), причем за короткий промежуток времени благодаря языковой игре выдается максимум информации, как например, в следующем тексте: *Первое пришествие Авраама Руссо с песней «Знаю»//* («Русское Радио»).

В некоторых коммуникативных ситуациях стратегия привлечения внимания воплощается через **тактику установления контакта между говорящими**: *Одна пара ушей хороша/ а несколько сотен, а еще лучше тысяч и тысяч/ еще лучше, правда же/ дорогие наши миллионы?//* («Русское Радио»).

**Стратегия самопрезентации** является одной из основных в медиадискурсе, ведь от умения адресанта выстроить свой имидж (имидж программы, радиостанции) зависит рейтинг радиостанции и, значит, ее существование в целом.

Одной из тактик, реализующих указанную стратегию, является тактика **«установка на оригинальность»**: *Как царь Кащей буду чахнуть над вашими сообщениями* («Радио Сибирь»).

Нередки случаи использования языковой игры в качестве коммуникативного приема, реализующего стратегию самопрезентации посредством **тактики самоиронии**: *Как аукнется/ так и откликнутся наши слушатели//* («Русское Радио»).

В числе востребованных стратегий, которые реализуются в радиодискурсе с применением приемов языковой игры, – **рекламирование** программ, акций и т.п. Данная стратегия часто используется в комплексе со стратегией привлечения внимания: *Большое путешествие со Станиславом Кучера// Кучер дорогу знает// На «Авторadio»* (Реклама передачи на «Авторadio»);

Специфика коммуникативного пространства, создаваемого радиоэфиром, в первую очередь, обусловлена характером и условиями протекания радиокоммуникации. Пространство радиоэфира включает в себя две локально отдаленные составляющие: пространство адресанта и пространство, в котором находится радиослушатель (адресат), т.е. коммуникативное пространство радиоэфира не является единым. Усиливают эту неоднородность, раздвоенность специфические условия протекания радиокоммуникации [Нестерова, 2009, с. 37].

Построение же некоего общего коммуникативного пространства между радиоведущим и слушателем значительно повышает эффективность радиокommunikации, пространство радиоэффира перестает быть для адресата (слушателя) «чужим». В настоящем исследовании данная стратегия получила название **стратегии коммуникативного сближения**.

Можно выделить ряд коммуникативных тактик, с помощью которых реализуется стратегия коммуникативного сближения в радиодискурсе и языковым воплощением которых выступают приемы языковой игры. В результате реализации данных тактик моделируется образ единого коммуникативного пространства радиодискурса.

Одной из специфичных коммуникативных тактик, реализующих названную стратегию, является **тактика локального очерчивания пространства радиодискурса**. Слушатели осознают наполненность коммуникативного пространства некими материальными предметами: чаще всего, стол, часы (образ часов варьируется, это могут быть ходики, будильник, настенные часы и т.п.), в результате чего в представлении радиослушателей возникает конкретный материализованный образ радиостудии: *На наших студийных ... («Радио Сибирь»)*, *на наших авторадийных... («Автораддио»)*, *на русскорадийных ходиках..., наш русскорадийный будильник уже отзвенел* и т.п.; *добро пожаловать к нашему русскорадийному столу, в наш музыкальный стол пришло много разных сообщений, «Стол заказов» на «Русском Радио» («Русское Радио»); Книга рекордов нашего чарта снова пополнилась («Радио Сибирь»)*. Музыкальные программы (чарты, хит-парады) моделируют свой образ коммуникативного пространства радиодискурса, заполняя его такими предметами, как пьедестал почета, ступени лесенки, лестница почета, включая в коммуникативное пространство музыкальных исполнителей.

**Тактика создания эффекта присутствия слушателя в студии.** Языковая игра в этом случае направлена на создание ощущения, что общение между слушателем и радиоведущим происходит непосредственно в радиостудии, а не по телефону, не через СМС-сообщения. Ведущие довольно часто используют данную тактику, так как она способствует более близкому, интимному общению и, как представляется, более успешному: *Добро пожаловать/ в нашу «сибирскую» компанию// («Радио Сибирь»); Приветствуем вас/ в наших авторадийных объятиях// («Автораддио»); «Европа Плюс»// «европейский» стиль// «европейская» музыка// «европейская» компания// доброе утро!// («Европа Плюс»)*. Подчеркивается специфическая принадлежность компании: *сибирская* – не в Сибири, а на «Радио Сибирь», *авторадийная* – компания «Автораддио», *европейская* – компания в радиостудии «Европа Плюс».

**Тактика подчеркивания специфического характера протекания радиокommunikации.** В результате языковой игры создаются новые, специальные понятия или происходит переосмысление уже известных слов, в которых подчеркивается отличительный, аудиальный, характер протекания радиокommunikации: *Что ж/ уважаемые радиозастольники!!!* («Радио Сибирь», окказионализм); *Поздравляйте друг друга/ во всеуслышание//* (книжная форма в разговорной речи обычно не употребляется, а радиостанция «Радио Сибирь» сделала это слово одним из ключевых в своем вещании); *Завтра/ в это же время/ я услышусь с вами//* (глагол «услышаться» не употребляется в 1 и 2 лице, но в речи многих радиодиджеев эта форма стала привычной); *Смотри ушами* («Радио России»).

**Тактика установки на оригинальность.** Полученные в результате языковой игры единицы указывают на специфику определенной программы, название и тематика которой на время вещания придают особый колорит радиоэфирu. Коммуникативное пространство моделируется с помощью приемов языковой игры в соответствии с основной идеей данной радиопередачи. Указанную тактику ярко демонстрирует программа «Привет», транслирующаяся в эфире радиостанции «Радио Сибирь». Это программа развлекательного характера, формирующаяся на основе поздравлений, пожеланий, заявок слушателей, которые озвучиваются ведущим программы и перемежаются музыкальными композициями. Название программы отражает ее суть: каждый дозвонившийся или написавший обязательно должен передать «привет» (пожелания, приветствия друзьям, родителям и др.). В результате «приветы» переходят в статус неотъемлемой части программы, чего-то необходимого, материального: *Очередная порция приветов; Приветы сыпятся со всех сторон; Приветы завалили нас; Горсть приветов от наших слушателей; Операция «Привет» продолжается на наших волнах.* Само понятие «привет», включаясь в новый контекст (при использовании приема трансформации прецедентных текстов), часто становится объектом игры, как у слушателей, так и у ведущих: *Хлеб да соль/ а точнее/ приветы и поздравления сегодня вам обеспечены//.* Слушатели с удовольствием включаются в предложенную ведущими игру, акцентируя внимание остальной аудитории на тематике программы, ср.: *В.: С чем пожаловали? С.: С приветом! В.: Рассказать, что солнце встало? С.: Да нет// уже село!*

Использование языковой игры при реализации коммуникативных стратегий и тактик в радиодискурсе позволяет повысить эффективность радиокommunikации. В результате языковой игры создаются особые, специфические понятия, присущие только радиодискурсу. Моделируется конкретный образ коммуникативного пространства радиоэфирu, максимально наполненный как предметами, так и коммуникантами. Моделирование радиопространства позволяет упорядочить информационно-коммуникативное пространство, обеспечив тем самым

оперативные информационные связи и создать структуру (систему) управления коммуникативным пространством радиодискурса.

**Список литературы:**

*Арсеньева Т.Е.* Коммуникативные стратегии и тактики просветительского радиодискурса на материале программы «Говорим по-русски» : дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Е. Арсеньева. Томск, 2013. 179 с.

*Волкова А.А.* Роль контекста в восприятии и понимании иноязычных вкраплений в радиокommunikации // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2014. № 4. С. 67-72.

*Ермоленкина Л.И.* Модели взаимодействия автора и адресата в дискурсивном пространстве информационно-развлекательного радио // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3. С. 18-26.

*Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. М. : Едиториал УРСС, 2003. 288 с.

*Нестерова Н.Г.* Коммуникативно–прагматическая специфика спонтанного радиодискурса // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 37-40.

*Нестерова Н.Г.* Коммуникативно–прагматический потенциал оценки в речи радиоведущего // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 30-33.

*Федюнина И.Э.*  
Белгородский государственный национальный исследовательский университет  
г. Белгород, (Россия)

*Fedyunina Inna*  
Belgorod National Research University  
Belgorod (Russia)

## АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ИДИОМЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМА МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

### ENGLISH AND RUSSIAN IDIOMS USED IN BUSINESS COMMUNICATION: CULTURAL ASPECTS AND TRANSLATION

В статье исследуются семантика и прагматика фразеологизмов-идиом английского и русского языков, функционирующих в сфере бизнеса. Фразеологические единицы исследуются в рамках когнитивно-прагматического подхода. Анализируются происхождение, внутренняя форма и специфика контекстуального употребления исследуемых идиом; выявляются факторы, влияющие на их оценочную коннотацию и прагматический эффект в целом. Внимание уделяется также проблеме межъязыковой эквивалентности английских и русских фразеологизмов. Определяются типы и степень межъязыковой эквивалентности и факторы лингвокультурного и семантико-прагматического характера, которые необходимо учитывать при выборе эквивалента в процессе перевода. Анализируются два типа безэквивалентных фразеологизмов - идиомы, объективирующие явления деловой активности и формы поведения, не существующие в культуре носителей другого языка, и идиомы, репрезентирующие аналогичные явления и формы поведения, но в силу тех или иных причин не имеющих семантических соответствий в другом языке.

The article deals with semantic and pragmatic properties of English and Russian idioms used in business communication. The said idioms are studied within the boundary of cognitive-pragmatic approach. The author discusses the origin, inner form and contextual usage of the idioms under study, as well as the factors affecting their connotation and pragmatic impact on the whole. The paper also focuses on the translation problem of business idioms from point of interlingual equivalence. The author defines the types equivalents and emphasizes linguistic, social and cultural factors one should consider while translating business idioms from English into Russian and visa versa. The study also discusses idioms which have no translation equivalents. These are roughly classified into two types – idioms representing activities which don't exist in the culture of target language speakers and idioms which don't have translation equivalents.

**Ключевые слова:** идиома, бизнес, эквивалентность, контекст, коннотация, семантические признаки, прагматический эффект, коммуникативная ситуация.

**Key words:** idiom, business, equivalence, pragmatic impact, context, connotation, semantic properties, communicative situation.

Сегодня деловые отношения несомненно являются одной из важнейших сфер межкультурной коммуникации. Фразеологические единицы (далее – ФЕ), имеющие отношение к бизнесу (понятие бизнеса в нашем исследовании трактуется достаточно широко и включает все виды поведения в профессионально-деловой сфере и при осуществлении

торговых сделок, нашедшие отражение во фразеологии), широко используются не только в учебной литературе и масс-медиа, но и в повседневной деловой коммуникации, переговорах и т.п. Этот факт обуславливает важность вопроса межъязыковой фразеологической эквивалентности. В современной лингвистике однозначно признано, что межъязыковое взаимодействие не сводится к грамматическим структурам и вокабуляру – это в равной мере взаимодействие культур и менталитета носителей языков: «Практически любой концепт может быть переведён с одного языка на другой... Однако общий вербальный код для представителей различных этнокультурных социумов отнюдь не является гарантией их понимания на уровне концептуальных систем [Фесенко, 2001, с. 4]. Этот принцип широко практикуется в рамках когнитивно-прагматического подхода к исследованию ФЕ, где они рассматриваются «не просто как лингвистический орнамент, но как когнитивный и социокультурный феномен» [Алефиренко, 2009, с. 142]. Таким образом, анализ ФЕ и поиск их межъязыковых эквивалентов (особенно когда речь идёт об идиомах) не сводится к формальной структуре и денотативному компоненту – большое значение имеет анализ внутренней формы, оценочной коннотации и смысловых оттенков, которые полностью выявляются только в контексте, т.е. при анализе конкретной коммуникативной ситуации. Иными словами, важен не только план выражения языковой единицы, но и прагматическая информация, которую она несёт: «Именно коннотативные компоненты информации нередко определяют при переводе выбор того или иного актуального эквивалента» [Шаховский, 2008, с. 334]. С учётом этого факта, исследователи полагают, что структурная идентичность и даже формальное словарное значение идиомы не всегда являются ведущими факторами при выборе эквивалента – речь идёт скорее о «выборе информации, истинной для определённого фрагмента действительности, фактов и событий» [Scandera, 2007, p. 109]. На наш взгляд, это особенно верно для идиом, исследуемых в данной статье.

Анализ лексикографических источников показывает, что в русском языке сфера бизнеса достаточно бедна фразеосемантическими моделями в сравнении с английским. Можно предположить, что здесь сыграл роль социально-исторический фактор: в нашей стране бизнес как вид деятельности и коммуникации стал активно развиваться относительно недавно. В США и Великобритании, напротив, сфера бизнеса развита и разнообразна, что и обуславливает большое количество фразеологических репрезентаций. Для определения степени межъязыковой эквивалентности идиом мы использовали классификацию, предложенную А.В. Калининой [Калинина, 2007, с. 118-128], в рамках которой выделяются следующие виды эквивалентов: 1) полные структурно-семантические эквиваленты (ФЕ, совпадающие по всем компонентам значения и структуры с возможными незначительными различиями в нюансах); 2) частичные структурно-семантические эквиваленты (ФЕ, которые



могут при семантически соотносительном значении иметь лексико-грамматические расхождения различной степени); 3) квазиэквиваленты (ФЕ, близкие по структуре, но имеющие значительные различия в сфере употребления, в плане национально-культурной специфики и осмыслении внутренней формы); 4) функционально-смысловые эквиваленты или семантические корреляты (ФЕ, соотносимые по семантике и прагматике, но полностью или очень сильно различающиеся по образной основе, лексико-грамматическому составу и культурной специфике); 6) безэквивалентные ФЕ (ФЕ, которым в другом языке не находится семантических соответствий, или объективирующие ментальные модели и реалии, отсутствующие у носителей другого языка).

Начнём с анализа ФЕ, характеризующие успешную прибыльную деятельность или товар - *cash cow*, *make a killing*, *золотая жила*, *сорвать куш*, *грести деньги лопатой* и др.) Практически единственным примером полной эквивалентности в рамках этой группы является пара *leave competitors behind* – *оставить конкурентов позади*: • Japanese companies...have left their competitors behind blending design and technologies in ways unmatched by western companies [Cotton, 2005, p. 118]. – Японские компании *оставили всех конкурентов далеко позади*, сочетая дизайн и технологичность на уровне, недостижимом для западных компаний. Данная ФЕ несёт позитивную коннотацию практически в любой ситуации за счёт семантических признаков энергии и силы, а также благодаря импликации заслуженного успеха, реализуемой контекстом. Иная ситуация наблюдается с идиомой *be in the driving seat*, объективирующей абсолютное лидерство и доминирующее положение. Хотя в русском языке имеется сходная по структуре и лексическому наполнению идиома *быть у руля*, она не вполне реализует ведущий семантический признак, имплицуемый англоязычной идиомой – абсолютный контроль и доминирование. Поэтому в ситуациях, подпадающих под действие ФЕ *be in the driving seat*, в русском языке используется глагольная коллокация *получить контроль над чем-либо*: • With our market dominance in the US, we are really *in the driving seat* [Cotton, 2005, p. 117]. • Аналитики говорят, что у отечественных компаний практически нет шансов *получить контроль* над мировой торговлей калием.

Ещё два интересных примера в этой группе ФЕ – идиомы *a cash cow* и *to make a killing*. Идиома *a cash cow* часто переводится на русский язык как *дойная корова*, что является ошибочным. Содержание идиомы *a cash cow* определяется как “компания, бизнес или товар (продукт), имеющие значительную долю на рынке и приносящие большую прибыль” [McCarthy, 2006, p. 62]. Однако русская идиома *дойная корова*, действительно сходная с английской по лексическому составу, имеет иное содержание и несёт совершенно другие семантические признаки: «дойная корова» - это характеристика объекта (как правило,

человека), за счёт которого субъект живёт и которого довольно цинично использует. Идиома чётко имплицитно подразумевает дополнительные признаки безвольности, доверчивости и глупости объекта, приобретая, таким образом, однозначно оскорбительную, презрительную коннотацию. Таким образом, не только семантика, но и прагматический эффект данной идиомы не позволяют использовать её в качестве эквивалента. Адекватным же эквивалентом идиомы *a cash cow* является её семантический коррелят – ФЕ *золотая жила*, отличающаяся по лексическому составу, внутренней форме и культурной специфике, но точно и полно передающая ключевые семантические признаки и прагматические импликации оригинала – активность, энергию, позитив, преуспевание, «здоровую» прибыльность: • The British newspapers are the group's *cash cow*, earning nearly 40% of group profits – Британские газеты являются для этой группы компаний настоящей *золотой жилой*, принося до 40% от общей прибыли [McCarthy, 2006, p. 62]. Идиома *make a killing*, имеющая значение «зарабатывать много денег (получать большую прибыль), зачастую легко и быстро», имеет два потенциальных эквивалента в русском языке и интересна тем, что при выборе эквивалента необходимо учитывать, в какой временной форме она употреблена в конкретной коммуникативной ситуации, точнее, выражает она однократное действие или процесс. В первом случае для перевода используется её семантический коррелят *сорвать куш*, верно передающий категориальное значение однократности, семантику, а также двойственную прагматическую импликацию: с одной стороны – признаки быстроты, удачи и успешности, с другой – потенциальную агрессию, возможный обман и даже преступные действия субъекта. Officials cracked down on the speculators who tried to make a killing on the Stock Exchange. – Власти «накрыли» мошенников, которые пытались *сорвать куш*, спекулируя на фондовой бирже [Collins, 2007, p. 215]. Однако в контекстах, где данная идиома репрезентирует процесс, необходимо при переводе использовать её квазиэквивалент – ФЕ *гребсти деньги лопатой*: • The company had been making a killing...so, when our profits suddenly nose-died, I couldn't understand how such a cash cow could bust... [Collins, 2007, p. 216]. – Компания просто *гребла деньги лопатой*, и когда наши прибыли резко упали, я понять не мог, как такая золотая жила могла вдруг иссякнуть...

Перейдём к анализу фразеосемантической группы с общим значением «давать взятки» и «брать взятки» – *давать на лапу, подмазывать колеса, to oil / grease smb's palm, брать на лапу, to have an itching palm* и др. Большинство ФЕ данной группы проявляют высокую степень структурно-семантической и функционально-смысловой эквивалентности и имеют общее происхождение. По мнению большинства исследователей, они являются кальками с французского выражения *graisser la patte* (букв. «смазать лапу»). В средневековой Франции церковь брала очень большой налог с торговцев свининой. Уклоняясь от его уплаты,

торговцы в виде взятки давали сборщикам налога кусок сала [Телия, 2006, с. 160]. Интересно отметить, что компонентная структура и внутренняя форма ФЕ со значением «давать взятки» репрезентируют действие в обоих языках, и, таким образом, эти ФЕ представляют собой полные эквиваленты, а ФЕ со значением «брать взятки» объективируют в русском языке действие, а в английском – характерный признак и состояние, которые можно определить как жадность, агрессия, неудовлетворенность и ненасытность (*itching* – букв. «зудящий»), что имплицитно подразумевает постоянную готовность брать ещё и ещё. Анализ контекстуального функционирования ФЕ данной группы обнаруживает следующую тенденцию. ФЕ с общим значением «давать взятки» имеют пренебрежительную коннотацию, но зачастую не несут однозначно отрицательной оценки; при этом неодобрение или ирония зачастую направлены не на дающего взятку, а на самого взяточника. Берущий взятки вызывает гораздо большую неприязнь, нежели дающий, который зачастую просто вынужден это делать, так как без взятки невозможно нормально вести дела: • Что с тобой случилось? Ты же раньше никогда *на лапу не брал*. Мне даже в голову не могло прийти, что ты на такое способен! [Телия, 200, с. 161]. • «Ты... будешь в этой очереди стоять до тех пор пока нужному человеку *на лапу не дашь*» [Телия, 2006, с. 160]. • I think we'll have to *grease a few palms* if we want to get our shipment delivered on time [Longman, 1998, p. 255]. Однако следует отметить, что оценочная коннотация ФЕ с семантикой взяточничества не является фиксированно отрицательной. Встречаются контексты, акцентирующие пользу, приносимую взяткой, и готовность ее давать, получая взамен возможность совершения неблагоприятных или незаконных, но необходимых и выгодных для субъекта действий. В таких ситуациях негативная коннотация ФЕ затушевывается и прагматический эффект в целом несколько меняется: • Luckily for us, the customs officer *had an itching palm* and was easily persuaded not to look in Paul's suitcase [Longman, 1998, p. 255].

Также интересна для нашего исследования группа ФЕ с общим значением «использование личных связей для достижения финансовых и карьерных выгод» - русские ФЕ с компонентом *блат* (*иметь блат, получить что-л. по благу* и т.д.) и английская идиома *the old-boy network*, отмеченные яркой лингвокультурной спецификой. Поясним их происхождение. *The old-boy network* (букв. «сеть одноклассников») – негласная договоренность, традиция выпускников престижных британских школ и университетов помогать друг другу в продвижении по карьерной лестнице. Данная идиома активно функционирует только в британском варианте английского языка, так как обозначаемая ею реалья принадлежит исключительно британской культуре. Блатом изначально назывался воровской жаргон, используемый преступниками для того, чтобы окружающие не понимали их разговоров и чтобы быстро и надежно передавать информацию внутри своей среды.

Обратимся к анализу дискурсивного употребления этих ФЕ. Рассмотрим речевое функционирование идиомы *the old-boy network* на примере двух контекстов: 1) • More than two-thirds of executive directors of Stock Exchange are appointed through *the old-boy network* [Longman, 1998: 39]. 2) • He admitted *the old-boy network* had once existed but said that things had changed now... The official selection process has killed off *the old-boy network* [Longman, 1998: 39]. Очевидно, что данная ФЕ несёт ироничную коннотацию с долей пренебрежения и имеет фиксированную отрицательную оценку (хотя резкой неприязни не прослеживается), отражая тем самым отношение британцев к данному феномену своей культуры. Первый контекст демонстрирует неодобрение, имплицитно указывая на несправедливость «кастового принципа» назначения на престижные высокооплачиваемые должности. Вторая коммуникативная ситуация отражает нежелание официально признавать существование этого принципа и тенденцию «сети одноклассников» к вымиранию. Перейдём к рассмотрению контекстов русского языка. 1) • Ее больные выживали совершенно случайно, не благодаря, а вопреки Раисину вмешательству. Говорили, что Раиса получила место по какому-то *высокому благу*, и сместить ее было невозможно [Токарева, 1995, с. 389]. 2) • - Попробуем работать... И начну я с восстановления своей давнишней дружбы с известным комментатором ЦТ... - Куда ж без *блатных ходов*, - сказал Станислав [Телия, 2006, с. 49]. 3) Пусть... ищут *блатные связи*, пусть дают на лапу, пусть лезут во все замочные скважины. У нас должен быть эксклюзив [Телия, 2006, с. 160]. Анализ приведенных ситуаций показывает, что ФЕ с компонентом *блат* несут флукутирующую оценку. Нетрудно заметить, что отношение к блату (и его обладателю) зависит от целей и последствий его использования и варьирует от крайней степени возмущения и неприязни к субъекту до юмористически-одобрительного восприятия. Кроме того, в ряде контекстов имплицитно выражается желание самому иметь выгодные знакомства и блат объективируется как нечто, вызывающее неприязнь лишь потому, что говорящий им не обладает. Очевидно, что ментальные модели, отображаемые ФЕ *the old-boy network* и ФЕ с компонентом *блат*, имеют существенные различия. Идиома *the old-boy network* отражает явление кастовое, воспринимаемое обществом иронично, но без особой неприязни. Блат не является принадлежностью какого-либо одного социального слоя, он тотален, и преуспевание на любом уровне часто зависит от его наличия. Вероятно, этим и обусловлена противоречивость восприятие и оценки данного явления, объективируемые посредством ФЕ. Вместе с тем прослеживаются существенные общие закономерности: несмотря на специфичность происхождения и осмысления, внутренняя форма обеих ФЕ имплицитно выражает идею объединения и взаимопомощи и вместе с тем отдалённости от остального общества и потенциального пренебрежения его интересами. Кроме того, в контекстах обоих языков личные связи представлены как необходимый компонент достижения успеха. Таким

образом, идиомы *the old-boy network* и ФЕ с компонентом *блат* безусловно культурно-специфичны и формально безэквивалентны. Однако перевод идиомы *the old-boy network* на русский язык путём калькирования («сеть одноклассников» или «круг бывших одноклассников», как предлагается во многих словарях) представляется не особенно эффективным в прагматическом плане и мало что скажет носителю русского языка без дополнительных пояснений. Более адекватным представляется использование либо подходящей по контексту ФЕ с компонентом *блат* в качестве семантического коррелята, либо устойчивого выражения «по знакомству» (если речь идёт, например, об устройстве на работу).

И наконец, кратко коснёмся безэквивалентных ФЕ. Как указывалось выше, они характерны в основном для английского языка. Типичным примером безэквивалентной ФЕ, отражающей явление, не существующее в культуре носителей другого языка, является идиома *ambulance chaser*. *Ambulance chaser* (букв. «преследователь «скорой помощи») – адвокат, убеждающий людей, пострадавших в аварии, подавать в суд на водителя или автомобильную компанию, не особо заботясь о том, каковы их шансы выиграть процесс. Эта идиома несёт фиксированную отрицательную оценку: • *He was a notorious ambulance chaser. He made millions out of other people's misfortunes* [Cambridge, 1998, p. 8]. Прагматический эффект достигается благодаря внутренней форме, несущей смыслы неразборчивости, цинизма и агрессии, что вызывает чувство презрения, брезгливости. В приведенном примере он усиливается посредством негативного модификатора *notorious*, подчеркивающего дурную репутацию таких адвокатов. Данная идиома имеет в русском языке только объяснительный перевод: «адвокат, навязывающий свои услуги лицам, пострадавшим от несчастных случаев». Ещё один пример безэквивалентной идиомы – ФЕ *to sell smb a pup* со значением «обмануть при сделке, продав товар или услугу низкого качества». Лингвокультурная специфика данной ФЕ обусловлена её внутренней формой, восходящей ко временам освоения европейцами территорий Канады и северной части США. В этих местах очень ценились охотничьи собаки особой породы, стоившие довольно дорого. Однако в раннем возрасте щенка такой собаки трудно было отличить от волчонка или даже лисёнка, которые назывались словом *pup* и которых мошенники, пользуясь неопытностью покупателей, зачастую им продавали. Данная идиома, в отличие от рассмотренной выше, не отражает реалии, отсутствующей в другой культуре (разумеется, обман при сделке – распространённое явление и в российской действительности), но не имеет узкоспецифического фразеологического соответствия в русском языке и переводится либо идиомой с более общим значением обмана *обвести вокруг пальца*, либо посредством экспрессивных лексем *надуть*, *облапошить* и т.п. • *I am afraid you have been sold a pup here.*

You should always have an expert to look over a second-hand car before you buy it [Longman, 1998, p. 275]. – Боюсь, тебя *надули*. Перед тем как покупать подержанную машину, лучше попросить специалиста посмотреть её.

Таким образом, исследование идиом, используемых в сфере деловых отношений, выявило три важных тенденции. Во-первых, английский язык более богат соответствующими ФЕ, нежели русский, что, вероятнее всего, объясняется культурно-историческими условиями и степенью развитости и разнообразия сферы бизнеса в двух культурах. Во-вторых, рассмотрение фразеосемантических групп показало, что многие из них не имеют фиксированной оценочной коннотации – она зависит от целей и последствий совершаемого действия, отношений между участниками ситуации и от того, как это соотносится с социокультурными установками и условиями жизни носителей языка. В-третьих, ФЕ английского и русского языков, используемые в различных ситуациях в рамках деловой и профессиональной коммуникации, проявляют различную степень межъязыковой эквивалентности. Лишь относительно небольшой процент идиом можно определить как полные или частичные эквиваленты, основная же часть является семантическими коррелятами. Отчасти это объясняется тем фактом, что многие идиомы обладают ярко выраженной лингвокультурной спецификой, отражённой в их внутренней форме. Поэтому зачастую при выборе эквивалента для перевода необходимо учитывать не столько формальное словарное значение, лексическое наполнение и грамматическую структуру, сколько полноту и точность передачи прагматической информации в конкретной коммуникативной ситуации. В-третьих, безэквивалентность ФЕ не всегда означает уникальность ментальной модели или отсутствие объекта языковой концептуализации: многие виды и явления деловой активности, равно как и сопутствующие им действия (как позитивные, так и негативные) присутствуют в жизни носителей другого языка, но не имеют специальной фразеологической объективации.

Таким образом подтверждается основной постулат когнитивно-прагматического подхода о тесной связи количества и качества языковых репрезентаций с опытом человеческой деятельности в соответствующей сфере в рамках определённой культуры.

#### **Список литературы:**

- Алефиренко Н.Ф.* «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: Монография / Н.Ф. Алефиренко. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
- Калинина А. В.* Внутренняя форма идиом русского и французского языков: опыт сопоставительного анализа / А. В. Калинина. М.: ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ, 2007. 155 с.
- Телия В.Н.* Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.
- Фесенко Т.А.* Концептуальные основы перевода / Т.А. Фесенко. Тамбов: Изд-во Тамб. Ун-та, 2001. 124 с.

*Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: Монография. / В.И. Шаховский. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 587 p.

Collins Cobuild Idioms Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2007. 410 p.

Cotton D. Intermediate Business English Course Book / D. Cotton, D. Falvey, S. Kent, Harlow: Pearson Education Limited, 2005. 176 p.

Longman Idioms Dictionary. London: Pearson Education Limited, 1998. 398 p.

McCarthy M. Cambridge Idioms Dictionary / M. McCarthy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 505 p.

*Scandera P.* Phreaseology and Culture in English / P. Scandera. Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 2007. 394 p.

*Цай Хунянь*  
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,  
г. Москва (Россия)

*Cai Hongyan*  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

## К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КИТАЙСКИХ СЛОВАРЕЙ

### TO THE QUESTION OF TYPOLOGY OF CHINESE DICTIONARIES

В статье рассматривается семь типов словарей: толковые, фразеологические, словари системных связей слов, этимологические (исторические) словари, словари неологизмов, диалектные (областные) словари и словари ненормативной лексики. Основой сопоставления являются типы словарей русского языка. Особое внимание уделяется китайским толковым словарям и их особому типу, который мы назвали словарем толково-энциклопедическим. Такой китайский словарь имеет не только все свойства словаря толкового, но и содержит некоторые энциклопедические сведения – определения понятий и терминов по основным отраслям знаний, сведения об исторических фактах и выдающихся деятелях науки, литературы и искусства (персоналии), различного рода имена собственные (географические названия и т. п.). В статье представлены перечисленные типы словарей с примерами, типы китайских словарей сравниваются с русскими типами. Оказалось, что в России есть такие словари, которых нет в Китае, а в Китае – такие, которых нет в России. Сопоставление русских и китайских словарей показывает, что русская и китайская лексикографии имеют черты как сходства, так и различия.

The article examines seven types of dictionaries: explanatory dictionaries, phraseological dictionaries, dictionaries of systemic relations of words, etymological (historical) dictionaries, dictionaries of neologism, dialectal (regional) dictionaries and dictionaries of non-standard vocabulary. The core of the comparison is with the types of the dictionaries of the Russian language. Special attention is paid to Chinese explanatory dictionaries and also the very type of this kind of dictionaries, which is called explanatory-encyclopedic dictionaries. Such Chinese dictionary not only has all the properties of the explanatory dictionary, but also includes some encyclopedic information – this is the definition of concepts and terms in the major branches of knowledge, information about historical facts and prominent figures of science, literature and arts (personalities), different kinds of proper names (geographical names, etc.). The article presents the types of above-mentioned dictionaries with examples, some types of Chinese dictionaries compared with Russian ones. It turns out that some types of dictionaries exist in Russia but not in China, and vice versa. Comparison between Russian and Chinese dictionaries shows that the Russian and Chinese lexicography have features of similarities and differences.

**Ключевые слова:** лексикография, словарь, толковый словарь, типология словарей.

**Key words:** lexicography, dictionary, explanatory dictionary, typology of dictionaries.

Как известно, и в России, и Китае есть немало работ о китайской лексикографии, среди них, в частности, работы [金晔, 1987], [杨继本, 2006], [詹丽华, 2007], [Алексеев, 2010], [Максименкова, 2010], [Ким, Фаткулин, 2011], [Рифтин, 2013], [刘叶秋, 2015]. В них рассматриваются, например, классификация древнекитайских словарей, трудности



использования этих словарей, приведено описание этапов развития китайских иероглифов и перечислены словари, существовавшие на каждом этапе истории страны, изложены история китайской лексикографии и разные точки зрения на типологию китайских словарей. В России и Китае существуют свои исторические сложившиеся типы словарей. Цель статьи – рассмотреть основные типы китайских словарей, опираясь на типологию русских словарей.

Современные русские лексикографы делят словари на следующие типы [Шимчук, 2009, с.10-18]: 1) энциклопедические и лингвистические; 2) синхронные и диахронические; 3) специализированные и универсальные; 4) одноязычные и переводные (дву- и многоязычные); 5) словари-справочники и словари активного типа; 6) тезаурусы и дифференциальные; 7) алфавитные и идеографические; 8) прикладные и теоретические; 9) большие, средние и малые толковые словари; 10) бумажные и электронные. В Китае словари существуют с III–II веков до нашей эры, но в XX веке китайская лексикография изменилась – стали создаваться словари таких же типов, которые существуют в западных странах.

В XX веке в Китае появились энциклопедические словари, предназначенные для объяснения окружающих человека реалий. В них содержится информация о предметах, явлениях и событиях, касающихся разных сфер жизнедеятельности человека, науки, искусства. Это, например, «中国文学百科全书» («Китайская литературная энциклопедия») под редакцией Ян Цзяло (杨家骆), опубликованная в 1937 году, и «中国大百科全书» («Большая китайская энциклопедия»), вышедшая в 1993 году. Для построения китайского энциклопедического словаря характерно расположение статей по системе дисциплин, объединение самых разных реалий (исторических событий, персоналий, предметов), эти словари нередко иллюстрируются.

Другой тип словарей в Китае – лингвистические (филологические), предназначенные для объяснения, трактовки слов с различных точек зрения. Эти словари подразделяются на двуязычные и одноязычные [金晔, 1987]. Двуязычные (реже многоязычные) – это переводные словари. Таковы, например, словарь «西索简明汉俄词典» («SISU Краткий китайско-русский словарь», автор – Ши Жэнь (石仁)), изданный Шанхайским издательством образования на иностранных языках в 1992 году, и словарь «英汉俄航空航天词典» («Англо-китайско-русский авиакосмический словарь») под редакцией Ли Жуйчэнь (李瑞晨), вышедший в 2002 году. Эти словари предназначены для изучения лексической системы иностранного языка, работы с иноязычным текстом и его перевода.

Известно, что первый толковый словарь – это событие в культурной жизни нации, в истории языка «создание толкового словаря – свидетельство “совершеннолетия” данного литературного языка и лингвистической зрелости общества» [Гак, 1977, с. 13]. В Китае

первый толковый словарь иероглифов – это словарь «说文解字» («Происхождение китайских иероглифов») Сюй Шэнь (许慎) в эпоху Хань (то есть в I веке нашей эры), составленный и упорядоченный по принципу иероглифического «ключа»<sup>76</sup>. В нем приведён анализ строения иероглифического знака (9353 иероглифа, распределённых по 540 ключам, а также 1163 графических вариантов их написания). Другой словарь – это «康熙字典» («Словарь Канси»), который использовался на протяжении XVIII и XIX веков. Он содержит значение 47 035 иероглифов и 1995 графических вариаций, а также статьи, объясняющие их звучание, семантику, употребление [Ким, Фаткулин, 2011].

Одним из наиболее популярных толковых словарей является словарь «现代汉语词典» («Словарь современного китайского языка»). Он начал создаваться в 1958 году Отделом по составлению словарей лингвистического исследовательского института при Академии общественных наук Китая (中国社会科学院语言研究所词典编辑室). Другой популярный словарь – «新华字典» («Словарь иероглифов Синьхуа»). В нем используются упрощённые иероглифы и фонетическая транскрипция пиньинь<sup>77</sup>, и в 2004 году вышло его десятое издание с включением традиционных иероглифов и их вариантов. Всего это издание содержит 11200 иероглифов, а также указатель слоговой транскрипции, указатель ключей, сравнительная таблица начертания иероглифов старых и новых, и иероглифический индекс с расположением знаков по ключевой системе [Максименкова, 2010].

Особым типом (по сравнению с русскими словарями) китайских словарей являются такие, которые не только имеют все свойства толковых словарей, но и содержат некоторые энциклопедические сведения. Таков словарь «尔雅» («Эрья», «Приближение к классике») – древнейший из дошедших до наших дней толковых словарей китайских иероглифов. Это был коллективный труд учёных древнего Китая, созданный в III–II веках до нашей эры, где, помимо толкования иероглифов, содержатся сведения по орфографии, грамматике и энциклопедические данные.<sup>78</sup> Для китайского иероглифического письма алфавитное расположение изначально было невозможным, и первые словари были тематическими, к

---

<sup>76</sup> «Иероглифический ключ (部首 — бушоу, bùshǒu) — графический элемент или простой иероглиф китайской письменности, из которых состоят сложные иероглифы» [Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>]. Например, ключи 一; 二; 示; 三; 王; 玉; 玨; 气; 士; 丨; 巾; 艸; 蓐; 艸.

<sup>77</sup> «Пиньинь (кит. 拼音, pīnyīn, 'транскрипция'; более официально 汉语拼音, Hànyǔ pīnyīn, Ханьюй пиньинь, то есть «Запись звуков китайского языка») — система романизации для китайского языка... Пиньинь был принят в 1958 г., с 1979 он используется во всём мире в качестве официальной латинской транскрипции имён и названий из КНР» [Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>].

<sup>78</sup> «Объём словаря – 19 пяней. «Пянь (Связка; кит. 篇; пиньинь: piān) – единица измерения объема текста в Китае. Первоначально обозначала связку бамбуковых планок, которые до изобретения бумаги использовались в качестве материала для записи и хранения рукописей. Связка состояла из 20-30 планок шириной около одного сантиметра и длиной от 20 до 40 сантиметров. На каждой планке размещалось от 30 до 50 иероглифов» [Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пянь>].

примеру, «идеографическим является первый подлинный китайский словарь “Эръя” (III в. до н.э.), древнейший в мире из толковых словарей, в полном виде дошедший до нашего времени» [Гурьян, 2011, с. 86].

Словарем такого же типа является «辞源» («Источник слов»), который начали составлять в 1908 году. Он вышел из печати в 1915 году, в 1931 году были напечатаны дополнения к этому словарю, в 1939 году осуществлено новое издание с включением дополнений, а с 1976 года началась работа над новым, исправленным и дополненным, вариантом словаря – «辞源» 修订本. 1-4 册. 北京: 商务印书馆, 1979 (««Источник слов» исправленное издание, 1-4 том. Пекин: Commercial Press (издательство), 1979»). Этот словарь предназначен для чтения текстов, написанных до 1840 года.

Один из самых известных словарей китайского языка – «辞海» («Море слов»). Создание словаря начало планироваться в 1915 году, у его истоков стоял видный деятель китайского книгоиздательства Луфэй Бохун (陆费伯鸿). Он был полон решимости создать комплексный словарь, в котором гнездовым способом были бы расположены иероглифы и который включал бы и толкование слов, и энциклопедические сведения об обозначаемых ими реалиях. Впервые изданный в 1936 году, этот словарь переиздаётся примерно один раз в десять лет, но каждое из новых изданий значительно переработано по сравнению с предыдущим. Главными редакторами словаря «Море слов» поочерёдно были Ся Чженнун (夏征农), Шу Синьчжэн (舒新城), Чэнь Вантао (陈望道) и Чэнь Чжили (陈至立) [巢峰, 2010].

Как и в России, в Китае существуют фразеологические словари, которые представляют собой сборники устойчивых словосочетаний и выражений с их толкованием, часто – с пояснением их истории, происхождения. Это – языковые единицы разного типа (成语 (чэньюй) – фразеологизм, идиоматическое выражение; 谚语 (яньюй) – пословицы, поговорки; 歇后语 (сехоуяу) – речения с усекаемой концовкой и др.), которые привлекали разных исследователей, стремившихся их систематизировать и ввести в структуру лексикографического издания. Причем число чэньюй, например, весьма велико. Вот почему в «中国成语大辞典» («Большой толковый словарь китайских фразеологизмов (чэньюй)») содержится 18000 фразеологических единиц, из них около 3000 относятся к общеупотребительным (как, например, 虎口余生 – дословный перевод “вырваться из пасти тигра”, то есть спастись от смертельной опасности). В 2006 году вышел «谚语词典» («Китайский словарь пословиц») под редакцией Яо Тецзюнь (姚铁军) и Цзян Син (姜心), в котором собрано 6942 фразеологических единиц.

Один из наиболее популярных словарей – «*俄汉谚语俗语词典*» («Русско-китайский словарь пословиц и поговорок», автор – Е Фанлай (叶芳来)), появившийся в 2005 году и включающий все общеизвестные и некоторые давно забытые пословицы и поговорки (поиск по русскому алфавиту прост и понятен для русскоговорящего человека, а перевод делали китайцы для китайцев). Этот словарь, рассчитанный на студентов-русистов и китаистов, преподавателей, переводчиков художественной литературы, вошло около 3000 наиболее распространенных русских пословиц и поговорок с китайскими эквивалентами, примерами употребления в речи.

Что касается словарей системных связей слов, то в них описываются лексические группировки, сформировавшиеся на основе парадигматических отношений: синонимы, антонимы, омонимы, паронимы и т. п. В России первым словарём данного типа и единственным в раннюю эпоху развития лексикографии стал словарь синонимов – «*Опыт российского сословника*», созданный в 1783 году Д.И. Фонвизиным и содержащий всего 32 синонимических ряда. Данная первая попытка создания синонимического словаря кажется сегодня недостаточно научной, но для своего времени он был передовым изданием и символизировал появление интереса к системным связям между словами русского языка [Утегенова, 2009]. В китайском «*同义词、近义词、反义词、组词、造句、多音多义字词典 (全新辨析版)*» («Словаре синонимов, антонимов, омографов китайского языка (Новая версия дискриминации)»), изданном Издательством литературы о преподавании китайского языка (华语教学出版社) в 2009 году, собраны антонимы, синонимы и слова, близкие по значению, а также слова, при одинаковом написании отличающиеся чтением. Иероглифы здесь расположены по алфавиту, приводится более 15 000 антонимов и синонимов, 20 000 словосочетаний и 8000 предложений-примеров, более 600 слов с одинаковым написанием, но разным чтением и значением омографов. В 2010 году создан «*同义词近义词反义词词典*» («Словарь синонимов и антонимов») под редакцией Словарного исследовательского центра издательства «The Commercial Press» (商务印书馆辞书研究中心). В 1986 году появляется «*简明同义词词典*» («Краткий словарь синонимов») (автор – Чжан Чжи 张志毅); в 1987 году – «*现代汉语同义词词典*» (Словарь синонимов современного китайского языка), его главный редактор – Лю Шусинь (刘叔新), и «*常用反义词词典*» («Словарь употребительных антонимов») под редакцией Лин Бин (凌冰) и Цзян Юнь (蒋芸).

Первые в России этимологические (исторические) словари, объясняющие историю происхождения слов русского языка, появились в XIX веке: «*Корнеслов русского языка*», составленный Ф.С. Шимкевичем в 1842 году и переиздаваемый сейчас в репродуктивном

издании, и словарь Н.В. Горяева 1892 года, в названии которого уже фигурирует термин «этимологический». Китайские этимологические словари объясняют историю происхождения слов китайского языка. В 2001 году был издан «近现代汉语新词词源词典» («Последний современный китайский словарь этимологии и новых слов»), который является первым китайским этимологическим словарем в строгом смысле слова, включает 5275 словарных статей. Здесь собраны слова начала XIX – середины XX веков, и словарные статьи, посвященные словам эпохи конца династии Мин и начала династии Цин (это приблизительно середина XVII века, в этот период миссионеры въехали в пределы Китая).

Что касается неологии, то как и русские словари, китайские словари неологизмов предназначены для лексикографической фиксации новых языковых явлений, они имеют в первую очередь практическую направленность. Первый из них – это «现代汉语新词词典» («Современный словарь неологизмов китайского языка»), вышедший в 1994 году под редакцией Юй Гэньюань (于根元) и составленный по материалам 1978 - 1990 годов, и в нем всего 3710 словарных статей. «汉语新词词典 (2005-2010)» («Словарь неологизмов китайского языка (2005-2010)») был издан под редакцией Ван Цзюньси (王均熙) в 2011 году, содержит 5000 словарных статей, причём в него включены также сокращение иностранных слов.

Но в Китае, в отличие от России, не издаются словари окказионализмов – новых слов языка, сконструированных определённой языковой личностью (как правило, писателем в своем произведении). Таков, например, словарь «Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово» А.Г. Лыкова, вышедший в 1976 году.

В обеих странах существуют диалектные (областные) словари. Это – толковые словари, содержащий диалектную лексику и ее объяснение. Как известно, первые записи были сделаны не ради научных целей, а из любопытства и, в основном, путешественниками. В России во второй половине XVIII века появились первые обширные и упорядоченные списки областных слов, например, «Краткое собрание некоторых речей в Устье Великом и прочих окрестных градах от тамошних обывателей употребляемых», содержащее 301 слово, которые расположены по алфавиту (этот сборник условно считается первым русским диалектным словарём). Как известно, в России середины XIX века сбором материалов по русским народным говорам занимались два научных учреждения – Второе отделение Академии наук и Русское географическое общество. В 1852 году русская Академия издаёт «Опыт областного русского словаря», который включал 18 011 слов. Следующим этапом в истории русской областной лексикографии стал «Толковый словарь живого великорусского

языка» В.И. Даля, который наряду с общенародными словами включал и областные [Шимчук, 2009].

В Китае первый словарь диалектной лексики – это «方言» («Местные слова»), составленный в первые года нашей эры. В этом словаре при каждом слове указано то, в каком районе (на территории каких древних государств) оно распространено. По тому, какие географические названия постоянно встречаются рядом, при одних и тех же словах, мы видим, в каких районах говорили на близких диалектах. В «方言» чаще всего противопоставляются два больших диалектных района – «к западу от заставы» и «к востоку от заставы» (имеется в виду заставы Ханьгу – горный проход около западной границы нынешней провинции Хэнань 河南). Первый район включал в себя современные провинции Шаньси 山西, Шэньси 陕西 и Сычуань 四川, второй – остальную часть Северного Китая. В 2002 году вышел составленный институтом языкознания АОН КНР и Нанкинским издательством «现代汉语方言大词典» («Большой словарь диалектов современного китайского языка»), охвативший лексику 41 пункта в разных районах Китая. Кроме этого, за последние двадцать лет были изданы несколько лексикографических работ, например, словарь «普通话基础方言基本词汇集» («Базовая лексика диалектов, лежащих в основе путунхуа»), в котором содержатся фонетические и морфологические данные о диалектах девятинаста трех населённых пунктов использования диалекта гуаньхуа и который включает в себя 3200 статей. Также нужно отметить работу Сюй Байхуа 许宝华 и Мията Итиро 宫田一郎 под названием «汉语方言大词典» («Большой словарь китайских диалектов») в 1999 года [Минжафьярова, 2014, с.11 -12.].

Небезынтересно отметить также то, что в 1990-х годах в России появился новый тип словарей – словари ненормативной лексики, обсценной лексики, вульгаризмов. В Китае такие словари пока не существуют.

Итак, в статье рассмотрены семь типов китайских словарей: толковые, фразеологические, словари системных связей слов, этимологические (исторические) словари, словари неологизмов, диалектные (областные) словари и словари ненормативной лексики. Современные русская и китайская лексикографии обладают большим сходством, но есть и различия, обусловленные, в основном, исторически: в Китае существуют толково-энциклопедические словари, в России – словари ненормативной лексики, среди словарей неологизмов имеется словари окказионализмов.

**Список литературы:**

- Алексеева В. М.* Рабочая библиография китаиста: Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая / В. М. Алексеева. СПб.: БАН; Альфарет, 2010. 504 с.
- Гак В. Г.* О некоторых закономерностях развития лексикографии (Учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С. 11-28.
- Гурьян Н. В.* Первый китайский толковый словарь «Эръя»: историко-типологическая характеристика // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2011. Т. 13. № 1. С. 85-97.
- Ким В. С.* Словари китайского языка и современность // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 21. С. 110-115.
- Максименкова А. М.* Системные аспекты эволюции китайской лексикографии // Сборник научных статей магистрантов. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 234-246.
- Минжафьярова Э. Р.* Проблема «диалект – язык» в китайской диалектологии [Электрон. ресурс] 2014. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru>.
- Рифтин Б. Л.* О синологических словарях и справочниках, старых и новых [Электрон. ресурс] 2013. – Режим доступа: <http://www.smolsoc.ru/images/referat/a2917.pdf>.
- Шимчук Э. Г.* Русская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Э. Г. Шимчук. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 336 с.
- Утегенова О. К.* Словари синонимов [Электрон. ресурс] 2009. – Режим доступа: [http://www.rusnauka.com/3\\_ANRR\\_2009/Pedagogica/39864.doc.htm](http://www.rusnauka.com/3_ANRR_2009/Pedagogica/39864.doc.htm).
- 巢峰. 《辞海》(第六版)编纂出版工作总结 // 上海辞书出版社, 2010 (1): 14-22 页(Чао Фэн. Сводный рабочий отчет о составлении и публикации словаря «Море слов» (шестое издание) // Шанхайское словарное издательство. 2010. №1. С. 14-22).
- 金晔. 论分类词典与其编纂原则 // 现代外语, 1987. (2): 28-31 页 (Цзинь Е. К вопросу типологии словарей и принципы создания словарей // Современные иностранные языки. 1987. № 2. С. 28-31).
- 刘知秋. 中国字典史略. 北京: 北京出版社, 2015. 326 页 (Лю Ецю. Краткая история китайского словаря иероглифов. Пекин: Пекинское издательство. 2015. 326 с.).
- 杨继本. 关于字典编纂创新的思考和作为[A] // 湖南师范大学教育科学学报, 2006. (1):124-128 页. (Ян Дибэнь. Обновление лексикографии: размышления и план действий [A] // Вестник педагогики Хунаньского педагогического университета. 2006. №1. С. 124-128).
- 詹丽华. 我国古代字典编纂沿革[A] // 农业图书情报学刊, 2007. (11):174-176 页 (Чжань Лихуай. Эволюция древнекитайской лексикографии нашей страны [A] // Публикация сведений о книгах земледелия. 2007. № 11. С. 174-176).

*Цхведиани И.Р.*

*Ломтадзе Т.Р.*

Государственный университет имени Акакия Церетели  
г. Кутаиси (Грузия)

*Tskhvediani Irakli*

*Lomtadze Tamari*

Akaki Tsereteli State University  
(Kutaisi, Georgia)

## ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР

### TRANSLATION AS A MEANS OF INTERCULTURAL DIALOGUE

В наше время проблемы глобализации и межкультурного диалога приобрели жизненное значение. Перевод, как вид межкультурной коммуникации, является самым эффективным путем проложения моста между различными культурами и ментальностями. «Открытость» – это имманентное свойство любой культуры, которое представляет собой необходимую предпосылку ее жизнеспособности и внутреннего обновления. Более того, зачастую даже невозможно различить, что является в недрах той или иной культуры коренным и что – заимствованным. Возможно, что неограниченный потенциал информационных технологий современной эпохи вызывает даже интенсификацию этих отношений, однако суть самого процесса остается неизменной – каждая культура стремится сравнить или сопоставить самое себя с другой культурой, что, с одной стороны, основывается на поиске всеобщей и окончательной тождественности, с другой же – на желании обнаружить и выявить собственную отличительность и исключительность. Для достижения данной цели перевод является наилучшим средством – он и искореняет существующее между языками и культурами отличие, и делает это отличие более явным.

Значение искусства перевода в данных процессах неизмеримо. Без точного и верного перевода было бы невозможным воплотить гетевскую идею «универсальной литературы». Таким образом, искусство перевода играет большую роль в процессе диалога культур.

Nowadays the problems of globalization and intercultural relations have acquired vital importance. Translation, as a mode of cross-cultural communication, is one of the most effective ways to bridge a gap between diverse cultures and mentalities. Openness is an inherent feature of any culture, a premise of its vitality and immanent renewal. Moreover, sometimes it is even impossible to distinguish borrowed and indigenous elements from each other within this or that culture. In our era with its advanced information technologies and blurred boundaries these processes are much more intensified as compared to any other epoch in human history but the essence of this mutually enriching interaction of various cultures remains the same - each culture needs to be compared or juxtaposed with another in order to demonstrate, on the one hand, its uniqueness and the ultimate sameness of all humankind, on the other. Translation is the best way to achieve this goal - on the one hand, it eliminates the differences between various cultures and languages and emphasizes them, on the other.

The significance of the art of translation in these processes can hardly be overestimated. It would be quite impossible to realize Goethean idea of universal literature without faithful and precise translation. Thus, the art of translation plays a very important role in intercultural dialogue.

**Ключевые слова:** искусство перевода, глобализация, диалог культур, межкультурная коммуникация, универсальная литература.

**Key words:** art of translation, globalization, intercultural dialogue, cross-cultural communication, universal literature.



Сегодня много пишут и говорят о необходимости диалога культур и цивилизаций – утверждают, что будущее принадлежит диалогу культур; президент одной страны даже объявил 2001 год годом диалога цивилизаций. Создается впечатление, что будто бы это есть требование новой эпохи глобализации – эпохи стирания и разрушения экономико-политических, информационных и культурных границ. Эти лозунги и призывы к сближению и диалогу цивилизаций как будто выражают дух этой эпохи, но дело в том, что история почти не знает замкнутых, изолированных культур – «открытость», стремление к освоению элементов и нюансов других культур является имманентным свойством любой культуры, свойством, представляющим собой необходимую предпосылку ее жизнеспособности и внутреннего обновления. Более того, часто невозможно различить, в недрах той или иной культуры что является коренным и что – заимствованным, возникшим в результате соприкосновения с другой культурой. Ее облик или специфику создает именно такой органичный, нерасчлененный, неделимый синтез. Возможно, неограниченный потенциал информационных и технологических средств современной эпохи и вызывает интенсификацию этих отношений, однако суть самого процесса остается качественно неизменной – характер и специфику взаимодействия культур определяет прежде всего природа участвующих в процессе культур. Свойство культур – тяга к другим культурам и желание сравнить себя с ними основывается, с одной стороны, на поисках всеобщей и окончательной тождественности всех людей, с другой же – на желании обнаружить и выявить собственную отличительность и исключительность. Для достижения данной цели перевод является наилучшим средством – он и искореняет существующее между языками и культурами отличие, и делает это отличие более явным.

Начиная с незапамятных времен, перевод имел огромное значение, поскольку люди всегда нуждались в коммуникации друг с другом.

По сведениям Геродота, перевод считался профессией еще в седьмом веке до нашей эры.

Перевод является необходимым условием для взаимоотношений между культурами. При посредстве перевода между разными странами происходит соприкосновение одного народа с культурной сокровищницей другого. По мнению грузинской исследовательницы Дали Панджикидзе, «перевод не есть монолитное произведение, он амбивалентен по своей природе. В переводе друг с другом сливаются две различные культуры, вместе с тем он предстает как плод реализации потенции двух разных языков и как результат выражения творческой энергии двух различных индивидов на базе разных языков. Говоря иначе, перевод есть синтез двух структур, где чужой и родной языки превращены в художественное качество» [Панджикидзе, 2005, с.26]. Некоторые теоретики считают даже невозможным

художественный перевод. По их мнению, невозможно передать литературное творение с одного языка на другой, хотя так же невозможно отказаться от этого.

Художественное произведение представляет собой форму художественного творчества. Его перевод требует методического подхода, без которого переводчик никогда не достигнет назначенной цели. Правда, ему не нужно очерчивать свой собственный сюжет, формулировать собственные идеи и создавать собственные образы, но от него требуется, чтобы произведение на другом языке заговорило; переводчик должен передать не только содержание произведения, но и его идиоматику, стилистические особенности и интонационное звучание, что само собой является сложным процессом и требует большого внимания и наблюдательности. При работе над художественным переводом у переводчика должна быть выработана определенная точка зрения, которой он будет руководствоваться.

Переводчик должен основательно знать тот язык, с которого он переводит, а также тот, на который переводит. Также переводчик должен обладать обостренным слухом, чтобы точно передать интонационное многообразие, характерное для героев автора. В противном случае он не сможет верно выразить настроение героев.

Иногда о качестве перевода рассуждают только на основе того, каким языком он выполнен, например, каким грузинским. А в это время весьма значительно то, насколько удачно отражен в переводе оригинал. Необходимо, чтобы представленные в оригинале мир и реалии, авторские ценности максимально были сохранены при переводе, хотя бы настолько, насколько это понимает и пропускает через себя переводчик. Леонардо Форстер определял высококачественный перевод следующим образом: «Хороший перевод осуществляет такую же задачу на языке перевода, как и оригинал на том же языке, на котором он был создан» [Найда 1982, с.15].

Вследствие того что не существует двух идентичных языков, на основе тех значений, которые выражают те или иные символы, или же согласно порядку организации указанных символов в предложении, невозможно установить между языками точного соответствия. Исходя из этого, существование точного перевода невозможно, на уровне деталей трудно достичь идентичности. Хороший переводчик должен знать, от чего он должен отказаться в оригинале, а от чего – не в оригинале, или же за счет чего. Талантливый художник служит своему миру, создает его, а переводчик – слуга чужого мира, и он должен так его передать и показать, как это переживает автор. Именно поэтому бремя переводчика много больше и ответственнее. Как говорит Констанс Уэст, тот, кто берется за перевод, берет долг, при возвращении которого он должен выплатить ту же сумму, только другими деньгами [Найда 1982]. По мнению Юджина Найды, отличие между типами перевода обуславливается тремя

основными факторами: 1. Характер информации; 2. Намерения автора, а следом за ним переводчика, как его доверенного лица; 3. Тип аудитории [Найда 1982].

При переводе необходимо находить самые близкие эквиваленты. Согласно Найде, существует два типа эквивалентности: это есть формальная и динамическая эквивалентность. В случае формальной эквивалентности внимание заострено более всего на саму информацию, на ее форму и содержание. В это время мы должны стремиться, чтобы перенятая на языке перевода информация как можно более соответствовала существующей на языке оригинала информации и ее отдельным элементам. Здесь переводчик старается как можно точнее и основательнее перенять форму и содержание оригинала.

Перевод, созданный согласно принципу динамической эквивалентности, ставит себе целью полную естественность средств выражения. Для восприятия информации от читателя не требуется понимать контекст культуры языка оригинала.

При переводе всегда чувствуется конфликт между формой и содержанием, что выявляется особенно во время перевода поэзии. Принято считать, что слепая точность по отношению к оригиналу может испортить перевод. Если прямой перевод выражений оригинала не удастся, в таком случае лучше всего передать дух стиха.

Существуют критерии оценки перевода, которые признаются большинством теоретиков и практиков. Это те критерии, которые на нынешнем этапе почти не вызывают спора: 1. Перевод должен как можно более точно передавать не только содержание, но и художественную сторону оригинала; в переводе должно соблюдаться единство формы и содержания; 2. На переводе должны быть заметны следы соответствующей эпохи; 3. В переводе должен осуществиться синтез чужой и родной культуры; 4. Перевод должен учитывать своего читателя, хотя и повышать его уровень.

Действительно, переводчик должен обладать глубокими и многосторонними знаниями, поскольку только лишь талант и способность к внутренней интерпретации недостаточны для получения перевода, достойного похвалы.

Октавио Пас отмечает, что на одном полюсе находится разнообразный мир, на другом полюсе – множество текстов, которые не особенно отличаются друг от друга по той причине, что все эти тексты – это перевод перевода перевода, или, говоря по-другому, каждый текст – это перевод другого текста, т.е. ни один текст не является абсолютно оригинальным, однако в то же время каждый перевод в определенной степени представляет собой чье-то творчество и как таковой уникален [Пас, 2002, с.9-10].

Все тексты – это *перевод перевода перевода...* Этот процесс «переводов» Октавио Пас метафорически изображает таким образом: «Европейские поэты каждого времени – а ныне и поэты всего американского континента – пишут одно и то же поэтическое

произведение, только на разных языках. Вместе с тем каждый из его вариантов – оригинальное произведение. Разумеется, между ними нет идеальной синхронности, но достаточно небольшого временного промежутка, чтобы обнаружить, что мы слышим концерт, где играющий на разных инструментах оркестр, у которого нет ни дирижера, ни нот, создает коллективное произведение, где импровизация неотделима от перевода, а самобытность – от подражания. Иногда кто-нибудь из музыкантов, полный вдохновения, начинает соло, но очень скоро мелодию подхватывают и остальные и постепенно вносят в неё вариации, которые так видоизменяют первоначальный мотив, что узнать его уже невозможно». Октавио Пас приводит и конкретный пример данного процесса: «В прошлом веке французская поэзия той сольной партией, которую начал Бодлер, а завершил Маларме, пленила и всколыхнула Европу. Эту новую музыку одними из самых первых подхватили латиноамериканские “модернисты”. Сперва начали подражать, освоили, внесли изменения и в таком виде передали Испании, которая, в свою очередь, вновь восстановила ее. Немного позднее англоязычные поэты совершают нечто подобное, хотя в другой тональности и другом темпе» [Пас, 2002, с.18-19]. Так что Октавио Пас четко фиксирует тесную взаимосвязь между творчеством и подражанием, переводным и оригинальным произведением. Все это – в масштабах западной культуры. Но нельзя ли такую же модель приспособить к процессу взаимоотношений совершенно отличных друг от друга, скажем, западной и восточной культур?

Запад и Восток никогда не встретятся друг с другом, писал Рэджард Киплинг. Он не знал «Витязя в тигровой шкуре», а то не был бы таким категоричным, считает грузинский литературовед Вахушти Котетишвили. Но для грузинской культуры это естественно – ведь Грузия является местом пересечения Азии и Европы, грузинская культура не что иное, как прояснение идущих с Запада и Востока тенденций; а «Витязь в тигровой шкуре» представляет собой вершину грузинской синтетической культуры, высокохудожественное воплощение ее квинтэссенции... Спрашивается, возможна ли подобная встреча в культурах других регионов мира и не играют ли элементы восточной культуры сколько-нибудь значительную роль в западной? Идея гегелевского «европоцентризма» такую возможность исключает и признает влияние только лишь западной культурной ментальности на восточную, поскольку считает последнюю, по сравнению с западной, менее развитой культурой, стоящей на более низкой ступени развития. «Европоцентрическая» точка зрения на сегодняшний день отвергнута, величайшая заслуга же в этом принадлежит грузинскому ученому Шалве Нуцубидзе.

В трудах Нуцубидзе, Марра, Меца, Бартольда, Конрада и других ясно прослеживаются и глубина взаимодействия этих двух культур, и ошибочность в признании

специфики той или иной культуры ее преимуществом... Это хорошо знал еще Гете, который восточным поэтам (особенно Хафизу) давал чрезвычайно высокую оценку, подтверждением чего является его «Западно-Восточный диван». Гете принадлежит также и идея «мировой литературы»...

Милан Кундера критикует утвердившуюся в университетской практике традицию, рассматривающую литературу лишь в национальном аспекте: над Брехтом работают только германисты, Джойс является предметом изучения только лишь англистов, а Пруст – романистов. Кундера считает подобную практику ограниченной и спрашивает: неужели тот, кто не читал Киркегора на датском языке, не имеет права обсуждать его творчество? Хотя писатель тут же добавляет: возможно ли перевести в совершенстве литературное произведение? Для Кундеры это спорный вопрос, но ясно одно: мировая литература не сможет существовать, если не будет существовать верный, точный перевод. Здесь же он приводит одно высказывание («говорят, что перевод похож на женщину: она или верная, или красивая»), которое считает бестолковым, поскольку перевод красив только тогда, когда он верен. Так что, по мнению Кундеры, важно защищать перевод, как искусство верности, без чего чрезвычайно обеднела бы гетевская идея «мировой литературы», идея, согласно которой Пруст должен быть одинаково близок исландцу и французу. Кундера не конкретизирует, что он подразумевает под точностью и верностью: возможно, то же самое, что и немецкий эссеист и культурфилософ Рудольф Панвиц в своей работе «Кризис европейской культуры» (1914). «Наши переводчики, даже лучшие, руководствуются неправильными предпосылками: пытаются огерманить санскрит, древнегреческий, английский – вместо того чтобы сам немецкий язык санскритизировать, эллинизировать и т.д. Они больше уважают словоупотребление родного языка, чем дух иноязычного произведения... Главная ошибка переводчика состоит в том, что он пытается обессмертить момент, в котором случайно оказался его язык и свидетелем чего он сам стал, вместо того чтобы подчиниться живительному импульсу чужого наречия».

Таким образом, точность в переводе означает прежде всего сохранение духа иноязычного произведения путем внесения в язык перевода импульса чужого наречия. А это подразумевает то, что, говоря словами Мориса Бланшо, «каждый язык имеет возможность стать любым другим языком, или, точнее, двигаться без потерь по различным новым направлениям» [Бланшо, 2002, с.26]. Ясно, что подобное преобразование языка в другой посредством перевода или же его движение по разным направлениям в глубины данного языка опять-таки с помощью перевода является и наилучшим путем для выявления до сих пор скрытой мысли или потенции, и самым действенным средством диалога культур.

С идеей универсальной литературы в определенной степени увязывается и та метафора, которая встречается в эссе Мориса Бланшо («К вопросу перевода») и эссе Октавио Паса («Перевод – словесность и точность») – это метафора Вавилонской башни. По мнению Октавио Паса, «несмотря на то что люди говорят на разных языках, предмет их речи всегда один и тот же. Причиной Вавилонского смешения языков явился именно общий дух – языков было много, мысль – одна»; «перевод был не только еще одним подтверждением общности духа, но и ее гарантией». Морис Бланшо считает это грехом [Бланшо, 2002, с.7] и ставит в вину переводчику: «Будучи соперником самого Бога, он (переводчик – И.Ц., Т.Л.) стремится восстановить Вавилонскую башню, пытается найти ироническую выгоду в Небесном возмездии, которое рассеяло людей, смешало их языки ...» [Бланшо, 2002, с.23]. Переводчик, согласно Бланшо, при переводе не ограничивает себя заменой одного приема другим, не предпочитает обычно какой-либо один путь другому, а указывает направление к верховному языку... Он безошибочно выражает тайную связь, которая примирит все языки... Отсюда проистекает мессианизм переводчика, способствующий возвышению родного языка до этого крайнего наречия... С другой стороны, между языками господствует глубокое согласие, изначальная гармония... Переводчик, стремясь к той точке, к тому центру, где надеется найти совокупность всех возможностей, сам проявляет опасную и удивительную близость к этому центру. Именно вследствие этой нерасторжимой связи он не сомневается, что перевод, в конце концов, безумие, – заключает Морис Бланшо [Бланшо, 2002, с.27].

Именно это «безумие» и есть то, что делает возможным диалог культур.

#### **Список литературы:**

- Бланшо М.* О переводе / Переводы по-грузински. Современная литература. 1987/2001. Тбилиси: Арил, 2002. (на груз. яз.)
- Кундера М.* Искусство верности. “Le Monde des lives” («Литературный Мوند»), 26 мая, 1996, № 4. «Литература», «Литературный выпуск 7 дней», 16-30 июля, 1996, № 4. (на груз. яз.)
- Найда Ю.* «Литературная Грузия». Тбилиси, 1982, 10 сентября.
- Панджикидзе Д.* Вопросы теории художественного перевода. Тбилиси: Изд. ТГУ, 2005.
- Пас О.* Словесность и точность / Переводы по-грузински. Современная литература. 1987/2001. Тбилиси: Арил, 2002. (на груз. яз.)

*Цю Шу*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
г. Москва (Россия)

*Qiu Shi*

Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В КИТАЕ: НОВЫЕ  
ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ НАУЧНЫХ ДИСКУССИЙ  
THE THEORY AND PRACTICE OF LITERARY TRANSLATION IN CHINA: NEW  
TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC DISCUSSIONS**

Статья посвящена анализу полемики китайских исследователей вокруг проблемы коммуникативной позиции переводчика. В фокусе дискуссии – столкновение концептуальных подходов относительно выбора стратегии перевода (форенизация в противовес доместикация). По своей идейной сути полемика тесно связана с эволюцией китайской переводческой традиции, спорами периода зарождения теории художественного перевода в Китае. В ходе полемики затрагивается широкий спектр «вечных» вопросов: отношений между оригиналом и переводом художественного произведения, между двумя личностями – создателями оригинала и перевода. Дискуссия по указанным проблемам отражает объективные трудности и противоречия, с которыми сталкивается практика художественного перевода в Китае в эпоху профессионализации и коммерциализации этой деятельности.

This article deals with the debates around the issue of Chinese researchers' communicative interpreter positions. The emphasis of the discussion - conceptual approaches to choose translation strategy (foreignization, domestication). The nature of debate is closely connected to the evolution of the Chinese translation tradition; literary translation in China came from the debate about different periods. The debate covers a wide range of "eternal" issues: the relationship between the original and literary translation, between the two personalities - the original creators and the translation ones. Discussions on these issues reflect the objective difficulties and contradictions, which deals with the practical literary translation in China in the era of the professionalization and commercialization of this activity.

**Ключевые слова:** традиция и эволюция художественного перевода, форенизация, доместикация, профессионализм переводчика.

**Key words :** tradition and evolution of literary translation, foreignization, domestication, professionalization of translators.

Сегодня художественный перевод в Китае занимает важное и почетное место во взаимодействии языков и культур. Однако так было не всегда. Из контекста мировой истории становления и формирования традиций художественного перевода следует тот факт, что Китаю в силу объективных исторических причин долгое время пришлось довольствоваться ролью «идущего в фарватере европейской культуры». Этот фактор отставания был связан с политикой культурного изоляционизма, проводившейся Цинской династией. Начало настоящему широкому знакомству китайского читателя с иноязычной литературой приходится на крах императорского режима.

Впрочем, проблема исторических истоков художественного перевода в Китае до сих пор является предметом дискуссий. Еще в начале XX века исследователи Лян Цичао<sup>79</sup> и Ху Ши<sup>80</sup> выдвинули гипотезу о том, что первые свидетельства о появлении художественного перевода в Китае можно найти в документах эпохи Восточная Хань<sup>81</sup>, т.е. в период, когда начался перевод буддийских сутр. Однако вся их аргументация этой гипотезы строится на наличии художественных и литературных элементов в самом содержании буддийских сутр. Вполне понятно, что, такая позиция не разделяется большинством китайских учёных. По их мнению, буддийские сутры лишь с очень большой натяжкой можно отнести к художественной литературе, если исходить из подлинного понимания сути этих двух столь отличных культурных феноменов.

Впоследствии другой китайский исследователь Цянь Чжуншу пришел к выводу, что первым опытом художественного перевода следует считать перевод на китайский язык стихотворения американского поэта Лонгфелло «Псалом жизни». Появление этого текста - результат совместного труда китайского политического деятеля, поэта и переводчика Дун Сюня (董恂, 1810-1892 гг.) и британского дипломата и синолога Томаса Уэйда (*Thomas Francis Wade*). Данный перевод был опубликован в 1864 году.[Цянь Чжуншу, 1985г]

Чуть позже некоторыми китайскими учеными была выдвинута другая версия: первым художественным произведением, изданным в Китае на китайском языке, была названа книга Джона Баньяна «Путешествие Пилигрима», а автором ее перевода - Вильям Бёрнс (*William Chalmers Burns*), шотландский евангелист и миссионер, блестяще знавший китайский язык. Датой публикации назван 1853 год<sup>82</sup>. Однако подлинных и неоспоримых доказательств, что именно эту книгу следует считать первым переводным художественным произведением в истории Китая, похоже, найти пока не удастся.

Касаясь вопроса зарождения художественного перевода в Китае и особенностей этого процесса следует упомянуть еще одну весьма выдающуюся личность - Линь Шу<sup>83</sup>. На рубеже XIX и XX веков он внес огромный для того времени вклад в дело знакомства Китая с иностранной литературой. При помощи посредников Линь Шу перевёл более 180 самых известных литературных произведений разных авторов из 11 стран. Переведенные книги представляли почти весь золотой фонд западноевропейской и американской классики: «Дама

---

<sup>79</sup> Ля Цичао, 1873-1929 гг. китайский философ, историк философии, учёный, литератор, государственный деятель.

<sup>80</sup> Ху Ши, 1891-1962 гг. один из ведущих китайских мыслителей и философов XX века, ученик и последователь Джона Дьюи (американский философ и педагог, представитель философского направления прагматизм).

<sup>81</sup> Исторические границы эпохи Восточная Хань:148-1127

<sup>82</sup> «20 世纪中俄文学关系», 陈建华, 学林出版社, 1998. (Чэнь Цзяньхуа, «Литературные отношения между Китаем и Россией в 20 веке», 1998г.)

<sup>83</sup> Линь Шу, 1852–1924 гг., китайский писатель и один из первых китайских переводчиков западной литературы.



с камелиями» А. Дюма (сына), «Шерлок Холмс» А. Конан Дойля, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу (с весьма экзотическим названием: «Черный раб зовет к небу»), «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта (с не менее причудливым названием: «Записки о павильонах и каналах за морями»), «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла и другие. Эти книги произвели сильное впечатление на читающие круги китайского населения, открыв до этого неведомый им культурный мир за пределами Китая. Весьма примечательно, что Линь Шу так до конца жизни и не выучил ни одного иностранного языка, а друзья и помощники часто представляли ему подстрочники не с оригинальных произведений, а с их переводов, ранее выполненных на японском языке. Разумеется, это серьезно сказывалось на качестве конечного переводного продукта: то, что выходило на китайском языке под именем того или иного иностранного автора, нередко очень сильно отличалось от оригинала.

Другое своеобразие художественного перевода того времени состояло в том, что он осуществлялся на старом (классическом) китайском книжном языке *вэньянь*. Переводчики старательно адаптировали иностранные реалии к китайской языковой картине мира, не стесняясь, изменяли названия произведений и имена их персонажей в угоду вкусам китайского читателя. Вольный пересказ содержания оригинала не только не считался зазорным, а, напротив, приветствовался как проявление хорошего тона и вкуса.

Важный вклад в формирование китайской классической теории перевода внес философ, общественный деятель и переводчик Янь Фу. В 1896 году он закончил перевод работы Т. Хаксли «Эволюция и этика» («*Evolution and Ethics*»), которая была опубликована на китайском языке под названием «Теория природного развития». В предисловии к этой книге Янь Фу изложил свой взгляд на критерии «правильности» перевода: *достоверность, норма и стиль* (信 синь, 达 да, 雅 я). Эти критерии были признаны в Китае и как «три столпа» в теории художественного перевода. В последующем, вплоть до 80-х годов XX столетия китайские теоретики по сути дела лишь по-разному интерпретировали эти три критерия Янь Фу, но практически всегда оставались на идейной платформе предложенной им лингвистической модели перевода.

Таким образом, можно констатировать, что зарождение и развитие теории художественного перевода в Китае на протяжении последнего столетия шли главным образом в русле функционально - лингвистического подхода. Такой подход фактически означал, что процесс перевода сводился к анализу языковых элементов оригинала и поиску их аналогов в языке перевода.

Первые два десятилетия XX века остались в истории практики художественного перевода в Китае временем перевода иностранной литературы с языка-посредника, в роли которого обычно выступали японский и, несколько реже, немецкий языки. Так, например,

основоположник современной китайской литературы Лу Синь,<sup>84</sup> несколько лет обучавшийся в Японии, переводил произведения западноевропейских и российских авторов не только с японского языка, который знал блестяще, но и с немецкого, знание которого он находил достаточным для перевода художественной прозы. С японского языка им были переведены два романа Жюль Верна: «Путешествие на Луну» и «Путешествие к центру Земли», шесть рассказов А.П. Чехова, а с немецкого – несколько прозаических произведений голландских и финских писателей.

Разделяя критерии перевода, выдвинутые Янь Фу, и отдавая предпочтение в переводе принципу достоверности, Лу Синь активно отстаивал идею максимально полного отражения не только этнокультурного и идейного содержания оригинала, но и его лингвистического «образа». Такой подход был назван им «твердым переводом», что означало неукоснительное следование содержанию и форме оригинала. Признавая, что уподобление оригиналу, сохранение в переводе его «внешней» формы часто выглядит смешно и непонятно для китайцев - носителей другой, сильно отличающейся от европейской, культуры, он считал, что эту проблему решить можно простым путем - недопущением крайностей, отказом от догматического подхода сплошной «европеизации» китайского языка. Примечательно, что сам Лу Синь как переводчик отличался высоким вкусом. Он с большим пиететом относился к России и российской литературе, и, по мнению многих исследователей, его переводы (через язык-посредник) произведений русских писателей являют образцы точных и высокохудожественных творений. ( Лу Юнчан, 2007, с. 9).

В 50-х годах XX столетия заметное влияние на развитие теории художественного перевода в Китае, в том числе и на инновацию идей Янь Фу, оказали лингвистические и литературоведческие идеи и концепции советского переводоведения. С первых лет образования КНР китайские лингвисты стали активно изучать опыт советской школы художественного перевода. С большим вниманием здесь отнеслись к исследованию идей обеих – лингвистического и литературоведческого - течений в советской теории перевода. Воздерживаясь от прямого участия в дискуссиях между представителями этих направлений, китайские ученые брали на вооружение все ценные в научном плане идеи, которые рождались в этих спорах. На китайский язык было переведено несколько фундаментальных трудов и много статей советских ученых. Лингвистическая теория перевода в этот период утвердилась в качестве ведущей в китайском художественном переводе.

Очередной поворот в освоении и заимствовании зарубежного опыта в интересах

---

<sup>84</sup> Лу Синь, 1881–1936 гг., китайский писатель, оказавший большое влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли Китая первой половины XX века. Он был великим просветителем, стоявшим на позициях народно-демократической революции в Китае. Наиболее известные произведения: «Подлинная история А-Кью» и «Дневник сумасшедшего».

развития собственных взглядов на художественный перевод произошел в Китае в 80-х годах прошлого столетия. Как отмечает в своем исследовании Ван Мэняо, за последние 30 лет китайские переводчики и учёные перевели десятки книг иностранных авторов, прежде всего по лингвистической теории перевода, которая по-прежнему остается наиболее популярной в Китае. Особый вклад в знакомство с исследованиями западных ученых внес известный и заслуженный китайский теоретик перевода Тань Цзайси (谭载喜). Его главные достижения в области перевода – глубокое исследование истории развития теории перевода на Западе и, в частности, большой вклад в ознакомление китайских исследователей с идеями Ю. Найды. [Ван Мэняо, 2014, с. 88] При всех своих достоинствах и недостатках китайский опыт заимствования зарубежного опыта в области переводоведения безусловно имеет свое лицо. Он значительно обогатил китайскую теорию художественного перевода новыми концепциями, которые активно дискутируются на страницах специализированных изданий.

Проблема качества художественного перевода оказалась и в центре развернувшейся в последнее время полемики по вопросам отношений автора, переводчика и читателя. Предмет дискуссии – в какой степени сегодняшним условиям соответствуют выбор той или иной стратегии художественного перевода, насколько оправданы форенизация и доместикация. Эти понятия ввел в употребление американский теоретик перевода Лоуренс Вентури (1995). Речь, по сути дела, идет о проблемах лингвокультурной адаптации текстов перевода, о том, как выбор способа такой адаптации влияет на реализацию главной цели художественного перевода – создании на переводящем языке произведения, способного оказывать на своих читателей такое же эстетическое воздействие, какое оказывает на своих читателей оригинал.

Известный английский лингвист, автор книги «Искусство перевода» Теодор Савори, утверждал, что переводчик в каждом конкретном случае должен поставить и разрешить три основных вопроса: передать то, что, 1) сказал автор, 2) что автор имел в виду, 3) и то, как он это выразил. Решая эти задачи, он неизбежно сталкивается с многочисленными противоречиями. Нужно ли ему сохранять слова оригинала или сделать акцент на передачу идей и образов оригинала. Должен ли перевод читаться как перевод или читатель должен воспринимать его как будто это оригинал. Можно ли переводчику демонстрировать свой индивидуальный стиль или он должен лишь стремиться отразить стиль оригинала. Должен ли перевод читаться как текст, современный оригиналу, или перевод должен читаться как текст, современный переводчику. Может ли переводчик кое-что прибавить или убавить или он не должен делать этого [Т. Савори, 1957, с. 159]

Вдумываясь в эти противоречия, мы начинаем замечать, что их невозможно или очень трудно примирить в переводе, что приходится выбирать одно единственное решение. По

большому счету переводчику всегда приходится определяться в своей позиции: считает ли он за главное оригинал и его автора, либо ставит на первое место целевого читателя и переводящий язык.

Китайские исследователи считают, что теории форинезации и доместикации в принципе не столь уж оригинальны. Фактически они расширяют концептуальное содержание двух издавна соперничающих подходов к переводу: подход дословного следования оригиналу (буквальный перевод) и подход, ориентированный на удовлетворение потребностей читателей (вольный перевод). Только если последние понимались как подходы сугубо лингвистические, то в понятиях форенизации и доместикации отчетливо просматриваются лингвокультурные аспекты. И здесь, и там речь идет об извечной борьбе духа перевода с его буквой, однако на новом витке развития теории художественного перевода эти концепции наполняются новым смыслом.

Так, например, китайские исследователи стратегии доместикации указывают, что, отстаивая свои взгляды, ее адепты опираются на теорию функциональной эквивалентности (“динамического эквивалента”) Ю.Найды. Она основана на принципе эквивалентного эффекта, который гласит, что отношения между переведенным текстом и его читателями должны быть такими же, как и отношения между оригинальным текстом и его аудиторией. Воссоздание эквивалентных в стилистическом и семантическом отношении структур в языке перевода, по мысли сторонников доместикации, санкционирует выбор в пользу этой стратегии. Считается, что при таком выборе переводчик получает более широкие возможности выразить собственную творческую индивидуальность, поскольку ему легче воздействовать на читателя своего перевода средствами языка, родного для него самого и для предполагаемого адресата.

Действительно, согласно Л. Венути, доместикация представляет собой адаптацию иностранного текста к культурным ценностям целевого языка, а форенизация, напротив, заключается в раскрытии и подчеркивании этих культурных ценностей, показе лингвистических и культурных отличий иностранного текста. По его мнению, каждый переводчик должен рассматривать процесс перевода сквозь призму культуры, которая преломляет культурные нормы языка оригинала, а задача переводчика – передать эти нормы в тексте на целевом языке, сохранив их значение и их чужеродность. Каждый этап процесса перевода должен происходить при посредничестве иных культурных ценностей, проникающих в целевой язык. Л. Венути резко критикует переводчиков, которые сводят иностранные культурные нормы к культурным ценностям целевого языка. По его мнению, стратегия доместикации, недооценивая культурные ценности, отраженные в языке оригинала,

«насильственно разрушает» культурную коммуникацию, и переведенный текст выглядит так, будто он изначально был написан на целевом языке.

Китайские сторонники стратегии форенизации акцентируют внимание на том, что сам Л. Венути называет fluency - легкость восприятия - и transparency - прозрачность перевода. Эти характеристики, по их мнению, позволяют лучше отразить личность и интенции автора: чем легче читается перевод, тем невидимее переводчик, и тем видимее автор оригинала.

Указывая на слабые стороны стратегии доместикации, китайские исследователи приводят такой пример. Некоторые переводчики считают, что полным эквивалентом русской фразы: «Ну, легко на помине! Только мы завели разговор о тебе, а ты уж тут как тут», в китайском языке является крылатая фраза «说曹操，曹操到» («Произнес Цао Цао, и Цао Цао уже здесь»). На самом деле такая доместикация вводит в заблуждение китайского читателя, который может подумать, что в России также хорошо, как в Китае, знают главного персонажа классического китайского романа «Троецарствие», чье имя стало в китайском языке нарицательным. [Ло Гуаньчжун, 2014, с.776]

Однако есть примеры и обратного толка. Самой известной и самой парадоксальной дискуссией в истории художественного перевода в Китае, связанный с дилеммой «форенизация - доместикация» было выяснение правомерности двух вариантов перевода на китайский язык словосочетания «млечный путь» из рассказа А.П.Чехова «Ванька». «Ночь темна, но видно всю деревню с её белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребрённые инеем, сугробы. Все небо усыпано мигающими звёздами, и *Млечный путь* вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потёрли снегом». Сторонник стратегии форенизации переводчик Чжао Цзиншэнь предложил кальку этого оборота - «牛奶路» («молочный путь») хотя в китайском языке это астрономическое понятие обозначается термином 银河 (иньхэ, «серебряная река»), а «молочный путь» для китайца звучит непонятно. Не было верно выбрано соответствие и в другом переводе этого рассказа, выполненного переводчиком Жу Луном, который предпочел выбрать просторечное название млечного пути - 天河 (тяньхэ, «небесная река»).[Лу Юнчан, 2008, с.229]

Разумеется, понятия форенизации и доместикации намного шире, а и их обсуждение в китайских переводческих кругах разнообразнее, чем нам удалось показать в этой статье. Плодотворный смысл полемики состоит в том, что она углубляет переводческие знания, подводит к пониманию каких-то не всегда очевидных вещей. По нашему мнению, в определенных случаях переводчику действительно требуется сделать однозначный выбор либо в сторону форенизации, либо в сторону доместикации. Однако в отношении выбора той

или иной концепции как возможной стратегии перевода переводчик должен быть осмотрительным. Этот выбор может быть сделан только после глубокого и серьезного осмысления текста оригинала. И кто знает, возможно, комбинированный подход может стать самым удачным выбором.

Примеров ситуаций, когда существует альтернативный выбор – предостаточно. Приведем один: форенизация и адаптация русской пословицы «семь раз примерь, а один раз отрежь», которая обрела удачную форму выражения в китайском языке - «七次量衣一次裁» (цицы лянъи, ицы цай) помогла обогатить фразеологический арсенал китайского языка. Хотя уже готовое семантическое соответствие «三思而后行» («три раза подумай, потом действуй») вполне могло бы прийти на помощь в случае неудачи с первым вариантом.

### **Список литературы:**

- Боцьева Ф.А.* Теория художественного перевода в современной компаративистике. / Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, 2008.
- Ван Мэняо.* Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития. Монография: диссерт. на соиск. ученой степени к.ф.н., М., 2014 г. 153 с.
- Гарбовский Н. К.* Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. Учеб. Пособие / В. Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2004. 70-71 с.
- Костикова О.И.* Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, №1, 2012 г., изд-во МГУ, М., с31-41
- Лу Юнчан.* Общий курс художественного перевода с русского языка на китайский. Шанхай.: Шанхайское изд-во педагогики иностранных языков, 2007. 319с. (Пер. автора: 陆永昌 «俄汉文学翻译概论», 上海, 上海外语教育出版社, 2007, 319 页).
- Масленникова Е. М.* Ассимиляция как тенденция современного художественного перевода. Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение / Е. М. Масленникова. 2014. №6. 22-25 с.
- Ма Цзуи.* Краткая история китайского перевода. 1998, 458с. (Пер. автора: 马祖毅. «中国翻译简史», 1998, 458 页).
- Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 264 с.
- Перечень переведенных и изданных в Китае в 1949 – 1979 гг. произведений зарубежной художественной классики. (Пер. автора: 中国版本图书馆:1949-1979 翻译出版外国古典文学著作目录, 中华书局,1980.).
- Тань Цзайси.* Краткая история перевода на Западе. Пекин. 1991 (Пер. автора: 谭载喜. «西方翻译简史». 北京. 1991)
- Цзян Тун.* Периодизация и классификация традиционной китайской теории перевода. 1996 (Пер. автора: 蒋童. «中国传统译论的分期与分类»)
- Цянь Чжуншун.* Сборник семи рассказов. Шанхай. 1985 (Пер. автора: 钱钟书, «七缀集», 上海古籍出版社,1985 年 12 月).
- Чэнь Цзяньхуа.* Литературное отношение между Китаем и Россией в 20 веке, 1998. (Пер. автора: 陈建华, «20 世纪中俄文学关系», 学林出版社, 1998.)\
- Theodore Savory. The Art of Translation. London, 1957, с. 159.

*Чжан Чуньмяо*  
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
г. Москва (Россия)

*Zhang Chunmiao*  
Lomonosov Moscow State University  
Moscow (Russia)

**ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ  
РОССИЙСКОГО – КИТАЙСКОГО ПРОЕКТА ВСМ (ВЫСОКОСКОРОСТНОЙ  
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ  
МАГИСТРАЛИ)**

**TRANSLATION SUPPORT OF THE RUSSIA-CHINA  
HSR (HIGH SPEED RAIL) PROJECT**

Данная статья посвящена анализу перевода терминологии в сотрудничестве проекта ВСМ между Китаем и Россией, обсуждает существующие проблемы технического перевода в проекте, и дает решения из практического опыта.

В наше время железнодорожный транспорт получил роль ведущего используемого в стране вида транспорта, который в целом поддерживает и повышает важность транспортных средств, способствует скорому развитию национальной экономики и играет важную роль в историческом развитии нашего общества. В области железнодорожных инвестиций и строительства глубокое и многопрофильное международное сотрудничество является одной из приоритетных задач. Именно поэтому, перевод узкоспециализированных терминов в области строительства железной дороги имеет большую значимость и важность. Техническим специалистам постоянно приходится изучать и перенимать мировые передовые технологии, зачастую технические термины становятся камнем преткновения на их пути. Межъязыковое общение и взаимодействие неотделимо от перевода. Данный специальный словарь терминов в сфере железнодорожного транспорта является основным языковым ресурсом пользования переводчиков ВСМ Москва-Казань. В процессе его создания проведено обобщение лексикологических и семантических особенностей терминов в области ВСМ и железнодорожного транспорта. Сделанные выводы в данной статье служат основой для дальнейшего исследования вопроса научно-технического перевода в сфере железно-дороги.

This article is devoted to the railway terminology translation between Russian and Chinese, discusses the existing problems of technical translation in Russia-China high-speed railway project, and gives some solutions from practical experience.

Nowadays rail transport received the importance as the mode of transport, which generally supports and enhances the importance of vehicles, contributes to rapid development of the national economy and plays an important role in the historical development of our society. In the field of railway investment and construction of a deep and diversified international cooperation is a priority. For this reason, the translation of highly specialized terms in the field of railway construction has great significance and importance. In the process of creating the generalization of lexical and semantic features of terms in the field of high-speed rail and rail transport. The article provides the basic for further study of scientific and technical translation in sphere railway construction.

**Ключевые слова:** ВСМ, технический перевод, терминология

**Key words :** HSR, Technical Translation, Terminology

Технический перевод-----один из самых сложных видов перевода.От других видов перевода он отличается специфической терминологией и с стилем изложения. Техническому

переводчику вместе со знанием языка требуются отраслевые знания в области темы перевода и терминов<sup>85</sup>.

### **Общее положение**

Современное общество уже вступило в эпоху высоких информационных технологий, применение технологий высокоскоростного движения дало мощный толчок к развитию сферы железнодорожных перевозок. Если переводчик не в состоянии надлежащим образом справиться с задачей технического перевода железнодорожной тематики в паре «русский-китайский», то это не может не сказаться на понимании текстов целевой аудиторией, что в целом негативно влияет на обмен опытом и международное сотрудничество Китая или России в области железных дорог и препятствует развитию железнодорожной отрасли Китая. В процессе межъязыкового общения на языках, принадлежащих к абсолютно разным семьям - русском и китайском, с одной стороны, технический перевод в железнодорожной отрасли требует учета социально-культурных особенностей двух национальных культур, что требует соответствия перевода привычным терминологическим формулировкам для носителей обеих культур; с другой стороны, учета особенностей самих используемых понятий, принимая во внимание социально-культурный контекст исходного языка лексические заимствования и другие явления, с которыми приходится сталкиваться в процессе перевода.

### **Развитие ВСМ в мире**

Вскоре после открытия первых общественных железных дорог, публика оценила возможность поездов, как быстрого транспортного средства. Строительство ВСМ<sup>86</sup> во всем мире в последние годы стало «визитной карточкой» высокоразвитых стран. Впервые регулярное движение высокоскоростных поездов началось в 1964 году в Японии, и эта первая в мире Синкансен<sup>87</sup>. В 1981 году ВСМ были созданы и во Франции, а вскоре большая часть западной Европы, включая даже Великобританию, оказалась объединена в единую высокоскоростную железнодорожную сеть. Высокоскоростными магистралями гордятся так же, как раньше гордились успехами в космосе или ядерной энергетике. С их помощью возрождают научно-технический потенциал страны и развивают экономику и туризм. Одна станция ВСМ способна на века изменить судьбу целой области. Начав развиваться в Европе и Японии, высокоскоростные магистрали пришли в Америку, Азию, и даже в Африку.

### **Сотрудничество между Китаем и Россией в сфере ВСМ**

---

<sup>85</sup>Г.И.Иса, Актуальные проблемы технического перевода в области строительства и архитектуры // Вестник Московского университета.Сер.22.Теория перевода.2014.№2, М.:Изд-во Моск.ун-та

<sup>86</sup> Высокоскоростная железнодорожная магистраль, выделенная вновь построенная высокоскоростная железнодорожная линия, на которой по всей ее длине или на отдельных участках обращаются пассажирские поезда со скоростями свыше 200 км/ч.

<sup>87</sup>Новая магистральная линия между Токио и Осака.



8 мая 2014 г. в Кремле состоялось подписание меморандума о сотрудничестве между Китаем и Россией в области ВСМ. Целью подписанного документа является развитие сотрудничества между предприятиями России и Китая в сфере строительства инфраструктуры ВСМ Москва-Казань, приоритетного проекта Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва-Пекин. В документе указано, что стороны согласны развивать всестороннее сотрудничество в области проектирования и консультирования, производства и поставки оборудования, строительных работ, инвестирования и финансирования реализации проектов ВСМ в России, использовать китайские технологии и оборудование в области высокоскоростного подвижного состава, а также опыт строительства и эксплуатации в области высокоскоростного сообщения в Китае; осуществлять всестороннее сотрудничество в сфере разработки и производства высокоскоростного подвижного состава.

18 июня 2015 РЖД и российско-китайский консорциум в рамках Петербургского международного экономического форума подписали договор на проектирование ВСМ Москва-Казань. Протяженность линии ВСМ Москва – Казань составит 770 км, она пройдет по территории семи регионов России, общая численность населения которых превышает 25 млн человек. Проект предусматривает 15 остановок, в том числе в Москве, Владимире, Нижнем Новгороде, Чебоксарах и Казани. Время в пути от Москвы до Казани по ВСМ составит 3,5 часа, при этом, от Нижнего Новгорода до Чебоксар время движения составит 1 час, до Казани-1,5 часа. Ежегодный пассажиропоток в первые годы эксплуатации линии оценивается в 10,5 млн человек. ВСМ Москва-Казань будет способствовать повышению связности территорий России и мобильности населения, а среднее время в пути между столицами регионов составит 1 час.

### **Содержание работы переводчиков и их роль**

В процессе совместной работы китайских и российских коллег над проектом ВСМ, деятельность в области переводов покрывает все смежные области: письменные переводы, переводы совещаний, а также переводы рабочей коммуникации. Инженерное проектирование ВСМ является первостепенным объектом системного проектирования, инженерное проектирование включает в себя такие разделы как: земляное полотно, верхнее строение пути, искусственные сооружения, геология, подвижной состав, архитектура, электроснабжение, изыскания, связь и другие; высока степень специализированности и сложности переводов. Все отчеты на этапах первоначального выхода проекта на рынок, подтверждения квалификационной пригодности, проведения тендерных процедур, подписания контрактов и соблюдения условий во время проектирования обретают свою окончательную форму только после прохождения процедур по переводу. Вместе с этим, в

процессе межъязыкового технического сотрудничества возникает необходимость проведения огромного количества технических совещаний, периодических очередных заседаний, официальных заседаний с присутствием различных предприятий, а также межправительственных встреч. В том числе, на крупных официальных встречах требуется синхронный перевод. Совместное сотрудничество над проектом ВСМ требует постоянного присутствия на месте проведения изысканий. Вся поддержка языкового общения организации, включая общение с местными специалистами всех специальностей, неотделима от процесса перевода, одна лишь сторона перевода занимает огромное количество времени.

### **Проблемы возникающие во время процесса перевода**

Проблемы письменного перевода: Говоря о переводчике, можно охарактеризовать его деятельность, как требующую высокого уровня профессионализма, деятельность напряженного умственного труда, в то же время, перевод - это технология творчества, требующая от переводчика не только владения языком-оригиналом и языком реципиентом, но также наличия профильных знаний по технической специальности, так как тексты по тематике ВСМ обладают прикладное, функциональное содержание. Отсутствие у переводчика знаний по тематике ВСМ вызывает трудности в понимании, что оказывает критическое влияние на качество переводимых письменных текстов.

Речь технических текстов по тематике ВСМ, в основном, затрагивает: процесс обмена профессиональными точками зрения технических специалистов и ученых, процесс проектирования, отчеты и обмен информацией, данными, результатами разведочных и изыскательских работ. В языковом отношении, тексты таких типов характеризуются точностью, краткостью, ясностью; в содержании зачастую присутствуют числовые формулы, таблицы и графики; с точки зрения синтаксиса используются часто типизированные конструкции, а также рассматриваемые тексты изобилуют профессиональной и полупрофессиональной лексикой. Терминология в области ВСМ характеризуется научностью, формализованностью и лаконичностью. Коммуникативная цель и объекты железнодорожной терминологии являются довольно специфичными, поэтому используемая лексика, грамматика, синтаксис и стилистика обладают собственными особенностями, именно поэтому к фоновым знаниям переводчика предъявляются высокие требования.

Существующих словарей и доступных интернет-ресурсов довольно мало, ресурсов для поиска лексики недостаточно, встречаются тяжелые для понимания лексические единицы, трудность представляет выбор наиболее подходящей лексической единицы из числа близких по значению, недостаточно оснований для определения точности выбора. Объем любого из словарей представляется довольно ограниченным и не может включать всю необходимую лексику. Процесс появления огромного количества новых технических

терминов непрерывно сопровождает процесс научно-технического прогресса, однако издание словарей происходит с определенным отставанием, поэтому в процессе перевода зачастую можно столкнуться с термином, не представленном в словарях. С другой стороны, по причине различия законов переноса значений в различных языках, для одного и того же термина после прохождения переноса значений может появиться несколько значений, что на практике обнаруживается в проблеме правильности выбора наиболее подходящего значения.

В большом количестве присутствует необходимость срочных переводов при крупных объемах в сжатые сроки, предъявляются высокие требования к качеству таких переводов; такого рода задания являются для переводчика колоссальной нагрузкой: серьезным вызовом для переводчика является задача по эффективному выполнению перевода в требуемые сроки с максимальной скоростью, предъявляются высокие требования к базовым знаниям, скорости перевода, скорости работы со словарями, пониманию, проверке, гармонизации текстов и другим комплексным способностям переводчика.

В проекте ведется работа над большим количеством чертежей, что требует от переводчика владения средствами AutoCAD, сложность представляет перевод в программе AutoCAD, более того, скорость перевода зависит от уровня обладания переводчиком навыками работы с программой.

Проблемы процесса устного перевода: Китайско-российское сотрудничество по проекту ВСМ затрагивает такие типы устных переводов, как: 1. Периодические межправительственные заседания представителей двух стран; 2. Периодические совещания представителей предприятий министерства транспорта двух стран; 3. Периодические совещания российско-китайского Консорциума по ВСМ; 4. Техническое взаимодействие российских и китайских инженеров; 5. Административно-руководящий отдел затрагивает повседневный устный перевод. Содержание заседаний и совещаний затрагивает коммерческие, технические и административные вопросы.

Говоря о вышеперечисленных совещаниях, трудности, с которыми сталкиваются переводчики, многогранны, однако, качество устного перевода совещаний напрямую зависит от степени владения переводчиком технической терминологии в области ВСМ, степени осведомленности о тематике обсуждения; чем лучше переводчик владеет технической терминологией, тем выше качество устного перевода; чем лучше осведомлен переводчик о положении дел или предмете речи, тем точнее понимание смысла, передаваемого обеими сторонами.

### **Способы решения проблем и практический опыт**

Говоря о проблемах письменного перевода, основываясь на опыте переводческой деятельности, мы смогли разработать способы решения существующих проблем, которые в

настоящее время оцениваются как высоко эффективные. Во-первых, переводчики прошли обучение по общему курсу железных дорог, что позволило им ознакомиться с общими понятиями и обрести базовые знания в сфере железных дорог, не затрагивая узкоспециализированные детали; целью обучения является изучение технологического процесса строительства железных дорог, взаимодействия всех железнодорожных отраслей, важных терминов и понятий. Вместе с тем, обучение техническими специалистами переводчиков навыкам работы с AutoCAD программами позволило переводчикам с максимальной скоростью и максимально эффективно получить новые знания технического характера; во-вторых, железнодорожная область затрагивает большое количество разнообразных специальностей, таких как «Земляное полотно», «ВСП», «Искусственные сооружения», «Станции», «Связь и СЦБ», «Здания и сооружения», «Энергоснабжение», «Геология», «Подвижной состав» и так далее, переводчики распределены по специальностям, что позволяет каждому переводчику сконцентрировать силы на более глубокое изучение отдельной сферы, быстро повысить свой уровень технической компетенции в данной сфере и овладеть терминологией; в-третьих, рабочие места переводчиков распределены таким образом, что переводчик находится в доступности как китайских, так и российских инженеров, что позволяет своевременно решать возникающие вопросы, одновременно осуществляя перевод и находясь в процессе изучения сферы изнутри, что также помогает переводчику в процессе такого общения делать выводы об уместности использования той или иной лексической единицы; в-четвертых, в процессе работы осуществляется сбор железнодорожной лексики, которая оформляется в сборник железнодорожной лексики для общего пользования всех переводчиков, уместность и точность которой проверяется в процесс общения российских и китайских инженеров, одновременно с этим накапливаются новые единицы и заносятся в сборник, что оказывает определенный директивный эффект на процесс работы.

Говоря о трудностях, возникающих в процессе устного перевода, то можно говорить об их уменьшении в результате распределения переводчиков по специальностям, каждый из которых успешно практикуется в определенной области, а также благодаря владению терминологией и базовыми знаниями в данной области. Лексические сборники также определенным образом используются на совещаниях, переводчик имеет при себе бумажные записи общепотребительной лексики по специальности.

Вместе с тем, устный и письменный перевод являются взаимодополняющими, неважно, какой перевод осуществляется – устный или письменный, переводчик, отдаваясь делу технического перевода, должен обращать особое внимание на следующие положения:

Добросовестно относиться к подготовительным работам для осуществления переводов, работа по техническому переводу требует не только владения иностранным языком, но также и владения профессиональной лексикой. Технический переводчик должен учиться и приобретать профессиональные знания, овладевать соответствующей профессиональной лексикой, быть трудолюбивым в работе со словарями, быть открытым и не стесняться обращаться за консультациями.

В процессе понимания и выражения, при возникновении трудностей (непонимания, неуверенности в понимании), переводчик должен уметь открыто обращаться к специалистам данной сферы за консультациями, многократно анализировать, задавать многосторонние вопросы, с тем, чтобы добиться абсолютно точного понимания, тем самым обеспечив точный и безошибочный перевод текстов.

Добросовестно выполнять работу по корректировке текстов. Недопустимо пренебрежительное отношение к работе по сверке текстов по окончании выполнения перевода, обязательно следует выполнять пословное сравнение исходного текста с текстом перевода, после чего необходимо провести работу по улучшению и гармонизации текста. Особое внимание следует уделять сверке числовых значений, встречающихся в исходном тексте. Если условия позволяют, возможно проведение взаимного сличения.

Переводчик должен быть уверен в себе, обладать моральной готовностью к тяжелому труду, ежедневно практиковаться в аудировании и чтении текстов для поддержания навыков речевого общения.

Переводческая работа – это тяжелый умственный труд, который, однако, сопровождается творческим подходом. Особенности научно-технического стиля требуют от технического переводчика выполнения скрупулезной и многосложной работы. Технический переводчик должен обладать не только основательными знаниями иностранного языка, высоким уровнем владения китайским языком, но также владеть знаниями в соответствующей технической области, только в этом случае продукт перевода будет соответствовать стандартам научно-технических текстов: точность, специализированность, читабельность. Вместе с тем, переводчик должен обладать определенным набором знаний по теории перевода, уметь применять теоретические знания в практической деятельности, а также владеть несколькими тактиками и техниками перевода. Любая невнимательность в процессе перевода может привести к серьезным последствиям, поэтому технический переводчик должен обладать ярко выраженным чувством ответственности.

#### ***Список литературы:***

*Барлас Л.Г.* Русский язык. Стилистика/ Л. Г. Барлас. М.: Просвещение, 1978.

- Кириченко Н.В.* О функциональном назначении страдательного залога в научной речи[A]. // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей Пермь, Перм. Ун-т., 1985, с.179-188.
- Кожина М.Н.* Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней / М. Н. Кожина. М.: Пермь, Перм. Ун-т., 1995.
- Цай И.* Курс русско-китайского перевода. Т.2. Пекин. Изд.Преподавание и исследование иностранных языков. 1985. (Пер. автора: 蔡毅, 《俄译汉教程》下,北京,外语教学与研究出版社,1989.)
- Цинь Сюбай* Общая теория стилистики. Чанша. 1987. (Пер. автора: 秦秀白, 《文体学概论》 М.: 长沙, 湖南教育出版社, 1987.)
- Чжан Дэлу* Функциональная стилистика. Пекин. Изд.Высшее образование. 2005.(Пер. автора: 张德禄, 《功能文体学》 М.: 北京,高等教育出版社, 2005.)
- Чжан Хуэйсэнь* Общая теория стилистика. Шанхай. 2002 (Пер. автора: 张会森, 《修辞学通论》 М.: 上海,上海外语教育出版社,2002.)
- Halliday. Explorations in the Functions of Language. М.: London, Edward Arnold, 1973.

*Чуреева О.А.*  
*Абу Жад Анас Али Касем*  
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского  
г. Симферополь (Россия)

*Chureyeva Olga*  
*Anas Ali Qasem Abu Jad*  
V.I. Vernadsky Crimean Federal University  
Simferopol (Russia)

**АКТУАЛЬНЫЕ РЕЧЕПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ  
ПРИВЕТСТВИЯ В РУССКОЙ И АРАБСКОЙ КУЛЬТУРАХ:  
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**ACTUAL COMMUNICATIVE ETIQUETTE GREETING FORMULAS IN RUSSIAN AND  
ARABIC CULTURES: HERMENEUTICAL ASPECT**

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью поиска эффективных путей достижения взаимопонимания между представителями русского мира и арабского в свете тенденции к укреплению и интенсификации взаимных контактов. Цель настоящего исследования состоит в описании и сопоставлении актуальных этикетных формул приветствия в русской и арабской культурах и поиске функциональных эквивалентов, что позволило бы повысить уровень коммуникативной безопасности. Особо рассмотрены такие важные невербальные компоненты, как рукопожатие, взгляд, улыбка, положение тела, расстояние между собеседниками.

The relevance of this issue due to the need to find effective ways to achieve mutual understanding between representatives of the Russian world and Arabic in a view of the trend towards the strengthening and intensification of mutual contacts. The purpose of this study is to describe and map the actual etiquette formulas of greeting in Russian and Arabic cultures and the search for functional equivalents that would improve the level of communication security. Special attention is paid to such important non-verbal components, such as handshake, glance, smile, body position, distance between the interlocutors.

**Ключевые слова:** этикетные формулы, функциональные эквиваленты, ментальная карта, ментальный мир, невербальное поведение.

**Key words:** etiquette formulas, functional equivalents, mental map, mental world, non-verbal behavior.

В условиях стремительно развивающегося универсума, вступления мирового сообщества в эру «переговоров», когда международные конфликты разрешаются на уровне эффективной коммуникации, происходит переосмысление вопроса о поиске эквивалентных сигнификатов. В этих условиях чрезвычайно важно учитывать особенности «ментального мира» (термин А. Мустайоки), что подразумевает не только знание языка и культуры собеседника, но также физическое и ментальное состояние в момент общения, отношение друг к другу [Мустайоки, 1982, с.545]. Иллюзия принадлежности к общему ментальному

миру может спровоцировать различного рода недоразумения и привести к коммуникативной неудаче.

В свете эволюции российско-арабских отношений, которые сегодня выходят на новый уровень, вопрос о путях к взаимопониманию между представителями русского мира и арабского сегодня особенно актуален. Главные конкуренты на мировом рынке энергоресурсов переходят в статус партнёров, заинтересованных в укреплении и развитии сотрудничества в информационной, космической, медицинской, образовательной и других сферах. При этом контакты происходят не только на уровне официально-деловой коммуникации, но и в ситуациях светского общения.

Такая тенденция требует особенно внимательного отношения к установлению и поддержанию взаимных контактов, а следовательно, знания «ментальных карт» потенциальных партнёров, грамотного выстраивания речеповеденческого взаимодействия. Любой контакт начинается со слов приветствия, за которым следует знакомство. Получит ли это знакомство продолжение, во многом зависит от первых слов, сказанных друг другу, и первых действий. В рамках данной работы не рассматривалась специфика официально-делового этикета, так как в этой сфере больше работает принцип равенства сторон, следовательно, меньше коммуникативных ловушек, чем, к примеру, в сфере светских и академических контактов. Признавая безусловным тот факт, что характер речевого поведения зависит от конкретных обстоятельств, мы сфокусировали наше внимание лишь на универсальных формулах и правилах, которые уместны в большинстве ситуаций.

Настоящая работа была инспирирована наблюдениями за коммуникативным взаимодействием арабских студентов Медицинской академии, приехавших на учёбу из Иордании, Сирии, Палестины, Ливии, Ирака, с носителями русского языка. Им приходится знакомиться и взаимодействовать с новыми людьми, реализовывать разные задачи и интенции, принимать участие в конкурсах, олимпиадах, конференциях. Зачастую, не обладая необходимым объёмом информации о правилах общения и поведения в рамках академического и общего этикета, студенты из арабских стран оказываются в неловких ситуациях, которые осложняют дальнейшее общение с окружающими. Незнание «ментального мира» представителя другой культуры может негативно отразиться на имидже коммуниканта с первых минут диалога. Оказавшись в непонятной ситуации, студент, не зная правил этикета, принятых в новом для него обществе, начинает наблюдать за поведением окружающих и на основании этих наблюдений делать выводы. На наш взгляд, представляется целесообразным внести относительную ясность в вопросы, касающиеся межкультурного взаимодействия в момент реализации контактоустанавливающей и контактоподдерживающей функций языка.



Цель настоящего исследования состоит в описании и сопоставлении этикетных формул приветствия в русском и арабском языках, включая невербальные компоненты, и поиске функциональных эквивалентов для повышения уровня коммуникативной безопасности.

В соответствии с определением, предложенным Н.И. Формановской, этикет представляет собой «выработанные обществом правила для членов общества, национально специфичные, устойчиво закреплённые в речевых формулах, но в то же время исторически изменчивые» [Формановская, 1989, с.5]. Следовательно, эти правила действуют только в рамках конкретного национального общества и могут меняться с течением времени. Это значит, что некоторые этикетные формулы редуцируются, устаревают, меняют сферу функционирования, коннотацию и т.д. Так, «Словарь русского речевого этикета» А.Г. Балакая включает 383 приветствия. Н.И. Формановская насчитывает 40 формул, включая устаревшие. В современном светском речевом этикете общения используется 8-10 фраз-клише, которые позволяют установить контакт в любой ситуации и избежать недоразумений.

Вслед за профессором И.А. Стерниным, который подчёркивал в своих работах необходимость постоянного мониторинга речевой деятельности, мы исходим из презумпции актуальности этикетных формул, оставляя вне поля зрения слова и выражения, не используемые или редко употребляемые в современном русском языке. При отборе языкового материала мы исходили из реального опыта носителей языка. Актуальность материала постулируется нами в качестве одного из важных условий анализа путей выстраивания эффективной коммуникации между представителями разных культур с целью достижения взаимопонимания. Герменевтический процесс при этом подразумевает владение искусством понимать речь другого, адекватно выражать интенции и реагировать на них и тем самым избегать недоразумений (Ф. Шлейермахер). Достижение консенсуса – важнейшая задача эффективной межкультурной коммуникации в эпоху разворачивания двух противоположных процессов: глобализации и глокализации.

В современном русском мире речеповеденческие модели при приветствии и знакомстве регламентируются светским этикетом. Причём, на данный момент не существует единого универсального утверждённого справочника по этикету, к которому можно было обратиться в затруднительных ситуациях. Авторитетными считаются учебники Н.И. Формановской и В.Е. Гольдина по русскому речевому этикету, популярны книги и статьи И.С. Арцишевского по современному этикету и протоколу. В арабском мире в любых ситуациях принято руководствоваться религиозными источниками. Знакомству представителей русской культуры с особенностями арабского этикета в сфере официально-деловой коммуникации посвящены работы В.Э. Шагаля, А.А. Сканави. Зачастую, не обладая

сведениями о функциональном репертуаре формул приветствия, о культурной специфике и нормах этикета, коммуниканты подвергаются риску допустить ошибки, которые могут привести к коммуникативной неудаче, ситуации недоразумения или недопонимания и, как следствие, негативно отразиться на имидже.

Знание арабской и русской ментальных карт снижает риск коммуникативных неудач и возникновения конфликтов и повышает уровень коммуникативной безопасности.

Настоящее исследование представляет собой попытку сделать шаг на пути сближения русской и арабской культур, предложить своего рода навигатор, который позволит сделать правильный выбор модели поведения в ситуации установления и поддержания контакта с носителем русского/арабского языка в зависимости от того, на какой территории происходит коммуникация. Новизна работы заключается также в том, что впервые к рассмотрению предлагаются контрастные таблицы функциональных эквивалентов формул приветствия, составленные на основании анализа лингвистических и паралингвистических особенностей межкультурной коммуникации.

### **Особенности приветствия**

Главный принцип этикета арабского приветствия сформулирован следующим образом: на приветствие следует отвечать таким же приветствием или ещё лучшим. При этом приветствие всегда сопровождается улыбкой и рукопожатием, также возможны объятия и поцелуи в щёки. Тактильный и зрительный контакт с лицами женского пола находится под запретом. Допускается только короткое словесное приветствие с улыбкой.

Главный принцип русского приветствия можно сформулировать так: здороваться нужно внятно и доброжелательно, присоединяя к формуле приветствия вежливое обращение. При этом приветствие может сопровождаться рукопожатием, объятием, поцелуем в щёку, акколадой, поклоном, кивком головы.

Рассмотрим теперь некоторые особенности этикета приветствия в русской и арабской культурах более подробно.

Итак, приехав в Россию, арабский студент должен устанавливать контакты, знакомиться с новыми людьми (однокурсниками, преподавателями и др.). Руководствуясь правилами арабского этикета, он при приветствии всем протягивает руку для рукопожатия (преподавателям в том числе) и далеко не всегда получает ответ на этот жест, что, естественно, вызывает большое недоумение. Действительно, арабы приветствуют всех и всем жмут руку, так как по этикету приветствовать следует всех.

В соответствии с правилами русского этикета также необходимо приветствовать всех, однако рукопожатие при этом необязательно. Отметим, что, к сожалению, сегодня русские далеко не всегда следуют этому правилу и здороваются только с теми, кого знают. Если

знакомый человек находится в кругу незнакомых, то допустимо поздороваться со всеми, а руку пожать только знакомому. И даже в компании не обязательно приветствовать за руку всех. Согласно правилам светского этикета руку жмут тому, кого знают и кому доверяют.

В арабской культуре принято приветствовать друг друга столько раз в день, сколько люди встречаются в течение дня. В русской культуре одно приветствие с одним и тем же человеком сохраняет силу в течение 24 часов. При желании можно сказать: «Привет ещё раз/ещё раз здравствуйте/ Рад снова Вас приветствовать». На русскоязычных форумах часто можно в числе обсуждаемых вопросов увидеть такие: «Что значит, если человек поздоровался с тобой несколько раз в течение дня? Почему человек здоровается несколько раз в день?». Высказываемые предположения бывают самыми разными. В любом случае такое речевое поведение вызывает у носителей русского языка недоумение. Однако, если человек хочет ещё раз поприветствовать того, кого он уже видел в течение дня, он может использовать также такие универсальные формулы приветствия, как «Добрый день! (с 12.00 до 18.00)», «Добрый вечер!» (с 18.00 до 21.00). В арабском языке существуют эквивалентные формулы, употребляемые в сходных ситуациях, которые отличаются от русских большей цветистостью, так как заключают в себе пожелания добра, света, красоты: «Сабахуль-хайр» («Доброе утро!»), «Сабах аль фоль ўа аль-ямин» («Жасминового утра!»), «Масауль-хайр» («Добрый вечер!»). Формулу «Яўмуком Саид» («Добрый день!», буквально: «Счастливого дня!») арабы в повседневном общении, как правило, не используют, так как день условно делится на утро (между первым и вторым намазом: ориентировочно с 4.00 до 12.00) и вечер (между вторым и четвёртым: ориентировочно с 12.00 до 22.00). Формула «Добрый день!» преимущественно используется в СМИ. Так приветствуют телезрителей дикторы новостных программ, ведущие развлекательных передач арабских телеканалов.

Речевые этикетные формулы, привязанные к определённому времени суток, в русской культуре могут использоваться также в случае, если говорящий сомневается в выборе обращения: «Здравствуйте!» (на *Вы*) или «Здравствуй!» (на *ты*). Чтобы не сомневаться, рекомендуется использовать формулу «Здравствуйте!», в том числе и при обращении к детям. Прежде чем перейти от формы «здравствуйте» к «здравствуй» или «привет» при обращении к хорошо знакомому человеку, следует воспользоваться этикетной формулой: «Если Вы не возражаете, давайте перейдём на *ты* («If you don't mind let's get familiar/ less formal»). Если тот, к кому обращаются, возражает, он может вежливо отказаться от этого предложения: «Мне кажется, что наши отношения пока ещё не столь доверительны». Если адресат не возражает, он скажет: «Ничего не имею против».

Говоря о речевом жанре приветствия, необходимо особо остановиться на универсальных формулах, функционирующих в русском и арабском языках. Так, в русской

культуре универсальным является приветствие «Здравствуй!» (буквально: «Желаю здоровья»), которое может быть обращено к любому человеку независимо от религиозной или национальной принадлежности, возраста, пола и статуса. На это приветствие отвечают зеркально («Здравствуй!») или этикетной формулой, соответствующей определённому времени суток. Правило вежливости предписывает при приветствии обращаться к адресату по имени и отчеству или по имени (в зависимости от статуса). Однако бывают ситуации, когда тот, кто отвечает на полное приветствие, не знает или не помнит имени и отчества того, кто к нему обратился. Ответить просто «Здравствуй» будет не совсем удобно. Н.И. Формановская, исходя из личного опыта, предлагает в таких ситуациях компенсировать отсутствие обращения повтором приветствия, выражением радости от встречи, иными словами, «усиленным выражением вежливости», например: «Здравствуй, здравствуй, рада Вас видеть...!» [Формановская, 1989, с.27]. Таким образом, ответ на приветствие будет равноценным самому приветствию или ещё лучшим, что коррелирует с правилом арабского этикета, упомянутым выше. В арабской культуре общепринятой считается исламская формула приветствия «Ассаляму Аляйком ўа рахматуллахи ўа баракатух!» (буквально: «Мир Вам, милость Бога и Его благословение»). Отвечают на него зеркально. Исламская формула приветствия в арабских странах адресуется не только мусульманам, но и представителям других конфессий. Универсальным коротким приветствием является «Ассаляму Аляйком!» («Мир Вам!»). Немусульманин в такой этикетной ситуации отвечает по правилам ислама или же использует этикетные формулы, соответствующие определённому времени суток.

Если приветствие обращено к другу или близкому человеку в полуофициальной обстановке, то в русском языке используется усечённая форма обращения «Здравствуй» («Здравствуй»). При этом к этикетной формуле может присоединяться обращение «мой дорогой друг», «дорогой Николай Иванович» и др.

В неформальной обстановке друзья здороваются друг с другом, используя короткие формулы: «Привет!» (в России), «Мархабан!» (в арабских странах). В официальной обстановке при обращении к другу предпочтительнее использовать формулы: «Здравствуй!»/«Ассаляму Аляйком!» или «Приветствую!»/«Ухайика!».

Формулы приветствия, используемые в официальной и торжественной обстановке, которая предполагает обращение к группе лиц, к большому числу собравшихся, не требуют ответа и имеют свои особенности в русском и арабском языках. Функциональные эквиваленты речевых формул приветствия, принятых в русской культуре и в культуре арабских стран, представлены в Таблице 1. Как видно из приведённых примеров, дословный перевод этикетных клише с русского языка на арабский или с арабского на русский не всегда будет вполне корректным и может вызвать недоумение окружающих. Так как язык есть

форма, а не субстанция, по определению Ф. де Соссюра, не имеет значения, совпадает ли при переводе количество слов в предложении и значения отдельных лексем, важен смысл и посыл высказывания. Так, знание особенностей составления речевых этикетных формул в рассматриваемых ситуациях позволит создать необходимую благожелательную атмосферу при установлении контакта и будет способствовать эффективной коммуникации.

### **Паралингвистические компоненты приветствия**

#### **Голос**

Культура русской речи помимо требований к вербальному выражению интенций говорящего включает также предписания относительно голосовых характеристик речи: тембра, высоты, регистра, частоты, темпа, громкости и т.д. Так, приветствуя кого-либо, не следует кричать: если человек находится на большом расстоянии, к нему необходимо подойти. Поприветствовать кого-либо на бегу, внезапно появившись из-за угла или из-за спины адресата, и громко рявкнуть «Здравствуйте!» – тоже считается дурным тоном, так как в этом случае адресат приветствия, скорее всего, испугается от неожиданности и вместо ответного «Здравствуйте!» скажет: «Ой!». Произносить речевые этикетные формулы следует внятно и чётко, в соответствии с нормами орфоэпии, включающими требования к дикции, артикуляции и интонации. Нельзя сворачивать формулы: например, произносить грубо просторечные «здрасьте», «дрась» вместо этикетного «Здравствуйте!». Стремление к упрощению речи и сохранению энергии может привести к коммуникативной неудаче и отрицательно сказаться на речевом имидже говорящего. Что же касается тона голоса, то он не должен быть резким, напротив, передать доброжелательное отношение к адресату приветствия можно, выбрав мягкий, тёплый регистр.

В арабской культуре при приветствии к голосу предъявляются такие же требования, как и в русском. Однако хотелось бы обратить внимание ещё на один момент, который важно учитывать при выражении и определении отношения коммуникантов друг к другу. В арабском речевом этикете существует негласное правило, которое коротко можно сформулировать так: степень уважения обратно пропорциональна уровню громкости голоса. Например, если в рамках институционального академического дискурса арабский студент обращается к преподавателю тихим голосом, то это вовсе не потому, что он стесняется или испытывает страх; таким образом студент даёт понять, что относится к преподавателю с глубоким почтением, обращается к нему снизу вверх, как будто тот стоит на пьедестале. Это в равной степени применимо ко всем ситуациям, в которых при приветствии выражается почтение (при обращении к родителям и старшим по статусу).

## Рукопожатие

В русской традиции при приветствии люди обменивались поясными поклонами, объятиями и поцелуями в щёки (в зависимости от ситуации, возраста, пола и статуса коммуникантов). Пётр I способствовал привнесению в систему взаимоотношений между представителями разных сословий элементов европейской культуры (во многом это было обусловлено интенсификацией установления международных контактов и заключения торговых сделок, социальными реформами). Так, в России появился этикет приветствия, включающий рукопожатие при деловых встречах. Согласно правилам русского этикета (за исключением официально-делового) рукопожатие при приветствии не является обязательным компонентом коммуникации. Руку предлагают только тем, кого знают, кому доверяют и с кем готовы иметь общее дело. По этикету необходимо обязательно отвечать на рукопожатие, так как отказ от него расценивается как демонстрация негативного отношения к собеседнику. В русском языке существует ряд слов и выражений, подтверждающих этот тезис: «нерукопожатный человек» («непорядочный, бессовестный, неразборчивый в средствах, нечистоплотный» [Тришин, 2013]), «я ему руки не подам» (о человеке, который совершил подлость, предательство).

В условиях межкультурной коммуникации следует иметь в виду тот факт, что в арабской культуре рукопожатие при приветствии – обязательный и привычный элемент, причём, здороваться за руку необходимо со всеми, кто находится в одном кругу: не только с тем, с кем знаком, но также и с незнакомыми; в то время как в русской культуре рукопожатие – это знак доверия, готовности к партнёрству, выражение расположения и уважения, поэтому за приветствием рукопожатие следует далеко не всегда и не со всеми.

Важно отметить, что в арабских странах запрещено рукопожатие между мужчиной и женщиной, как и любой другой тактильный контакт.

Правила русского этикета такую возможность допускают, если женщина подаёт руку первой (как правило, это происходит в ситуации официально-деловой коммуникации). Справедливости ради отметим, что при приветствии рукопожатие между мужчиной и женщиной является скорее исключением, чем правилом, и происходит преимущественно по инициативе мужчины (вопреки правилам этикета). Женщина сегодня может подать руку мужчине для рукопожатия при произнесении слов поздравления с каким-то успехом, победой – и мужчина в этом случае должен ответить зеркально.

Кроме того, говоря о рукопожатии как невербальном компоненте приветствия, следует отметить, что правила русского этикета не допускают рукопожатия через порог или через стол, в то время как в арабской культуре таких предписаний нет. Проявлением невежества в обеих культурах считается рукопожатие в положении сидя.

## **Поцелуй руки**

В арабских странах при приветствии сын может поцеловать руку отца и матери, бабушки, дедушки. Целовать руку женщине не принято и категорически запрещено, в то время как в русской культуре такой невербальный компонент приветствия иногда встречается. Эта этикетная традиция не является исконно русской и имеет западноевропейское происхождение. В XVIII веке поцелуй руки был предписан правилами этикета в дворянском обществе при приветствии вышестоящего лица или дамы. В XIX веке поцелуй руки в виде лёгкого символического прикосновения губами при приветствии замужней дамы или дамы, занимающей высокое положение в светском обществе, был знаком уважения и почтения. При приветствии молодой девушки мужчины ограничивались поклоном. В XXI веке поцелуй руки может быть истолкован как вульгарный жест. Однако и сегодня часто можно наблюдать такую ситуацию, когда мужчина целует руку, протянутую женщиной для рукопожатия. Это является нарушением правил этикета: на рукопожатие следует отвечать рукопожатием. С одной стороны, такая поведенческая реакция может являться демонстрацией отрицания равного статуса мужчины и женщины, с другой – открытым проявлением чувства особой симпатии, с третьей – провокативным жестом, используемым с целью скомпрометировать даму намёком на близкие отношения или на желание их установить. В большинстве случаев подобная субституция (поцелуй руки вместо рукопожатия) вызовет скорее негативную реакцию, чем положительную. Таким образом, в современных социокультурных реалиях в целях коммуникативной безопасности лучше заменить поцелуй дамской руки этикетным вербальным приветствием, соответствующим ситуации, и приветливой улыбкой.

## **Объятия и поцелуи.**

В современном русском этикете объятия и поцелуи характерны для женской коммуникации или иногда в ситуации приветствия между женщиной и женщиной, которые хорошо знакомы (как правило, один поцелуй в щёку или два в разные щёки). Мужчины выражают особую радость и теплоту чувств при помощи других сигналов. Например: рукопожатие обеими руками (левая рука накрывает кисть или касается предплечья), лёгкие похлопывание по плечу или по спине при рукопожатии. В арабской культуре между хорошо знакомыми мужчинами, которые рады встрече, может быть дружеское объятие и поцелуи в щёки (в Палестине два поцелуя в разные щёки, в Иордании это зависит от настроения и степени радости).

### **Акколада («щека к щеке»).**

В русской культуре распространён такой невербальный компонент приветствия, как акколада (между женщинами, а также между мужчиной и женщиной). Среди мужчин акколада не принята. В арабской культуре такой способ приветствия не встречается.

### **Расстояние.**

Наиболее комфортно собеседники чувствуют себя, находясь на расстоянии вытянутой руки. Попытка сократить это расстояние может быть воспринята как посягательство на личное пространство. При рукопожатии расстояние сокращается. Для рукопожатия обычно протягивают руку, слегка согнув её в локте. Если человек протягивает выпрямленную руку, возможно, таким образом он хочет избежать объятий и поцелуев. Находясь в зоне действия русского этикета, следует помнить, что тактильный контакт при приветствии – это вторжение в личное пространство другого человека. Если в арабской культуре запрет тактильного контакта в системе коммуникации распространяется только на взаимодействие между мужчиной и женщиной, то в русской культуре – на всех участников коммуникации. Исключение: особые отношения, а также ситуации, когда на прикосновение получено разрешение. Для этого можно использовать такие обороты, как «разрешите Вас обнять» (от полноты чувств), «разрешите пожать Вашу руку» (при поздравлении, выражении солидарности и поддержки) и т.п. Например: «Здравствуйте, Иван Николаевич! Я видел вчера ваше выступление. Это было замечательно. Я абсолютно солидарен с Вами. Разрешите пожать Вашу руку»; «Здравствуйте, Алексей! Поздравляю Вас с победой в конкурсе! Это большой успех. Можно Вас обнять?». И в этом случае сокращение дистанции возможно.

В том случае, если люди приветствуют друг друга издалека, и в русской, и в арабской культурах словесную формулу заменяет взмах/помахивание рукой, обращенной ладонью вперёд и/или кивок (без наклона корпуса).

Результаты сопоставления невербальных компонентов приветствия в русской и арабской культурах отражены в Таблице 2; функциональные эквиваленты речеповеденческих этикетных формул приветствия, используемых в некоторых универсальных ситуациях, в обобщённом виде представлены нами в Таблице 3.

### **Выводы**

На основании анализа лингвистических и паралингвистических особенностей межкультурной коммуникации можно сделать вывод о том, что факты языка невозможно рассматривать изолированно от фактов культуры, так как герменевтический процесс связан, в том числе, с лингвистическими и паралингвистическими ожиданиями носителей языка.

Таким образом, для достижения взаимопонимания между представителями русской и арабской культур обе стороны при установлении и поддержании контактов должны



учитывать особенности этикета, принятого в русском и арабском мире, и соблюдать главные принципы эффективной коммуникации: принцип вежливости, согласованности и равной безопасности, которые обеспечивают создание позитивного коммуникативного климата.

Понять друг друга правильно поможет знание «ментальных карт» и этикетных речеповеденческих формул, используемых в ситуации приветствия. Представляется разумным и естественным при выборе той или иной стратегии поведения учитывать, на какой территории и в какой ситуации происходит контакт, поскольку этикет приветствия – это совокупность правил межличностного взаимодействия, касающихся внешнего проявления отношения к людям.

Так, находясь в сфере притяжения русского мира, для достижения взаимопонимания следует соблюдать правила русского этикета и замещать привычные формулы, используемые в арабской культуре, функционально эквивалентными, принятыми в русской культуре. В отношении «скользких моментов» действует правило наименьшего риска. Так, в русскоязычной среде во избежание недоразумений лучше не инициировать рукопожатия, но всегда отвечать на них (даже женщинам). Отказ от рукопожатия женщина может воспринять как демонстрацию негативного отношения или нежелания знакомиться и сотрудничать. Короткое формальное рукопожатие как жест вежливости функционально эквивалентно приветливой вежливой улыбке.

Если речь идёт об установлении и поддержании контактов в арабских странах, то в этом случае представитель русского мира должен соблюдать правила арабского этикета: приветствовать рукопожатием всех, кроме женщин, использовать соответствующие речевые этикетные формулы.

Важно помнить, что носителя этикетной, культурной речи общество воспринимает как носителя положительных личностных качеств, независимо от того, представителем какой культуры он является.

Таблица функционально эквивалентных этикетных формул приветствия в русском и арабском языках.

Русские речевые этикетные формулы	Арабские эквиваленты
<i>К приветствию присоединяется имя/имя и отчество того, к кому обращаются</i>	<i>Обращение по имени/ имени и отчеству к формуле приветствия не присоединяется</i>
<i>Здороваться следует со всеми, даже с незнакомыми</i>	
Здравствуйтесь, (Николай Иванович, Сергей)!	Аляйком ўа рахматуллахи ўа баракату! السلام عليكم ورحمة الله وبركاته! «Мир Вам, милость Аллаха и Его благословение!» Ответ: «Ўа аляйком ассалам ўа рахматуллахи ўа баракату» وعليكم السلام ورحمة الله وبركاته!
Здравствуйтесь, уважаемые коллеги! <i>(официальное обращение при выступлении с каким-либо сообщением перед коллегами)</i>	Нураххибу биком аиззаана аззумала! («Приветствую вас, наши дорогие коллеги!») نرحب بكم اعزائنا الزملاء!
Здравствуй, (Андрей, Андрюша)! Здравствуй, (мой дорогой друг, моя любимая, мой город!) <i>(полужоформальное, выражает тёплое отношение)</i>	Ассаламу Аляйком! «Мир Вам!» Ответ: «Ўаляйкому Ассалам!» السلام عليكم!
Доброе утро! (с 4.00 до 12.00)	Сабахуль-хайр! («Доброе утро!») صباح الخير! Ответ: «Сабахун-нур!» («Светлого утра!») صباح النور! «Сабах аль-фоль ўа аль-ясмин!» («Утра, как белый цветок жасмина!») صباح الفل والياسمين! (с первого намаза «фаджр» до второго)
Добрый день! <i>Используется часто, может служить</i>	Яўмуком Саид! («Счастливого дня!») يومكم سعيد!

<p>ответной репликой на приветствие «Здравствуйте!» (так же, как «Здравствуйте!» можно произнести в ответ на приветствие «Добрый день!»)</p>	<p>Используется редко (преимущественно в СМИ), в промежутке между вторым намазом («духур») и четвертым («магриб») Ответ: «Нахаракум мубарак!» («Благословенного дня!») نهاركم مبارك!</p>
<p>Добрый вечер! (с18.00 до 21.00)</p>	<p>Масауль-хайр! («Добрый вечер!») مساء الخير! Ответ: «Масаун-нур!» («Светлого вечера!») مساء النور! (со второго намаза до четвертого)</p>
<p>Привет! Неформальное, дружеское</p>	<p>Мархабан! مرحبا!</p>
<p>Приветствую! Приветствую вас, (коллеги! друзья! партнёры) Полуформальное, возвышенное, используется для выражения чувства радости от встречи</p>	<p>Ухайиком! («Приветствую!») أحييكم!</p>
<p>Рад приветствовать Вас! Искренне/сердечно рад приветствовать всех вас на .... Мы рады приветствовать вас в стенах (академии, университета, .....) Мы рады приветствовать вас на (крымской земле, на борту самолёта, на церемонии вручения премии, на форуме/съезде) Официальное, используется при приветствии гостей на своей территории в рамках торжественного события или иного мероприятия (праздника, церемонии, форума, конгресса, конференции и т.п.)</p>	<p>Юсидуни ан нураххиба бика! يسعدني ان ارحب بك! «Нураххибу биком аджмаля тархиб ва натаманна лакум вактан саидан» («Мы рады приветствовать вас и желаем прекрасного времяпрепровождения») نرحب بكم أجمل ترحيب ونتمنى لكم وقتا سعيدا!</p>

<p>Мы счастливы возможности приветствовать Вас... и желаем удачи и плодотворной работы</p> <p>Мы счастливы воспользоваться возможностью и приветствовать вас в/на ....</p> <p>Мы рады тому, что вы теперь вместе с нами и желаем всего наилучшего!</p> <p><i>«Мы счастливы воспользоваться возможностью и приветствовать вас в Тюменском государственном университете. Желаем вам самого наилучшего во время обучения в нашем университете!»</i> (приветствие на сайте ТюмГУ, адресованное иностранным студентам)</p>	<p>«Суадаа би-таваджудика маана, хаййака Аллах, ўа натаманна ...».</p> <p>«Мы счастливы, что вы присутствуете вместе с нами, да приветствует вас Аллах, желаем ...»</p> <p>سعداء بتواجدك معنا، حياك الله، ونتمنى...</p>
<p>Сердечно приветствую вас, участников сегодняшней встречи, и выражаю надежду на то, что она будет плодотворной и полезной для всех собравшихся.</p>	<p>«Урахибу биком мен аамакы, аиззай альмошарикин фи ликъаина ли хаза аль яум, ўа аамулю ан якуна ликъаана муфидан ўа мутмиран лельджами»</p> <p>أرحب بكم من اعماقي، اعزائي المشاركين في لقائنا لهذا اليوم، وآمل ان يكون لقائنا مفيدا ومثمرا للجميع.</p>
<p>Для меня большая честь приветствовать участников сегодняшней встречи и открывать её.</p>	<p>«Юшаррифуни ан ураххиба биком аиззай альмошарикин фи ликъаина ли хаза аль яум ўа ан абтадиаху»</p> <p>يشرفني ان ارحب بكم اعزائي المشاركين في هذا اليوم وأن ابتهأه.</p>
<p>Позвольте от имени ..... поприветствовать всех участников сегодняшней встречи и пожелать плодотворной работы.</p>	<p>«Исмаху ли ан ураххиба би исм ... би жами алмушарикин фи ликаина аляум ўа атаманна лахом колла алфаида».</p> <p>اسمحوا لي باسم ... ان ارحب بجميع المشاركين في لقائنا اليوم وأتمنى لهم كل الفائدة...</p>
<p>Позвольте поприветствовать вас, а также поблагодарить организаторов этого замечательного мероприятия за приглашение и предоставленную возможность выступить /обратиться с речью....</p>	<p>«Исмаху ли ан ураххиба биком, ўа ан ашкура мунаддими хаза альхадат альадым ала аддауа ўа алфурса ли укаддима лаком хазиhi алкалима...»</p> <p>اسمحوا لي ان ارحب بكم، وان اشكر منظمي هذا الحدث</p>

<b>Порядок приветствия</b>	
Младший по возрасту/статусу/званию приветствует старшего	
Дети приветствуют родителей	
Мужчина приветствует женщину	
Женщина приветствует мужчину первой (если она не одна)	Мужчина приветствует женщину первым в любом случае
Идущий приветствует стоящего/сидящего	
Идущий быстро приветствует того, кто идёт медленно	
Спускающийся приветствует поднимающегося	Не имеет значения
Входящий приветствует присутствующих	
При равных условиях первым приветствует тот, кто более вежлив и воспитан	

Таблица 2.

## Невербальные компоненты приветствия.

Кто?	Русский этикет		Арабский этикет
	<b>Взгляд</b>		
М-М	Прямой, доброжелательный, в глаза		Прямой, доброжелательный, в глаза
М-Ж	Прямой, доброжелательный, в глаза <i>(при приветствии нельзя смотреть в сторону или в пол, так как это будет расценено как невежливое и пренебрежительное отношение)</i>		В глаза (жена, мать, сестра, тётя) Короткий взгляд в глаза (знакомая немолодая женщина) Взгляд в пол (незнакомая молодая женщина)
Ж-М	Прямой, доброжелательный, в глаза		В глаза (муж, отец, брат, дядя) Короткий взгляд в глаза (знакомый немолодой мужчина) Взгляд в пол (незнакомый молодой мужчина)
	<b>Поцелуй руки</b>		
М-Ж	Допускается в помещении, но не рекомендуется	Не допускается на улице, и вместо рукопожатия	Категорически нет
	Поцелуй дамской руки в современных условиях лучше заменить на этикетное вербальное приветствие с приветливой улыбкой		
	<b>Рукопожатие</b>		
М-М	Не обязательно Только с друзьями		Обязательно Со всеми
Ж-М	Возможно, если женщина первой подаёт руку		Не допускается
	<b>Порядок рукопожатия (кто кому протягивает руку)</b>		
	Старший по возрасту/статусу младшему		Не имеет значения
	Женщина – мужчине		Не допускается
	<b>Ответ на рукопожатие</b>		
	Этикет предписывает отвечать на рукопожатие в любом случае		

Таблица 3.

**Функциональные эквиваленты речеповеденческих формул в некоторых универсальных ситуациях приветствия.**

<b>Если разделяет большое расстояние</b>	
Взмах рукой ладонью вперёд Наклон головы вниз	
<b>Если в комнату входит женщина</b>	
Мужчины встают	
<b>Если в комнату входит пожилой или уважаемый человек</b>	
Все встают	
<b>Если встречаются знакомые мужчины</b>	
Вербальное приветствие/кивок головой Приветствие + рукопожатие Приветствие + рукопожатие + похлопывание по плечу/спине	Вербальное приветствие/кивок головой Приветствие + рукопожатие Приветствие + рукопожатие + дружеские объятия + поцелуи в обе щеки
<b>Если встречаются знакомые женщины</b>	
Приветствие/наклон головы Приветствие + поцелуй в щёку Приветствие + дружеские объятия Приветствие + акколада	Приветствие/наклон головы Приветствие + поцелуй в щёку Приветствие + дружеские объятия Приветствие + рукопожатие
<b>Если встречаются знакомые мужчина и женщина (не родственники)</b>	
Приветствие/наклон головы Приветствие + наклон головы Приветствие + рукопожатие Приветствие + поцелуй в щёку Приветствие + акколада	Короткое вербальное приветствие

**Список литературы:**

- Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета: Формы доброжелательного обхождения: 6000 слов и выражений / 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 670 с.
- Мустайоки А.* Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего//Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с.
- Формановская Н. И.* Вы сказали «здравствуйте». Речевой этикет в нашем общении. М.: Знание, 1989.160 с.
- Шанский Н.М.* Русское языкознание и лингводидактика. М.: «Русский язык», 1985. 239 с.

*ШлейермахерФ.* Герменевтика/ Перевод с немецкого А.Л. Вольского. СПб.: «Европейский Дом», 2004. 242 с.

*Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе/ Перевод с итальянского А.Н. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

*Тришин В.Н.* "Электронный словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS".2013



Электронное научное издание

IV Международный научно-практический форум  
«Языки. Культура. Перевод»  
03 – 10 июля 2016 г.  
Материалы

*Издание не подлежит маркировке  
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 436-ФЗ*

Подписано в печать 23.06. 2016 г. Формат 60x90 1/8  
Тираж 100 экз.

ООО «Издательство ФОРУМ».  
101000, Москва, Измайловский вал, д. 30 стр. 4.  
Тел. (495) 9631855.  
E-mail: forum-knigi@mail.ru  
Сайт издательства [http: // www.forum-books.ru](http://www.forum-books.ru)